Прозаический, поэтический
перевод и примечания

Ровшэна КАФАРОВА

Редактор **Сиявуш МАМЕДЗАДЕ**

Али Илдырымоглу. Воздаяние: Роман.
Баку, "Нурлан", 2006. – 468 стр.

Али Илдырымоглу - выдающийся азербайджанский писатель и публицист, один из патриархов национальной литературы, автор десятков книг, снискавших ему заслуженную славу в республике. Предлагаемый ныне вниманию читателей роман "Воздаяние" - последнее в ряду эпических творений мастера. Это - исполненная драматизма история, главными персонажами которой являются жители высокогорного азербайджанского села, а временем действия - сталинское лихолетье. В произведении, проникнутом высочайшими гражданским пафосом и лиризмом, утверждаются исконные нравственные идеалы азербайджанского народа.

И $\frac{4702000000}{N - 098 - 2006}$

© "Нурлан", 2006

ИСКУССТВО СЛОВА

Штрихи к портрету писателя и публициста Али Илдырымоглу

Естественный ход вещей как в природе, так и в обществе, детерминированность во времени любого рода явлений, неизбежное преобращение ручейков в мощный поток - всё это управляет уровнем и динамикой развития всего сущего, проявляя себя также и в специфике творческого процесса. В последнем названная универсальная стихия предстаёт с предельными логикой и убедительностью.

И в этом смысле может представляться показательным путь становления писателя и публициста Али Илдырымоглу, хорошо известного у нас как в литературных кругах, так и в широкой читательской среде, - путь последовательного мужания таланта, ведущий подлинного творца ко всё новым вершинам мастерства.

А.Илдырымоглу - заслуженный журналист республики, лауреат премии "Золотое перо" и многих других, всю свою жизнь проработавший в отечественных печатных СМИ. Какая бы область бытия ни становилась объектом его профессионального интереса, автора этого всегда отличали свежесть взгляда на проблему и оригинальность её преподнесения. Именно в силу этого своего дара А.Илдырымоглу удостоился высокой похвалы от народного писателя Азербайджана Мирзы Ибрагимова, назвавшего его творчество как знаковое явление в национальной журналистике, как пример подлинно вдохновенного литературного мастерства.

Новаторство - вот качество, определяющее художественно-эстетическое кредо А.Илдырымоглу, равно проявляющееся как в его публицистике, так и в оригинальной беллетристике.

В отличие от многих своих коллег, Али-муаллим не случайно пришёл к эпическому жанру, выступив с рассказами, повестями и романами. То был закономерный итог творческого развития автора, коего накопленный жизненный и профессиональный опыт требовал для своего воплощения именно художественно-прозаической формы.

В современном литературном процессе всё большую актуальность приобретает изрядно позабытая научно-теоретическая проблема формирования творческой личности. С особенной рельефностью проблема эта проступает в отечественной романистике. Наша печать, читающая публика, а равно профессиональные, сохранившие совестливость литераторы - все в одинаковой мере несут моральный урон вследствие амбиций армии нагрянувших в искусство ещё не сформировавшихся (речь вовсе не о возрастной зрелости) личностей, самореклама которых имеет вид побрякушек на впряжённых в прогулочные фаэтоны убогих клячах.

Между тем А.Илдырымоглу, хотя и подвизается на ниве монументальной романистики сравнительно недавно (первый его роман был опубликован немногим более двадцати лет назад), занимает место в ряду авторитетнейших отечественных представителей упомянутого жанра. (С вящим сожалением и с болью в сердце приходится констатировать, что последнее время у нас имеет место настоящий бум в названной области, отмеченный появлением большого числа графоманов.)

А.Илдырымоглу чужд спеси, выраженной в принципе: "пусто поле - нет равного мне боле". Прежде всего, таковое "поле", разумея под ним эпический жанр, никогда "пустым" у нас не бывало. С той же поры, как художественная сфера повсеместно в республике меркантилизировалась, доморощенных романистов здесь стало как грибов после дождя. При этом критика взахлёб поёт таковым дифирамбы, обеспечивая им "зелёный" свет при полном забвении "жёлтого" и "красного". Такое количество сочинителей и славословов, правду сказать, удручает.

Между тем А.Илдырымоглу - давно всем известный, серьёзный, принципиальных убеждений прозаик-трудолюбец, подлинный интеллигент, маститый писатель, более 60 лет - поистине обратив своё перо в заступ - прослуживший в отечественных СМИ и заявивший себя как романист, уже будучи автором сотен статей, очерков и фельетонов, десятков рассказов, новелл и повестей, вышедших в целом ряде книг. Он - несомненно, высокой пробы профессионал, мастер слова, всегда остающийся верным правде жизни и пишущий лишь о самолично им увиденном, прочувствованном и пережитом. Никогда не низкопоклонствовал он перед власть предержащими и с самой ранней юности беззаветно трудился на литературном поприще, сумев сохранить молодые задор и энергию и по вступлении в восьмой десяток. "Эпический жанр" - его призвание, "прозаик" - заслуженный титул.

Ещё в 80-е годы прошлого столетия, в статье "Исконный голос жизни", специально посвящённой творчеству А.Илдырымоглу, народный писатель Азербайджана

Байрам Байрамов призывал равняться на этого писателя молодое поколение отечественных литераторов. Б.Байрамов, в частности, отмечал:

"В Али очень сильно выражена склонность к литературному творчеству, и он отменно наблюдателен. Я посоветовал бы той части пишущей братии, что правду жизни ищет на небесах и в отвлечённых грёзах, прочесть Али Илдырымоглу, чтобы, наконец, проникнуться реальными проблемами нашего бытия и понять, как надлежит их преподносить. …Обращение пытливого журналиста к художественной прозе - явление закономерное, и качество художественных произведений названного автора есть несомненное свидетельство творческой его состоятельности".

Первые же шаги в беллетристике у А.Илдырымоглу сразу переходят в мощную решительную поступь, в чём убеждаешься, прочитав такие его книги, как: "Маяки", "Писать - не писать", "Чинарлы", "Скорбь", "Телепат", "Нестираемые следы", содержание коих глубоко пафосно, а с идейно-эстетической точки зрения - безукоризненно. То же в полной мере следует отнести и к сборникам очерков, рассказов и повестей А.Илдырымоглу, среди которых: "Раскалённые строки", "Тот самый человек", "Журналист поневоле", "Мой отец батрак", "Снежные ночи" и др.

Известный русский литератор Д.Гранин писал: "Жанр романа несёт в себе способность представления человека и мира во всех их сложности и богатстве. Роман позволяет рассмотреть и выяснить пути решения самых актуальных и насущных проблем современности. …Отражая исторические процессы и их тенденции,

борьбу идей и жизненную правду, исполненный социальной направленности, роман сам по себе является субъектом истории".

Примечательно и весьма позитивно то обстоятельство, что А.Илдырымоглу, используя названный потенциал жанра и всемерно реализуя собственные профессиональные навыки и талант, сумел создать эпические произведения, различные по тематике, но в одинаковой мере эстетически полноценные, социально значимые, исполненные высокого духа гражданственности.

Впитав в себя весь продуктивный опыт отечественной романистики, А.Илдырымоглу обогатил её как тематически, так и формально, будучи автором глубоко оригинальным в своём отношении к действительности и восприимчивым к новым веяниям в искусстве - качества, создавшие ему имя в национальной литературе и выдвинувшие А.Илдырымоглу в когорту лучших её представителей.

Наглядным подтверждением тому служат перечисленные мною выше эпические полотна мастера, и в особой мере - предлагаемый ныне читателю роман "Воздаяние". В этих произведениях, наряду с композиционными и поэтико-содержательными достоинствами, объективно усматривается искусство автора представлять частные события в глобальном преломлении, придавать конкретному периоду истории отдельного народа вселенскую масштабность, тонко воспроизводить внутренний мир и переживания персонажей, а кроме того, создавать острые, динамично развивающиеся коллизии. Вследствие этого устремления и чаяния

литературных героев, их психология и личные судьбы предстают у А.Илдырымоглу как отражения социально-политических проблем целого общества, по сути своей будучи сугубо национальными.

Эпическая проза А.Илдырымоглу, в которой события преподносятся исключительно под углом зрения "азербайджанства", в плоскости концепции "независимой народности", представляет исторические факты в художественно-монументальном обличии.

Великий средневековый мыслитель, учёный-теолог и мистик М.А.Наджафи в своем религиозно-философском трактате "Зубдат Ал-Хакайиг" (Высшие истины) писал: "Венец творения - Человек. Царственный Бальзам, целительный Эликсир, Сосуд, воплощающий мироздание, Зеркало вселенной - Человек Разумный, который также есть светозарная душа Мира".

Из этой гениально выведенной и научно обоснованной философом истины проистекает, что роман, как Книга, отражающая образ Человека - главного объекта художественного исследования (вспомним известный тезис: "литература - человековедение"), есть способ познания не только Личности, но Мира. А поскольку и Мир и Человек взаимно отражают сущность друг друга, художественное произведение, декларирующее идеи света и добра, подвигает нас к Чистоте, делая её нашей наперсницей.

Не только роман "Воздаяние", но и другие эпические произведения А.Илдырымоглу полны этого, направляющего к Чистоте ярчайшего, проливающегося настоящим потоком Света, источником коего является Океан речи. Самый же упомянутый "поток", вызванный

к жизни заботой о будущем Человечества, прививает художественно-литературное, зачастую - провиденциалистское, восприятие грядущего, рассматриваемого в этико-философском и, вместе с тем, в сугубо национальном ключе. Как романист, А.Илдырымоглу обращается к таким пластам самосознания и этики своего народа, что произведения его в их совокупности делаются фактом общенационального значения.

"Поэт - величина непреходящая" - эти слова, высказанные выдающимся русским поэтом Александром Блоком о своём великом тёзке - Александре Пушкине, я бы смело и с гордостью предпослал А.Илдырымоглу, в особенности же памятуя об идейно-эстетической подоплёке романов этого автора. Каждый из них - и "Раскалённые строки", и "Тот самый человек", и "Журналист поневоле", и "Мой отец батрак"", и "Снежные ночи", и, наконец, "Воздаяние" - явления непреходящей ценности в истории азербайджанской романистики, подлинно жемчужины национальной нашей прозы. И отрадно, что каждое новое произведение А.Илдырымоглу неизменно становится значительным фактом не только собственной творческой судьбы писателя, но культурной жизни всей страны. При этом неуклонное движение по восходящей вовсе не преисполняет автора чванством, не делает его пленником собственного успеха, но, напротив, только десятикратно обостряет в нём чувство авторской ответственности. Воистину талант писателя-труженика беспределен!

Судьба А.Илдырымоглу, эликсиром творческого долголетия которого является самая жизнь, в этом смысле напоминает чем-то (видимо, такая схожесть

биографий закономерна для подлинно талантливых людей, независимо от места и времени их жизни) судьбу Максима Горького и португальского писателя, лауреата Нобелевской премии Жозе Сарамаго. Пришедший в литературу, как и Горький, из социальных низов, А.Илдырымоглу, отвечая на соответствующие вопросы коллег, говорит в духе названного классика: "Тропа, ведущая к пику, начинается в ущелье. Идти вверх надлежит от самого дна". Таков был личный путь нашего романиста к вершинам творчества. Талант А.Илдырымоглу это, прежде всего, подвижнический труд.

Обратимся в этой связи к собственным высказываниям писателя. Так, на вопрос: "Что необходимо для того, чтобы стать хорошим журналистом?", он отвечает следующим образом:

"Если хочешь сделаться достойным журналистом, нужно к капле таланта добавить девяносто девять - трудового пота… Писать - дело мучительное. К мукам подобного рода нужно уметь притерпеться и встречать их с открытым забралом, как то и должно мужчине!"

Вот он - испод творчества, вот она - высокая мера ответственности мастера, исконное качество подлинного таланта!

Всемирно известный португальский писатель Жозе Сарамаго свою речь при вручении ему Нобелевской премии начал так:

"Самые мудрые люди из тех, что я знал, не умели ни писать, ни читать. Они вставали в четыре утра и водили на выпас скотину. И жили с того, что скотина эта им давала. Моего деда по матери звали Жеренимо Мелриньо, а бабушку - Жозефа Кайшинья, и оба они были

неграмотны…" Летними вечерами допоздна засиживался мальчик под старой, как сам его дед, смоковницей, зачарованный волшебным блеском "Пути Святого Якова" - так в ту пору называли у них в деревне Млечный путь, - зигзагом беззвучной реки начертанный на сводчатом небе, и пусть символически, но первые уроки профессионального мастерства Жозе воспринял именно от своего деда, чтобы двинуться затем к "Млечному пути" собственного оригинального творчества. "…Мне не спалось, и ночь преисполнялась рассказами деда: легенды и были, трагедии и кошмары, невообразимые происшествия, давнишние смертоубийства, сражения посредством копий и камней, сказания отцов и дедов - нескончаемый поток этих воспоминаний не давал мне уснуть и в то же время слегка убаюкивал. …Всё это лишь ко мне одному имеет причастность. Один мой дед - североафриканский бербер, другой - пастух, легендарной красоты бабушка, строгие и красивые лица родителей, цветок на картине… какой ещё генеалогии следует доискиваться?! И для чего вообще нужно взбираться на чужое родовое древо?!. Уверен, сказанного вполне достаточно, чтобы уяснить себе, откуда я родом, из какого материала скроен и почему таков, каков есть".

По-видимому, всем талантливым личностям Создатель придаёт характеры и психологию по некоему единому образцу. Аналогичные приведённым выше имеются воспоминания и у Гюго, и у Бальзака, и у А.Пушкина, и у Л.Толстого, и у Ю.В.Чеменземенли, и у С.Рагимова, и у С.Вургуна, и у десятков других выдающихся писателей.

А.Илдырымоглу всечасно помнит о своей генеалогии, мотивами которой неизменно проникнуты его романы, однако обращается к ней вновь и вновь. На примере романов "Тот самый человек", "Раскалённые строки", "Журналист поневоле", "Снежные ночи", "Мой отец батрак" и "Воздаяние" мы отчётливо видим, что биографическая линия в творчестве этого автора - ведущая, благодаря чему умеем составить себе объективное представление об исконных корнях маститого писателя.

Обращает на себя внимание поразительная схожесть ощущений А.Илдырымоглу, описанных им в 2004 году, на пороге его восьмидесятилетия, с теми, что имели место у ранее упомянутого португальского писателя и о которых тот поведал в проникнутой мудростью своей речи.

В статье "След мой и слово моё" - послесловии к роману "Снежные ночи" А. Илдырымоглу, в частности, отмечает:

"После "снежных ночей" неизбежно наступает весна. Не знаю как для кого, но для меня эта весна - семьдесят седьмая по счёту. Мудрая, чуткая, печальная, важная и одновременно избыточная пора моей жизни. Многое уже позади, мало что остаётся, но не угас ещё юношеский пыл - страстное желание жить и творить. Сколько замыслов теснятся в душе, обращая к себе все мысли мои и грёзы в ожидании часа их осуществления! Возможно, именно вследствие этого Господь доныне не призвал меня к себе. Взяв меня за руку и оберегая от всяческих напастей, Он из начала минувшего столетия привёл меня в новый век. Спасибо Ему, не мне роптать на Создателя!.."

И далее А.Илдырымоглу с писательской обстоятельностью вспоминает свою родословную, ставшую важнейшим фактором формирования его как творческой личности:

"Наука человечности" была преподана мне моими родителями. Их путь воспринимал я, как благословленный Всевышним. И впоследствии уже никакая сила, ничьё влияние не могли свернуть меня с дороги, завещанной мне этими мужественными и благочестивыми людьми. Благополучие снискал я на стезях Господних, двигаясь по стопам Мешади Аллахверена, Мешади Паши, Мамедбагира, Амраха, Илдырыма, Фатьмы, Гевхер… - их дух преисполнял меня чувством собственного достоинства, помогал мне во дни одиночества. Если Надежда закрывала предо мной одни свои двери, то неизменно растворяла другие тогда и там, где я и не предполагал их встретить. Всё это принимал я как промышление Господне. Без конца возносил я благодарственные молитвы к Всевышнему, никогда не оставлявшему меня в беде…"

Затем А.Илдырымоглу, подобно Жозе Сарамаго, как бы вскользь указывает на то, "из какого материала скроен":

"Я столь подробно написал о днях моих вчерашних и нынешних, всё разъяснил о себе и растолковал, чтобы о благородстве моих кровей известно было и в будущем, чтобы и тогда все ясно сознавали, какого корня есть Илдырымзаде".

Эти высказывания проясняют нам как подоплёку личностной и творческой состоятельности А.Илдырымоглу, так и природу литературных его героев. Стано-

вится совершенно очевидно, с кого списаны Упрямец Джахангир, Глухарь Багир, Слепец Гашим, Фараджкиши и другие образы романа "Воздаяние", из какой конкретно среды происходят прототипы последних и благодаря чему реальные характеры поднимаются у автора до уровня типических, представляющих тюркские этико-моральные ценности. Хотя подобный творческий метод привычно квалифицируется как "автобиографический", в данной связи, как нам кажется, более пристало говорить именно об "автопсихологизме", имеющем отправной своей точкой "генеохарактер", каковой и трансформируется в образы, извлекаемые автором из собственной генетической памяти.

На соответствие действующих лиц произведений А.Илдырымоглу реальным персонажам указывает большинство литературоведов и литературных критиков. К примеру, анализируя роман "Журналист поневоле" в своей статье "Учебник жизни", проф. Алигейдар Гашимов пишет: "Али Илдырымоглу - конкретный прообраз и живое воплощение созданных им положительных, вызывающих симпатию героев, сдержанных в общении, не впадающих в уныние перед лицом тягостных испытаний, не обласканных суетной славой и упорно борющихся за справедливость".

Нимало не оспаривая эту мысль, отметим, однако, следующее. Художественные образы, в которые трансформируется индивидуальность писателя и подмеченные им жизненные реалии, в свою очередь, как в мировоззренческом, так и в психологическом плане, воздействуют на самого писателя, через такое посредство приобретающего черты собственного человеческого идеала и, таким образом, совершенствующего себя как личность.

И в этой связи можно наблюдать черты несомненного взаимного сходства у писателя - А.Илдырымоглу и персонажей его произведений, подобность, особо зримо проявляющаяся в аспекте духовно-нравственном.

В романе "Воздаяние", как, впрочем, и в других творениях мастера, авторская борьба за национальные этические ценности, поставленные под угрозу разрушения, является неким лирическим лейтмотивом, и декларирование морали наших предков - которой проникнута самая кровь писателя - с использованием всех богатств родного языка обращено, прежде всего, к новому поколению наших соотечественников.

А.Блок писал: "Писатель приходит в мир, чтобы обнажить своё сердце перед духовно страждущими… Вернуть исчезнувшую из русской жизни Правду - писательский наш долг…"

В этом смысле можно говорить об идеологической "консервативности" А.Илдырымоглу. Он занимается восстановлением отнятых у нации и в итоге повсеместно преданных забвению её ценностей - реанимацией исчезающей "Правды" Азербайджана. Характерен в данной связи важнейший из эпизодов "Воздаяния", действие коего происходят в 30-е годы XX века, по преимуществу разворачиваясь в горном селении Галача. Один из центральных в романе - образ несравненной красавицы, библиотекаря Ганиры, девушки образованной, высоких моральных принципов, вдумчивой и серьезной. Автор убедительно и с откровенной сим-

патией описывает её манеру говорить, отношение к родителям и братьям, готовность к труду, к противоборству тяготам жизни и проч. и проч. Однако добродетель и духовность этой простой сельской девушки подвергаются массированному покусительству. Новое - большевистское правление, тяжкая атмосфера колхозного строительства, явившегося следствием политики коллективизации, тотальный пресс НКВД, вообще психологический фон означенного исторического периода воспроизводятся в романе главным образом через призму жизни горного азербайджанского села, что позволяет концентрированно представить реалии того времени. Оплот мужества, доблести и благочестия, коренящихся на исконных этических установлениях нашего народа, село Галача превращается в удельное владение шельмеца Спесивца Сафтара, сына Бесштанника Гасыма. Исповедуемые в селе на протяжении вековой его истории моральные критерии постепенно нивелируются. Сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, - партиец, благодаря своей сестре, любовнице важного чиновника - Гюльпери, поставленный во главе колхоза: обеспечив себе здесь абсолютную власть, знай гарцует себе на гнедом жеребце. Этот самый надменный Сафтар, будучи "голодранцем" как по рождению, так и по своей сути, посягает на честь Ганиры… Казалось бы, тривиальная ситуация, аналогичная тем, с которыми неоднократно встречались мы во многих литературных произведениях. Однако в "Воздаянии" разрешается она вполне оригинально: чтобы защитить своё доброе имя, девушка кончает с собой, бросившись в топь Девебатан. И это при том, что Сафтар только-то и сделал, что

дотронулся до Ганиры, решительно воспротивившейся его домогательствам, - картина, которую привелось наблюдать главному герою романа - Джахангиру-киши, прибежавшему на девичьи крики о помощи. Тем не менее последующее самоубийство Ганиры преподносится как акт естественный, совершенно соответствующий духу "старой морали": истинно благочестивой девице пристало поступить именно так, дабы не уронить собственной чести.

Примечателен эпизод, в котором в полной мере выявляется нравственная высота Ганиры. Эпизод этот - предшествующий гибели девушки, в котором через внутренний монолог героини передаётся вся сила её отчаяния:

"…назавтра история эта станет достоянием всей Галачи, и люди начнут перешёптываться: "Слыхали, в саду застигли Ганиру с председателем колхоза, причём в самом непристойном виде!" Меня будут клясть и вовсю обзывать "гулящей девкой". Сподобившись общего презрения, я сделаюсь позором для моих родителей и братьев. О Господи, за что воздал Ты мне такой карой?! Неужто до конца моих дней нести мне на себе клеймо безнравственной, распутной женщины?! Не только отца с матерью, моих братишек и самый наш род - я целую деревню на весь свет ославила! Так зачем же Ты породил меня, о Незримый?! Вправе ли нечестивица, вроде меня, ходить по земле Галачи, дышать чистым её воздухом, пить её воду, есть благословенный её хлеб, смотреть в глаза её жителям?! Нет и ещё раз нет!.."

Таким образом, вынесение себе девушкой смертного приговора ясно мотивировано. Как видно из монолога,

главной заботой Ганиры являются даже не её близкие, но именно родное село, земля его и люди, репутации которых позор девушки способен нанести урон. В этом - нравственное величие героини, в поступке которой усматривается стремление автора к возрождению национально-этических идеалов прошлого.

Романы А.Илдырымоглу отличает предельная реалистичность при одновременной метафоричности изложения. В стиле этого автора ощутима фольклорная составляющая, выражающаяся в простоте и единстве сюжета, в поэтике, близкой к сказочной и присущей величайшим эпическим преданиям нашего народа. Строго дозировано и в чётком соответствии с конкретным действием романа используются Али-муаллимом легенды, пословицы и баяты, - компоненты, обусловливающие своеобразие художественной манеры этого мастера.

Атрибуты авторского стиля: язык, последовательное и, вместе с тем, достаточно свободное развитие коллизии, вкрапление "мистических элементов", простой синтаксис и специфичность построения фраз, обеспечивающая их определённое интеллектуальное и эмоциональное воздействие, речевая афористичность, а также широкое применение диалектной лексики - есть впечатляющий творческий арсенал мастера.

Широкое использование писателем архаической лексики, исчезнувшей из современного обиходного языка, и редко употребляемой фразеологии, а кроме того, значительное число "крылатостей" авторского сочинения - всё это вместе, создавая некий сказочный флёр, эпико-фольклорную атмосферу в произведении,

поэтически его обогащает, придаёт ему искренности и непосредственности, располагающе воздействующих на читателя, словом - привносит в повествование ощутимый национальный колорит. Приведём некоторые из характерных для "Воздаяния" фразеологизмов: "не открой ларца, коли нет купца", "о ближнем печёшься - в огне испечёшься", "брошенный в спину, камешек в лодыжку угодит", "не тронь кузнеца, с горя спавшего с лица", "не садись в седло, коль оно мало", "навесь замок на роток" и т.д.

Значение фольклоризмов в ходе становления авторского стиля отмечал ещё М. Горький: "Пословицы многому меня научили, и в частности - мыслить афористически".

Художественному мышлению А.Илдырымоглу, так же как и литературно-фольклорному, присуща метафоричность, а также фабульность, речевая чистота и повествовательная последовательность. В романе "Воздаяние" не найдёшь каких-либо вычурностей, он формально безыскусствен, при том же эмоционально проникновенен и эстетически впечатляющ. В нём каждое событие и поворот сюжета имеют свой собственный художественно-эстетический и морально-семантический код. Особенно значимы в этой связи ландшафтные объекты, такие как: водоворот Девебатан, арык Делме, водяная мельница. Они подняты автором до уровня одушевлённых образов и несут в произведении вполне очевидную идейно-смысловую нагрузку, подспудно воспринимаемые как некие символы, - оригинальное эстетическое новшество в азербайджанской романистике.

Вообще, практика персонификации неодушевлённых объектов и придания им в произведении функций действующих лиц посредством символизации - одна из специфичных особенностей поэтики именно модернистских романов. Отношение человека к живой и неживой природе (скажем, Упрямца Джахангира - к Рыжухе, Спесивца Сафтара - к его жеребцу и т.д.), выяснение меры ответственности человека за существ, приданных в его власть Всевышним, - предмет вдумчивого исследования автора. Эрозия духовных ценностей и этических начал, подобная затяжному стихийному бедствию, вызывает категорический протест у писателя, тогда как носители исконной нравственности описываются у него с глубочайшим сочувствием и любовью, представляемые им как одновременно воплощения и поборники избывающейся целомудренной морали.

Центральным событием в романе является восстановление арыка Делме - оросительного канала, частично проходящего через толщу одноименной горы. Символически это - путь, торимый сквозь бесчисленные нагромождения препятствий. Арык сей некогда проложен был дедами главного героя - представителями славного рода Забыхлы, для орошения обширной Джаянской долины. Однако со временем канал пересох и пришёл в полную негодность - руслище заросло сорняками, запруженное булыжниками и засыпанное землёй. В результате прежде плодородная земля долины захирела, выродились обильные сады её и нивы, и стала она серой бесплодной пустыней, обжитой лишь бурьяном и шипящими змеями. Этот образ - олицетворение сегодняшнего нашего духовного оскудения. Приходящий в

запустение благодатный в прошлом дол... Мы - народ, претерпели столько лишений, что вконец заскорузли снаружи и внутри. Вывод в этой связи однозначен: когда утрачивается национальная идея (пересохший арык Делме), соответственно же убывает сила сплочённости народа и осознания им себя как единого целого (долина Джаян), следствием чего становятся неотвратимо обрушивающиеся на этот народ тягчайшие невзгоды и бедствия. Тогда-то к заблудшим своим сынам и подступают духи их пращуров, пытаясь наставить отступников на путь истинный - путь добродетели, коим искони следовали люди этой земли.

Потому-то стране и её народу (как и долине Джаян) столь необходим герой, подобный Упрямцу Джахангиру - личности высоконравственной и духовной, не манкирующей собственными убеждениями, верной заветам предков, исполненной благочестия и совестливости и удачливой в своих начинаниях. Неспроста именно его избирают духи отцов для выполнения святой миссии:

"…И вот, когда дорогой подошли они к роднику Делме, Джахангир вдруг услышал загадочный голос:

- Эй, Упрямец Джахангир из рода Забыхлы! Я обращаюсь к тебе! Слушай же внимательно и запомни, что я тебе скажу! Пока есть у тебя сила, пока не состарился ты и руки твои мощны, а походка тверда, порадей о старом арыке! Ведь протянут он был именно твоими предками - Забыхлы! Будь уверен: они никогда тебе не простят, если в русло его не вернётся вода. И не найдётся тебе тогда пристанища нигде во вселенной. А если и найдётся, то только в аду!!!

…"О, Аллах, что же это был за голос?!" - думал он. И тут Упрямца осенило: "А что, если был мне глас самого Всевышнего? Или нет, скорее всего, то воззвали ко мне души усопших моих предков!" В голове у Джахангира всё смешалось..."

Нет сомнений, упрёки, выслушанные Джахангиром от негодующего сонма праведных отцов, обращены именно к современным молодым гражданам страны…

Наиболее ёмко мотив "бунта предков" выражает облачённый в ермолку набожный Мир Рахиб в речи, обращённой к Суджеддину:

"- Ты должен знать, - сказал Мир Рагиб, - Аллах разгневан на галачинцев. И обрушившиеся на вас несчастья есть кара Господня. Но вам изначально не дано это постигнуть. Если в муллах у вас ходит Таги, в начальниках - сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, в мельниках - Побирушка Шахназар, а в депутатах - беспомощный Гудрат, значит, деревню постигло подлинное бедствие. Если люди погрязли в интригах, если позабыли они о своих чести и достоинстве, превратившись в рабов собственных прихотей и в перегрызшихся между собою волков, - такому народу не избегнуть напастей! Одумайтесь, пока не поздно! Да, - пока не поздно! Вернитесь к праведному пути! Именно: к праведному пути!.."

По существу, роман "Воздаяние" - это призыв к возвращению на стези доблестных отцов, обращённый автором к своим современникам, призыв к покаянию и одновременно указание способа нравственного воскресения нации.

Главные действующие лица романа - Упрямец Джахангир и его сын Суджеддин. (Я намеренно избегаю здесь термина "главные герои", поскольку в настоящем произведении нет второстепенных персонажей.) Каждый из них выступает как отдельный символ. Так, Джахангир - непримиримый борец с бездуховностью, прямодушный и неколебимый в своих убеждениях - качества, благодаря которым и получил он соответствующее прозвище. Джахангир, можно сказать, подлинный хозяин Галачи, хотя и не облечённый казённой властью. Полководец без войска, он в полной мере оправдывает собственное имя*, будучи местным духовным лидером, хранителем вековых традиций. Беззаветный подвижник, стремится возродить он пересохший арык Делме, чтобы насытить водой Джаянский дол и тем самым устранить насаждённую новой властью социальную несправедливость (для чего готов действовать как заступом, так и найденной им во время работы трёхлинейкой).

В свою очередь, Суджеддин** - ревностный блюститель нравственности, персонификация физической силы, отваги и духовной чистоты, воплощённые Надежда и Любовь. (В финале романа именно он поражает из трёхлинейки приспешников Порока.)

Своё мировоззрение, душевную непосредственность и отношение к жизни юноша всецело унаследовал от отца, от него же переняв моральную чистоту, честность и мужественность. Именно он выступает продолжателем правого дела Джахангира (в результате происков председателя Сафтара тот был осуждён и сослан в Сибирь по облыжному обвинению во вредительстве):

* Властитель мира.

** Доблестный, храбрый.

вознамерившись довершить нравственный подвиг отца, юноша приступает к очистке арыка Делме, таким образом выказывая себя ревнителем родовых традиций и этим подтверждая неразрывную духовную преемственность поколений.

Практически всем персонажам романа автор придал значащие имена, блестяще реализовав этот испытанный литературный приём.

Водоворот Девебатан... Это также образ глубоко символический, одухотворённый и социально значимый. Он олицетворяет концентрическое движение, свойственное мирозданию, времени и конкретным эпохам. Всё светлое и доброе утягивает в себя эта топь. Случается, отвергает она таких типов, как мельник Шахназар, однако, попав в неё, бесследно исчезают и красавица Ганира, и великолепный жеребец Сафтара, дерзнувший возроптать против человеческой дикости. Точно так же чудовищная круговерть 37-го года прошлого столетия поглотила значительную часть генофонда нашей нации, в результате чего бесследно сгинули лучшие, благороднейшие представители азербайджанского народа.

Ещё один исполненный символики образ - водяная мельница. Искони место это почитаемо как благое, дающее людям хлеб насущный. И дабы хлеба этого всегда было вдоволь, чтобы в домах не иссякал достаток, от веку вверялись мельницы попечению лиц безупречных моральных качеств. Однако сменились времена, грянула тотальная коллективизация, и действиями советской власти на селе утвердились порочные порядки, вследствие чего местные мельницы (читай:

родная земля, Отчизна) были отторгнуты у законных их хозяев, таких как Упрямец Джахангир и Глухарь Багир, и отданы в руки людей безродных, бесчестных и корыстных. Последними был закрыт сюда самый доступ для тех, чьими трудами мельницы были сооружены. И такое положение вещей противно было взору Господню.

Мы видим, как, эпизодом ранее вовсю начальствовавший вблизи названной мельницы, председатель - выходец из семьи нищих попрошаек, досаду в связи с собственным греховным беспутством вымещает на своём же гнедом жеребце, немилосердно охаживая того плетью. Не снеся жестокого измывательства над собой, конь бросается в стремнину, в итоге канув в пучине Девебатана. Гибель жеребца предваряется (часто применяющийся в романе стилистический приём) его внутренним, сопряжённым с происходящим действием, монологом. Человеческая жестокость, представленная через переживание лошади, воспринимается как поистине изуверская:

"…От полученных побоев его трясло как в лихорадке. Время от времени он поворачивал голову к своим врагам, негодующе на них глядя. До сей поры конь и вообразить себе не умел, что люди могут быть столь жестокими и беспощадными. И вот теперь и к охотящимся за ним хозяйским приспешникам, и к самому хозяину, от которого безвинно понёс он наказание, жеребец испытывал одну лишь ненависть. В полной мере познавший людское вероломство, гнедой сейчас охотнее предпочёл бы погибнуть, нежели вновь оказаться под человеческой властью. Будь наделён он речью, конь непременно воскликнул бы: "О люди,

вероотступники, вы столь же люты, сколь всемогущи! Не совестно терзать вам безответных своих жертв! Знай наперёд я, сколь вы злобны, я упросил бы Аллаха не отправлять меня в этот мир, или, по крайней мере, не отдавать в руки существ, исполненных, как вы, лжи, зависти и коварства. Тогда бы судьбой моей стала привольная жизнь на диких просторах, которых никогда не касалась человечья стопа!.."

Нет, это не исполненная гнева и ненависти отповедь человеку, но именно призыв к нему сохранить в себе своё исконное гуманное начало и научиться жить в гармонии с окружающей средой. В случае, когда условия эти человеком игнорируются, природа ему мстит.

Три символических образа - арык Делме, водоворот Девебатан и Мельница придают композиции романа очевидную оригинальность, сюжету - свежесть, одновременно же привнося в азербайджанскую романистику ощутимую новизну. Всё это, несомненно, прибавляет произведению художественно-эстетической значимости.

У писателя-романиста А.Илдырымоглу, обладателя незаурядного эпического мышления, имеются свои профессиональные особенности и принципы. Первое - это, присущие по-настоящему большому мастеру, предельные художественная реалистичность и верность жизненной правде. Второе - это стереоскопичность и детализованность авторского видения. Третье - это специфичность языка, плавного по мелодике, легкого для восприятия, воспроизводящего мысль с вящей последовательностью. Четвертое - это способность без нарочитости реализовывать собственные размышления, переживания и ощущения посредством художественных образов, описаний и диалогов. Пятое - это приверженность литературным традициям при очевидной склонности к новаторству. Шестое - это отменное знание сторон народной жизни и национального менталитета, находящее должное эстетическое отражение. И т.д. и т.п.

Относительно творчества А.Илдырымоглу могут иметь место различные точки зрения. Примечательно, однако, то, что все когда-либо рассматривавшие это творчество искушённые критики, и Рафаэль Гусейнов, и Байрам Байрамов, и Гасым Гасымзаде, и Гулу Халилов, и Герай Фезли, и Алигейдар Гашимов, и Ахад Мухтар, и Садыг Шукюров, и Вахид Азиз, и Вагиф Юсифли, и Низамеддин Шамсизаде и многие другие (можно видеть, что всё это представители разных поколений и эстетических пристрастий), единодушны во мнении, не раз всеми ими подтверждённом и обоснованном, а именно том, что Али Илдырымоглу - подлинно мастер высочайшей пробы.

Замечания и суждения, высказанные названными писателями, поэтами, критиками и учёными по поводу беллетристики А.Илдырымоглу, их неподдельные любовь и уважение к этому автору и вера в его дар представляют интерес, кроме прочего, ещё и тем, что из-за сонмов восторженных слов проступают перед нами живые черты выдающегося нашего романиста - образ, исполненный внутреннего света и одухотворённости, таланта и человеческой теплоты…

Вынесенный ныне на общественный суд новый роман А.Илдырымоглу "Воздаяние" - эпическое раз-

мышление о будущности нашего народа, представленное в контексте вакханалии 30-х годов минувшего столетия - поры, в ходе которой подверглись жестоким ударам самые основы нашей духовности и этики. В романе этом вскрываются первопричины бед, переживаемых ныне азербайджанским народом. Данное произведение, остро злободневное по своей тематике, - художественное явление необычайной важности, очередное подтверждение того непреложного факта, что прозаик Али Илдырымоглу - автор с поистине неисчерпаемым творческим потенциалом.

Курбан БАЙРАМОВ,

литературный критик,
кандидат филологических наук

Вечерело. В сумерках постепенно выцветали и зелень садов, и блёстки ягод спелой черешни, и прозрачная голубизна вод. Землеробы небольшими группками расходились по своим домам. Рёв скота и пастушьи окрики более не слышались с ближних склонов. Нарушали тишину разве что плеск воды, гул находившейся неподалёку мельницы да лязг кирки Упрямца Джахангира. Стоящая на привязи рыжая его кобыла вела себя смирно и словно прислушивалась к тому, как работает хозяин. Хотя возможно также, тосковала она по своему жеребёнку.

Несколько дней назад, стреножив кобылу, Джахангир отпустил её вместе с трёхмесячным детёнышем на выгон, что простилался вверх от обочины дороги. Увлечённый работой, Упрямец и не заметил, как питомцы его спустились в ущелье, где жеребёнка задрал укрывавшийся в засаде волк. Почуял неладное Джахангир, лишь завидев вороньё, слетевшееся на жеребячьи останки. Не будь она стреножена, мать, следует думать, смогла бы отбить своё дитя.

Словом, с того самого дня Рыжуха чуть не напрочь утратила аппетит. Подолгу, застыв на месте, вглядывалась она куда-то вдаль. Казалось, не перестаёт ждать она своего жеребёночка, всё верит -

вот-вот выбежит он из-за скалы или же из-за каменной насыпи, со звонким ржанием подскачет к ней, жадно вопьётся губами в тугое материнское вымя... На малейший шум нервно оглядывалась кобыла, востря уши. Между тем дитя её всё не появлялось, и горе снедало Рыжуху, с каждым днём всё более спадавшую с тела.

Есть такое предание. У некоего араба пропала верблюдица. В поисках её исходил он все окрестные сёла, однако решительно никто в округе животного не видел - точно сквозь землю оно провалилось. Проходит несколько месяцев, и вот в одном далёком краю случайно натыкается араб на свою верблюдицу: её тянет за собой некто с окладистой, во всю грудь, седой бородой и с посохом в руке, одетый в долгополую чуху* и в зелёный эммам**. Обрадовавшийся араб подходит к незнакомцу и восклицает:

- Братец, это моя верблюдица!

Тот же, в свою очередь, клянётся и божится, дескать, купил животное на известном базаре больше десяти лет назад. Разгорается спор, накаляются страсти. Оба уже готовы вцепиться друг в дружку. Однако их вовремя разнимают местные жители.

- Есть только один способ доказать, что верблюдица эта - моя, - заявляет араб собравшимся.

- Слушаем тебя! Если и впрямь ты имеешь, чем подтвердить свои слова, то милости просим, - дружно возглашают деревенские аксакалы.

* Вид верхней одежды.

** Тюрбан, чалма.

- У питомицы моей, случилось, погиб шестимесячный верблюжонок, - говорит араб. - И я точно знаю, что от горя на сердце у неё появилась чёрная отметина. Предлагаю: давайте зарежем верблюдицу, и если обнаружим отметину, то, стало быть, правда на моей стороне, и человек этот должен будет возместить мне убыток. Если ж утверждение моё не подтвердится, то, обязуюсь, я продам весь мой скот и куплю вашему земляку хорошего верблюда.

Предложение всеми принимается. Верблюдицу режут, и, действительно, находят на сердце у неё чёрный рубчик. Таким образом, истина торжествует, а бородач в зелёном эммаме оказывается принуждён купить арабу нового верблюда.

Уж и упомнить не мог Упрямец Джахангир, от кого впервые услышал он это предание, однако совершенно точно знал, что и у Рыжухи его от тоски по жеребёнку также появился на сердце чёрный след. Упрямец сочувствовал кобыле и, дабы не усугублять её печали, обращался с ней не столь жёстко, как обычно, - не ругал её, даже если бывал сердит, не нагружал тяжестями, не гонял на дальние расстояния, а главное, не нахлёстывал жгучей нагайкой. Джахангир был неизменно ласков с Рыжухой - оглаживал ей гриву, частенько тёр её скребницей и похлопывал по шее, словом, как умел, нежил животное. В свою очередь и кобыла изъявляла благодарность хозяину, полизывая ему руки и лицо.

Будто мало было Упрямцу Джахангиру собс-

твенных бед, так вот же, ещё свалились на него кобыльи горести. Сопереживая ей, и не заметил он, что наступил вечер и что прочие все работники успели вернуться к своим очагам. Выставив одну ногу вперёд, он, совсем как Фархад, дробил киркой одну из скал, загромождавших руслище. Высоко над головой вскидывал он своё орудие, с такой яростью опуская его, как будто намеревался сокрушить не бесплотный камень, но именно череп бирюка - обидчика его кобылы, а кроме того, головы партийцев-чинуш, отторгших некогда у Джахангировой семьи исконно принадлежавшее ей имущество - поистине райский, сад, мельницу, пару быков да гурт коров и овец - и поставивших во главе села сынка Бесштанника Гасыма - мазурика и выскочку Сафтара. Да-да, это только со стороны выглядело, будто дробит Джахангир скалу, на самом же деле, в душе своей, мозжил он башки "коммунякам", тем самым, от коих он сам и его родичи претерпели столько бед.

Ни перед кем не обнаруживал своих мыслей этот среднего роста широкоплечий осанистый мужчина с чуть одутловатым лицом и неприветливым взглядом. При этом, если уж он вбил себе что-то в голову, разубедить Джахангира не было решительно никакой возможности. Пусть хоть всё село приступит к нему - ничьих резонов не примет. Оттого-то и получил он своё прозвище - "Упрямец". И хоть небо с землёю вместе сойдутся, но если Джахангир что затеял, то непременно доводил начатое

до конца. И ещё - косил ли он траву, управлялся ли с топором или с лопатой, никто не мог в сноровке тягаться с Упрямцем. Нрава он был мягкого, но осерди его ненароком, тут уж всего лучше поодаль от него держаться.

В каждый удар, что Джахангир обрушивал на камни, вкладывал он изрядную порцию обуревавших его ненависти и гнева. И, находясь всецело во власти этих чувств, не ощущал он усталости, равно как не замечал пота, струйки которого заливали ему глаза, вызывая в них обильные слёзы.

Между тем Рыжуха, пристально наблюдавшая за своим хозяином, словно бы желала сказать ему: "Довольно, не мучай себя! Ведь живёшь-то всего только раз! Вот ведь, совсем из сил выбился. Брось-ка ты свои заступ и кирку, да и домой пойдём!"

Несколько раз громко фыркнув, лошадь затем разразилась храпом и ударила по земле тщательно подкованными копытами. Упрямец Джахангир - знаток лошадиного языка, отлично понял, что именно хочет сказать ему животное. Отложив в сторону инструменты, он вышел из проточной канавы и своей неторопливой, размеренной походкой двинулся к лошади. Не спеша отвязал он повод - верёвку из козьей шерсти, - аккуратно перебросил его за гриву Рыжухе, после чего, вспрыгнув на спину кобыле, двинулся по направлению к селу.

Дело, за которое взялся Упрямец Джахангир, трудности было необычайной и едва ли одному человеку посильным - вернуть к жизни пересохший невесть когда ветхозаветный арык.

То и впрямь был чрезвычайно древний арык. Когда и кем был он прорыт, не знали доподлинно даже местные столетние старики. Известно было только, что некогда вода арыка крутила жернова местной мельницы. В народе прозывался он "Делме-арык", поскольку исток его находился аккурат у подошвы щебнистой горы Делме. На одном из своих отрезков руслище тянулось по пятисотметровому туннелю, и один Аллах ведает, как-то сумели соорудить этот коридор внутри основания горы. Так вот, самым хлопотным для Упрямца Джахангира было именно очистить от камней упомянутый туннель - место, куда, сжавшись чуть не в комочек и почти исключительно на спор, только сельские мальчишки и наведывались. Рассказывали, будто некогда Делме-арык длиною был аж в целых две версты и воды его с избытком хватало для полива земли по всей долине. Согласно преданию, вода в протоке исчезла в один из весенних паводков, когда необычайно мощным селем была смыта запруда на здешней речке, с той поры навсегда поменявшей своё русло. Случилось ли это десятки, сто или же всю тысячу лет назад - неизвестно, очевидно было лишь одно - арык во всё обозримое прошлое неизменно оставался сух. И сколько же гектаров пахотных земель лишились столь необходимой им влаги! Некогда благодатные, здешние сады все зачахли. Вместе с водой арыка ушёл из Галачи былой её достаток. Позднее здесь прорыт был новый арык, однако воды его едва доставало для возделывания

риса и для орошения местных садов и огородов. Не однажды галачинцы постановляли ввести в действие старую протоку, но дальше благих намерений дело у них так и не пошло. Даже сам Упрямец Джахангир не сразу отважился взяться за эту работёнку.

Правду сказать, давно уже лелеял он мысль о восстановлении порушившейся запруды и очистке руслища от камней; давно прикидывал, как бы подвести воду к иссохшей земле, поспособствовав тем возрождению края. При том, однако, Джахангир опасался, что, взявшись за неимоверный сей труд, завершить его не сможет, а значит, навеки опозорит своё имя. Но всего более тяготило Упрямца именно поселившееся в его душе сомнение: а сумеют ли должным образом оценить односельчане его самоотвержение? Не зря ведь говорят: о ближнем печёшься - в огне испечёшься! Нешто ж Сафтар, сынок Бесштанника Гасыма, соблаговолит удостоить Джахангира приличествующей его подвигу награды?! Это Спесивец-то, который расхаживает с таким важным видом, что впору поклоны ему бить, и оставляет безответными чужие приветствия!

С той поры, как назначили его председателем колхоза, Сафтар зазнался вконец - на всех глядит свысока. Такую завёл повадку, будто не кто иной как он - сынок Бесштанника Гасыма, нагромоздил окрестные горы, будто не на хребте Серого Быка, но на его, Гасымова отродья, плечах покоится

матушка-земля, и вздумай он ими, плечами своими, повести, как мир тотчас потеряет опору и грянется в тартарары. Безгранична милость Твоя, Господи! Но сколь же беспамятным и наглым существом делается человек, ухвативший постромки власти! И ведь, по сути-то говоря, Спесивец Сафтар ни в чём не виноват - весь грех на тех нечестивцах, что поставили его сельским головой. Где им уразуметь, что босяку вовек не преобратиться в бека, как холмику не вырасти в гору!

Года полтора назад мыслями этими поделился Джахангир со своим соседом - Глухарём Багиром. Тогда, в беседе с глазу на глаз, приятель ему заметил:

- Прежде всего, соседушка, чем больше ты знаешь, тем менее следует болтать. А во-вторых… давай говорить начистоту: разве ж в числе других не поднял руку и ты, когда Сафтара председателем выбирали?! Коли он так тебе не люб, нужно было и голосовать соответствующе. А махать кулаками после драки - доблесть невелика. Так что не след тебе расточаться на пустые разговоры. Брошенный в спину камешек, как водится, в лодыжку угодит. Да и у стен, известно, уши имеются! Хорош Сафтар или плох, но он в деревне - главный, и вокруг немало его наушников и угодников, которые, услышав твои слова и кое-что прибавив к ним от себя, сейчас же поспешат с докладом к Спесивцу. А случись такое, после уж хоть кори себя, хоть нет… Небось не при Николае живёшь, нынче - власть

Советов. А уж она-то и быка телиться принудит. К тому же, в районе Сафтар во все кабинеты вхож. Сейчас-то ведь их, проходимцев вроде него, время. Сболтнёшь лишнее - того и гляди этакое на тебя навесят, что лиха после не оберёшься.

Слова соседа задели Джахангира за живое.

- Да как только не совестно тебе такое говорить! По мне, так пусть хоть вешают! Всяк, на свет рождённый, - смертен... Но неужели ж и с тобой наедине не могу высказать я того, что меня мучит?! Так вот же, не стану поступать я по твоему совету. Лишь трусы умирают дважды!

Но даже негодуя, Упрямец Джахангир ни на мгновение не забывал о том, в какие времена он живёт. А потому, несколько поуспокоившись, уже примирительным тоном, он прибавил:

- Впрочем, я ни в чём тебя, сосед, не виню. Ты прав. Просто накипело на душе, сердце болит. Взять хоть овец, ведь и тем вожака в пору гона выбирают. Чабан такого рогача над отарой ставит, что любо-дорого посмотреть. Вот сколько лет, Багир, с тобою мы соседствуем, сколько вместе хлеба-соли отведали, а слыхал ли ты за все эти годы от меня хоть одно неподобающее словцо?

- Нет, Джахангир, перед лицом Аллаха признаю, - не слыхал, - ответствовал Глухарь Багир.

- А видел ли ты когда-нибудь, чтобы во главе баранты шёл облезлый козёл? - исподволь распалялся Упрямец. - И что нынче за времена - среди нас, галачинцев, и одного приличного "барана"

сыскать оказалось слабо! Назначили нам в начальники недоумка и прощелыгу, который и за собственной женой углядеть не способен. А мы, вот же, рукоплещем всему, что он ни скажет. Точнее, к тому нас под палкой обязывают. Клянусь Аллахом, когда Спесивца Сафтара утверждали председателем, я и не голосовал за него и в ладоши ему не хлопал. Признаться, хотелось мне тогда встать с места да и выложить райцентровскому агитатору всё, что я думаю о его шельмеце-выдвиженце, хотелось бросить: по чести ли это - сынка Бесштанника Гасыма властью над людьми наделять?! Неужто ж во всей деревне не нашлось никого подостойней этого бездельника, отпрыска безродного попрошайки?! Даром что в земельном отделе района заправляет непотребная его сестрица Гюльпери… или как там её?! И то сказать, хороша "Гюльпери"* - вздорная бабёнка, поменявшая неизвестно сколько мужей! Только и осталось, что корону ей на голову водрузить! Супруг её - личность также достославная, за лошадками господскими ходит, хвосты жеребчикам подвязывает. И вот, чтобы ублаготворить эту самую Гюльпери, Галачу - селение о пяти сотнях дворов, отдали в управление прохвосту. Вот ведь дожили! Поистине беда не приходит одна! Словом, хотел я открыть сундучок, да и выдать им впрок, но, хоть и насилу, удержался. Решил: чёрт с вами всеми! Да и какой прок, скажи сосед, был бы от моих слов? Кто бы к ним прислушался? Заткнули

* Фея цветов (азерб.).

бы мне рот да и усадили бы на место, и стал бы я меж людьми точно отверженный. Верно говорится - не открой ларца, коли нет купца. Воистину золотые слова! Знаешь наперёд - слушать тебя не станут, навесь замок на роток. Негоже мужчине достоинство своё терять. Потому-то, когда сынка Бесштанника Гасыма ставили председателем, клянусь Аллахом, я и руки не поднял и слова одного в его поддержку не молвил.

Произнеся это, Упрямец Джахангир достал из кармана своего пиджака горсть табака и, свернув самокрутку, закурил. Чуть погодя, положив руку на плечо погрузившегося в раздумья Глухаря Багира, Джахангир вновь повёл речь:

- Ты, сосед, человек, жизнь повидавший, коли неправ я - вот тебе моя голова на посечение. Скажи - дескать, ты, Джахангир, в этом и в том неправ. И будь я проклят, если обиду на тебя затаю!

Но Глухарь Багир упорно молчал. И тогда Упрямец заговорил снова.

- Сосед, - сказал он, - не зря говорят: не тронь кузнеца, с горя спавшего с лица. Как вспомнится мне, что кругом творится, прямо места себе не нахожу. Душа болит из-за их бесчинств. Ведь, ты только погляди, людей не стыдясь, протаскивают в народные депутаты пастуха Джабраила, который и двух слов связать не умеет. Нам же говорят - дескать, давайте, голосуйте за него! Ну скажи на милость, какой депутат может выйти из человека, который всю свою жизнь провёл в горах и даже

имени своего написать не способен?! Между тем повсюду лозунги развешали, красными буквами писанные: изберём, мол, в народные представители самых достойных! Депутат - ведь это ж народный избранник, верно? Так за каких же, спрашивается, дураков и ничтожеств нас держат?! Багир, сколько лет мы знакомы, ради Аллаха, скажи честно, случилось ли от века в Галаче у нас хоть одно печальное или радостное торжество, на котором бы пастух Джабраил признаваем был за человека? Когда и где довелось ему выступить аксакалом, помирить кровников или же чей-то спор уладить? И выходит, значит, что вся бодяга эта затеяна для того лишь, чтобы на стороне говорили - вот, мол, истинно государство рабочих и крестьян, если даже каких-то пастухов за людей там почитают. Клянусь Аллахом, да они просто играют с нами, забавляются, как с детьми. Лично против пастухов я ничего не имею - работа у них мужественная и трудная. Вот и предки наши все как есть пастухами были. Да и Джабраил, по совести говоря, совсем не бездельник. Я только то хочу сказать, что барану своё место положено, а козлу - своё. Пастух же, ну какой из него депутат? Депутату должно обо всём на свете понятие иметь, чаяниями народными жить, о людях печься. А теперь только и жди, что понаедет сюда шушера райцентровская и заставит нас выбирать кого ей вздумается - всяких там Степанов Фёдоровичей Емельяновых, Исаханов Пилиевых, Амруллахов Дадашовых и прочую пришлую пуб-

лику. Будь проклят мой отец, если кого-то из них я хотя бы глазком видел! Откуда знать мне, что за птица этот Степан и чем он занимается? Они же, ровно палачи какие, приступают к тебе с занесённым мечом и давай понукать: голосуй, дескать, за этого иль за того. Прямо-таки порешить тебя готовы! И вот же, нет погибели этому государству аферистов и пройдох. Да как же, спрашивается, голосовать мне за человека, который по-нашему не говорит и языка которого сам я не понимаю, который отродясь никогда в доме у меня не был и, попади я в беду, помочь мне не придёт?! Как голосовать мне за того, кому ровным счётом наплевать, существую я на свете или нет?! Воистину начальство наше ни святых не признаёт, ни самого Бога. Как говорится: сами родят, сами пеленают, сами же и пуповину обрезают. При том ведь считается, что все-то они нашего роду-племени. А в действительности - ну какое депутату до нас дело?! Только изберут его - тотчас нацепит на грудь себе красный значок, об одном лишь заботясь, чтобы раз в месяц оторвать от кресла депутатский свой зад для получения жалованья. Вот и всё, на что они горазды. А избиратель - пусть он теперь хоть сдохнет. И правда, кому мы нужны?! Кто из депутатов хоть раз, скажи, приехал узнать, как-то мы живём, есть ли у нас прокорм?! Не обессудь, сосед, но сердце у меня прямо на части разрывается, и нужно мне высказаться сполна. Так вот, кругом всё ложь! Нас держат за кромешных дураков и тешутся над

нами, как над обезьянками. Но долее продолжаться так не может. Если внизу - царит насилие, то наверху - всеведающий Судья. Просто уж мочи нет терпеть бесконечные происки и враньё. А потому, пусть убьют меня, но к арыку Делме я и близко не подступлю. Очень надо мне мучиться, жилы себе рвать, восстанавливая старую протоку, чтобы завтра сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, стал повсюду форсить, дескать, это его радениями ожил арык и мёртвая дотоле земля вновь плодоносной сделалась. Мне потами исходить, а почесть вся - ему?! Так нет же! Плешивый, говорят, по воду не пойдёт, а посему не почитай, сосед, меня за простака. За галачинцев готов я и смерть принять, а вот ради Бесштанникова сынка и пальцем о палец не ударю. И то сказать, если в тёмном туннеле под горой со мной что случится, кто позаботится о моих сиротах, кто хлебом их обеспечит?! Это Спесивец-то Сафтар?! Нет-нет, кум, арык Делме - не по мою жилу!

Так решительно, поначалу, настроен был Джахангир. Однако позднее рассудил он по-другому. И подвинуло его к тому одно обстоятельство, о котором осведомлён был лишь Глухарь Багир. Произошло нечто невероятное, в миг преобразившее Упрямца.

Случилось это прошлой осенью. В самую пору листопада, закончив работу на рисовой плантации, возвращался Упрямец домой. Стояла темь, такая, что волка от собаки едва отличишь. Рыжуха вскоре

должна была ожеребиться, и Джахангир вёл её в поводу, а не ехал верхом, поскольку опасался навредить кобыле и её плоду. Судя по тому, как Рыжуху раздуло, родить ей предстояло буквально не сегодня завтра, а потому Джахангир воздерживался от того, чтобы основательно нагружать животное - на спину лошади набросил он лишь парутройку вязанок сухого хвороста.

И вот, когда достигли они руслища Делме, Джахангир услышал вдруг загадочный голос:

- Эй, Упрямец Джахангир из рода Забыхлы! Я обращаюсь к тебе! Слушай же внимательно и запомни, что я тебе скажу! Пока есть в тебе сила, пока не одряхлел ты и руки твои мощны, а походка - тверда, порадей о старом арыке! Ведь протянут он был именно твоими предками - Забыхлы! Будь уверен: они никогда тебе не простят, если в русло его не вернётся вода. И не найдётся тебе тогда пристанища нигде во вселенной. А если и найдётся, то только в аду!!!

Джахангир был не робкого десятка. Приставь к его виску пистолет, и тогда бы не отступился он от своего. Но от явившегося ему голоса мороз пробирал по коже, волосы ставали дыбом…

- Бисмиллах! Бисмиллах! - прошептал Упрямец, молитвенно проведя ладонью по лицу.

Он огляделся вокруг. Однако ничего нового не увидел - всё те же очертания гор и скал, с трудом различимые в темноте. "Может, померещилось?" - подумал он.

Ведя лошадь, он направился к ближнему ручью, зачерпнул из него воды и омыл лицо.

- Бисмиллах! Бисмиллах! - повторил он, вновь совершив салават*.

Потом Джахангир в задумчивости огладил Рыжухе густую шелковистую гриву, пряди которой свисали ей на глаза. Отступив на шаг, безмолвный, долго он вглядывался в темь, скрадывавшую окрестные косогоры и утёсы. "О, Аллах, что же это был за голос?!" - гадал он. И тут Упрямца осенило: "А что, если сам Всевышний явил мне свой глас? Или нет, скорее всего, то воззвали ко мне души усопших моих предков!" В голове у Джахангира всё смешалось. Давешний таинственный голос можно было принять также за стон замшелых пней, что остались от прежних, усохших от безводья, садов. Даже в журчании чистейшего прохладного родника, подле которого стояли Джахангир и его лошадь, чудился Упрямцу некий укор. Точно бы вся окружающая природа - горы, утёсы, кустарник - в один голос пеняли бедняге. Всё это напоминало кошмарный сон. Единственно верная Рыжуха в гнетущие эти минуты держала сторону Джахангира. Совершенно ничем не смущаясь, по-матерински ласково полизывала она широкие его плечи и потное лицо, обдавая хозяина душистым запахом соломы. И это проявление беззаветной любви, за которую он был несказанно благодарен лошади, Упрямца утешило и преисполнило духом.

* Здесь: ритуальный жест по совершении молитвы.

Ещё некоторое время постоял он тут, озираясь по сторонам. Ничего - лишь тихий шёпот родника нарушал зыбкую тишину. Джахангир взял под уздцы лошадь и, погружённый в свои думы, побрёл дальше.

Некогда довелось ему прочесть несколько религиозных книг, из которых он кое-что почерпнул о ночных видениях и духах, а кроме того, о чудесных свойствах луны, звёзд и солнца. Вот почему давешнее происшествие не очень Джахангира напугало.

Упрямец никогда не учился в школе. Будучи ребёнком, был он отдан отцом в ученики к Мулле Таги - получивший в оплату своих трудов яловую буйволицу, тот втолковывал мальчику основы шариата. "Делай с ним что хочешь, - наказывал отец мулле. - А будет лениться - смело пускай в ход палку. Научи его арабскому языку и духовным законам!"

Мулла Таги человек был простой и обходительный. В деревне его почитали как чрезвычайно набожного праведника. Пустых разговоров он не любил, держался с достоинством и лишнего не болтал. Единственный мулла на деревню в целых пятьсот дворов, был он равно со всеми приветлив. Когда в соседних сёлах случалась нужда в духовном заступнике и руководителе, неизменно обращались к нему.

- …Мулла, дорогой, дойная моя корова сегодня не вернулась с пастбища, в поле осталась, так уж ты помолись, чтобы волк её часом не задрал…

- …Мулла, сын с невесткой что-то ссориться зарядили. Помолись-ка за них…

- …Мулла, стыдно сказать, но моя дочь уж три года как замужем, а всё бездетная ходит. Мы с мужем извелись вконец, ни пить ни есть не можем. И к кому ни обратимся за советом, все одно твердят - дескать, только мулла в этом деле вам пособник. Сделай же милость, помоги…

Мулла был длинноус и седобород, имел полное лицо и широкий нос. Правое своё ухо он всегда затыкал ватой, а голову покрывал чёрной ермолкой. Принимал подношения он от всех без разбору, затем удаляясь с просителями в отдельную комнату и там выслушивая их пожелания.

В доме у него Джахангир обыкновенно молча сидел в уголке, зазубривая духовные книги, а также упражняясь в письме. По временам знакомился он и с собственными сочинениями своего наставника.

Как-то в один из морозных дней прибежал к мулле Насир - однорукий муж Сакины, отец одиннадцати чад, и дрожащими губами пролепетал:

- Мулла, мать моих детей умирает. Уж мы все лекарства перепробовали - никакого проку. Говорят: теперь лишь на муллу уповать нам следует. Помоги! Я в долгу не останусь. Помолись о выздоровлении Сакины. Оправится она - все одиннадцать моих крошек век благословлять тебя будут…

Семейство Однорукого Насира было едва ли не самым бедным в деревне. Уж, кажется, не осталось тут человека, кому бы Насир не был должен. Левое

своё предплечье потерял он в армяно-азербайджанскую резню, но, как ни лез из кожи вон, того, что удавалось заработать ему одной рукой, чуть хватало тринадцати душам на одежду и прокорм. Тем не менее, зная муллу, пришёл он к нему не с пустыми руками, но прихватив с собой молодую хохлатку и два фунта пахты. Курочка была его собственной, пахту же Насир вымолил у соседа.

- Да исполнится твой дом достатком! - возгласил мулла и отложил в сторону подношение, после чего присел на колени и написал заклинание:

Сакина, ах Сакина,
На холме стоит одна.
Дела нет Мулле Таги,
Хоть в могиле спи она.

Из-за учительского плеча Джахангир украдкой прочитал эти вирши.

Написав их, мулла распрямил стан, сложил листок треугольничком и, приняв важный вид, протянул цидулку Насиру.

- Возьми это, зашей в чёрную, величиной с ладонь, тряпицу и положи недужной под подушку, - сказал мулла. - Правда, ты опоздал дней этак на десять-пятнадцать, ну да ничего. Для Сакины-баджи* написал я очень сильное заклинание. И зваться мне лжецом, ежели не выздоровеет она в три дня.

- Мулла, у нас в деревне ты - единственная лю-

* *Баджи* - сестра (азерб.): обращение к ровеснице.

дям помога, - рассыпался в похвалах Однорукий Насир. - Храни тебя Аллах! Пусть же беды по твою душу все падут на моих кур. - И, отвешивая низкие поклоны, удалился.

С лукавой улыбкой на губах, священник проводил его взглядом, между тем как стиснувший зубы Джахангир давился от бессильной злобы.

В тот вечер мальчик вернулся домой угрюмый. Казалось, тронь его - гневом весь изойдёт. Состояние сына не укрылось от отца, однако последний ничем этого не обнаружил. Джахангир решил не уведомлять родителя о давешнем происшествии. Во-первых, потому, что не терпел сплетен и злословия, а во-вторых - не имея желания расстраивать отца сообщением о плутнях Муллы Таги. "Да и что толку, если я о них расскажу?! - про себя размышлял подросток. - Только и сподоблюсь что всеобщего презрения. А может, ещё и камнями побьют меня галачинцы. Дескать, все как есть муллу почитают, а этот молокосос, от горшка два вершка, осмеливается клеветать на святого этого человека! И сколько ни клянись я, ни божись, всё равно никто никогда не поверит тому, что Мулла Таги - тип двуличный, что он откровенно морочит бедных крестьян, пользуясь их невежеством и простодушием. Поди и проклятье ещё нашлют на мою голову за то, что ославил я собственного учителя!"

Хоть и юн был Джахангир, но мудро рассудил никому, даже отцу с матерью, не рассказывать о

том, как глумится над людьми Мулла Таги, и вообще о чём-либо, происходящем у того в доме. И ещё подумалось Джахангиру, что обмолвись он о непотребствах священника, в особенности же об издевательском заклинании, написанном для Сакины, то навлечёт этим позор на всю деревню. Соседи непременно заключили бы: если даже благочестивый и богобоязненный тамошний мулла на деле есть прохвост и мошенник, то что тогда говорить об остальных галачинцах!

Ни за ужином, ни отходя ко сну не мог избавиться Джахангир от донимавших его мыслей.

Утром, как обычно, умывшись и позавтракав, отправился он к Мулле Таги. Перейдя через дорогу, паренёк вдруг услышал чьи-то отчаянные вопли. Остановившись, Джахангир посмотрел в сторону, откуда те доносились. Возле дома Однорукого Насира толпились люди; оказывается, на рассвете Сакина скончалась, и соседи и родственники пришли проститься с усопшей. Самые облака, плывшие от взгорья, выглядели хмурыми, как будто также спешили к скорбному месту.

Во дворе у священника Джахангира обдал аромат чыгыртмы*. Под плетнём валялась отрезанная, с выпученными глазами, голова той самой курицы, что накануне поднёс Таги муж опочившей Сакины. На печном огне, в небольшой медной сковородке, жарилась курятина. Мулла, в ермолке и с длинными чётками в руках, сидел в коридоре, развалившись

* Яичница с жареными птицей или овощами.

на подушках мягкой тахты, и что-то мурлыкал себе под нос. Увидев Джахангира, он приветливо обронил:

- Сынок, ступай-ка в заднюю комнату и как следует повтори то, что я задал тебе накануне. Сегодня у меня не будет времени заниматься с тобой. Я зван на поминки, и там меня уже ждут. Сказал же я Насиру: отчего ты, болван, пришёл ко мне так поздно? Сделай ты это хотя бы двумя-тремя днями раньше, и написанная мной молитва спасла бы несчастную! Так что сам он виноват. Под силу ли Мулле Таги оживить без пяти минут преставившуюся! Ведь Азраил уже подступил к больной, когда я писал для неё заклинание. Потому-то и оказалось оно недейственно.

Хоть собрался мулла идти на панихиду, на лице у него не было и тени печали. Наоборот, он прямотаки весь сиял, как будто отправлялся на свадебное торжество.

Джахангир прошёл в маленькую комнатку, где обычно занимался, собрал свои тетради и книги и тотчас подался обратно. Не попрощавшись с муллой, в молчании покинул он учительский дом. Несколько раз Таги окликнул Джахангира, но тот не пожелал и оглянуться на его призыв...

С той поры Джахангир у муллы больше не появлялся. И сколько ни урезонивали мальчика отец и друзья-товарищи - все увещевания пропали даром. Джахангир был твёрд в своём решении, поколебать которое не дано было никому.

…Подрос Джахангир и, по примеру родителя своего, приобщился к шанцевому снаряду - секачу, топору, лопате, сохе, мотыге и кирке. Помогал отцу во всём. А когда тот скончался, взвалил на свои плечи бремя забот о семье. От тяжкого физического труда ладони Джахангира сызмала сплошь покрыты были мозолями.

* * *

Галачу, одно- и двухэтажные дома которой в беспорядке лепились на поросшей полынью белой горе, населяли, по существу, семь-восемь семейств. Гасымлы, Бейзаде, Сары, Лахичи, Гарабашлы… Сам Джахангир происходил из рода Забыхлы, будучи одним из лидеров своего клана. Когда-то именно представителями последнего сооружён был арык Делме. Вот почему так заботило Упрямца восстановление пересохшего ручья. Однако, вследствие начавшейся коллективизации, он вынужденно отказался от этой затеи. Правда, желание исполнить задуманное продолжало жить в его душе. Ведь история арыка была связана с именем "Забыхлы", а потому возрождение родника Джахангир почитал для себя делом чести. И оттого, как ни гнал он от себя думу об арыке, образ последнего продолжал преследовать его неотступно. Но случилось так, что колхоз отнял у Джахангировой семьи всё, ею нажитое, да к тому же ещё сельским головой поставлен был Спесивец Сафтар, сын Бесштанника

Гасыма, в результате чего у Джахангира враз опустились руки. Однако голос, услышанный Упрямцем накануне, нежданно воодушевил его, одновременно же повергнув в трепет. Боязливым назвать Джахангира было никак нельзя, да и благодаря общению с Муллой Таги прибавил он в опытности. Так, он убеждён был, что смерть совершается исключительно по воле Аллаха и что будь ты хоть шахом, хоть нищим, но избежать физического конца равно не дано никому, а значит, для человека нет ничего глупее, чем противиться собственной судьбе, как, впрочем, и испытывать трепет перед нею. Именно поэтому, ничуть не испуганный, в совершенном спокойствии, вёл он в поводу свою Рыжуху, направляясь домой. И думалось ему при этом о бессмертии человеческой души, продолжающей жить и после того, как плоть обратится в тлен.

В отношении же таинственного голоса Джахангир полагал, что был то обращённый к нему зов пращуров Забыхлы. По-видимому, души их пребывали в смятении оттого, что арык, оставленный ими потомкам, пересох и заброшен. Будь они прокляты - и колхоз, и этот ублюдок Бесштанника Гасыма! И всё же, считал Джахангир, несмотря ни на что, он просто обязан восстановить арык - хотя бы из почтения к памяти предков. Дело это будет угодно как самому Аллаху, так и Его рабам. Жители же Галачи в своих молитвах благодарно станут поминать усопших Забыхлы. И то сказать, ведь единственное предназначение человека - это

творить добро. И негоже, ожесточившись сердцем на нечестивцев, отказывать добропорядочным людям в исполнении их заветных чаяний!

Так, раздумывая, достиг Джахангир пределов Галачи, держа путь прямиком к родному очагу.

Заслышав его шаги, супруга Джахангира - Зохра немедленно застелила любимую его тахту маленьким тюфячком, а затем, выйдя на веранду, стала растапливать медный самовар. Сын Упрямца - Суджеддин, отложив в сторонку учебник, поспешил навстречу отцу, принял у него повод и отвёл Рыжуху в стойло. Дочка же - Новресте с вящим усердием принялась помешивать в сковороде жарево. Обратившись лицом к хлеву, Джахангир крикнул сыну:

- Поставишь лошадь, сейчас же беги к Багиру-киши*. Скажи, если не затруднит его, пусть к нам пожалует. Есть у меня к нему небольшой разговор.

Суджеддин расторопно задал лошади корм, после чего, выбежав из сарая, стремглав помчался к дому Багира…

Джахангир и Багир искони соседствовали. И от века не случилось у них ни одной размолвки. Дружили они семьями. Даже сторожевые псы обоих подворий ладили между собой. И зиждилась взаимная приязнь двух семейств, прежде всего, на том почтении, которое питали друг к другу их главы. Джахангир и Багир неизменно трудились вместе - и на косьбе, и на сборе урожая, и в посев-

* *Киши* - просторечное обращение к взрослому мужчине.

ную. До коллективизации на паях держали они мельницу, что стояла на берегу реки. Некогда жернова для этой мельницы, на быках, с немалыми трудами, из Карабаха доставили сюда деды закадычных друзей. На горной лачинской дороге телега перевернулась, вследствие чего один из жерновов чуть надтреснул, тем не менее, обтянув его железным ободом, камень сумели-таки приспособить к делу. Пользовались мельницей не только галачинцы, но также жители семи окрестных деревень. Прибыль друзья по-братски делили поровну. Однако с приходом новой власти мельница была национализирована и поступила в ведение колхоза, так что теперь Джахангир и Багир делились друг с другом не общим прибытком, но общей скорбью.

Багир был старше товарища лет на десять-пятнадцать. Джахангир всегда признавал старшинство соседа и советовался с ним во всяком важном для себя деле. Багир, в свою очередь, также крайне уважительно относился к Джахангиру, никогда и ни в чём тому не отказывая. Однако ныне Багир был уже не тот, что прежде. Годы давали себя знать, силы его убывали, и больше не мог он исполнять тяжёлую работу наравне с Джахангиром. С Багира, что говорится, песок посыпал, и теперь подвизался он охранником фруктовых садов, что стояли на другом конце села.

У обоих друзей имелось по сыну, причём наследника и тому и другому Бог даровал довольно поздно. Невероятно, но мальчики родились в один

и тот же час последнего дня Беюк Чилле*. Потому-то и нарекли их созвучными именами: Джахангирова сынка назвали Суджеддином, а Багирова - Таджеддином. На десятый день после родов Зохре случилось заболеть, у неё пропало молоко, и до самых сороковин малыша её вскармливала мать Таджеддина - Гызъетер. Так-то и стали Суджеддин и Таджеддин молочными братьями. Учились они в одном классе, ходили в школу вместе и были воистину не разлей вода. Разве что спали они порознь, каждый у себя дома.

Обернувшийся чуть не в одну минуту, Суджеддин уже стоял перед отцом, вытянувшись в струнку, как радивый солдат, докладывающий о выполнении приказа.

- Папа, я всё передал дяде Багиру, - отчеканил малец. - Он только задаст корма мулу и сейчас же придёт.

Но едва мальчик сказал это, как послышались шаги самого Багира.

- Что опять приключилось, сосед, какие могут быть дела на ночь-то глядя?! - вопросил он и неожиданно закашлялся.

Поднявшийся с тахты Джахангир встретил друга на крыльце. Соседи с чувством пожали друг другу руки и уселись за стол, на котором уже выставлены были ужин и чай. Достаточно долго проговорили они о том о сём, после чего Джахангир, наконец, перешёл к делу.

* Название сорокадневного периода от начала зимы.

- Сосед, - сказал он, - мне, наверное, не следовало бы это говорить, но, ведь ты знаешь, доселе не держал я от тебя тайн и ничего в жизни не предпринимал, не испросив прежде твоего совета. Тебе ведомо, сколь много значит для рода Забыхлы арык Делме. Намедни немало толковали мы с тобой на сей счёт. По чужой воле я и под страхом смерти не подступил бы к нему с лопатой. Упрямый нрав мой хорошо тебе известен. Из-за неладного этого колхоза да нашего осла председателя зарёкся я восстанавливать арык, но, однако ж, признаюсь, ничего с собой поделать не могу. Каждый камешек, каждый холм словно бы нашёптывают мне: эй, Джахангир, имей же совесть, не срамись перед людьми, возроди арык, чтобы на поля и в запустелые сады вернулась вода. Иначе, дескать, духи твоих предков на тебя вознегодуют. Не стану таиться, Багир, даже и во сне нет мне покоя. И вот, после долгих раздумий, я решил преступить мой зарок и взяться за это дело. В конце концов, все мы в руках Аллаха, а потому - будь что будет. Не по-мужски это - из-за обиды на колхоз и на Спесивца Сафтара, Бесштанникова сына, отрекаться от святого своего долга. Многих начальников помнит Галача - наместников, приставов, старост... Вчера - Николай, сегодня - Советы! И один Аллах знает, кого-то поставят над нами завтра! Нет ничего незыблемого. И колхоз этот, и его руководители - всё, всё преходяще. Лишь одна Галача пребудет во веки веков и никуда с места своего не сдвинется.

Сотни, тысячи лет стоит она неколебимо. И я никогда себе не прощу, если, держа зуб на какого-то прохвоста, не верну к жизни арык Делме. В общем, не буду более тебя томить, говорю прямо - я всё для себя решил окончательно. Вот сейчас переговорим мы с тобой, и я тут же двину в правление. И пусть сидит там сын Бесштанника Гасыма, в должности утверждённый всеми мыслимыми правдами и неправдами! Вот уж действительно, из грязи и в князи! Ну да галачинцам нечего объяснять, что это за фрукт! Хоть и поневоле, но с типом этим приходится считаться. И сегодня я намерен всё с ним обсудить самым обстоятельным образом. Выведать, что думает он по поводу арыка и сколько готов положить мне за работу. И приди мы к обоюдному согласию, будь я проклят, если не приступлю к работе с завтрашнего же дня!

- Тебе видней, как поступить, сосед, - улыбнулся Багир. - Вчера пел ты так, сегодня - этак. Ничего не поделаешь - характер у тебя такой. Уж ежели что втемяшится в твою голову, того из неё и обухом не вышибешь. Передумал, ну что ж, я не против, Аллах тебе в помощь! Отцы говорили: восславь строителя, ославь - обрушителя! Господь создал человека для добрых дел. И хорошо, что в отношении арыка ты всё же принял мою точку зрения. Однако и сотней благих намерений не уплатишь одного долга. Дело затеял ты, конечно, хлопотное, но лишь смерть не дано нам одолеть. Всё - в руках человеческих. Сделай как задумал: прежде договорись с

председателем, после - с Богом, да и приступай к работе. Оживёт арык Делме, всем нам будет чем гордиться. И грядущие поколения возблагодарят нас за оставленный им столь бесценный дар. А придёт время, и, как знать, возможно, арык этот назовут твоим именем. Всё, сказать мне более нечего.

Допив чай, оба мужчины поднялись и, восхвалив Аллаха, вышли во двор. Там они распрощались и отправились каждый к себе.

Сделав, однако, несколько шагов, Багир обернулся назад.

- Джахангир, - сказал он, - имей в виду, сейчас - не прежние времена, так что не стоит пререкаться с председателем. Не садись в седло, коль оно мало.

- Будь покоен, сосед, - ответил Джахангир. И спустился под гору узкими проулками, в которые с трудом протискивались гружённые колючками кони.

Проходя мимо свежепобелённого особнячка, в окне второго этажа увидел Упрямец местную учительницу русского языка - Наталью Соколову.

Дом этот был некогда построен богатеем по имени Султан. По смерти отца непутёвые сыновья Султана разбрелись кто куда в поисках прокорма, а ставший бесхозным их очаг вскорости прибрали к рукам дальние родственники покойного. Дом находился неподалеку от школы, и потому его стали сдавать приезжим школьным учителям. Причём совершенно бесплатно. Так, уже второй год жила тут, занимая три комнаты на втором этаже,

незамужняя Наталья Соколова, приехавшая в Галачу по государственному распределению. Остальные комнаты были заперты. Наталья довольно быстро сумела найти с сельчанами общий язык, и постепенно галачинцы к ней попривыкли. Больше не тосковала она здесь, как то было прежде, и чувствовала себя в деревне как дома. Снисходя к её положению, люди вели себя с новой учительницей подчёркнуто обходительно и всячески о ней заботились. Недостатка в продуктах она никогда не испытывала. Соседи с регулярностью снабжали её и маслом, и рисом, кто курочку поднесёт, кто - яичек… Вследствие этого казённого жалованья Наталье вполне хватало, и даже более того, из него умудрялась она выкраивать небольшую часть, которую отсылала родителям. Наталья была бесконечно благодарна сельчанам за их доброту. Так, в одном из писем к своей матери, Валентине Соколовой, практикующему врачу, она писала: "Дорогая мама! Я помню, сколько ты плакала, когда узнала, что направляют меня в Азербайджан. Трудно описать, как сама я тогда исстрадалась. Но вот уже больше года работаю я в одном из дальних азербайджанских сёл, и, о Господи, знала бы ты, какие здесь гостеприимные, надёжные, заботливые и искренние люди! А ведь, наслушавшись дурного о тюрках от моей однокурсницы, ереванки Клары Арзуманян, я, было, заочно возненавидела их. И лишь поближе узнав жителей Галачи, наконец, осознала я всю величину былого моего заблужде-

ния. Мамочка, пишу я всё это для того, чтобы не тревожилась ты о своей дочке. Живу я среди добрых людей. А как красиво моё окружённое горами село, какое здесь приволье, как чист местный воздух и студёны родники!.. Ко мне здесь относятся как к родной. Такого обхождения никогда не видела я даже со стороны наших родственников и ставропольских знакомых. Считай, что пребываю я подле тебя, ты же всечасно присутствуешь рядом со мной. Впрочем, подробно обо всём расскажу при очной нашей встрече. Сейчас же, как матери, открою тебе одну мою тайну - здесь познакомилась я с парнем, пришедшимся мне по сердцу и с которым рада была бы я связать мою судьбу (пишу об этом, чтобы немного тебя повеселить)…"

Была она приветливой улыбчивой девушкой очаровательной наружности - среднего роста, с голубыми глазами и круглым белым лицом. В селе по ней вздыхали многие парни. Смущало их в Наталье единственно то, что носила она узкую юбку, коротко, на мужской манер, стригла волосы и ходила с открытыми руками и шеей. Пожилые галачинки в один голос утверждали, что путёвой жены из учительницы не выйдет вовек. Надо сказать, и Наталье, в свою очередь, нравились юноши-азербайджанцы, и если бы кто-то из них проявил настойчивость в своих ухаживаниях, она, скорее всего, вышла бы за него замуж. В этом откровенно призналась она одной из своих коллег, с которой успела подружиться. Впрочем, справед-

ливости ради следует оговориться: хотя и ходила Наталья с открытыми руками, была она девицей порядочной, тщательно оберегавшей свою репутацию. И скоро в деревне все уяснили, что нечего и пытаться своротить её с пути добродетели.

Как-то раз, пользуясь своим положением, сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, позволил себе высказать Наталье что-то обидное, однако тотчас получил от неё резкую отповедь и был поставлен на место. Так что с той поры не только сам Сафтар, но и другие молодые галачинцы стали побаиваться Наталью. Однако, как говорится, в лесу не без шакалов. И бывало всё же, деревенские обалдуи нет-нет да и задевали её нескромным словцом, всякий раз, впрочем, получая достойный отпор от учительницы, которая никого из них и близко к себе не допускала. Наталья отлично сознавала, что место, где случилось ей оказаться, - далеко не Москва и даже не Ставрополь. В деревне все были друг у друга на виду - и мужчины, и женщины. И здесь не в чести были девицы, не умеющие надлежаще себя держать, стреляющие глазками, а тем паче, - откровенно ветреные. Поэтому Наталья старалась не дать ни малейшего повода для сплетен на её счёт и решительно пресекала заигрывания с нею мужчин.

От кого-то Джахангир слыхал, что увильнувший от армейской службы, недоучившийся в ремесленном училище сын Рябого Гайтары, бездельник Мардан, денно и нощно околачивается вблизи

квартиры Натальи. Назойливость шалопая досаждала девушке, но, как ни урезонивала она его, всё было без толку. И Джахангир давно искал случая изловить Мардана и по-мужски вправить тому мозги. Вот почему взял Упрямец себе в обычай приглядывать за домом Натальи. И девушке о том было известно. При каждой встрече с юной учительницей Джахангир по-отечески заботливо расспрашивал её о житье-бытье, неизменно прибавляя: "Если возникнут какие-то трудности, немедля сообщи мне". Такие слова, исполненные дружеского участия, чрезвычайно воодушевляли Наталью.

Однажды вечером при виде девушки, гладившей бельё, внутри у Джахангира что-то ёкнуло. Оглядевшись по сторонам, он вдруг заметил, как некто, укрывшийся за шелковицей и попыхивающий цигаркой, пристально наблюдает за Натальей. Упрямцу будто иголкой сердце кольнули. "Наверное, опять этот вертопрах бедняжку высматривает", - подумал он. И только было двинулся по направлению к дереву, как тотчас, бросив папиросу, Мардан забежал за стену. Джахангир, вконец рассвирепевший, ринулся к парню. Мардан же, хорошо зная крутость нрава Джахангира и понимая, что сделай он хоть одно неосторожное движение, как тот буквально в пух его развеет, напустил на себя невинный вид и, запинаясь, проговорил:

- Дядюшка Джахангир, у нас коза пропала. Вот, ищу её повсюду…

- Ах ты мерзавец, сын мерзавца! - взъярился Джахангир. - А то я не знаю тебя! Это здесь-то ты козу ищешь?! Отлично известно мне, что именно тебе надобно! Служить в армии, сукин сын, мужества у тебя не хватило - от призыва уклонился, за что и схлопотал два года! Ремесленное училище бросил, не доучившись! Женился, так через год жена от тебя сбежала! Ещё про тебя рассказать, подлец?! И вот теперь вздумал ты поглумиться над бедной русской девушкой?! Убирайся отсюда, и чтоб я больше тебя тут не видел! Самому красная цена - копейка, так, вот же, решил всю деревню нашу опозорить! Чтобы молва по всей округе разнеслась, дескать, в Галаче ни одного мужчины не нашлось, вступиться за одинокую пришлицу! - И Джахангир пригрозил Мардану пальцем. - Не желаю я на ночь глядя марать о тебя руки! Растопырь уши и слушай внимательно. Если по-прежнему будешь ошиваться вблизи этой девицы, если только посмеешь обидеть её - пеняй на себя! Клянусь Создателем, я так тебя отделаю, что твой отец, Рябой Гайтары, пожалеет о том, что с матерью твоей сошёлся! Убирайся же, пока я не набил тебе загривок, пёсье отродье!

Высказав это, Джахангир сплюнул под ноги Мардану, после чего, отвернувшись от него, заковылял в сторону правления. Что же до Мардана, то, славословя Аллаха, он припустил так, что только пятки сверкали...

Между тем Наталья, и не догадывавшаяся о

происходившем за её окнами, отложив в сторону утюг, пролистывала лежавшие на письменном её столе книги, что-то из них себе выписывая...

* * *

По своей охоте Упрямец никогда бы не пошёл туда, где обретался сынок Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, и ни за что бы не стал искать с ним встречи. Но сейчас у Джахангира не имелось выбора - он вынужден был прийти сюда, с деликатностью приоткрыть дверь председателева кабинета, чтобы переговорить с Сафтаром насчёт арыка Делме. В случае успешного окончания переговоров Джахангир получил бы заветное "добро" на осуществление своего замысла. Восстановление арыка Делме было делом не одного-двух дней, но пяти-шести, а возможно, и более месяцев тяжелейшего труда, и от Сафтара всецело зависела самая судьба Джахангирова предприятия.

Против правления колхоза росли тутовые, абрикосовые и ореховые деревья, а также одинокая черешня. В одном крыле одноэтажного здания находилось собственно правление, в другом же совместно располагались сельские библиотека, медпункт, а кроме того, колхозный амбар. Сейчас освещены здесь были только окна кабинетов председателя и счетовода. Бригадиры, заведующие фермами и прочие мелкие начальнички, получив задания на следующий рабочий день, давно уже все

ушли. Прямо у входа в правление стоял местный сторож, куривший папиросу с ядрёным, собственной высадки табачком и оттого по временам покашливавший, что, кроме прочего, должно было напомнить кабинетному начальству о его, сторожа, существовании и преданности: дескать, слышите, я неотступно на посту, и от бдящего ока моего, будьте покойны, ничто не укроется.

Тяжёлой походкой прошёл Джахангир мимо охранника, направившись прямиком к кабинету председателя.

- Разрешите? - спросил он, приоткрыв дверь, и, получив положительный ответ, вступил в комнату.

Позвякивающий ключами председатель, задержавшийся возле только что запертого им сейфа, производил впечатление человека, приготовившегося отбыть домой. С появлением Упрямца он устроился за покрытым кумачовым сукном столом и жестом предложил гостю присесть. Сощурив глаза, Сафтар удивлённо и в то же время с некоторой насмешкой глянул на Джахангира.

- Каким ветром занесло тебя в наш закуток? - спросил он. - Да ещё и на ночь глядя! Солнце ли с другой стороны встало, что ты удосужился, наконец, вспомнить о нас?

- Во-первых, прибыл я с благой целью - да будет вовеки проклято лихо! Солнце же взошло сегодня как обычно, ведь оно не то, что люди, меняющие свои повадки и речи и даже самый цвет кожи в зависимости от обстоятельств.

Сдержанность тона Джахангира стала некоторой неожиданностью для его собеседника. Председатель заёрзал на стуле и, уже приветливо, произнёс:

- Тебе следовало бы почаще заходить к нам, Джахангир-киши. Что-то редко вижу я тебя на наших собраниях. Между тем все мы очень нуждаемся в советах столь мудрого аксакала, каков есть ты.

Джахангир прекрасно понимал, что слова эти пусты и цена им - грош. Спесивец Сафтар был обыкновенным болваном, и не могли ему нравиться натуры цельные, подобные Джахангиру. Однако держал себя Упрямец так, как будто в председателевом чистосердечии нисколько не сомневается. Кивнув, точно в признание правоты Сафтара, он спокойным тоном промолвил:

- Хочу я, чертям назло и как бы то ни было хлопотно, восстановить арык Делме. Затем и пришёл, чтобы узнать твоё мнение на сей счёт.

Взор у Спесивца Сафтара внезапно потеплел.

- Могу ли я противиться доброму почину? Чего желать слепому, как не двух зрячих глаз: лишь бы только один был сносным, а другой - пусть бы и косым. Чихнул ли ты хоть разок, дав мне повод пожелать тебе здоровья?! Однако дело, предлагаемое тобой, чрезвычайно трудоёмкое. Особенно в части расчистки туннеля, проходящего под горой. В детстве как-то раз товарищи привели меня туда, так, знаешь ли, потом на карачках пришлось из подземелья выбираться. После дня два-три в себя приходил. Ладошки, коленки - все были сплошь в

ссадинах и болели так, что ночью я заснуть не мог. Если одюжишь этакую махину, что ж, и я, и весь народ только спасибо тебе скажем. Я лично дам указание об удвоенном начислении тебе трудодней. Однако следует ясно сознавать: заново прорыть и полностью восстановить старый арык - работа нешуточная. Многие брались за неё, но, только доходило дело до расчистки туннеля, сейчас же отступали. Если считаешь, что осилишь такой вьюк - что ж, в добрый путь!

- Ни к чему бегущему думать о падении! - возгласил, выслушав председателя, Джахангир. - И я заведомо принял в расчёт всё, о чём ты изволил высказаться. Ты только дай своё "добро", и ещё - мне нужно знать, сколько за работу будет мне заплачено, а уж остальное - моя печаль. Я возьмусь за расчистку Делме. Все мы - в руках у Аллаха, и будь что будет! От судьбы не убежишь, и предначертанного наново не перепишешь. Уж ежели суждено закончить мне жизнь на этой протоке, значит, так тому и быть. Случится это, так скажут, по крайней мере, что погиб Джахангир в заботах о ближних. Такой конец - почётен. К тому же, будь покоен, тело моё всё ещё крепко, силушка в руках и ногах не истощилась. Так что Азраилу ко мне не подступиться. Боюсь я одного лишь Аллаха. Тот же благосклонен ко мне, поскольку нет на мне прегрешения, способного Его прогневить. Развяжи ты мне руки, я б, с Божьей помощью, завтра же приступил к работе.

Противоречивые чувства одолевали Спесивца Сафтара. С одной стороны, у него вызывало зависть достоинство, с которым держал себя Джахангир: хотелось бы и ему, Сафтару, иметь вид столь же благородный. С другой же - думалось председателю, сколь вольготней стало бы ему жить, сгинь Джахангир в злосчастном туннеле. Ведь чем меньше в хозяйстве таких людей, как Упрямец, тем несравненно легче им управлять.

Беседа продлилась недолго. Джахангир желал как можно скорей покинуть угнетавшее его помещение. В свою очередь, председатель всегда чувствовал себя крайне неуютно наедине с принципиальными и строгого нрава людьми. Вот почему оба одинаково не стремились затягивать разговор и быстро пришли к полюбовному соглашению.

Говоря по правде, до сих пор ничего плохого Сафтар Джахангиру не сделал. Просто последний не мог принять того, что власть в родной его Галаче досталась Спесивцу исключительно лишь благодаря сидящим в райцентре вертлявой сестрёнке да конюху-зятю, начальничьему холую. Отец Сафтара, Бесштанник Гасым, также человек был никчёмный, в доме у которого не то что птицы или скотины - кошки отродясь не водилось. Между тем сын бывшего побирушки уж ежели рот раскрывал, то краснобайствовал вовсю, а держался с таким форсом, как будто именно он, Сафтар, сотворил окружающие Галачу горы. Местные все хорошо знали, что ни денёчком не утрудил он себя заботой

о деревне и что цель его - угрозами добиться безоговорочной власти в колхозе, чтобы наложить лапу на плоды каторжного крестьянского труда. Что до самих сельчан, то разразись среди них мор, Сафтар бы и бровью не повёл.

Именно неприкрытое корыстолюбие власть предержащих вызывало вящее возмущение у Джахангира. Если, думал он, во главе Галачи - сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, а образцом благочестия здесь почитается Мулла Таги, значит, чем-то очень уж сильно прогневили галачинцы Аллаха. Джахангир, впрочем, как мог сдерживал своё негодование и в душе даже благодарил Всевышнего за эту Его немилость. Могло бы всё повернуться ещё хуже, рассуждал он, памятуя о древнем предании. Некогда, как сказывают, голый, забранный бурным селем череп, ударяясь о речные валуны, зарядело твердил: "О Аллах, убереги меня от худшего! О Аллах, убереги меня от худшего!" "Что же твоего-то похуже может быть?" - смеялись над ним люди. И тут поток швырнул голову на острые камни и разбил вдребезги, после чего все, наконец, уяснили причину её страхов.

Как ни презирал Джахангир Муллу Таги, у того он многому научился. Так, именно от Таги усвоил он, что человеку должно быть стойким и безропотно принимать ниспосылаемые ему испытания, а также то, что неблагодарность - один из тягчайших грехов. Потому что может быть ещё хуже!.. Мысль эта преисполняла Джахангира смирением. "Не надо

пускаться в рассуждения, Джахангир, - говорил он сам с собой. - Не вмешивайся в промысел Божий! За каждым подъёмом следует спуск, как каждую ночь с неизбежностью же сменяет день. Занимайся собственным делом! Восстанови арык, проложенный твоими предками, напои изжаждавшуюся землю, оживи пересохшие поля. И пусть деревня твоя заживёт в достатке. Пусть сподобишься ты людской признательности при жизни и благодарственных молитв по смерти!"

* * *

Зима близилась к концу. В воздухе уже ощущалось дыхание весны. Когда Джахангир возвращался из правления, многие крестьяне, уставшие от дневных трудов, уже крепко спали, накрывшись одеялами с головой. Повисшая в чистом небе луна проливала на землю свой свет, борясь с ночным мраком. Изредка в узких проулках, среди беспорядочно разбросанных сельских строений, мелькали одинокие фигуры тех, кто, припозднившись у соседей, теперь возвращался домой. Учащённость клокотания ручья, что протекал в нижней части деревни, указывала на то, что в высокогорье уже начал плавиться снег и талая вода успела достигнуть низины. Собаки с околичных дворов, слыша доносившееся из леса тявканье лисиц, рвались с цепей, заливаясь оглушительным лаем. Из меловых пещер, что находились вверху села, слышались

голоса работников фермы... Джахангир внимал этим, столь привычным его слуху звукам, и нетерпение в нём усиливалось. Целый сонм чувств разом пробудился в его душе.

Когда, отворив массивную калитку, искусно сплетённую им в прошлую осень из ветвей держидерева, Джахангир вступил на свой двор, то сразу увидел Зохру, разогревающую еду для цепного Гарабаша. Здесь же, привалившись к одной из вертикальных опор веранды, находился и Суджеддин - он вышел встретить отца, а кроме того, не пожелал оставить потемну в одиночестве мать. В задумчивости остановился Джахангир подле сеновала и тихо наказал сыну:

- Зажги и принеси сюда фонарь. Зададим скотине корму. Как бы по такой-то долгой ночи не оголодала она. В преддверии весны скотина становится квёлой. Нужно сделать так, чтобы маткам, как опростаются они, было чем кормить свой приплод.

Суджеддин сноровисто затеплил керосиновый фонарь, затем снял его с вбитого в стену веранды гвоздя, после чего вернулся к сеновалу. Джахангир взял с верха стога несколько вязанок сухой, накошенной ещё прошлым летом, травы и с ней отправился к хлеву. Суджеддин сопровождал отца, фонарём освещая ему дорогу. Услышав приближение хозяина, Рыжуха, встрепенувшись, бодро прянула ушами, фыркнула и радостно заржала. Джахангир огладил шею кобылы и поправил по-

пону, сползшую той под брюхо. Потом бросил ей под ноги пол-охапки травы, остаток которой распределил между стельными коровами, что, поблескивая глазами, стояли в дальнем конце густо пахнущего навозом сарая. Быстро со всем этим покончив и убедившись, что скотина более ни в чём не нуждается, он кивнул Суджеддину:

- Пойдём.

При слабом желтоватом свете закопчённого фонаря отец и сын вышли из хлева и заперли за собой дверь. Суджеддин приподнял на светильнике надтреснутое стекло и, осторожно задув фитиль, водворил фонарь на место.

Джахангир прошёл в свою комнату и сел на тахту. Когда Зохра засуетилась, намереваясь попотчевать мужа чаем, тот спокойно произнёс:

- Уж поздно. Какое чаепитие в такой-то час! Лучше постелью моей озаботься - завтра мне вставать ни свет ни заря. И сами бы прилегли: Суджеддину утром в школу идти, да и ты, вижу, с ног валишься. На рассвете, как подоишь корову, приготовь для меня лёгкий завтрак. А обед после уроков принесёт мне Суджеддин.

Зохра не стала возражать мужу. В доме вообще было не принято прекословить Джахангиру. Прав был он или нет, сказанное им всегда принималось как закон. К тому же и Зохра и Суджеддин одинаково воспитаны были в безоговорочном послушании старшим.

Упрямец и Зохра женаты были уже больше

двадцати лет. Как-то близкий друг семьи в шутку спросил у Джахангира:

- Ты выглядишь лет на десять-пятнадцать моложе своего возраста, открой нам, в чём тут секрет?

- Знают его одни лишь жёны, - со смехом отвечал Джахангир. - Это от них зависит, рано состариться мужу или же на годы сохраниться молодым.

До сих пор между Джахангиром и Зохрой ни разу не случилось ни ссоры, ни даже пустячной размолвки. Зохра была простой, хорошо воспитанной женщиной, знающей как себя вести и умеренной в речах. При том же была она замечательной хозяйкой. Прекрасная швея и ткачиха, она слыла подлинной искусницей в пошиве постельных принадлежностей. Словом, мастерица была на все руки.

Жену Джахангир приискал себе сам. Между тем немало красавиц в своё время претендовали на его сердце. И всё то были девицы из знатных, зажиточных семейств. Но хотя происходила Зохра из семьи небогатой, выбор свой остановил Джахангир именно на ней. "Истинная красота - в обхождении, а не в пригожести", - любил говаривать он. Внешняя прелесть преходяща, справедливо полагал Упрямец, так же как и богатство, а вот ум и воспитание, они даются человеку раз навсегда. В ту пору кумушки вовсю нашёптывали Зохре - дескать, образумься, ничего-то у вас с Упрямцем Джахангиром не сладится, и зачем, мол, тебе мрачный этот гордец?! Всегда хмур, отродясь никто улыбки на лице у него не видал. Такой в два счёта и святую в

могилу сведёт! Неужто же хочешь ты быть денно и нощно битой?!. Ах, из подобного увальня вовек приличного мужа не выйдет!.. И что же отвечала Зохра?.. "А мне и нужен такой вот суровый мужчина - к чему супруг, коль он на бабу похож?!."

Короче, эти двое полюбились друг другу, между тем как родня у молодых единодушно была против их союза. И всё же верх взяли Джахангир с Зохрой, со дня своей свадьбы зажившие душа в душу.

Был у них всего только один сын. До Суджеддина у Зохры родилось целых шестеро детей. Однако все они с неизменностью умирали, не прожив и недели. Говаривали, что причиной тому была загадочная женская хворь у Зохры. Однако, смилостивившись над супругами, Аллах в конце концов одарил-таки их наследником, а немногим позднее и наследницей, нарекли которую - Новресте. Неустанно молила Зохра Аллаха, чтобы не отнимал Он у неё с мужем хотя бы этих двух деток.

Суджеддин рос видным, крепким и смышлёным парнем. Учился он хорошо, в школе никогда не было к нему нареканий. Кроме того, малый он был редкостной отваги, поистине бесстрашный. Всё-то, казалось, ему нипочем. Никто из сверстников не умел одолеть Суджеддина, когда, как это между ними принято, ребята мерялись друг с другом силой. Одерживал он верх даже над подростками, несколькими годами его старше. Тем не менее никогда не похвалялся он собственной удалью, не выставлял её напоказ. Застенчивый в присутствии

Джахангира, он был трепетно нежен с Зохрой. В деревне даже полагали, будто привязанностью к матери превосходит он всех юных сельчан. Соседи поражались: рядом с Зохрой юноша держался тише воды, ниже травы. И многие завидовали этому счастью Джахангира и его супруги. "Наших оболтусов, тех вовек не докличешься! - не без некоторой зависти говаривали в Галаче. - А тут один малец - и тот молодец!"

А вот Багиру с женой не повезло. Когда надумал он жениться, родители сказали ему - дескать, выбери, сынок, себе невесту по душе. Дескать, мало ли в селе красивых девушек, ты только имя назови, а уж мы-то её для тебя сосватаем! Но не зря в народе говорят: соседская девица женишку не глядится. Ни одна из галачинских барышень не пришлась Багиру по сердцу, и суженую свою умыкнул он из деревни неподалёку. Звали девушку Гызъетер, и была она десятью годами его моложе. Первые дни в доме у мужа Гызъетер вела себя тихо, как то и положено новобрачной. Однако стоило только ей родить, как, уверовав, что утвердилась она на новом месте прочно, Гызъетер сделалась истинно ядовитой змеёй. Ни за что нельзя было её ни переспорить, ни переговорить. Не раз, бывало, лупцевал Багир жену за вздорный её характер, однако переделать Гызъетер не было решительно никакой возможности. Оправившись от очередной трёпки, она сейчас же вновь выказывала природный свой норов.

Двоих своих дочерей выдали супруги за парней из дальних мест и, бывало, годами с ними не виделись. Впрочем, и молодицы не особенно скучали по своим родителям. Ни одна самого коротенького письмеца ни разу им не прислала. Из девиц в отчем доме теперь лишь Миная и обреталась. Девушка привлекательная, повадкой, однако, была она вылитая мать. В этой связи люди даже сказывали: Гызъетер и Миная - ломти одного каравая.

Был Багир человек степенный и выдержанный. По большей части старался он просто не замечать недостатки Гызъетер, мирился с ними. "Если разведусь, - рассуждал он, - вину за разрыв люди целиком припишут мне. К тому же, легко ли это - расстаться с матерью четверых твоих детей! Это чтобы в чужом доме она очаг растапливала?!. Да что тогда обо мне скажут?!. Столько-то лет вместе прожили!.. В конце концов, пусть язык у неё и гадючий, зато женщина она порядочная, не из тех, что мужа способны опозорить! Уж здесь-то характер у неё твёрдый, мужской!.."

Так худо-бедно и уживался Багир с Гызъетер, хотя стоило это ему немалого душевного напряжения.

Между тем родня Гызъетер вовсю выговаривала сварливице, ставя ей в вину то, что, дескать, именно по её милости так рано поседел и сделался болезнен Багир. Хотя, надо признать, после того, как подрос Таджеддин, стала она значительно поспокойней. Более не бушевала Гызъетер столь яростно и не терзала мужа так настойчиво, как, бывало, прежде.

Нравом Таджеддин походил на Багира. Тем не менее мать свою любил он ничуть не меньше, чем отца. Таджеддин был единственным сыном в семье. И потому родители буквально дрожали над ним, исходя от волнения всякий раз, когда случалось ему где-то задержаться вечерком.

* * *

В ту ночь Джахангир никак не мог заснуть. Всё ворочался, будто под простыню ему гороха просыпали. Неотступная дума владела Упрямцем. Лишь под утро забрала его дрёма, да и то вскоре разбудил его рёв скота. Так толком и не выспавшись, поднялся он, оседлал Рыжуху и ("Ну, с Богом!") вскочил в седло...

Вечером, когда возвращался он из правления, всё небо усыпано было звёздами. Но после полуночи окрестные горы сплошь укутал туман. Теперь же морок, застилавший долину, постепенно уходил вверх, и горные вершины, как и сельские сады, прояснились. Мокрые мшистые скалы сочились росными каплями. Весёлым щебетом приветствующие утро, птицы бойко перелетали с дерева на дерево. Снег давно уже бесследно стаял, и, в нетерпении ожидающие прихода весны, цветы поднимали свои головки над проволглой землёй, яркостью своих красок уподобив долину пёстрому ковру. Алычовые деревья, густо разросшиеся на солнечной стороне стоящих друг против друга

скалистых гряд, облеклись в белоснежный вешний цвет, своим видом радуя поспешающих на работу людей. Но, погружённый в собственные мысли, Джахангир не замечал всего этого великолепия. Занимало его лишь одно - как и с чего надлежит начать ему первый день предстоящей грандиозной работы, которая в картинках вся стояла у него перед глазами.

Сель полностью размыл участок арыка, тянувшийся по дну ущелья. Вновь прокапывать здесь канаву не было смысла, поскольку очередное же половодье непременно бы отправило насмарку весь труд. У Джахангира вызрело решение: в горловине теснины, глубиной метров в пятнадцать, надлежит построить прочный фундамент - стену в человеческий рост, поверх которой навести акведук. Тогда никакой сель не смог бы более порушить арык. Будь в распоряжении у Джахангира металлические трубы, столь кропотливой работы, разумеется, не потребовалось бы. Теперь же ничего другого ему не оставалось, как только, срубив толстое дерево, пробуравить в стволе сквозное отверстие, дабы посредством этого канальца соединить два отрезка арыка. Именно поэтому первые несколько недель восстанавливал Джахангир наименее повреждённые части руслища, а когда, наконец, подступил к прогону в теснине, немедля верхом отправился в лес...

Перейдя каменный мост, принялся взбираться он по ведущей к чаще крутой, петляющей между

камней тропе. С крупа Рыжухи стекали пенистые капли пота. Вскоре Джахангир сошёл с кобылы и далее повёл её в поводу. Не желая удлинять себе путь, он не подался в глубь леса, а стал приглядываться к ближним деревьям. Завидев Джахангира, пёстрые сойки затеяли перелетать с дерева на дерево, тревожно щебеча, как будто бы оповещая обитателей леса о появлении в урочище незнакомца с топором. В конце концов, стараясь не быть обнаруженным лесником, Джахангир всё же нашёл прямой, должной толщины дуб - то самое дерево, какое и было ему нужно. Чуть поодаль от него привязав кобылу, Упрямец вооружился топором и секачом. Дуб, точно одушевлённое существо, тотчас почувствовал, что его будут рубить, и обмер в ожидании неотвратимого конца. Но когда Джахангир попробовал на остроту только что заточенное им лезвие топора, великан вздрогнул и посыпались с него сухие жёлуди, которые произвел он для того, чтобы продолжиться в новых побегах.

Судя по всему, Джахангир сознавал происходившее в душе у дуба. Однако, после продолжительного раздумья, он решился-таки, во имя арыка Делме, дерево это срубить. Как будто проникшись драматизмом минуты, Рыжуха замерла в неподвижности, вдаль устремив печальный свой взгляд. У кобылы имелась собственная забота - ведь именно ей предстояло тащить поваленный дубовый ствол по местным узким тропкам и труднопроходимым перевалам.

Джахангир одет был тепло, но, на всякий случай, прихватил-таки с собой тулуп. В своё время отец наставлял его: "Сынок, отправляясь летом в дальний путь, бери с собой тулуп, а уж зимой решай для себя сам!" Дельность родительского совета Джахангир успел отлично оценить. Каким бы упрямым он ни был, однако наущениям старших всегда следовал прилежно.

Чтобы быть свободнее в движениях, Джахангир снял с себя верхнюю одежду, повесив её на ближайшем кизиле. Затем, поплевав на ладони, взялся за топор, высоко занёс его над головой и что было сил хватил им по дубовому стволу. От зарядившего металлического звона тотчас задрожали деревья вокруг и, казалось, встрепетал весь лес. Пёстрые сойки, которых в народе прозывают "лесничими", подняли невероятный гвалт. Орлиная пара, свившая себе гнездо в верхней части леса, на вершине неприступного, поросшего кустарником утёса, взмыла в небо и принялась парить. Стук топора переполошил всю лесную живность...

Между тем, широко расставив ноги, Джахангир без передышки наносил удары по дубу. Лезвие топора рассыпало брызги белёсых искр по корневищу дерева. Ствол был уже наполовину подсечён. Решив передохнуть, Джахангир распрямился и отложил в сторонку свой топор. Его рассеянный усталый взор скользил поверх линии впечатанного в небосклон кряжа.

Чуть пониже верхушки горы, на уступе, разли-

чалась чета косуль: животные стояли тесно прижавшись друг к дружке, в страхе, что в угодье нагрянул охотник. Напуганные стуком топора, звери чутко озирались вокруг, в готовности предупредить угрозу, от кого бы та ни исходила - охотника или же волка. Перебирая тонкими своими ножками, косули немедленно припустились бы прочь при малейшем подозрении на опасность. В глазах прекрасных этих созданий явственно читалось смятение.

Джахангир провёл ладонью по лезвию топора, проверив, не потеряло ли оно свою заточку. "Отлично, ничуть не притупилось", - с удовлетворением отметил он и продолжил работу. Мощными ударами вогнял он в древесину топор по самый обух. И вот, наконец, дерево не выдержало. Оно стало клониться, по-прежнему, однако, нераздельное со своим корневищем. Чуть отступив, Джахангир в несколько приёмов перерубил последние из древесных волокон, дотоле удерживавших ствол на месте. Дерево затрещало, издало оглушительный стон и рухнуло - когда, громадное, обрушилось оно на землю, казалось, содрогнулся весь лес.

Толстые сучья Джахангир отсёк топором, тонкие - секачом. Величины дерево было необычайной. Упрямец шагами измерил его и вырубил кусок в пять аршин из наиболее толстой и прямой части ствола, рассудив, что колоды такой для акведука будет достаточно и что Рыжухе и её едва-едва удастся уволочь.

Поверженный, дуб вмиг лишился исконной своей величавости. Он молчал, словно в траурной скорби по всем погибшим насельникам древнего этого урочища, являя собой щемящую душу картину. Когда всё было кончено, даже птицы прервали беспокойный свой гомон. Воцарившуюся тишину нарушало лишь журчание светлоструйного ручья, бьющего из-под укрывающей ближайший буерак жухлой листвы. Отыскав исток ручья, Джахангир опустился на колени и досыта напился. Вернувшись затем к дубу, перехватил верёвкой узкую часть колоды и, подведя сюда кобылу, несколькими тугими узлами закрепил свободный конец верёвки на луке седла. Немалыми усилиями сумел-таки Джахангир развернуть Рыжуху и вывести её на открытое место. Будь впереди подъём, с этаким грузом не справилась бы и пара битюгов. Однако дорога, простилавшаяся к реке, шла здесь под уклон, и потому колоду лошадь тянула с лёгкостью. От соприкосновения с щебнистой ухабистой землёй кора на стволе поободралась. На крутых поворотах колода то и дело застревала в придорожных кустах, и в таких случаях Джахангир подбегал к ней и выносил передок её обратно на тропу. Будь тропа попрямее и пошире, подобные заминки были бы заведомо исключены и ни Джахангиру, ни его кобыле не пришлось бы испытать столько неудобств.

Со времени как задрал волк Рыжухина жеребёнка, Джахангир впервые заставлял тащить её

столь увесистый груз. Они ещё не успели выйти из лесу, а солнце уже покатилось к горизонту. Поначалу Джахангир решил было оставить бревно здесь и вернуться за ним на следующее утро. Но затем передумал. Не резон перекладывать на завтра дела сегодняшние, рассудил он. При этом урочище надлежало покинуть как можно скорее, пока часом не объявился поблизости лесник. Случись такое, неприятности возникли бы изрядные.

…Смерклось. Возясь с бревном, Джахангир изранил себе руки и ноги. Едва не исходила кровавым потом Рыжуха. Тем не менее, напрягая оставшиеся силы, Упрямец стремился доставить бревно к арыку прежде наступления темноты.

Большая часть пути была уже пройдена. На заключительном спуске дорога несколько сузилась. Собственно, и лошадь и осёл прошли бы тут без труда. Но как было протащить через теснину громоздкое бревно?! Каждый раз, когда колода застревала в проходе, Джахангир отпускал повод и бежал её поправлять, после чего движение возобновлялось опять.

Сумерки неуклонно сгущались, и вскоре темень вокруг сделалась непроглядной. Между тем Джахангир по-прежнему мытарился на узкой тропе. Вдруг какая-то тень, показавшись из ближайших кустов, метнулась вверх по горному склону. От испуга шарахнувшаяся в сторону, кобыла сошла с тропы. И сей же миг колоду повлекло к уступу скалы. Сорвись бревно в пропасть, оно неизбежно

утянуло бы за собой и кобылу, и животное тогда расшиблось бы насмерть. Вот почему с такой истовостью Джахангир упирался плечом в передок колоды, силясь вернуть её на тропу. Но всё оказалось тщетным. Вдавившись ему в затылок, бревно затёрло Упрямца в промежуток между двумя валунами. Положение осложнилось донельзя. Теперь уже Джахангиру было ни до бревна, ни до кобылы, ни даже до арыка Делме. Ему предстояла борьба за собственную жизнь. Лошадь и колода прочно удерживались на месте, и было то несомненным везением, иначе бы они неминуемо сорвались вместе с обрыва. Не уберёгся бы тогда и сам Джахангир. Всякая поспешность грозила обернуться катастрофой, а потому действовать нужно было с предельной осторожностью...

Дальний конец бревна плотно упёрся в скалу, поэтому сильного давления на шею Джахангир не испытывал. Тем не менее без посторонней помощи из настоящей переделки ему было не выбраться. И Джахангир терпеливо ждал. "Наверное, это и есть мой конец, - подумалось ему. - Нельзя избегнуть приговора Господня. Конечно, смерть всего лучше встретить дома, среди родных тебе людей, с честью, а не как собака - околевая в кустах! Впрочем, так мне и надо. Всё лихо, что приключается с людьми, - прямое следствие их, людей, беспечности. И ведь никто ж вразумить дурака не удосужился - дескать, Джахангир, сукин ты сын, надо ли это тебе, в одиночку восстанавливать неладный сей арык?!

Ведь сколько было у тебя предшественников в роду Забыхлы, и что же, хоть кому-то из них пришло в голову взяться за неблагодарный этот труд?! Я же по собственной охоте в топку полез. Бороды восхотев - ус потеряешь. Вот и биться мне теперь, как рыбе, между бревном и скалою... Поделом, поделом тебе, Джахангир! Околевай же, бестолочь, душа из тебя вон!" - вовсю ругал себя Упрямец.

Он попытался было повернуться на бок, но тяжесть давящего на шею бревна сделать это Джахангиру не позволила. Всячески подбадривал он себя: "Наберись терпения, Джахангир! Уповай на Незримого! Аллах милосерд! Возможно, Он решил подвергнуть тебя очередному испытанию! Истинный мужчина и в самых безнадёжных передрягах не теряет веры в себя. С помощью Аллаха тебе должно выбраться отсюда и закончить работу по возрождению Делме!"

Он уже изнемогал от усталости. Кроме того, не давали Упрямцу покоя теснившиеся у него в голове безрадостные мысли. Наконец, сам того не заметив, он заснул в промозглой "каменной постели". Будто демонстративно игнорируя опасность, неподвижно стоящая на месте Рыжуха с невозмутимым видом пощипывала траву. Чуть поодаль от кобылы валялся на земле деревянный обрубок, который ещё сегодня утром был гордо взиравшим в небеса дубом. Так и подрёмывали они в холодной влажной ночи - Упрямец Джахангир, рыжая кобыла и дубовая колода. И, словно сострадая злосчастной

этой троице, хранили угрюмое молчание окрестные горы и подлесок, с тревогой ожидая утра. Как назло, на горной тропе во всё то время не случилось появиться ни единой душе, и потому у Джахангира не имелось иного выбора, как только смиренно сносить ниспосланную ему участь.

Ночь шла на убыль. Горизонт исподволь светлел. Утренняя заря и зарядивший птичий гомон придали бодрости до того совершенно сниклому Джахангиру. Услышав доносящиеся из ущелья людские голоса, он сейчас же воодушевился. И по мере того, как голоса эти делались всё громче, всё более крепла у Джахангира уверенность в том, что смерти на сей раз он избежит. Ещё шаг-другой, и путники должны были ступить на злополучный пятачок. С трудом подняв голову, Джахангир глянул туда, где им предстояло появиться. То были трое, шедшие вверх от нижнего поворота и ведущие в поводу гружённых мешками с мукой коня и двоих мулов. Из разговора путников можно было заключить, что это - жители высокогорной деревни, побывавшие на приречной мельнице и теперь возвращающиеся домой. Выступающая в голове группы лошадь, с очевидностью учуявшая Рыжуху, вдруг резко подалась вперёд. Однако натяжением повода хозяин резко её осадил. Быстро оценив ситуацию, крестьяне бегом поспешили к Джахангиру. Один из них ухватил повод Рыжухи, двое других, приподняв конец бревна, высвободили из-под него Упрямца. Тот весь трясся от холода и еле

стоял, однако, не желая показаться жалким своим спасителям, держался с нарочитой невозмутимостью. Совместными усилиями вынеся бревно на тропу, крестьяне затем распрощались с Джахангиром и продолжили свой путь.

Целую неделю после того случая вынужденно провёл Джахангир в постели. Зохра лечила его раны, прикладывая к ним припарки из горячего теста. Наконец совершенно выздоровев, Джахангир с прежними пылом и рвением возобновил свою работу в ущелье. Однако встретился с трудностями, одолеть которые одному ему было не под силу. Вследствие этого на несколько дней подрядил он себе в помощники Суджеддина. Что до последнего, то он с самого начала предлагал отцу свои услуги, которые, однако, тогда с порога были отвергнуты.

- Твоё дело - учёба, - говорил Джахангир сыну. - Набирайся знаний, негоже пропускать уроки. Чтобы выбиться в люди, надлежит учиться. Не то хлеб твой будет столь же солон, как мой. Я-то худобедно, но зарабатываю, не даю пустовать нашим закромам. А ведь в деревне немало бедолаг, что летом сеют, а зимой всё ж голодают. Наживают хлебушка, которого и до конца года им не достаёт...

Наказам отца Суджеддин всегда следовал неукоснительно. Денно и нощно он занимался, не любил тратить время на ребячьи забавы и только-то и знал, что школу и дом. Однако вдруг случилось непредвиденное - в течение нескольких дней кряду должен был он после уроков трудиться о бок с

отцом. Делать же пришлось вот что. В ущелье, там, где предстояло действовать акведуку, необходимо было под дубовый жёлоб подвести опору - каменную кладку, поднятую по обоим бокам наново прорытой ветки канала. Тогда протоку не смог бы порушить никакой сель. Джахангир приискал два подходящих здоровенных булыжника, которые лишь с большим трудом сумел Суджеддин взвалить отцу на спину. Один за другим кое-как перетащил Упрямец камни, сбросив их в прорытую ранее канаву. Теперь на этом фундаменте надлежало поставить опорные стены. С помощью всё того же Суджеддина Джахангир приподнял сработанный им жёлоб и установил его поверх двойной стены. Отца преисполняла гордость за сноровку, что выказывал в те дни его сын. Огромные булыжники, которые ни за что не пошевелил бы ни один из записных галачинских силачей, Суджеддин ворочал словно были то пустые спичечные коробки. До сей поры Джахангир и не подозревал, что шестнадцатилетний его сынок вырос в этакого богатыря. Тем не менее с уст его не сорвалось ни единой похвалы в адрес Суджеддина. Уж таков был характер у Джахангира. Как-то раз, заметив, что Зохра ласково погладила сына по голове, он рассердился и, оставшись наедине с женой, попенял ей:

- Не очень-то ласкай сына. Ещё собьётся с верного пути, тогда обратно его не наставишь. Пусть учится, мужает, а там поглядим, в кого он вырастет. Увидим, станет ли он достойным сыном,

мужем и отцом, сумеет ли самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. А то ничего путного он пока ещё не совершил, а ты уж вовсю мёд на него расточаешь!..

После этого разговора, покорная воле супруга, Зохра больше не отваживалась приласкать собственное дитя.

Как говорится - игида отличишь по повадке. И Джахангир хорошо знал, что Суджеддин - парень головастый, с которым в смётке не сравниться никому из галачинских парней.

Лишь только закреплён был на опорах жёлоб, Джахангир обратился к сыну:

- Спасибо, сынок. Довольно поработал, теперь ступай заниматься. Главное для тебя - школа. Нынче неучам всюду ход заказан. Они, конечно же, не переведутся и сумеют кое-как прожить. Но быть образованным - это совсем другое дело…

Дни становились всё длинней, приближалась теплынь. Уже свыше двух месяцев работал Джахангир на арыке Делме...

По возвышающемуся над протокой яру проходила тропа. А ниже, примыкающие к речному полотну, простирались рисовые поля, сразу же за которыми зеленели колхозные сады. Между рекой и чредой садов тянулись камыши, сквозь которые и кабану было не проломиться. Чуть выше по течению реки стояла громыхающая водяная мельница. На болотах немолчны были птичий гвалт и кваканье лягушек. Занятые прополкой рисовых полей,

мужчины, ступая по камням, насилу продирались через камыши к реке и наполняли водой свои ёмкости, а женщины, устроившись тут же, на мостках, стирали белье…

Джахангир расчистил руслище вплоть до того места, откуда пролегало оно уже вдоль камышей. Однако чем дальше, тем дело всё более осложнялось. Требовалось немало усилий, чтобы отрыть и выбрать из руслища скопившиеся в нём камни. И Джахангир трудился, не покладая рук. И лопатой, и киркой, и мотыгой. Кровь ударяла ему в голову, когда слышал он доносившийся с мельницы треск. В сердцах ругал он и колхоз, и сельского голову - Спесивца Сафтара, который ежедневно наведывался сюда, инспектируя ход полевых работ. Однажды, придержав коня вблизи Джахангира, тот насмешливо вопросил:

- Ну, Джахангир-киши, как поживаешь? А ведь хвалился, что арыку Делме перед тобой не устоять, зарекался, дескать, если не управлюсь в два-три месяца, то не сын я моего отца! Ну что, слабо тебе оказалось? Уж весна на исходе, лето на носу, ты же всё копаешься на месте. Коли так пойдет, то, глядишь, до самой осени провозишься!

- Не осердись, сын Гасыма, но труд, он лишь праздному глазу пустячным мнится. Заново прокопать и очистить арык, который уж сотню, а то и всю тысячу лет как пересох, это не на жеребце гоголем восседать. Но я на тебя не в обиде. Уж так устроен мир. Одним - сыром в масле кататься, а прочим, как

мне, - ходить с выеденными потом глазами. Встретишь - словцом не приветишь, лишь одно тебя заботит: как-то у Джахангира дело подвигается?

Председатель натянуто улыбнулся.

- А ты ершист, Джахангир-киши. Я же просто пошутил!

- Шутить в кулачок себе надобно, а в беседе следует деликатность блюсти! - не глядя на председателя, отрезал Джахангир и стал к нему спиной.

Случился конфуз. Пеняя себе за давешнюю свою бесцеремонность, Сафтар не пожелал продолжить разговор - ослабив повод на нетерпеливо топчущемся коне, он подался прочь.

Джахангир же, отерев со лба пот, спрыгнул в канаву и взялся вновь за кирку. Увидев, что стенки руслища аккуратно выложены плоскими камнями, он пришёл в изумление. Несомненно, камни эти закреплены были человеком. Джахангир стал один за другим поддевать их ломом. Когда добрался он до четвертого слоя затерявшейся в камышах кладки, то неожиданно обнаружил истлевшие лоскуты ткани. Отложив в сторону лом, Джахангир принялся вручную, с предельной осторожностью, расчищать землю вокруг них. Находка оказалась свёртком, перевязанным бечевой из козьей шерсти, и находилась в нём обёрнутая в войлок трёхлинейка. Потёртый каштановый приклад в одном месте несколько подгнил. Ручка затвора и полость ствола покрылись ржавчиной. Здесь же нашёл Джахангир и второй свёрток, из которого извлёк

полную патронов литровую банку. Чтобы удостовериться, исправно ли оружие, Джахангир несколько раз передёрнул затвор, после чего вынул его из винтовки. Прищурив один глаз, внимательно осмотрел дуло.

- Винтовка хоть и видавшая виды, но в превосходном состоянии, - промолвил Джахангир. - И это большая удача, что не угодила она в руки шастающих здесь пастухов или чьи-то ещё. Отличная винтовка. Но, однако, сейчас не николаевские времена, а власть Советов, от которой за такую штуковину никому не поздоровится. Нынче даже охотничье ружьё воспрещено у себя хранить без специального на то разрешения, а тут - боевая винтовка!

Он призадумался, а затем продолжил свой монолог:

- Кто знает, в скольких руках это оружие побывало! Сколько крови людской через него пролилось! Хвала мудрости Твоей, о Господи! Разъясни, почто создал Ты дьявольский этот механизм?! Вот кирка, лом и мотыга, а вот винтовка - и все как есть из металла. Но первые - орудия, с помощью которых прокладывают арыки, торят дороги, строят жилища, вскапывают землю, добывают себе хлеб насущный. Тогда как последняя служит исключительно для пролития крови, в мгновение ока истребляет храбрецов, которых матери рожали в муках, бессонными ночами меняя им пелёнки, которых долгие месяцы вскармливали они грудью

и, придерживая за ручонки, учили ходить, которых с таким трудом растили!.. Отцы лишаются сыновей, жёны - мужей, младенцы - отцов… О Господи, создавая нас, рабов Твоих, почто придал Ты нам смертоносную сию машину?!.

Джахангир тщательно завернул в тряпицу оружие, которое решил, навесив на него камень, утопить в самом глубоком месте реки - в низовье, где течение было особенно бурным. Ведь верни он трёхлинейку на прежнее место, на неё невзначай мог наткнуться кто-либо ещё. Утопи же он её, она бы уж точно никому больше не принесла беды. Он было стал перевязывать свёрток бечевой, как тут неожиданно поменял своё решение. "Нет, - рассудил Упрямец, - не стану, пожалуй, выбрасывать я винтовку, а лучше-ка спрячу в надёжном месте. Век пылится - однажды пригодится. Глядишь, и приспеет ещё в ней надобность. Не зря деды рекли: сбереги снопок - в нём случится прок. Извечный враг, он затаился между нас. Можно ли доверять армянам?! Говорят: от плохого соседства одно спасенье - бегство. Но куда нам бежать отсюда?! И как мы, пятьсот галачинских семейств, станем жить без привычных нам с детства гор, рек, долин - нашего родимого края?! Оттого и вынуждены мириться мы с происками армян. Невозможно для нас уйти отсюда, навек покинув исконные наши земли. Надо думать, сильно осердили галачинцы Аллаха, если Он придал им в соседи армян. Уж сколько раз злоумышляли они против нас, сколько

раз, вооружённые, приходили они сюда, жгли и грабили Галачу, подвергая тех из наших, кто отказался бежать, мучительной смерти!.. Живя бок о бок с подобной нелюдью, следует всегда иметь при себе дубину. И быть готовым ко всему. Армяне - известные вероломцы. Неровён час ещё объявится среди них очередной Андроник и нагрянет к нам со своими четниками. Так что оставлю-ка я себе эту трёхлинейку, припрятав её в укромном местечке. Не приуготовившегося к лиху и благо обойдёт! Армяне же, по всему видать, силы копят, чтобы новое непотребство учинить. В ушах у нас и доныне ещё стоит грохот выстрелов бандитов Ниджде хана и Дро. Нет, сам Аллах послал мне эту трёхлинейку! Укрою-ка я её подальше от посторонних глаз. А как услышу, что армяне вновь в движение пришли, сейчас же и извлеку её обратно!.."

Итак, по зрелом размышлении Джахангир окончательно постановил не избавляться от трёхлинейки, но до времени её припрятать. Он наклонился к винтовке, чтобы запаковать её в ветошь, как тут за спиной у себя услышал чьи-то шаги. Бросив оружие в ближние кусты, Джахангир мгновенно распрямился и оглянулся на шум. Взору его предстал Суджеддин, и тревога в глазах у отца сей же миг сменилась нежностью. Сын нёс Джахангиру еду, завёрнутую в белую скатёрку. Чтобы не дать Суджеддину углядеть винтовку, Упрямец, выйдя навстречу парню, увлёк его затем под растущее неподалёку каменное дерево. Сын сразу догадался,

что отец желает от него что-то скрыть, успев заметить чернеющий под кустом некий предмет. Однако по поводу собственной догадки не проронил ни слова. Оба уселись под деревом, расстелили скатерть и стали есть, болтая о том о сём. Джахангир расспрашивал сына о занятиях, о школе. И слыша в ответ, что по всем дисциплинам у Суджеддина одни лишь пятёрки, что он в списке первых школьных отличников и что на всех учительских собраниях педагоги неизменно его хвалят, Упрямец чувствовал, как усталость исподволь уходит из его тела. Указав рукой на инжировое дерево, прилепившееся к бурому утёсу, он сказал:

- Видишь, сынок, под тем деревом нет ни горсти земли, а гляди, как оно разрослось! И заметь: оно не просто силится выжить, но ежегодно приносит плоды - крупные, сладкие, как мёд, ягоды. И хотя вскарабкаться на кручу непросто, в детстве я частенько забирался туда, чтобы полакомиться инжиром. Сравнение это может показаться несколько натянутым, но есть люди, которые, где бы они ни были, какие бы ни претерпевали невзгоды, даже из бесплодной скалы умеют вытрудить себе кусок хлеба, не желая зависеть от других и быть приниженными просителями. Но есть и такие, что, будучи совершенно здоровыми, тем не менее прокормить себя бывают не способны. У кого хоть немного варит голова, те всегда найдут, как заработать. А глупые - хоть бы пропасть им всем! Голодяге вовек сытому не быть! Вот некоторые

пустобрёхи твердят, дескать, Джахангир себя не жалеет, берётся за самую неблагодарную работу. Надо признаться, с одной стороны, они, конечно, правы, ну да что поделаешь! Не предназначен я к тому, чтобы, как иные, орешки щёлкать да в тенёчке почивать! Негоже это, по смерти славу о себе оставить - дескать, о двух руках человек был, а и собственного брюха насытить не мог! Знай же, каждая твоя пятёрка придаёт мне новых сил. Мои же "писчие перья" - эти вот заступ и кирка, которыми добываю я себе пропитание. И, благодарение Аллаху, в доме у нас всегда достаток. Ещё и другим помогаем…

Всё это говорил Джахангир отнюдь не для красного словца. Он хотел предостеречь от возможных ошибок вступающего во взрослую пору сына. Дабы не стал тот, чего доброго, посмешищем в глазах людей. Дабы в Галаче на Суджеддина не указывали презрительно пальцем как на позор рода Забыхлы. Дабы о нём говорили так: добрая трава уродится от добрых же корней, и у достойного мужа, каков есть Джахангир, сын доблестями - весь в отца.

Между тем Упрямец ни на миг не выпускал из виду трёхлинейку. Его беспокоило, как бы здесь не объявился посторонний: ведь донеси кто-либо властям о наличии у Джахангира оружия, старику это боком бы стало. Попробуй, убеди после начальство, что винтовка эта - не твоя, а лишь случайно тобой найдена. Кто этому поверит?! Возьмут тебя

за ушко да и швырнут в застенок!.. Суджеддин хоть и родная плоть, но мал ещё для осознания подобных вещей. Ненароком проболтается о ружье перед сверстниками - вот тебе и беда на ровном-то месте! "Нужно как-то отвлечь его внимание, - подумал Джахангир, - а после, улучив минуту, спрятать винтовку…"

Джахангир свернул скатёрку и, поднявшись с земли, обратился к Суджеддину:

- Ты, сынок, поднимись-ка на пригорок, проверь упряжь на лошади, а я только напьюсь из реки и тотчас ворочусь.

Суджеддин двинулся к Рыжухе, краем глаза, однако, наблюдая за отцом. Оглядевшись по сторонам, тот вынул из кустов трёхлинейку и, уперев её прикладом себе под мышку, обогнул сад, направившись затем к находящимся поодаль скалам. Чтобы быть как можно менее заметным, он проскользнул между скал согнувшийся пополам, после чего скрылся в золотистой заросли, обступавшей белый валун. Здесь, в углублении, напоминавшем лисью или же барсучью нору, Джахангир припрятал свою винтовку, заложив отверстие голышом. Едва ли не тотчас Упрямец показался из укрытия. Спустившись к реке, он раза два-три оплеснул себе лицо водой, после чего бросил взгляд в сторону арыка...

Поправив на лошади упряжь, Суджеддин успел вернуться к месту его с отцом встречи. Он хорошо видел, как передвигался и куда ходил Джахангир.

Однако про свёрток, который нёс тот с собой, парню ничего не было известно.

Джахангир примостился на плоском, лежащем под каменным деревом валуне, обратив вдаль усталый взор. Прохладный ветерок нежил его вспотевшее лицо и тело, навевая ощущение покоя...

Ухабистая дорога к мельнице тонкой ниточкой тянулась вдоль рисовых полей и фруктовых садов. Пёстро одетые молодые женщины, из стыдливости облачённые также в широкие, достигающие им щиколоток шальвары и все как есть в наглухо застёгнутых кофточках, очищали от сорняков залитое водой рисовое поле, накладывая охапки выполотой травы поверх лежащих на суше брёвен. Чуть ниже по склону обрубали на тутовниках ветви шелководы, без устали нося в деревню ворохи зелёного корма для своих питомцев...

Сады уже отцвели. Шум, составленный рокотом реки и птичьими голосами, разносился по всей округе. Ублажая людей дивным своим пением, жёлто-салатовые синицы, с длинными клювами и малюсенькими чёрными коготками, заворожённо глядели на черешни, чьи рдяные ягоды, напоминая нотные знаки, свисали с тонких веточек. Так изысканно пели эти, с крапчато-отливными крыльями птицы лишь в пору созревания вожделенных плодов. Видать, оттого-то и прозваны они были - "черешневки".

Чарующий птичий щебет и дивный пейзаж привели Джахангира в благостное состояние духа.

Погружённый в собственные мысли, несколько раз впадал он в дрёму, упёршись подбородком себе в грудь. Осторожно, чтобы не потревожить покой отца, присел Суджеддин на землю, привалившись спиной к каменному дереву, и стал читать захваченную с собой книгу.

Очнувшись, Джахангир немедленно поднялся на ноги.

- Ты не задерживайся здесь. Ступай, уроками займись, - промолвил он. - Сегодня я, возможно, припозднюсь. Поэтому к ужину выйдешь встретить скотину, чтобы часом не забрела она на чей-нибудь двор. Ещё уворуют, мало ли нынче зарящихся на чужое добро! Лес, как известно, не без шакалов! Возьми голик и прибери в стойле у отелившейся коровы, а после корма ей задай, чтобы телёнок у неё не оголодал. Вчера привязь на нём ослабла, он сумел освободиться от неё и выцедил из матери всё молоко. Но и слишком крепко привязывать малыша также нельзя - ещё задохнётся. Мы-то, худобедно, умеем перебиться и чёрствой коркой, но ведь неладной этой власти всё масла и масла подавай! Той же малости молока, что даёт наша корова, едва хватает для её телёнка. Однако до этого власти и дела нет! Ей без разницы - хоть бугай, хоть бурёнка, телись - и всё тут! Вот порой и приходится, чтобы откупиться от начальства, покупать масло на рынке и сдавать государству. Ведь, в противном случае, от мытарей житья никакого не станет...

Едва отец закончил свою речь, Суджеддин сунул

себе под мышку учебники и двинулся по направлению к дому.

Между тем Джахангир, покрепче стянув завязки на чарыках* и поправив на себе одежду, подошёл к арыку и вновь взялся за кирку. В одно из землетрясений со склона горы сорвалось несколько больших скал, заступивших сухое русло, и чтобы откатить их в сторону, требовались усилия по меньшей мере десяти человек. Однако Джахангир был не из тех, кто любит просить о помощи. В каждой из скал пробуравив по отверстию, он после тяжёлым молотом забивал туда металлические клинья, таким способом поочерёдно расколов все глыбы. Действуя и далее подобным же образом, Джахангир сумел расчистить большую часть арыка. Будь его воля, Упрямец остался бы здесь махать киркой до рассвета. Но, увы, на сегодня работу следовало свернуть.

Окрасив облака в алый цвет, солнце устало закатывалось за дальние горы. Притомились все - и земля, и люди, и светило. На рисовых плантациях остались только отдельные, вооружённые заступами, поливальщики. Все прочие, кто также находился здесь с зари, отошли в сторонку, переодеться в сухую одежду и отжать - мокрую. Приведя себя в порядок, крестьяне затем небольшими группками подавались домой. Мало кто уходил отсюда без поклажи: один прихватит с собой сухих стеблей для растопки, другой - тутовых листьев для

* Крестьянская обувь из сыромятной кожи.

своих шелкопрядов, третий - немного сочной травы для новорождённых козлят, телят и ягнят. У многих в руках пестрели цветочные букеты - радость для детей, что выйдут встречать своих старших.

Возделывавшая вместе с другими рис, дочь Гаджи Садыга - Ганира в одиночестве продолжала обирать тутовую листву. Она взобралась на верхушку старого дерева, значительно отстоявшего от мельницы, и садовыми ножницами обрезала тонкие ветки, на которых только что распустились нежные листочки. Заметивший девушку председатель незаметно обошёл мельницу сзади и приблизился к Ганире. Он коротко обратился к ней. И, одетая в простое платье из розового ситца, робкая, с точно писаными бровями, округлым лицом и длинными смоляными волосами, девушка вздрогнула и обмерла, услышав голос Сафтара. При виде председателя она занервничала и, ничего ему не ответив, удерживая в одной руке секатор, сошла вниз. Торопливо собрала она с земли срезанные листья, крепко перетянув ворох заранее припасённой кумачовой тесьмой. По-прежнему потупившаяся, закинула вязанку себе за плечо. С очевидным намерением разговорить Ганиру, ухмыляющийся председатель что-то произнёс опять. Но та с отвращением отвернулась от него и быстрыми шагами двинулась прочь. Сафтар вернулся к своему привязанному возле мельницы коню и с мрачным видом верхом последовал за девушкой…

Такое происходило уже не первый раз. Сын

Бесштанника и ранее предпринимал попытки увидеться с Ганирой с глазу на глаз, чтобы приступить к ней с домогательствами. Но, невзирая на высокое положение Сафтара, девушка решительно противилась его назойливым ухаживаниям. Тем не менее председатель был неотступен, заверяя Ганиру, что непременно на ней женится, лишь только оформит развод с теперешней супругой. От этих слов бедняжку неизменно бросало в пот, она точно к земле прирастала. Однако, боясь спровоцировать кривотолки, она принуждена была молчать о приставаниях к ней председателя. Воспитание у Ганиры было таково, что проживи она хоть сто лет бок о бок с Сафтаром в уединённой юдоли, и тогда бы женой его она не стала, хоть её убей. Ничуть не прельщаясь должностью её воздыхателя, девушка всем сердцем отвергала недостойное его поведение, надменность и самый облик - рябое, жёлтое, точно высушенное, лицо. Что с того, что Сафтару повезло и его поставили сельским головой, не зря ведь говорят: "С немилым и в хоромах - тоска"! Мечта Ганиры была - выйти замуж за человека пусть бедного, но непременно мужественного и сильного. И о том неоднократно прямо заявляла она Сафтару. Но последнего ничто не вразумляло.

Понявшая, что исполненный бесстыдства Сафтар готов сопровождать её до самого села, Ганира, достигнув места, где работал Джахангир, сделала вид, будто хочет отдохнуть, и, положив вязанку под кусток, демонстративно стала приводить в порядок

свои растрепавшиеся волосы, а затем вновь повязала сползший было ей на шею головной платок. Подъехав к ней вплотную, Сафтар посмотрел на Ганиру, после чего перевел взгляд на Джахангира. Не смея в присутствии аксакала позволить себе вольности, Сафтар как ни в чём не бывало двинулся дальше.

Упрямец проводил его колючим презрительным взором и негодующе качнул головой. Догадавшись, что Ганире боязно идти в одиночестве и что она ждёт его, Джахангира, отложил в сторону свои инструменты и выбрался из сухого русла. Отвязав лошадь, он перебросил повод ей на холку, уселся верхом и тронулся в путь. Ганира подняла с земли свою вязанку и последовала за Джахангиром. Он догадался, что сын Бесштанника Гасыма волочится за Ганирой, однако ничего не сказал девушке по этому поводу. Придержав кобылу, Упрямец настоял, чтобы Ганира отдала ему вязанку. Самой же девушке он предложил сесть позади него, на кобыльем крупе. От предложения этого Ганира, впрочем, отказалась, робким тоном промолвив:

- Спасибо, дядюшка Джахангир. - И смущенно потупилась.

- Что же сегодня не пошла ты домой вместе со всеми, дочка? - спросил он.

- Дома мы выращиваем коконы, - нерешительно отвечала она. - Ты же знаешь, отец мой - калека и всё не оправится после того, как переехала его арба. Братишки же мои ещё слишком малы для

работы. Так что весь дом на мне одной и держится. А теперь вот ещё эти коконы… Настоящая прорва! В своё время не сообразила я взять поменьше этих тварей. Я б и вовсе их не взяла, когда бы к тому меня не принудили. Вот и мучаюсь теперь. Уж и не знаю нынче, за больным ли ходить, рис ли растить или же о несносных этих коконах заботиться. У шелкопряда сейчас самая пора роста, и корму на него не напастись. Вот сегодня, увлёкшись сбором листьев, я и опоздала примкнуть к моим товарищам. За то, что они забыли про меня, я их не корю. Ведь у каждого собственных забот хватает. Все от самого рассвета в поле. Как-то у них дома - не ведают. А между тем хлопот там невпроворот. Так что все торопятся поскорей домой попасть - скотину накормить, с домашними посидеть… Да мало ли ещё зачем!..

Джахангир согласился с Ганирой, после чего надолго погрузился в молчание. Внезапно из-под копыта Рыжухи вылетел камень, и тотчас же сноп искр рассыпался по дороге.

- Дочка, слыхал я, ты школу на "отлично" окончила, - вновь заговорил Джахангир. - Вот и наш Суджеддин всегда тебя нахваливал. Говорил, дескать, лучшая ученица в школе - дочка дядюшки Садыга Ганира, что двумя классами его, Суджеддина, постарше. После школы сельсовет направил тебя на курсы, а затем заведовать библиотекой поставил. И работала ты вроде хорошо. Так отчего же от места этого вскорости ты отказалась? Ведь

куда лучше книжки выдавать, нежели в колхозе спину гнуть. Работа поди покойная была, да и зарплата сносная. Зря ты её бросила.

Ничего на это не сказала Ганира, только сокрушённо вздохнула. В свою очередь, Джахангир не был назойлив в своём любопытстве. Что до Рыжухи, то она неторопливо подвигалась вперёд, безучастная к разговору двух людей. Хранили безмолвие и горы вокруг. Тишь нарушал разве что перестук кобыльих копыт, на которые совсем недавно набиты были новые подковы…

Пять лет назад по дороге в село Хинзирек, куда он вёз на продажу помидоры, от рук армян погиб старший брат Ганиры. Вместе с трупом юноши в пропасть был сброшен и его мул. Что касается отца девушки, то он с детства занимался извозом: на своей запряжённой быками арбе доставлял на гумно снопы со жнивья, а в райцентр - зерно для государственных закромов. С этого и кормился. Но вот однажды, когда Садых отвозил на колхозное поле груз семян, на спуске у арбы его сломалось колесо, и аж до полудня несчастный пролежал придавленный осью. После выяснилось, что у него сломана голень. Несмотря на старания местных костоправов, исцелить больную ногу не удалось, и Садыг так и остался инвалидом. Мать же Ганиры, смолоду страдавшая острой формой ревматизма, та и вовсе не вставала с постели. Были у Ганиры ещё двое младших братишек-близнецов, учившихся в четвёртом классе начальной школы. Таким

образом, на плечи девушки легли и мужские и женские обязанности в семье. По окончании Ганирой школы, воздав должное природным способностям девушки, её направили на специальные курсы, а после - назначили сельским библиотекарем. Ганире стало чуть полегче. Впрочем, большой радости служба всё равно ей не принесла. Ежемесячно, под разными предлогами, председатель отбирал у неё половину зарплаты. Так что остатков жалованья едва-едва хватало для прокорма семьи из пяти человек. Внешности Ганира была привлекательной, и сельские парни буквально прохода ей не давали. Каждый норовил обратиться к ней с каким-нибудь словцом. Но до замужества ли ей было?! Разумеется, среди галачинских юношей были и такие, что ей нравились, но, став женой, ей пришлось бы уйти из отчего дома, а это для Ганиры было невозможно. Вот почему с мыслями о браке она до поры зареклась. Когда же с девушкой заговаривали на эту тему, она лишь с грустью вздыхала: "Ну какая из меня жена!" При этом бедняжке сейчас же представлялись взгляды сельчан, осуждающих её эгоизм. Между тем сами родители не раз увещевали дочь: "Девочка, нечего тебе прозябать в четырёх стенах, уподобившись кулю с мукой, ступай-ка лучше замуж. Рано ли, поздно ли, но однажды придётся-таки затеплить тебе чужой очаг. Всему свой срок положен, ты что же, думаешь, сладко это - в девках весь век вековать?! Из-за нас не отказывайся от своего счастья. Если встретишь

достойного, порядочного человека, который по сердцу тебе придётся, не отказывай ему в своей руке. И переселившись в мужний дом, сможешь ты нам помогать. А после уж и братья твои подрастут, и будет тогда кому о нас позаботиться…"

Редкостная женская прелесть обернулась для Ганиры сущим наказанием. Девушка привлекала к себе всеобщее внимание. Однако духовная её красота много превосходила телесную. И это известно было всей Галаче. Даже завзятый клеветник не осмелился бы сказать о ней хоть одно дурное словцо. Отменная воспитанность и высокая нравственность были главными достоинствами девушки. Более других вокруг Ганиры увивался председатель. Именно из-за Сафтара вынужденно ушла она из библиотеки - ведь правление колхоза и собственно библиотека помещались в одном здании, разделённые лишь стеной. Дождавшись, когда все служащие уйдут домой, Сафтар частенько заглядывал в библиотеку и донимал Ганиру своими приставаниями. Однако, как ни старался, расположения у девушки он так и не снискал.

Как-то раз Сафтар нарядно оделся, причесался и, попыхивая цигаркой, наведался в библиотеку. При виде его Ганира состроила кислую гримасу и поднялась из-за стола. Повернувшись спиной к председателю, она принялась аккуратно расставлять на полках возвращённые читателями книги. Сафтар прошёл к рабочему месту Ганиры и сел на её стул, с важным видом закинув ногу на ногу.

- Видать, книжки для вас поинтересней, чем я, будут, - сказал он, выпустив густой клуб дыма.

- Разумеется, - дерзко ответила Ганира.

- Не ожидал я от вас таких слов, Ганира-ханум*.

- И напрасно. Если б вы потрудились понять смысл ответа на неуместное своё замечание, то, возможно, устыдились бы собственного поведения с девушкой, что на пятнадцать лет вас, женатого мужчины, моложе. К тому же исполненные мудрости эти книги наущают добродетели, вы же склоняете меня к пороку. Я привержена первой. Что же до второго, то это - неизгладимое клеймо для всякой женщины. Клеймо, от которого не избавиться, даже и века покоясь в земле!

- Вы пытаетесь оскорбить меня, пользуясь любовью, что я к вам питаю. Так не пристало разговаривать с руководителем большого хозяйства, - обиженно заметил Сафтар. И прибавил: - Да к тому же ещё, когда человек этот любит вас всем сердцем...

- Это величайшее бедствие, когда руководство большим хозяйством вверяется людям мелким. И ещё - вы забываете: сподобили вас именно высокой должности, но никак не соответствующими образом мыслей и устремлениями. Первое - явление временное, второе же - непреходяще. Книги, что я здесь прочла, утверждают, что именно умом обеспечивается успех в любой должности. Я бы даже сказала - в будущем ожидает вас судьба безумного

* *Ханум* - уважительное обращение к женщине.

машиниста, управляющего стремительно летящим поездом...

Сафтар швырнул на пол дымящийся окурок и с нарочитой надменностью процедил:

- Оказывается, и тесту случается закипеть... Откуда только ты всего этого понабралась?

- Из того множества уставляющих эти стеллажи книг, ни одну из которых доныне вы не раскрыли и не прочли! Моя бы воля, из нектара мудрости, которым проникнута в них каждая фраза, я изготовила бы вино, исправно наливая его в хрустальную рюмку, что ежедневно опрокидываете вы себе в горло. Уж это-то вино точно не ударило бы вам голову, в отличие от того, что обычно вы пьёте. Даже напротив - оно пошло бы вам впрок, заставив проникнуться такими понятиями, как "человечность" и "чувство собственного достоинства". И тогда, возможно, одним нечестивцем на прекрасной этой земле стало бы меньше.

С наигранной усмешкой, сделав вид, будто сказанное Ганирой не имеет к нему никакого отношения, Сафтар промолвил:

- Тараторишь - точно трёп-травы опилась. Словно философ древности вещаешь. Речи же твои столь туманны, что в толк никак не возьмёшь, что, собственно, хочешь ты сказать. Давай-ка поговорим начистоту, без затей...

- Я простая сельская девушка - дочь бедняка, - воскликнула Ганира. - И это именно недостойное ваше поведение принуждает меня разговаривать

подобным образом, поскольку только так могу я в полной мере выразить вам всё моё презрение. А ещё - с каждым говорю я на языке, которого тот заслуживает. Что же до вас, то вы - единственный в Галаче, от чьего вида прихожу я в негодование и теряю над собой контроль, при этом укоряя самою себя за испытываемую мной ненависть к стоящему против меня ничтожному человечку.

- Да что ты этак напустилась на меня?! Бей меня, кляни, но, честное слово, ты мне нравишься, - сказал Сафтар. - Коли хочешь знать, то будь ты ко мне благосклонна, я бы бросил супругу и женился на тебе. Когда бы ответила ты мне взаимностью, стал бы я самым счастливым человеком на свете. Чем хочешь готов поклясться, что говорю тебе сущую правду.

- Что ж, может быть, - ответствовала Ганира. - Однако я не настолько наивна, чтобы сказанное вами принять за чистую монету. Всё это - обычные уловки лицемерных соблазнителей, завлекающих в свои сети доверчивых девиц. И горе поддавшимся мужскому сладкоречью - вовек не избавиться им от мук, которыми оборачивается кратковременная их слабость. Всю оставшуюся жизнь нести бедняжкам бремя собственного позора, слыша в свой адрес неизбывные укоры и хулу. И семьи свои, и весь свой род обрекают они несмываемому бесчестью!

Встав со стула, Сафтар подошёл к окну. Как-то воровато взглянул он, есть ли кто на дворе. Но там не было ни души. Под стенами дома напротив -

старыми, с обрушившейся штукатуркой, беспокойно чирикая, возились воробьи. Буро-полосатая кошка, притаившаяся в засаде, выжидала момент, чтобы закогтить одну из этих птиц. Воробьи же вовсю щебетали, предупреждая своих птенцов о близости врага и словно бы призывая себе на помощь всю деревню. Но вот, заметив выбредшую из соседнего подворья лохматую собаку, кошка тотчас же забыла об охоте и припустилась прочь.

С безучастным видом наблюдавший эту сценку, Сафтар внезапно прервал своё созерцание и, обернувшись к Ганире, попробовал было взять её за локоток. Но, вздрогнув, та немедленно отдёрнула свою руку и зашла за стул, на котором до того сидела. Гневно глядя перед собой, она возгласила:

- Подлец! Этот ваш поступок не достоин ни возраста вашего, ни положения. Ведите себя прилично, а иначе… - Будучи в крайнем смятении, Ганира не закончила фразы. Насилу сдерживалась она, чтобы не выплеснуть наружу клокотавшее в ней возмущение.

Смутившийся Сафтар на сей раз придал своему голосу оттенки раскаяния и покорства:

- Прости меня, Ганира. Не совладал я с собой. Некая сила толкает меня сжать тебя в объятиях. Ты же упорно меня избегаешь. Я совсем уж голову потерял. Не знаю, как добиться мне твоей взаимности, как сделать, чтобы полюбила ты меня так же, как люблю тебя я… На коленях молю: доверься мне. Давай поговорим откровенно, ничего не утаивая друг от друга...

- Прежде всего, вам должно понимать, что на руках у меня отец-инвалид, больная мать и двое маленьких братишек, которым, по возрасту, ещё рано работать, - резко бросила Ганира. - Кроме меня, заботиться обо всех них некому. Поэтому даже и не помышляйте о том, что, бросив в таком состоянии мою семью, соглашусь я на замужество. И наконец, если всё же решу я вступить в брак, то уж никак не с таким человеком, как вы!

Слова эти хлестнули Сафтара, точно пощёчина. До того горевшие страстью, глаза его внезапно сжались в щёлочки, лицо обмерло, уши сделались малиновыми. Однако и на сей раз сумел он удержать себя в руках.

- Отлично, значит, ты отказываешь мне? - И полный безнадежности его взгляд застыл на лице девушки, зардевшемся от возмущения.

- Да! - решительно отрезала Ганира.

- Но почему?! - вопросил Сафтар жалобным, просительным тоном.

- У меня вызывают отвращение негодные, бесчестные мужчины вроде вас, которые ради обладания красивой женщиной готовы пренебречь собственной семьёй и стать рабами сиюминутной страсти.

- Даже оскорбительные твои слова не способны погасить огонь моей любви, - напыщенно произнёс Сафтар. - Поэтому я заведомо примиряюсь со всем, что бы ты ни сказала. Однако есть вопрос, в котором нам надлежит сейчас же определиться раз и навсегда.

- Это какой-такой вопрос? - поинтересовалась Ганира.

- Или я развожусь с женой и законным образом женюсь на тебе, или же… - Сафтар осёкся и замолк.

- Сказавши "а", промолвите и "б": или что? - вспыхнув, потребовала Ганира.

- Или же поселимся где-нибудь подальше отсюда, - продолжил Сафтар. - А то можно и так… вступить в тайную связь, о которой никто и не прознает. Ну, что скажешь? Какой из трёх вариантов больше тебе подходит? Мои возможности хорошо тебе известны. Мне вверен крупный колхоз, в котором я полный хозяин. Я готов обеспечить тебе самое щедрое содержание, ты будешь осыпана самыми великолепными драгоценностями. И, разумеется, я возьму на себя все расходы по твоей семье…

- К сожалению, нужно мне совсем другое, - заметила Ганира. - То, чего дать мне вы не в состоянии.

- Не всё ли приобретается на деньги?! - удивился Сафтар и, достав из внутреннего кармана пачку красных тридцаток, показал их Ганире. - Я брошу к твоим ногам миллионы! В этом можешь не сомневаться.

- А я вовсе и не сомневаюсь в вашей щедрости, - усмехнулась Ганира. - Но, увы, того, что нужно мне, ни в магазине, ни на рынке не купишь.

- И что же это такое? - недоумевал Сафтар.

- Честь! Порядочность! Надёжность! Достоин-

ство! Мужественность! - не без яда чеканила Ганира. - Что может быть для женщины драгоценней этого?! Прискорбно, но в этом отношении вы беднее самого жалкого нищего.

- Да ты бредишь, Ганира! - возвысил голос Сафтар. - От мужественности как таковой никакого проку нет! Миром правит денежка. Я отдам тебе всё, что у меня есть. Твёрдо это уясни. На земле нет ничего сильнее любви. А я клянусь всеми святыми, что влюблён безмерно. Без тебя, душа моя, не мил мне белый свет. Только оттого сладок для меня галачинский воздух, что в нём различаю я аромат твоего дыхания!

- Ха-ха! - разразилась язвительным смехом Ганира. - Да тут, оказывается, объявился безумец похлеще Меджнуна и Керема, в сравнении со страстью которого их любовный пыл - досужее томление. - Произнеся это, девушка посерьёзнела. - Моё воспитание не дозволяет мне разговаривать в резком тоне со старшим, да к тому же ещё мужчиной, однако ваше поведение принуждает меня сказать: вы - лицемер. Учительница русского языка Наталья, медсестра Нушаба, бедняжка Гюльшан - дочь заведующего фермой, ушедшая от мужа и вернувшаяся под родительский кров, татарка Нателла из районной больницы… к кому ещё обращались вы с подобными же лживыми признаниями?! "Подвиги" ваши известны всей округе. Кому только не клялись вы в любви, за кем только не увивались! Получив свою должность и деньги,

вы лишились остатков мужества, благородства и чести! По сути, вы - несчастное существо, утратившее главные человеческие качества. Искони принято держать траур по умершим. Вас же живого впору оплакивать. Знай вы, каково вас ценят в деревне, вы бы сами предали себя смерти. Впрочем, на это у вас едва ли хватит духу. И должность, и беспутная ваша жизнь, которую вы считаете исполненной смысла, подобны дому, стоящему на зыбком фундаменте. Те, кто рукоплещет вам, заискивающе улыбаясь, за глаза говорят о вас, дескать, никогда ещё не было в Галаче столь двуличного интригана. В лицо превозносящие вас - в душе шлют вам проклятия!

Сафтар хотел что-то сказать, но неожиданно его окликнули с улицы. Скорее всего сюда наведалось должностное лицо из райцентра, по каковой причине все спешно бросились на розыски председателя. Вот почему Сафтар так и не ответил на последнюю реплику своей собеседницы. Быстренько приведя себя в порядок и восстановив выражение уверенности во взоре, он торопливо покинул библиотеку, даже не удосужившись проститься с Ганирой.

Точно повергнутая в скорбь, девушка обхватила ладонью лоб, погрузившись в раздумья. С длинных её ресниц, словно росные капли с цветочных лепестков, сочились слёзы.

У Ганиры с Сафтаром уже не раз происходили разговоры, подобные вышеописанному. Девушка

отлично понимала, что намерение у Сафтара одно - овладеть ею и всласть натешиться. Она стала напряжённо раздумывать над тем, как бы оберечь ей свою, беспорочную доныне, репутацию. И, в конце концов, посчитала, что спасётся от домогательств прожжённого бабника, единственно лишь уволившись из библиотеки и подрядившись на полевые работы, в которых занято было большинство сельчан. Другого способа избавиться от преследований Сафтара и от муки внимать гнусным его речам для Ганиры не существовало. Так, поневоле, девушке пришлось уйти из библиотеки.

Говорят: нет худа без добра. Хотя по окончании школы Ганира и получила специальное образование, она, дабы сохранить доброе своё имя, приобщилась к крестьянскому труду. Надев передник, она теперь убирала урожай, вязала снопы, молотила зерно, разводила червей-шелкопрядов, садила рис и тем худо-бедно умела прокормить свою семью.

Когда Джахангир посетовал по поводу того, что она ушла из библиотеки, Ганира не нашлась с ответом и промолчала. Тотчас нахлынули на неё воспоминания, которые, однако, не решалась она огласить. Присутствие рядом человека недюжинного авторитета словно бы наложило печать на её уста. Впрочем, Джахангир не был настойчив в своём любопытстве.

Так, в полном безмолвии, достигли они околицы.

Взятых ею на разведение полкоробка личинок шелкопряда Ганира обогревала теплом собственного тела, держа их за пазухой, в бязевой тряпице. Сейчас насекомым приспел самый срок расползаться по тутовым ветвям, а значит, запаздывать с кормлением этих тварей было нельзя. Ведь при недостатке питания черви, соответственно, меньше вырабатывали шелковичного сырья, сводя, таким образом, на нет все положенные на них труды. Именно поэтому, отработав на рисовом поле, Ганира всякий раз занималась сбором лиственных тутовых веточек.

Когда они вступили в деревню, девушка поблагодарила Джахангира за помощь и хотела было забрать у него свою вязанку. Однако тот заупрямился и, лишь проводив Ганиру до самых ворот её дома, расстался с поклажей.

Спросив родителей об их самочувствии, Ганира затем торопливо прошла в комнату, где находились шелковичные черви. Необходимо было скормить им листья, пока те не пожухли. И Ганира аккуратно распределила корм по всей площади лотка, в котором черви кишели наподобие муравьиной колонии. В натопленной печью комнате послышался тихий шорох, напоминающий шум реки. Здесь витал распространяемый шелкопрядами тяжёлый дух. Ублаготворив насекомых, толщиной в распухший палец, Ганира сразу же отправилась в хлев, к опроставшейся недавно скотине. Вслед за тем она сноровисто растопила самовар. Потом

установила кастрюлю на металлический диск и затеплила под ним огонь. Всё это проделала она без чьей-либо помощи, охотно и ничуть не утомившись. Ведь трудилась она для своих хворых родителей и малолетних братишек…

* * *

В тот вечер погода резко испортилась. Над горами, окружавшими Галачу, клубились тёмные тучи. Шёл прерывистый дождь.

Сон у Джахангира в эту ночь был тревожным. Ибо стоило ему прикрыть глаза, как громовые раскаты, беспрестанно сотрясающие и небо и землю, тотчас пробуждали его от дрёмы. Слышался шум взмученной воды, бегущей по деревенским улочкам. На подворьях уровень её уже превысил полметра. Лишь под утро тучи над селом растаяли, исчезнув вместе с ночным мраком, воздух сделался прозрачен, и редкие звёзды разом растворились в проясневшем небе.

Спозаранку вышел Джахангир из дому и, оседлав Рыжуху, отправился к арыку. Грохот селевой стремнины стоял над деревней. Мелкие ручьи близ Галачи разом слились в единый поток. Неистово клокочущий сель, выплеснувшийся из поймы, подымался всё выше и выше, словно желая поравняться с вершинами окрестных гор. Несмотря на то что дождь перестал, сель, сходящий с отдалённого кряжа, не терял силу. Джахангир решил было

двинуть свою кобылу прямиком в поток, однако вовремя отказался от этого намерения. Будь вода чистой - дело другое: его Рыжуха без труда одолела бы и не такую стремнину. Однако при данных обстоятельствах едва ли удалось бы ей избежать опасности, исходящей от валунов, перекатываемых зловонными селевыми струями. Животное могло оступиться, и тогда его вместе с хозяином увлекло бы с собой течение. Вот почему, придержав лошадь, Джахангир стал дожидаться спада воды.

На том берегу показались бредущие от мельницы ослы, нагруженные мешками с мукой. Так же как Джахангир, их погонщики не осмеливались пересечь с животными поток. Лишь юные отчаянные головы, желая показать свою удаль, готовы были вступить в воду.

- Ну, с Божьей помощью, будь что будет!.. - гомонили они.

Посмотрев в их сторону, насупившийся Джахангир погрозил юношам пальцем.

- Да убережётесь вы лиха! С селем шутки плохи, ну-ка немедленно брысь отсюда!

Бесшабашная молодёжь послушалась Джахангира и, приведя в надлежащий вид свои, ранее закатанные до колен, штаны, отошла от потока подальше.

Тем временем внимание Джахангира привлекло плывущее по реке лоховое дерево, наверняка выкорчеванное селем где-то в горах. Корни дерева то исчезали в глубоких водоворотах, то вновь всплывали, покачиваясь на воде. Наконец, зацепив-

шись за скалу, лох остановил свой бег. Он бился, как в лихорадке, и, казалось, взывал к помощи людей, что так часто находили отдохновенье в его сени и угощались его плодами. Едва-едва виднелись его обкромсанные серебристые листья и тонкие ветви. Поток всею мощью своей сотрясал дерево, словно бы наказуя его, уже почти что мёртвое, за некую провинность. А лох между тем молил о пощаде, тщился вырваться из пасти коварного потока и выплыть на берег, стремился вновь воссоединиться с землёй, чтобы воскреснуть на ней, залечить свои раны и распрямить стан. Но дерево по-прежнему крутило и крутило в чёрном водовороте. Трепеща в объятьях селя, оно истово сопротивлялось ему, отказываясь покориться. И за беспощадным этим поединком наблюдал сейчас Джахангир. Однако вскоре поток сковырнул самый валун, к которому прибило дерево, похоронив обоих в своей пучине. Прежде раз-другой лох сумел-таки из неё вынырнуть, отчаянно маша своими ветвями-крыльями. Но противостоять натиску воды он был бессилен. И, побеждённый стихией, мученик сложил свои "крылья" и навеки канул в смрадной жиже.

Джахангир помнил это дерево ещё стоящим в прибрежной лощине, на окраине долины Акгая. Не раз в пору косьбы закусывал он в благодатной тени лоха, одетого в золотистокистяной цвет, утолял здесь жажду из ручья, протекавшего в шаге от древесного корневища, а на исходе осени - вкушал

сладчайшие лоховые ягоды, впрок набивая ими доверху свои карманы. Оттого-то гибель поглощённого селем дерева омрачило Джахангиру настроение на весь оставшийся день. Словно бы не бездушный лох, а его самого, Джахангира, разбило о камни и увлекло в пучину. Было бы это возможным, он преградил бы путь селю и спас бы дерево. Но, увы, сделать это было нельзя. Воистину природа сродни человеку: она столь же милосердна, сколь своенравна, мстительна и жестока...

Невольный свидетель агонии векового лоха, Джахангир погрузился в глубокую задумчивость, путаные мысли унесли его далеко-далеко. Необычайно сдержанный по натуре, сейчас он был крайне растроган и удручён случившимся. Печальная участь лоха, ранним весенним утром заглоченного мутным потоком, этого дитя земли, что спокон веку одаряло крестьян дивным благоуханием и обильными плодами, потрясла Джахангира. Ему было больно за это чудное творение природы. "Вот, - подумалось ему, - не стало ещё одного ветверукого старожила-галачинца! Без благодатной тени осталось столько живых, разумных и неразумных, существ! Лишился исконного своего собеседника и местный ручей!.." Мысли кружились в голове у Джахангира, совсем как давешний лох в клокочущей мути...

Дождь перестал несколько часов назад. Стояла ясная погода. Сель явственно терял силу, и вода в реке, делаясь всё более светлой, постепенно возвра-

щалась в привычное русло. С помощью Рыжухи переправив через поток селянок, которым нужно было на противоположный берег, Джахангир неспешно продолжил свой путь.

Когда он добрался до арыка Делме, земля уже совершенно просохла. В лучах утреннего солнца, подобно хрустальной зерни, сверкала роса на цветах, пёстрым ковром устилавших склоны гор. Степенно переступающие тонкими своими ногами, аисты ходили по рисовому полю, словно бы напрашиваясь в помощники находящимся тут же людям. Женщины, работающие на залитой водой плантации, хором распевали песню. К весёлым их голосам примешивались гул реки и доносящийся с мельницы перестук.

Сегодня Ганира почему-то опоздала на работу. С застенчивым видом поздоровавшись с Джахангиром, она потупила голову и скоренько, как будто её толкали в спину, прошла мимо. Ей вслед на своём иноходце проехал председатель. А на некотором от них расстоянии трусила кляча бригадира Фарамаза. Несколько раз председатель тихо окликнул девушку: "Ганира! Ганира!" Но та, прикинувшись, будто не слышит его, ещё прибавила шаг. Наглость Сафтара привела Джахангира в бешенство. Безотчётно глянувшему вверх, внезапно пришла ему на память трёхлинейка, накануне укрытая им под Гызылгая. Однако возникшее у Джахангира неопределённое намерение так же неожиданно его и покинуло.

- Проклятье! - пробормотал он и, вынув из кустов инструменты, оставленные там прошлым вечером, с яростью взялся за работу.

Сегодня подвигалась она много трудней обыкновенного. В этом месте арык густо зарос тамариском, а также алычой и диким тутом, и требовались значительные усилия, чтобы расчистить от них сухое русло. Лишь после этого стало бы возможно продолжить прокопку.

Перво-наперво, вынув из сумы продолговатый, с деревянной ручкой оселок, Джахангир принялся терпеливо натачивать секач и топор. В результате лезвие у первого сделалось острым, как у боевого меча, а последним так и вовсе бриться стало впору.

В это же время бригадир садоводов Шахсувар, младший по возрасту свойственник Джахангира, всласть лакомился хотя и красной, но не вполне созрелой черешней, которую обрывал с нижних ветвей дерева. Напоследок припрятав в кармане горсть ягод про запас, Шахсувар перелез за садовое ограждение, и, воззрившись на Джахангира, приветливо произнёс:

- Не знать тебе усталости, дядюшка Джахангир?! - И, сунув руку в карман, выпростал оттуда и протянул старику несколько черешен. - Хоть и румяны они, поливали дерево, сразу видать, недостаточно. И всё же ягода вполне съедобна. Скушай-ка парочку-другую.

Джахангир не стал отказываться от угощения. Он взял себе несколько ягод, вернув остальные Шахсувару.

- Спасибо, - сказал он. - Да пребудет с тобой достаток!

Шахсувар поразился многочисленности земляных холмиков, нагромождённых Джахангиром вдоль наново прорытого арыка, и сочувственно промолвил:

- Э-эх, долгих лет тебе! Сам себя головной боли сподобил! Это ещё цветочки - ягодки ждут тебя впереди. Не верится мне, что до лета сумеешь ты с арыком закончить. - Бригадир с сомнением покачал головой. - Самым хлопотным будет расчистить тот отрезок Делме, что проходит под холмом. Уж и не знаю, как угораздило тебя взяться за этакую работёнку. Сотню лет никто и не вспоминал об этом арыке, ты же, вот ведь, вбил себе в голову, будто непременно должен его восстановить!

- Эх родственничек, а ещё партбилет в кармане носишь! - усмехнулся Джахангир. - Да разве ж пристали такие слова истинному партийцу?! Должно благословлять на труд, а вовсе не отвращать от него работника! - иронично заметил он. - В этом мире неодолима только смерть. И потом - те, кто под холмом прокладывали арык, не с неба же они сошли и не о двух парах рук были, а были поди люди обыкновенные, как вот мы с тобой. Просто нынешний народ удалью оскудел. Боязно ему стало кожицу свою о колючие кусточки ободрать. Вот все мы - и я, и ты - твердим, дескать, что Бог ни даст - всё во сласть. Разумел так же и Мулла Таги - человек дрянной, но сведущий и башковитый. Правда,

ум свой по большей части направлял он на то, чтоб обирать других, имея жажду стяжательства столь же острую, как клинок у Святого Али. Ребёнком некоторое время состоял я у него в учениках. Так вот, любил он повторять дедовскую мудрость: сеять, о земле не радея, что радеть о ней - не сея. В стародавние времена Делме-арык питал, по нынешним меркам, целых триста гектаров земли, а усох он - на угодьях этих, сам знаешь, трава, и та более не произрастает. Хоть человек я простой, неучёный, но думается мне, зачахшая от безводья земля обиду на галачинцев затаила и вознегодовала на них. Не будь она безгласой, то, верно, укорила бы нас: "Всего-то горсточка водицы - и не погибли бы обильные мои сады, бахчи и златоколосные нивы! Ведь с той поры, как стала я бесплодной, избегают меня даже пичуги с букашками и в сторону мою никто более не глядит!" Галачинские наши женщины, скандаля между собой, сыплют проклятиями: да затворится твоё чрево, да не знать тебе вовек материнства! Нынче же Джаянский дол ровно проклятый. Арык его порушен, вода - ушла, былинки, и той нигде не сыщешь, чтобы в зубах поковырять!

Произнося свою речь, Джахангир всё более возбуждался. Шагнув вперёд, он вперился в Шахсувара.

- Ты хоть и помоложе меня, но кое-что в жизни уже повидал. И лежит к тебе моё сердце оттого, что человек ты - прямой и никогда не променяешь честь на бесчестье. Нам с тобой выпало жить во времена,

когда вся грязь в князья подалась. Вот и у нас в Галаче начальником поставлен сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, - невежда и бездельник. И у всех на виду творит он свои непотребства. Да и что для Бесштанникова отродья арык Делме! Заботит ли волка мулова холка?! Наплевать Сафтару, вернулась иль нет вода в старый арык, орошается иль иссыхает Джаянский дол! Не зря говорят: милость Богова возвысит и убогого. У кого плеть - от того и терпеть! И кто ни приедет из района, все дуют в одну дуду с нечестивцем. Ну можно ли иметь дело с таким человеком?! На дню по нескольку раз ездит мимо меня туда-сюда. Сделай милость, скажи, коли он и подлинно начальник, то почему никогда не спросит - дескать, как подвигается у тебя работа, Джахангир, не нуждаешься ли ты в чём? Всё-то ему трын-трава!

Говоря это, Джахангир буквально кипел от гнева. Продолжал он с ещё большим запалом:

- Лишь только припомнится мне всё это, как, да, я бываю готов признать твою правоту. Верно говоришь - арык восстанавливать надо всем миром, одному человеку тут не управиться. Ну, да что теперь о том толковать! Верхом на тёлку стыдно сесть, вдвойне ж зазорно - с тёлки слезть... Я и сам понимаю, что взялся за неподъёмное дело. И, чтобы не навлечь на себя выговоры и насмешки, мне следует закончить работу по крайней мере к середине лета. Положение, таким образом, создалось деликатное. Но, поскольку мы с тобой одного рода,

кое во что я могу тебя посвятить. Знай же: души наших мёртвых скопом напустились на меня. Только окажусь я на горной тропе, как сейчас же со всех сторон атакуют меня скалы и утёсы. Чьи-то грозные голоса непрестанно твердят: "Джахангир, пока не расчистишь арык Делме, нет для тебя места в раю!" Тайну эту, Шахсувар, я тебе первому открываю. Теперь тебе понятно, почему хоть тресни, но должен вернуть я к жизни этот арык? Заветная моя мечта - чтобы, утолив свою жажду, наконец возликовал Джаянский дол и чтобы, когда придёт мой срок лечь в землю, она приняла меня со всем радушием. Мне необходимо заслужить право упокоиться с миром.

И Джахангир полушутливо прибавил:

- Ну, милый моему сердцу партиец Шахсувар, доблестнейший из мужей Забыхлы, уяснил ли ты теперь, зачем дядюшка Джахангир, подобно Фархаду, с утра до вечера машет здесь киркой, обливаясь потом?! Уразумел ли, почему Упрямец морит себя в гиблом этом месте?! Притом же никто из сподобивших тебя партбилетом и носа сюда не кажет. Все они лишь до одного охочи - речи гонять да тёпленькие места себе выторговывать, на которых даровыми деньжатами вдоволь разжиться можно!

Шахсувару прекрасно были известны убеждения Джахангира, и потому он, ни словом не возражая родственнику, молча слушал его, согласно кивая головой. Ясны были бригадиру и намёки Джахангира, по поводу которых не смел он выс-

казаться вследствие должностного своего положения. Ведь, в отличие от Джахангира, в кармане у него лежал партийный билет, и, прояви он неосторожность, о промахе его тотчас прознали бы "наверху", после чего заклеймили бы позорным прозвищем да и вышибли бы из партии. Последнее же означало полный жизненный крах. Лишившийся партбилета, Шахсувар автоматически делался изгоем. После этого в деревне с ним перестали бы здороваться. Сдохни он где-нибудь на отшибе - его и искать бы никто не стал. К выдворенному из партийных рядов не могло быть никакого уважения! И ещё знал Шахсувар, что отношения у Джахангира с председателем крайне прохладные. А потому, сведай Сафтар о том, что его бригадир встречался и имел доверительную беседу с Джахангиром, он наверняка бы лишил Шахсувара должности. Придумал бы какой-нибудь предлог и уволил бы с работы. Поэтому Шахсувар, сославшись на неотложные дела, поспешил распроститься с Джахангиром. И всё же напоследок бригадир выказал-таки смелость:

- Джахангир, не мне тебя поучать, но времена нынче дурные. Глина сделалась поувесистей булыжника. А потому не резон, став на одну ветку, растряхивать тысячу. При мне можешь говорить что хочешь - беды не случится. Мы с тобой одного рода, и через меня лиха тебе не будет. Но не веди ты подобных речей с другими. И у земли есть уши. Хорош или плох председатель, но поставлен он

здесь властью. И чем меньше ты будешь его поминать, тем спокойней проживёшь. Знаю, что ни говоришь ты, всё - правда, но только кому она нынче нужна?! Её, правду, при себе держать надобно.

Джахангир презрительно усмехнулся.

- Говоришь ты как истинный партиец. Постарайся только не стать как наш председатель - коммунистом, у которого дела со словами расходятся. Не обижайся, Шахсувар, и не думай, будто ненавижу я всех партийцев без разбора. Отнюдь, мой милый. Среди них также достойные люди имеются. И к таким я - со всей моей душой. Только бы не были они проходимцами, подобно сынку Бесштанника Гасыма, Спесивцу Сафтару. Паршивая овца, известно, всё стадо порочит! И таких, как он, коммунистов я на дух не переношу. Моя бы воля, я бы всем им головы поотрубал!

Понимающе переглянувшись, мужчины улыбнулись. Продолжать беседу они не стали. Всё, что имели они сказать, ясно прочитывалось в их глазах. Шахсувар двинулся своей дорогой, Джахангир же вновь взялся за топор...

В этом месте арык заграждали густые заросли, пройти сквозь которые было чрезвычайно затруднительно - шипы ежевики и держидерева впивались в кожу, точно змеиные зубы. Посредине арыка тянулся вдоль русла ряд ветвистых диких шелковиц. И всё это предстояло порубить, прежде чем браться за кирку, мотыгу и заступ. Не будь в том необходимости, Джахангир и веточки бы не тронул на

тутовниках, столь необходимых шелководам. Но выбора у него не было. Арык был протянут между скал, и перенести его русло куда-либо повыше или пониже не представлялось возможным. Арыку надлежало течь строго по старой протоке. И Джахангир приступил к вырубке здешних кустарника и деревьев.

Немолчный треск мельницы по временам делался для него невыносимым. Внутри у Джахангира всё закипало при воспоминании о том, каких усилий и мук стоила доставка сюда из Карабаха, на бычьих упряжках, жерновов, установка мельничного колеса и прокладка жёлобов. И кто же в результате добром этим завладел! "Мы надрывались, а с трудов наших жирует подлых кровей шпана! - негодовал он. - Вот она - рабоче-крестьянская власть, облагодетельствовать нас обещавшаяся!"

Вне себя от гнева, махал Джахангир топором, не разбирая, что рубит. И вдруг хватил им себя аккурат по левому колену. Кровь мгновенно залила ногу. Немедля выхватив из кармана спички, Джахангир зажёг свой носовой платок. Задрав штанину, он приложил затем к ране тлеющую тряпицу. Лишь только унялось кровотечение, Упрямец оторвал от старой, сплошь в прорехах скатёрки лоскут, шириною в ладонь, и перевязал им рану.

Солнце поднималось всё выше, и тени от ближних скал уже подступили к самому арыку. Между тем пот на Джахангире ещё не просох - нижнюю его

рубашку выжимать было впору. Усталым взглядом обвёл он рисовое поле, но не увидел там никого, кроме разве нескольких выискивающих себе добычу аистов да пары ворон. "Стало быть, все ушли на обед", - подумал Джахангир. Расстелив вслед за тем ободранную с одного края скатёрку, он разложил на ней прихваченные из дому хлеб, масло, шор* и яичницу с варёным мясом. Подкрепившись, решил дать себе короткий роздых, для чего привалился спиной к плоскому белому речнику. До сей поры не слишком его беспокоившая, рана, под воздействием холода, всё сильнее саднила. Боль, однако, не помешала Джахангиру погрузиться в дрёму - веки его смежились как бы сами собой. Совершенно безмятежный, он захрапел. Струйка слюны, вытекшая из приоткрытого рта, пробежала по его подбородку и морщинистому горлу. Укусов налетевших ему на лицо крохотных мошек он совсем не чувствовал.

Неожиданно внизу откоса, из-за камышей, которыми забрано было всё пространство между садом и рекой, с шумом взмыли две птицы. Расстояние они пролетели небольшое, приземлившись подле стоящих неподалёку деревьев. И тотчас в саду грянул встревоженный грай, какой подымают птицы лишь в случае, когда вблизи их гнёзд появляются змея, ястреб или же ворона. Однако среди этого гвалта слух Джахангира явственно различил вскрик, несомненно произведённый женщиной.

* Подсоленный творог.

Вздрогнув, Джахангир очнулся и, потирая глаза, молвил про себя: "Может, померещилось?.." Но крик повторился, и Джахангир понял, что не обманулся и что где-то в камышах сейчас происходит борьба между мужчиной с женщиной. При этом последняя громко, с надрывом вопила: "Подлец!.. Ничтожество!.. Мерзавец!.." и, в надежде спастись от неизвестного покусителя, звала на помощь. Несмотря на ранение и крайнюю усталость, Джахангир вскочил с земли, точно заприметивший добычу лев, сунул за пояс топор и резво перемахнул через высокую садовую ограду. Оказавшись на той стороне, он ринулся в направлении кустов, разросшихся под фруктовыми деревьями. И тут увидел: в тени разлапистой груши, сцепившись, катаются по земле Ганира и Сафтар. Кровь бросилась в голову Джахангиру, ум его помутился. Упрямец готов был изрубить обоих борющихся. И уж подался было вперёд, как вдруг, задев больной ногой за сухое корневище, рухнул наземь. Впрочем, сей же миг он вновь был на ногах. Между тем девушка, обеими руками впившаяся в горло Сафтара, отчаянно силилась его задушить, тогда как тот упорно тянул к ней ладони, с очевидным намерением заключить её в объятия. Джахангир поднял с земли ранее обронённый им топор и в это мгновение был обнаружен.

- Дядюшка Джахангир! - завопила девушка.

Но не успел Джахангир подступить к ним вплотную, как Сафтар стремглав, безоглядно сиганул

прочь. Не задержись Джахангир подле преградившей ему путь мушмулы, он убил бы обоих. Сафтар успел скрыться в густых зарослях, а Ганира, тяжело дыша, убежала в камыши. С секачом в руке, Джахангир долго высматривал повсюду беглецов, но вести поиск кого-либо, затаившегося в дремучем саду и в непролазной камышовой чаще, было занятием, заведомо безнадёжным. Глаза у Джахангира налились кровью, он готов был растерзать Сафтара. После случившегося позора не стоило жить и Ганире.

Джахангир вышел к реке, и, разразясь проклятиями в адрес девушки и председателя, двумя горстями воды оплеснул себе взопрелое лицо. Долго после этого пребывал он в неподвижности, водя глазами вверх и вниз по течению. В относительно спокойном и прямом плёсе стоял с неводом рыбак. Прикусив зубами краешек сети и придерживая правой рукой остальную её часть, он отвёл корпус влево, вслед за этим резким броском наметнув невод на стрежень. По истечении нескольких минут рыбак осторожно выбрал сеть обратно. Кроме этого человека, на берегах обозримого участка реки не было ни души.

Сады, окрестные горы и пастбища покойно дремали под лучами весеннего солнца. Слышны были шум реки, скрежетание мельницы и голоса крестьян, корпящих на рисовой плантации. Но Джахангир находился не в том состоянии, чтобы пленяться окружающими его красотами. Казалось,

он ничего не видит и не слышит. Он прошёл мимо отстоявших от щебнистого берега зарослей камыша, прогулялся по верхней террасе сада, после чего двинулся назад, к арыку. Тут он приступил к прерванной накануне своей работе. Та, однако, более не воодушевляла его, руки у Джахангира стали точно ватные, топор, хоть и отменно наточенный, казалось, рубил уже не столь исправно, как прежде. Ко всему прочему, давала о себе знать и совсем ещё свежая рана. Джахангир положил на землю свои секач и топор, поднялся на раскинувшийся на пригорке луг и, присев там, обхватил ладонью подбородок. Обратив лицо в сторону Гызылгая, он вспомнил вдруг о своей трёхлинейке. "Жаль, далеко она была, - подумал он, - не то пристрелил бы их обоих, избавив Галачу от небывалого срама. Тогда бы все убедились, что будь то хоть мужчина, хоть женщина, но нечестивцу у нас в селе от века места нет. Лучше в застенке гнить, нежели слышать, как поносят твой дом!"

Тяжкая дума навалилась на Джахангира. Точно целая гора обрушилась на него. "До времени не резон придавать это дело огласке, - вслух размышлял он. - Женщина, конечно, существо сложное. Не зря ещё отцы говорили: ни коню, ни псу, ни бабе - доверья нет. Касательно же Ганиры… ну что Ганира?! Может, сама же кобеля и завлекла. Ведь тёлка не приворожит - телок не прибежит. Хотя сомнения меня берут. Грех - оговаривать человека. Ганира же, это всем известно, - девица порядочная.

Многие в деревне подкатывают к ней, но она и близко никого к себе не допускает. Блюдёт себя безупречно. Всяк, знающий Ганиру, о ней скажет - светлей луны, чище слезы. Вот только собственная красота бедой её стала. Сваты косяками снуют к её порогу, она же всем - от ворот поворот, потому как вся семья на одной лишь ней. Без остатка, бедная, посвятила себя заботам о больных своих родителях и малолетних братьях!.."

Чем дольше раздумывал Джахангир, тем менее верилось ему в то, что Сафтар оказался способен соблазнить и сбить с пути такую девушку, как Ганира. "Да и к тому же, - рассуждал он, - если всё у них происходило полюбовно, спрашивается, зачем было ей кричать на всю округу?! Возглашать при виде меня: "Дядюшка Джахангир!"?! Ведь в обращении этом явственно слышалась мольба!.. Нет, вины на Ганире быть не может. И тем не менее отныне она - ягодка порченая. Кто теперь водиться с ней станет?! Уж лучше ей умереть, чем жить с этаким клеймом. И всё - вследствие непотребства этого пёсьего отродья, сынка Бесштанникова. Вот ведь какая доблесть - партбилет в кармане иметь! Да к тому же ещё и зятька, что в райцентре начальничьих лошадей холит! А в придачу и сестричку, которая этому же начальству подстилкою служит! И стало быть, вольно теперь отпрыску Гасымову творить над нами, что ему вздумается! Захочет - девушку обесчестит, пожелает - доброе имя втопчет в грязь! И никто слова ему поперёк не скажи! Как

же, ведь он - лицо, облечённое доверием самой советской власти! За ним стоит высшее районное руководство! И выходит, мы для того лишь родились на свет, чтобы стоять в сторонке, как бессловесные рабы, и глазками на него хлопать! А ещё - при всяком случае рукоплескать ему и возносить хвалы, признавая в нём, Бесштанниковом сыночке, пуп земли, своего благодетеля и единственную надежду... Не-ет, этак не годится! Если у него - должность, партбилет и дружки-покровители, то у нас - достоинство и честь. Честь, она Аллахом даётся, должность же - государством. Так что наше достояние - вечное, его же - преходяще. Ничего-ничего, и на нашей улице быть празднику. Недолго осталось благоденствовать Сафтару. Потерпим ещё чуток. Поглядим, дядька ли тюк одолеет или же тюк - дядьку. Терпение, Джахангир, терпение! За всяким подъёмом следует спуск…"

Долго ещё сам с собой говорил Джахангир. И в конце концов твёрдо решил до поры молчать о давешнем позорном происшествии. "Во-первых, - рассудил он, - Ганира - девушка на выданье, и надлежит думать о её будущности. Ведь если дело это откроется, то ей до самой смерти жениха себе не залучить. Потому-то лучше всего - держать мне язык на замке. Может, зажжётся ещё для Ганиры счастливая звёздочка и встретится ей заветная половинка. А во-вторых - чем, спрашивается, она виновата?! Поди с подонком этим столкнулась она случайно, листья собирая. Что же касается Спе-

сивца Сафтара, Бесштанникова сынка, то кровь ему пустить - несомненное благо. Лишь выпадет случай, я сам с ним рассчитаюсь. И то сказать, напавший на беззащитную девочку способен завтра и на кого другого покуситься. Приведётся, так и на мою дочку тоже. От мерзавца впору ждать чего угодно. Должность вконец растлила Спесивца. Ни самого Аллаха, ни рабов Его не страшится! Ведь наверху, в саду и на плантации, - тьма людей, а у реки - я, так насколько же обнаглел Сафтар, если и это не отвратило его от похабства?! Ну, да ничего, день придёт, я изловлю его и задушу собственными руками. Если же к нему будет не подступиться, что ж, тогда слово своё скажет трёхлинейка. И воздастся, наконец, негодяю за его бесчинства. И всяк, кого ни пришлют на его место, наперёд будет знать, что не позволено всякой сволочи нами помыкать, неважно - партийная она или нет!"

И, закончив на этом пространный свой монолог, Джахангир поднялся и продолжил рубку загромождавших руслище кустов и деревьев.

* * *

Лицо у Ганиры было исцарапано, полрукава тонкой ситцевой её кофты - оторвано напрочь. Сквозь прореху в розовых шальварах проглядывало голое тело.

Вступив в камышовую чащу, Ганира тотчас же по грудь провалилась в топкую песчаную жижу.

Однако, успев вовремя ухватиться за вислые ивовые ветви, она всё же сумела выбраться обратно на бережник. Низко пригнувшись, прячась за притёртыми друг к другу припойменными деревьями, ползком добралась девушка до Белой скалы, притулившейся в кустах, в самом низу откоса. Перебравшись через скалу, Ганира укрылась за ней.

Спокон веку рос здесь шиповник. Противостоящий речным волнам, ныне распустил он цветы, колышущиеся прямо на водной поверхности. Подле него стояли невысокие алычовые деревца.

Теперь Ганиру можно было заприметить разве что с безлюдных холмов, находящихся по эту сторону от скалы. Вода здесь смиряла свой бег, кипя под валуном, как варево в поставленном на большой огонь чугунке, образуя далее каскад бурлящих завертей. Место это называлось "Девебатан"*. По преданию, под нависшей над стремниной скалой находилась необъятная, невидимая снаружи полость, угодив в которую любое живое существо исчезало навсегда. Считалось, что некогда канул здесь верблюд, вследствие чего и получил своё имя этот страшный, с клокочущим водоворотом, перекат. Оттуда, где стояла сейчас Ганира, выглядел он особо устрашающе.

Бесчисленные, с выставленными вперёд хоботками, пчёлы, зудя свою песнь, собирали нектар с окружающих цветов. Ясноглазые и печальноголосые щурки с переливчатым жёлто-красно-голубым

* Дословно: верблюжья топь.

опереньем частью кружили стайками в небе, частью - предавались играм в глубине бурой лощины. Эти чудесные создания словно бы состояли в постоянном соперничестве, показывая друг другу, как именно надо летать, строить гнёзда, нести яйца и вскармливать птенцов. Светло-сизые лесные голуби и более мелкие жаворонки и скворцы заняты были привычными своими хлопотами.

Ганира между тем пребывала в крайней подавленности. Отрешённо окидывала она взглядом открывшийся перед ней прелестный пейзаж - чарующий, исполненный жизни мир, казавшийся ей неким сном. Вновь переживала она драматичные мгновения своей судьбы. Всё вокруг представлялось ей в зловещем адовом свете. Она была на пороге безумия и совершенно не знала, что предпринять.

Вдруг невесть откуда прилетевший вяхирь уселся на камне, к которому привалилась девушка, и с пристальностью уставился на неё. Вероятно, птах принял Ганиру за одного из обитателей этих мест - тура, джейрана, косулю или кого-то ещё и именно поэтому ничуть не испугался девушки и сейчас же не упорхнул прочь. Похоже было, что на груди у вяхиря закреплён некий изящный белёсый предмет. "Может, это мои жемчужные бусики? - подумала Ганира и непроизвольно ощупала свою шею. - Наверное, мерзавец-председатель сорвал их с меня, когда мы с ним боролись. Да-да, скорее всего это они и есть - мои бусики, - решила девушка. - А что,

если это и не вяхирь вовсе, но прекраснейший из ангелов - посланник небес?! Наверное, в утешение мне и доставил он сюда эти бусы, задержавшись, чтобы разделить со мной мою беду, а возможно, и чтобы вызволить меня из неё".

Раздумывая, Ганира безотчётно протянула руку к вяхирю, однако немедленно раскаялась в собственной опрометчивости: тотчас осознавший, что перед ним - человек, вяхирь взмахнул крыльями и взмыл в небо, в одно мгновение скрывшись из виду. Вместе с ним покинул Ганиру и зародившийся было в её душе луч надежды. После улёта птицы девушка совсем пала духом. "Неужели то была лишь волшебная грёза - плод больного моего воображения?! - сокрушалась она. - О Создатель, и почему птицы страшатся людей? Будь я хищной волчицей, львицей или же тигрицей, возможно, вяхирь и не покинул бы меня. Лишь углядев во мне человеческое существо, неразумная бессловесная пичужка припустилась прочь. Без страха птицы устраиваются на спинах у овец, грозных буйволов и ретивых лошадей. Одних только людей птахи упорно избегают. Но что тут говорить, если даже мне - человеку, приходится беречься себе подобных, бежать от них, прятаться от их взора?! Вот, укрываюсь теперь за отвесной этой скалой!.. О Аллах, пристало ли бояться ближнего своего?!."

Будучи явно не в себе, Ганира, точно оглушённая, сделала несколько шагов вниз по откосу. Теперь водоворот виден был ей особенно хорошо.

Она глядела в клокочущую кипень и размышляла о дальнейших своих действиях. "Как же в таком-то виде покажусь я на глаза односельчанам?! Как объясню им, отчего исцарапано у меня лицо и разорвана одежда?! Нет-нет, сквозь прорехи на одежде видно моё тело, и такой я никак не могу предстать перед людьми. Обожду-ка я здесь, пока сядет солнце, а уж потом как-нибудь доберусь просёлком до дому и сменю платье. Следует также помыться и привести в порядок лицо. Если станут приставать ко мне с расспросами - скажу, дескать, собирая листья, упала с дерева. Это - ладно, положим рассказ мой окажется убедительным и подозрения на мой счёт у всех рассеются, но как быть с дядюшкой Джахангиром?! Ведь он был всего-то в двух шагах от нас и наверняка узнал обоих, а кроме того, наблюдал моё бегство! Как тут мне оправдаться?! Возможно ли упросить почтенного и строгого ревнителя морали, каков есть Джахангир, сохранить в секрете столь вопиющее безобразие?! Да никогда! И нет сомнений в том, что, вернувшись ввечеру домой, расскажет он о произошедшем и жене, и своим детям, а того гляди, и друзьям. Так что назавтра история эта станет достоянием всей Галачи, и люди начнут перешёптываться: "Слыхали, в саду застигли Ганиру с председателем, причём в самом непотребном виде!" Меня станут вовсю клясть и обзывать "гулящей девкой". Сподобившаяся общего презрения, сделаюсь я позором для моих родителей и братьев. О Господи, и за что Ты

воздал мне такой карой! Неужто до конца моих дней нести мне на себе клеймо презренной распутницы?! Не только отца с матерью, моих братишек и самый наш род - я целую деревню на весь свет ославила! Так зачем же Ты породил меня, о Незримый?! Вправе ли порочная женщина вроде меня ходить по земле Галачи, дышать чистым её воздухом, пить её воду, есть благословенный её хлеб, смотреть в глаза её жителям?! Нет и ещё раз нет! Не достойна ты сего, Ганира! И наказание, тобой заслуженное, должно принять тебе от собственных рук! Именно так! Потому что лишь тебе известна истинная цена твоего благочестия!"

От бессилия дать ответ на собственные же вопросы у Ганиры закружилась голова и потемнело в глазах. Ей начало мниться, будто река потекла вспять. Она перестала различать окружающие скалы, горы и откосы и явственно теряла равновесие. Словно бы и цветы, умытые свежей росой, и мшистая скала, возле которой вынесла себе приговор девушка, и зеленеющие деревья - все разом отворотились от Ганиры, опозорившей себя и свою деревню, и теперь отстранялись от неё, с незримою силой толкая бедняжку в объятья мучительной смерти.

Отчаянный девичий крик огласил вдруг окрестность. Лёгкий весенний ветерок вздул тонкую юбку Ганиры, застывшей на отвесной скале. И вот, прежде несколько раз перевернувшаяся в знойном воздухе, страдалица камнем ушла в пузырящуюся

пучину. Говорят: вода отвергнет жертву, если та не чиста. Следует думать, несчастная и подлинно была беспорочна в глазах Создателя, ибо клокочущий поток охотно раскрыл Ганире целомудренные свои объятья и тотчас сомкнул их над ней, взметнув в небеса сотни белёсых брызг. И, обёрнутая в безмерную лазоревую плащаницу, канула Ганира в вечность...

* * *

Джахангир был единственным очевидцем возмутительного непотребства Сафтара. И сознание этого привело в расстройство мысли и чувства председателя. Словно бы накануне случилось схоронить ему своего отца, Бесштанника Гасыма. Застань Сафтара с Ганирой кто-нибудь другой, большой бы беды не было: председатель наверняка бы смог умаслить свидетеля и сохранить всё в тайне. Но мыслимо ли договориться с Джахангиром?! Ведь Упрямец непременно станет, как конь, на дыбы и во всеуслышание объявит о том, что довелось ему лицезреть. И если словам этим не дать опровержения, то - дело ясное - не быть больше Сафтару ни председателем, ни коммунистом! Как мышонка за хвост, возьмут его за шкирку да и отшвырнут прочь! И сейчас Сафтар заведомо переживал свой грядущий крах. А ещё - отчаянно искал способ, как бы сей участи ему избежать. Мудрыми людьми подмечено, что страсть - под стать

чесотке в ладони: поначалу - приятно, а после - жжёт. Изречение это как нельзя точнее характеризовало случившееся с Сафтаром, бездумно принесшего своё благополучие в жертву сиюминутной прихоти. И чем яснее он это понимал, тем сильнее охватывал его ужас. "И тысячей исполатей, - подумал Сафтар, - долга не уплатишь. Так что, пока не поздно, обязан я сыскать средство, как бы выйти мне сухим из воды!"

Порой, оказавшись в щекотливом положении, и дураки обретают здравомыслие. Так, первым решением Сафтара было разыскать Ганиру, пасть перед ней на колени и попытаться её умилостивить. Убедить девушку в том, что на разнузданную выходку подбило его "проклятое", ударяющее в мозг горячительное и что сейчас он раскаивается в содеянном. Что просто Ганира встретилась ему в момент, когда был он как в тумане, и только потому, дескать, подверглась нападению. Он готов был повиниться перед девушкой и разразиться отповедью в адрес дьявола, который-де и сворotил его с праведного пути. Да, мол, совершён проступок, но дело это - прошлое. И если она, Ганира, пожелает, то он, Сафтар, готов жениться на ней, разведясь с нынешней своей супругой, а нет - так дать девушке твёрдое обещание в том, что посватается к ней недавно окончивший местную школу и теперь сам учительствующий там младший его брат. Тот, дескать, никогда не ослушается Сафтара, и с ним Ганира наверняка обретёт счастье, быстро позабыв

свою обиду. В случае же, если она опять заупрямится, Сафтар, припав к её ногам, вновь станет молить о прощении - хоть сотню, хоть тысячу раз! "Скажу ей: мол, виноват я, прости. Ведь, в конце концов, непоправимого не случилось, я всего лишь прикоснулся к тебе. Согласен, дескать, - я дурак, негодяй и распутник. Но будь же благородна, не выставляй меня на позор. Тем более что если всё откроется, тебя ждёт много более суровое наказание, нежели меня. Я уже приготовился к тому, что лишусь и должности и партбилета. А дойди дело до суда - меня ещё и посадят за попытку изнасилования. Что ж, я заранее примирился и с этим. Но имей в виду - навеки будешь опорочена и ты, и в жёны никто тебя не возьмёт, а значит, проходишь ты в девках до конца своих дней, как всякая голубка, с юности лишившаяся чести. Уверен: если я выложу всё это перед Ганирой, она одумается, смягчится и примет мои доводы. Я же, как смогу, отблагодарю её. Так, что навсегда забудется ей былая нищета. А договорись мы между собой, кто, спрашивается, поверит Джахангиру?! Впрочем, недаром говорится: жалуя тёлку, воздай и волку. А Джахангир - справедливости ради надо признать! - как ни мало он ко мне расположен, всё ж едва ли станет трепать языком, ибо ревностно печётся о добром имени деревни. И вообще, по натуре он не сплетник и не злопыхатель. Да и зачем ему распространяться о виденном, рискуя прослыть человеком злонравным, а ко всему ещё и наживая себе врага в моём лице?!"

Как известно, утопающий и за соломинку рад ухватиться. Вот и Сафтар готов был сейчас на всё, только бы устранить нависшую над ним опасность. Уединившийся на лужке, в тени молодой черешни, председатель стал на ноги и отправился искать Ганиру. От продолжительного соприкосновения с сырой землёй ноги у него занемели. И Сафтар, споткнувшийся при первом же шаге, вынужден был некоторое время постоять в неподвижности, привалившись к дереву. Когда кровообращение в ступнях, наконец, восстановилось, председатель крадучись взошёл на плосковерхий холм, что возвышался неподалёку от рисовых полей. Спрятавшись за орешниками, он внимательно оглядел всю территорию угодья. Среди работавших на рисе крестьян Ганиры не было. Покинув своё укрытие, Сафтар методично обследовал садовый подлесок, речное прибережье, а также камыши, тянувшиеся вдоль всего руслища Делме. На зыбуне, между камышей, Сафтар углядел обронённую Ганирой, глубоко завязшую в грязи калошу. Находка эта одновременно обрадовала и смутила Сафтара. "Наверное, затаилась где-то поблизости, боясь показаться на люди с расцарапанным лицом и в порванной одежде", - предположил он и тихо, молящим голосом позвал:

- Ганира! Ганира! Где ты?! Отзовись, не бойся! И не подумай чего такого, я тебя не трону! Знаю, я осердил тебя, ты меня ненавидишь, презираешь! Ты права и вольна плюнуть мне в лицо и сколь угодно ругать меня и поносить! Я виноват перед тобой, но,

умоляю, прости меня! Тысячу раз - прости! Я - подлец! Только откликнись, пожалуйста, мне нужно сообщить тебе что-то очень важное! Поверь, я ни за что больше не приближусь к тебе и не прикоснусь. Случившееся - досадное недоразумение! Нечистый меня попутал! Всё из-за того вышло, что с утра принял я лишнее. Будь она проклята, эта водка! Можешь смело взять булыжник поувесистее и разбить им пустую мою башку! Искренне говорю тебе, Ганира! Ты порядочная и отважная девушка, и я тяжко согрешил, притронувшись к тебе. Ради Аллаха, прости меня, Ганира!

Но безответными остались покаянные речи Сафтара. Из густых камышей до него донеслись лишь кваканье лягушек да птичий клёкот. И тогда Сафтар решил уйти отсюда и предпринять попытку договориться с Джахангиром. Прежде всего необходимо было установить, признал ли тот председателя в человеке, домогавшемся Ганиры. Если да, то следовало перед ним повиниться и, взывая к его сану деревенского аксакала, просить о прощении. Дескать, всем людям в молодости случается совершать опрометчивые поступки. Сказать так: "Пусть возглавляю я большой колхоз и ношу в кармане партбилет, но отнял Аллах у меня разум, сбился я с верного пути и, в результате, запятнал себя предосудительным деянием. За то виноват я не только перед тобой, но перед всеми сельчанами и теперь хочу для себя лишь одного - смерти. Возьми топор, хвати им меня по голове и посвяти мою кровь гала-

чинцам. Об одном лишь прошу - не говори никому о том, что я совершил. Ведь я только-то и сделал, что слегка коснулся Ганиры рукой, больше ничего. Просто помутнение на меня нашло, Джахангир-киши! И предстал я перед тобой, аксакалом, чтобы искупить свою вину. Смилуйся же надо мной, о прямой, мужественный и благочестивый человек! Твоё милосердие ко мне и Аллаху будет угодно! Во имя же нашего Творца, сохрани в тайне чудовищное моё прегрешение!"

И тут Сафтар встрепенулся, и, точно безумец, осклабился. "Да я, кажется, совсем разума лишился! - мысленно одёрнул он себя. - Провалиться тебе, Сафтар, да разве не знаешь ты Джахангира?! Можно ли обращаться к нему с такими речами?! Одумайся, Сафтар! Или не известен тебе Джахангиров характер? Да не успеешь ты и рта раскрыть, как - велик и всемогущ Аллах! - старик возьмётся за топор и разрубит тебя пополам! Сейчас на глаза Джахангиру лучше не попадаться. Сейчас он взбешён и лишь выжидает случая, чтобы расправиться с покусителем на честь непорочной девушки. Так что не ищи-ка ты смерти и подальше держись от этого типа! И не теряй надежду. Кто знает, как ещё обернуться всё может! Весьма вероятно, что Ганира, в обережение доброго своего имени, не станет предавать гласности случившееся. Да и Джахангир не из тех, кто горазд языком чесать. Скорее всего, он предпочтёт держать рот на замке, по крайней мере - до времени. А значит, нечего попусту себя

терзать, следует запастись терпением, а уж там поглядим, как пойдут развиваться события. Может статься, никто так и не прознает о том, что произошло между мной и Ганирой. И, следовательно, ни к чему мне торопиться с моими признаниями. Что случилось, то случилось. Выпущенную пулю назад не вернуть. В жизни порой происходят удивительные вещи. Глядишь, и свершится чудо - Аллах смягчит сердца Ганиры и Джахангира, и оба они не станут разглашать общей нашей тайны", - насилу бодрился Сафтар

В этот час надлежало ему увидеться с бригадиром рисоводов, а кроме того, решить важное дело на мельнице. Но как было появиться ему перед людьми?! Кровотечение из раны под ухом ещё не унялось. Лицо было сплошь исцарапано. На локте и кистях рук отчётливо виднелись следы укусов. В таком виде Сафтар непременно бы возбудил общее любопытство. А какие, спрашивается, объяснения мог он на это предъявить?!.

Сафтар сел на коня, до того привязанного к грушевому дереву, и поскакал к мельнице. Приблизившись к группе крестьян, отдыхавших в тени раскидистой шелковицы, он спешился. Подоспевший к председателю бригадир, изъявляя начальнику своё уважение, было взялся за конский повод, но Сафтар сердито одёрнул угодника:

- Отойди! Или не видишь, что чёртова эта скотина со мной сделала? На лице живого места нет. Ехал себе преспокойно по саду, как вдруг из-под

куста выскочил не то барсук, не то лисица, не то заяц - не успел разглядеть, и что же, этот вот мерзавец с испугу возьми да и сбрось меня наземь! Как на грех, одна моя нога в стремени застряла. А ему что - знай прёт вовсю. Сколько ни кричу на него - всё без толку: упорно волочит меня по колючкам. Но сжалился надо мной Аллах - повод зацепился за корневище, ухватившись за которое кое-как сумел-таки я высвободить ногу. - Говоря это, Сафтар охлёстывал морду коня нагайкой с перламутровой рукоятью, одновременно другой рукой придерживая повод. Не зная, как уберечься гнева хозяина, жеребец-пятилеток то ставал на дыбы, то осаживал назад, то бросался из стороны в сторону.

Муки жестоко избиваемого животного тронули мельника.

- Председатель, - обратился он к Сафтару, - не казни коня, будь милосерд. Хлестнул разок-другой - и довольно!

- Нечего слюни тут распускать, - сейчас же напустился на сердобольца бригадир. - Пусть себе бьёт. Ты же делом своим займись. Тоже мне, скотину жалеть вздумал, а что сделала она с таким человеком - на это тебе наплевать!

Мельник замолк и более не проронил ни слова. Коря себя за собственную порывистость, он отступил на несколько шагов.

- Если конь пугается всяких там лисиц, барсуков да шакалов, от себя его гнать надобно взашей! - молвил полный усатый мужчина - по случаю ока-

завшийся на мельнице житель соседней деревни. - Такого коня я и дня у себя не держал бы, а отвёл бы его на базар и за любые деньги продал, только бы от него избавиться. Даром что статью он хорош - всё это лишь благодаря овсу и сену! Самому же ему цена - копейка. Вот мул мой, - усач кивнул в сторону привязанного неподалеку животного, - я и на десять чистокровных жеребцов его не променяю. Словом, правильно делает председатель, что бестолочь эту лупцует: трусу и этого мало. За свою жизнь сменил я шесть лошадей, и ни одна ни разу не понесла со страху, не споткнулась и не сбросила меня наземь, оставив одного посреди дороги. От века такого не бывало. Председатель ещё мягок со своим-то - плёткой его стегает, меж тем как надобно дубинкой его приласкать, чтобы знал, негодный, почём фунт лиха!

В это время сидящий на корточках жидкобородый мужчина, чинящий свои чарыки при помощи нити и шила, подняв голову, пробубнил:

- Верно отцы говорили: коню, собаке и женщине доверия быть не может. Глядите, он так отъелся, что аж лоснится весь. В благодарность же за хозяйскую доброту сбрасывает своего благодетеля в пыль. Вот ведь во что мерзавец лицо председателево превратил - точно волком изгрызено. Хорошо ещё, что ты повод вовремя ухватил, не то мог бы и калекой стать, а приложись хорошенько головой о камень - так и вовсе в покойники бы угодил. Надо полагать, Аллах над тобой руку свою простёр…

Замечания крестьян только раззадорили Сафтара, хлеставшего своего коня со всё большим ожесточением.

- Сдохни, проклятая тварь! Мало, мало тебе! Если как следует тебя не проучить, ты вовек не образумишься! Чтоб овёс, который я тебе скормил, кровью из горла твоего исторгся!

- Плети твоему гнедому явно недостаточно, - глянув в посечённое лицо Сафтара, молвил поливальщик со вскинутым на плечо заступом. - Видать, порода у него неважная. Такого надо стегать денно и нощно, если хочешь дурь из него выбить. И то сказать, где это видано, чтобы лошадь с испугу стряхивала с себя хозяина, да к тому же ещё волокла беднягу по колючкам, превращая в месиво его лицо?!

- Всё правильно делает, - вставил садовый сторож. - Недаром говорится: каков род, таков и приплод…

- Родословная его хорошо мне известна, - вступил в разговор дылда с косою в руке. - И у матери его норов был не лучше. Добрый конь на плеть напрашиваться не станет. Так что нагоняй - по заслугам. Хоть и иноходец он, а порядочной верховой лошади из него никогда не выйдет. Такого только в арбу впрячь, или же дрова и хворост из лесу на нём возить. Того и гляди, завтра он опять чего-нибудь испугается и сбросит своего седока теперь уже в пропасть!

- Ой, тётушка, - прошептала молодица в яшмаке* седовласой женщине, стоящей вместе с ней поодаль от мужчин. - Никак председатель наш с ума сошёл. Можно ли этак измываться над бессловесным существом! Аллаха он не боится!

- Э-э, девка, попридержи-ка свой язык! - напустилась на неё тётка. - Одно знаешь, другое - нет. Конь этот ни с того ни с сего испугался, скинул с себя Сафтара, а потом и по земле его протащил, застрявшего одной ногой в стремени. Погляди-ка, что у бедолаги с лицом. Видать, бабка председателева в тот час молитвой Бога умилостивила, не то внучка её головкой да по камешкам и уходило бы. Знать, принята была молитва, раз благополучно всё обошлось.

Между тем Сафтар всё не унимался и бил коня с таким остервенением, что звук плётки слышен был на другом берегу реки. Уж и рука у председателя начала неметь, гнедой же весь был в мыле и крови. И тут вдруг каким-то непостижимым образом уздечка соскользнула с головы коня. Это было похоже на то, как вырывается из змеиной пасти лягушка. Задрав хвост, жеребец пронёсся по двору мельницы и устремился к рисовым плантациям. Председатель немедленно бросился ему вдогонку. Несколько крестьян, желая выслужиться перед Сафтаром, также ринулись вперёд, помочь ему изловить коня. Работающие на плантации, вооружённые лопатами поливальщики попытались было

* Женская лицевая повязка.

взять коня в круг, но тот не попался на их хитрость: метнувшись вправо, легко, как джейран, перемахнул он через добротную садовую ограду и скрылся в чаще фруктовых деревьев.

Более десятка человек во весь дух преследовало жеребца. Четверо из них, прибежав на середину сада, заступили скакуну дорогу, между тем как путь назад отсекли ему совместно председатель и тройка косарей. Словно учуяв западню, конь неожиданно двинулся к густым камышам и вскоре уже был на берегу реки. Однако люди и тут настигли беглеца, подступив к нему со всех сторон. Тем не менее он вновь сумел ускользнуть от них, пустившись по реке вплавь. Но бригадир предупредил намерение коня. Взбежав на пригорок, он окликнул чабанов, пасших скот на противоположном берегу, с просьбой о помощи в поимке жеребца. Поняв, что от них требуется, размахивая кнутами, те сейчас же помчались к реке и преградили коню путь к берегу, всячески мешая животному выйти из воды. Конь подался обратно, остановившись в относительно мелководном месте, на самой середине потока. Вода здесь доходила ему до рёбер. От полученных побоев его трясло как в лихорадке. Время от времени он поворачивал голову к своим врагам, негодующе на них глядя. До сей поры конь и не подозревал, что люди столь жестоки и беспощадны. И вот теперь и к охотящимся за ним хозяйским приспешникам, и к самому хозяину, от которого безвинно понёс он побои, жеребец испытывал одну лишь ненависть. В

полной мере познавший людскую злобу, гнедой сейчас охотнее предпочёл бы погибнуть, нежели вновь оказаться под человеческой властью. Будь наделён он речью, конь непременно бы воскликнул: "О люди, вероотступники, вы столь же люты, сколь всемогущи! Не совестно терзать вам безответных своих жертв! Знай наперёд я, сколь вы злобны, я упросил бы Аллаха не отправлять меня в этот мир, или, по крайней мере, не отдавать в руки существ, исполненных, как вы, лжи, зависти и вероломства. Тогда бы судьбой моей стала привольная жизнь на диких просторах, которых никогда не касалась человечья стопа!"

Конь продолжал неподвижно стоять на мелководье. Люди на обоих берегах, что-то крича, метали в него камни, понуждая гнедого выйти из воды. Как спастись от обложивших его неистовых двуногих, конь решительно не знал. Но вот, наконец стронувшись с места, пустился он вниз по течению. Вода, делаясь всё более глубокой, уже замывала ему спину. Всего несколько сот метров отделяло иноходца от клокочущего под Белым утёсом Девебатана. Не ведая о том, что впереди его ждёт беда, несопоставимая с давешней, конь с безмятежностью отдал себя стремнине. Когда его почти уже вынесло к омуту, крики людей на берегу разом вдруг сделались встревоженными, а камни полетели в реку настоящим градом. Совсем рядом с гнедым упал в воду огромный булыжник, кем-то обрушенный с яра. Но, твёрдо решивший больше

не возвращаться к людям, жеребец продолжал плыть как ни в чём не бывало.

И вот достиг он Девебатана, и бурлящий водоворот, как магнит, стал притягивать животное к себе. Несколько раз взбрыкнул конь задней ногой, в попытке развернуться и двинуть в обратном направлении. Вода уже покрывала его чуть не полностью - выглядывали из неё лишь конские уши и ноздри. Сознавая смертельность нависшей над ним опасности, тяжело храпя, гнедой раз за разом вскидывался вверх в отчаянном стремлении вырваться из сувоя. Но всё было тщетно - его утянуло под воду.

Замершие на берегах люди напряжённо водили глазами по поверхности реки, но вскоре приняв очевидное, с потерянным видом поворотили прочь…

Злосчастная девушка и безвинный иноходец… горестные жертвы своеволия Спесивца Сафтара, сына Бесштанника Гасыма…

Впрочем, пока никто ещё не знал о печальной участи Ганиры, которую препроводила в вечность кипящая лазурь горной стремнины...

Постепенно река вздувалась и теряла прозрачность, окрашиваясь в бурый цвет. Судя по всему, высоко в горах зарядил дождь. Несколько раз бросался поток на штурм обступавших его русло скал. Однако те были неколебимы и, развеивая водные накаты в пыль, неизменно возвращали реку в прежние её пределы.

И почему, спрашивается, в извечной вражде пребывают двое этих величайших чудес природы - камень и вода, каждодневно схватываясь в беспощадном поединке?.. Верно, так уж создан мир: от самого дня сотворения всё сущее обречено пребывать в жестоком непрестанном бою… И нет конца яростной этой битве!..

* * *

Распростившемуся с надеждой на спасение иноходца, Сафтару не оставалось ничего другого, как только удалиться в деревню. И, сев на уже осёдланного бригадирского коня, он двинулся в путь. Гнетущие сегодняшие события продолжали бередить душу председателя. Казалось, разразись гром, Сафтар бы и не встрепенулся. Он решил проехать мимо места, где работал Джахангир, чтобы, разговорив последнего, выведать, как намерен тот поступить в связи со случаем в саду. "Трудно знать заранее, - размышлял про себя Сафтар, - возможно, что, приняв во внимание моё положение, он, с рассудительностью аксакала, изречёт - дескать, ты, парень, поступил дурно, ступай и больше так не делай, ибо подобное поведение не к лицу сельскому голове. Надо думать, прежде он всласть отругает меня, но после, всего вернее, простит. Скажет: "Что касается Джахангира-киши, то можешь быть покоен, об этом деле он - молчок". Я смиренно повинюсь перед ним, и на этом мои треволнения наконец закончатся. Но

если увижу я, что настроен он решительно и вздумал непременно выставить меня на позор, то, уж конечно, и я поступлю соответствующе. Тогда, для того чтобы благополучно выпутаться из заварухи, придётся мне подступить с другого края".

…Низко наклонив голову, Джахангир без устали рыл землю. По временам, распрямившись, отирал он со лба пот и обозревал окрестность, чтобы через мгновение-другое вновь вернуться к своей работе. Подъехавший к руслищу Сафтар, натянув повод, заставил лошадь остановиться, после чего поздоровался с аксакалом много приветливее, нежели обычно, даже невольно пожалев его в душе.

- Да не ведать тебе усталости! - воскликнул председатель.

Джахангир, хоть и хорошо расслышавший приветствие, тем не менее ответил Спесивцу не сразу. Лишь выбрав ещё лопату-другую земли из канавы, обернулся он к Сафтару и сквозь зубы проговорил:

- Спасибо, да воздастся тебе за благопожелание!

- Сегодня поработал ты на славу, неужто, в твои-то годы, нисколько не утомляет тебя столь тяжёлый труд?

- Труд не бывает ни тяжёлым, ни лёгким, он может быть лишь почтенным и недостойным. Работы же я от рождения никакой не боюсь. Уберёг бы только Аллах от чужого лиходейства!

Ответ аксакала заставил Сафтара вздрогнуть. Он хорошо понял, достаточно прозрачный, намёк Джахангира, однако самообладания не потерял.

- Не изъясняйся обиняками, Джахангир, говори прямо: в чей это огород твой камешек?

- Не придуривайся, семя босяцкое! Всё-то ты прекрасно уяснил.

- В деревне к тебе относятся с уважением, - промолвил Сафтар. - И как работник ты - хоть куда. Одно вот только - злобен ты, точно верблюд, и язык у тебя, ровно жало змеиное. Уж не обижайся, но весь ты - чисто бурдюк, полный отравы.

- Когда в грязь втаптывается честь, - отрезал Джахангир, - сладкоречье неуместно. - И выбросил из канавы ещё несколько лопат земли.

- Дядюшка Джахангир! - Сафтар впервые так к нему обратился. - Несомненно, ты догадываешься, о чём именно хочу я с тобой переговорить. Сегодня весь день преследуют меня напасти. Между тем пример заботы о ближнем преподан нам самим пророком Али. Смири же своё упрямство и помоги мне в моей беде!

- Прежде всего, я не наделён добродетелями названного тобой пророка, - ответил Джахангир. - А во-вторых, святотатцы, презревшие установления Аллаха, не вправе уповать на милость святого Али. Наконец, помогал он строго лишь сирым и хворым, а вовсе не вероломцам и нечестивцам.

- Дядюшка Джахангир, напрасно поддаешься ты внушениям лукавого. Принимать на веру то, что судачат обо мне мои недоброжелатели, недостойно тебя.

- Глаза верят увиденному, уши - услышанному, -

произнёс Джахангир. - И мнение своё составляю я не из досужих сплетен, а из того, чему сам бываю свидетелем. Если же я лгу, то пусть покарает меня Аллах!

- Что ж, давай начистоту, - бросил Сафтар. - Вот я, вот - ты. Так в каком же преступлении ты меня обвиняешь?!

- В подлом покусительстве на честь непорочной девицы.

- И что, тому есть доказательства?

- Да!

- Тогда предъяви их.

- В этом нет нужды. Все они красноречиво выведены на твоей роже. Взгляни на себя в зеркало, и ты устыдишься собственного вопроса. Если только сохранил ты ещё остатки стыда.

Сафтар непроизвольно провёл рукой по ссадинам у себя на лице.

- Разве не приходилось тебе слышать, что к незнакомой лошади с тылу не подступают? - заметил Джахангир. - Оттого-то и надрали тебе личико, что запамятовал ты этот дедовский урок.

- Не к лицу тебе зря на меня наговаривать, дядюшка Джахангир. Просто ненароком упал с жеребца... Не роняй же своего звания аксакала пустыми измышлениями.

- Не с жеребца тебе случилось сверзиться, а с кобылицы, семя босяцкое! - зло усмехнулся Джахангир. - И оттого ссадины твои едва ли скоро заживут. Знаю - сейчас ты сожалеешь о своём поступке. По тону твоему догадываюсь, что, ради собственного спасения, готов ты в ноги мне упасть и унижаться всячески. Для сохранения своей шкуры трусы, как известно, не брезгуют никакими уловками. В точности как ты!

Этого Сафтар не стерпел.

- Не переходи границ, Джахангир-киши! - прорычал он. - До сей поры был я с тобой учтив, но ты вконец палку перегнул - только то и осталось, чтобы ты вывалял в грязи первого человека в деревне, честного коммуниста! Впрочем, руки у тебя коротки! Не по нраву тебе новая власть, и я знаю - почему. Глядишь на партийцев - точно верблюд на кузнеца! И всё потому, что скрип мельничного колеса всякий раз болью отзывается в твоём сердце, пробуждая в тебе враждебность к новой власти и желание ей мстить. Но по-твоему не быть! А за длинный язык твой я ещё и под суд тебя отдам!

- Знаю - связи у тебя большие, - признал Джахангир. - Но может случиться так, что не придётся тебе утруждать себя поездкой в райцентр и блужданием по казённым кабинетам!..

- Нет-нет, слов твоих я никогда тебе не прощу. И ответишь ты за них перед судом!

Джахангир улыбнулся.

- Не обременяй себя, - сказал он. - И уйми своё нетерпение. Может, я и сам сумею для тебя суд устроить. Причём в таком месте, где, кроме нас троих, никого не будет. Ты, я… - Джахангир едва не прибавил: "да ещё моя трёхлинейка!", но вовремя

удержался, бросив при этом взор в сторону скалы, под которой запрятал винтовку.

Между тем Сафтар понял Джахангира так, что "третьим" участником разборки уготовано стать именно Ганире. Он захотел удостовериться и справедливости своего предположения:

- Ну, договаривай: кто будет третьим?

- А третий - это тот, за кем во всём и всегда остаётся последнее слово, исчадие сатанинское, чей лик холоден, как лёд, и из чьих уст извергается пламя...

Хотя Сафтар и не понял, что имел в виду Джахангир, в твёрдости намерений аксакала он уверился совершенно, как убедился в том, что в покое тот его не оставит. На некоторое время Сафтар задумался. Случайно взгляд его упал на срубленное Джахангиром тутовое дерево. И сейчас же к председателю вернулась всегдашняя его самоуверенность. Да, он изыскал отличный способ залучить Упрямца в западню и тем самым заставить того молчать. Вот почему заговорил он с Джахангиром в своей обычной - начальственной манере.

- Не много ли на себя берёшь, Джахангир? Известно мне, что некогда проходил ты обучение у Муллы Таги, оттого, видно, и изъясняешься точно священник - шибко велеречиво. Впрочем, это мы виноваты, что вовремя не укоротили таких, как ты, и не обломали им рога. Место же твоё, Джахангир, не здесь, а в Сибири. И окажешься ты там очень скоро. А оклеветать меня тебе не удастся. Ведь всем

ведомо, что и поныне вздыхаешь ты о бывшей своей мельнице и о старых порядках, испытывая мстительное чувство к приверженцам новой власти. А вот и наглядное свидетельство твоей злонамеренности - тутовое дерево. Сколько таких порубил ты за последние дни?! Небось замыслил извести под корень всего нашего шелкопряда, лишив его корма - тутовой листвы. Не будет коконов - станут фабрики по их переработке! Что это, как не очевидное вредительство?! Враг ударяет исподтишка! Мы же утратили политическую бдительность, в результате чего скрытые злоумышленники, вроде тебя, безнаказанно бьют по нам при всяком удобном случае.

- Тут ты дал промашку, семя босяцкое, - вспыхнул Джахангир. - Хочешь воплями чёрное деяние своё закричать?! Не выйдет! Мулла Таги под стать тебе был фрукт, только он мелким мошенничеством пробавлялся, а ты - так чистый мерзавец-хапуга, без совести и чести. Стоило раскусить мне муллу, я сейчас же на него и плюнул. И вот теперь - ты! Да зовись ты хоть коммунистом, хоть султаном, всё равно преступен каждый твой шаг. Говоришь, срубил я тутовник? Но никакого злого умысла ты сыскать в том не сумеешь. Да, срубил я дерево, но именно затем, чтобы не мешало оно току воды. Таким образом, поступил я верно! Я повалил один тутовник, чтобы впоследствии взросли сотни, тысячи других! К тому же, погубил я - при том для общей пользы - всего лишь растение, которое только

через года два-три стало бы плодоносным. Между тем ты - наш руководитель, коммунист Сафтар, дерзнул хватить обухом по юному невинному существу, нанеся ему рану, от которой не исцелиться до самого судного дня! Вот и пораскинь теперь мозгами, кому из нас в Сибири прохлаждаться - тебе или мне? - И Джахангир вновь выразительно поглядел туда, где схоронил винтовку, после чего - словно отказавшись от первоначального своего намерения - потянулся к секачу.

Заметив этот жест и почувствовав в нём скрытую угрозу, сын Бесштанника Гасыма безотчётно потянул на себя уздечку, от чего конь его завертелся на месте. Поняв бессмысленность препирательств с Джахангиром и серьёзность исходящей от него опасности, Сафтар почёл за лучшее немедленно ретироваться. Он хлестнул коня плёткой и ослабил повод. И, взяв с места в карьер, жеребец понёсся по направлению к деревне, быстро отдаляясь от Джахангира...

* * *

В Галачу прибыло должностное лицо из райцентра. Уже больше часа заведующий земельным отделом, депутат Гудрат Ганизаде, дожидался Сафтара в председательском кабинете. Подоспевший наконец Сафтар спрыгнул с коня и радушно поздоровался с гостем.

- Вы должны меня простить, - сказал он, задер-

жав в своей руку Гудрата Ганизаде. - Работы столько, что порой имя собственное забываешь. С рассвета вот поля объезжаю. Хозяйство наше обширное, так что хоть дни и стали длиннее, а и до вечера с делами не управишься. Ведь его, хозяйство, и на минуту нельзя оставить без присмотра. Не поверите - после завтрака у меня и маковой росинки во рту не побывало. Нет возможности даже присесть, стаканчик чая выпить. - Лишь выговорив всё это, Сафтар удосужился отпустить руку гостя.

После докладов бухгалтеров и ознакомления с жалобами сельчан районный начальник и председатель остались наедине. Все работники правления давно разошлись по домам. Во дворе не было видно ни души. Сидя за чаем, Гудрат Ганизаде и Сафтар о чём-то увлечённо беседовали. Стояла глубокая ночь. Окрестность погрузилась в тишину. Оберегая покой высокопоставленного гостя и своего начальника, местный охранник исполнен был решимости не допустить никого к председательскому кабинету.

Вдруг снаружи раздались плач и вопли. Сафтар вскочил с места.

- Не беспокойтесь, - сказал он своему собеседнику. - Посидите, а я мигом всё выясню и вам доложу. - Вслед за тем он выбежал наружу, тотчас напустившись на охранника: - Что за тарарам, когда я гостя у себя принимаю, совсем народ совесть потерял!

Мужчина преклонных лет, сторож тяжело при-

ковылял к сыну Бесштанника и тихо, чтобы никто другой не услышал, шепнул ему на ухо:

- Там родственница девушки… Ганиры, тётка её - Сона-арвад. Сказать что-то хочет...

Сафтар занервничал.

- Впусти её, - приказал он охраннику. - Узнаем, что ей посреди ночи от меня понадобилось. Но чтобы больше - ни души! - И он возвратился в свой кабинет.

Чуть погодя туда же робко вошла престарелая тётка Ганиры. Покрытая чёрным платком, она еле удерживалась от рыданий.

- Да умереть мне у ваших ног! - возгласила она. - Вы, наверное, знаете - моя сестра мучится ревматизмом, а муж её угодил под арбу и, сделавшись с той поры инвалидом, теперь едва передвигается. При этом у них двое мальчиков-школьников, и живёт семья с трудов одной лишь Ганиры. Она - единственный добытчик в доме, и без неё эти четверо остались бы без еды и питья. Бедняжка трудится с утра до вечера, чтобы как-то их прокормить. Обеспокоила же вас я потому, что вечером сегодня домой Ганира не вернулась. У кого только я о ней ни справлялась, где только её ни искала - всё впустую. Ровно сквозь землю провалилась! Уж и не знаю, что думать. У страха, известно, глаза велики. Может, похитили её? Но это слишком невероятно. Может, упала она со скалы, или же змея её укусила, или ещё какая напасть... Чего только я не передумала. Весь вечер покоя себе найти не могла. И

больные родители, и малолетние её братья - все извелись вконец, все слезами обливаются… - В продолжение своей речи Сона-арвад обращалась исключительно к Гудрату Ганизаде, очень редко переводя взгляд на председателя. - Один из вас - районный начальник, другой - наш, сельский, на кого ж ещё нам уповать?! Пожалуйста, помогите найти девушку! Да отсохнет мой язык, если лихо накаркаю, но, коли с Ганирой беда стряслась, что-то станется с её семьёй?! Ведь нынче все кругом лишь о самих себе и пекутся!..

Сафтар слушал Сону-арвад с выражением притворной озабоченности на лице.

- Мне случалось с ней сталкиваться, - с натугой произнёс он. - Девица она смышлёная. Не тревожьтесь, тётушка, где б ни была она, непременно вскорости отыщется. Может, собирая листья, с дерева упала, а может, прикорнула где. Эх, тетушка Сона, да и резон ли полагаться на нынешних-то барышень? Вдруг и правда сбежала голубка с каким-нибудь вертопрахом, - шутливо прибавил Сафтар.

Гость улыбнулся замечанию председателя, у Соны-арвад оно вызвало протест.

- Нет, сынок, я хорошо её знаю. Ганира не из таких девушек. Да и когда было о мужчинах ей думать?! Всю себя отдавала она заботам о больных своих родителях и братишках. - И Сона-арвад уронила слезу.

- Ну, хорошо, - по-русски сказал Сафтару Гудрат Ганизаде, сейчас же, однако, перейдя на азербай-

джанский: - Всё ясно. И довольно об этом. Проводи женщину, пусть идёт домой. Что тут потемну сделаешь?! Вот рассветёт, тогда что-нибудь и придумаем. Утро, оно вечера мудренее.

Сона-арвад продолжала всхлипывать, нимало не обращая внимания на двух важных чиновников. Сафтар бережно взял старуху под локоток и, со словами утешения, выпроводил её из кабинета. Затем обернулся к Гудрату Ганизаде и, тяжко вздохнув, сокрушённо покачал головой:

- Вы, товарищ Ганизаде, не только руководящее лицо, но также и народный депутат, то есть вместе и аксакал, и радетель о нуждах людских. Если не к вам, то к кому, спрашивается, идти мне с моей печалью? Сами знаете, времена нынче не сахарные, работа подвигается со скрипом, инициативность не приветствуется. Не обессудьте, но там, у себя наверху, вы не всегда в курсе того, что происходит у нас - внизу. Да, мы прищемили хвост врагу, но голову ему, однако, всё ещё не размозжили. Он же, при всяком удобном случае, творит чёрные свои дела. Не хотел портить вам настроения, ну да теперь - вынужден, ибо на сердце накипело. Готов поклясться, я был сам не свой при виде слёз Сона-арвад, едва мог на месте усидеть. Ведь и мы - начальство, не каменные, нас тоже матери рожали. И что бы там ни говорили, но и у нас есть душа и ничто людское нам не чуждо. Но это так, "присказка", "сказка" же состоит в том, что, если срочно не принять надлежащих мер, нам вскорости

придётся столкнуться с ещё большими бедствиями, нежели были до сих пор. Приведу один только факт. Пожалуйста, позвольте мне высказаться, а уж после поступайте, как сочтёте нужным. Итак, в деревне у нас проживает неблагонадёжный тип, по имени Джахангир. В своё время он состоял в учениках у муллы и потому хорошо сведущ в шариате. Сам я не был тому свидетелем, но, по слухам, он совершает намаз и, по-видимому, даже держит посты. Сами понимаете, что можно ждать от этакого типа! Конечно, он волен и молиться и поститься - формально нами узаконена свобода совести. Но ведь он и молодых с прямой дорожки сбивает. Внушает всем, что, дескать, будь ты хоть член партии, хоть комсомолец, но если нет у тебя веры в Аллаха, то вовек благого дела ты не совершишь и там, где ступит твоя нога, трава, и та не взрастёт. К чему может привести подобная вредоносная пропаганда?!. Такие, как Джахангир, лишь вид делают, будто приняли советскую власть, но в сердце своём никогда с нею не примирятся. Это - враги. Некогда семье Джахангира принадлежала местная мельница, и, после того как её национализировали, он возненавидел новый порядок.

- Если сказанное вами - правда, надо полагать, устно или письменно вы уже доложили об этом в соответствующие органы? - спросил Гудрат Ганизаде.

- Нет.

- Это очень, очень плохо, - с упрёком промолвил депутат.

- Признаю, вина на мне великая. Сердцем я мягок, не могу причинять людям неприятности. Думал, как бы то ни было, но мы с ним - односельчане, так к лицу ли мне предавать его чекистам? Жалость меня взяла: у него большая семья. Потому-то и медлил до сих пор, ждал - может, образумится человек, откажется от порочных своих убеждений. Хозяйство у нас обширное, дело и для него всегда найдётся. Но теперь вижу - шельмец и не думает исправляться, а только вовсю вредительствует, улучив момент. Верно старики говорят: горбатого лишь могила исправит. Вовек не ступит Джахангир на благой путь. Люди же вроде него есть прямая угроза для нашего строя!

- От таких следует напрочь избавляться, - согласился Гудрат Ганизаде, произнеся последнее слово опять-таки по-русски.

- Совершенно верно, - подхватил Спесивец Сафтар и с воодушевлением продолжил: - Тут у нас в низине, близ реки, имеется древний арык. Прорыли его сто, а может, и всю тысячу лет назад - уж не знаю точно. Сейчас от того арыка почитай и следа не осталось - вконец порушился. Имя ему - Делме. Так вот этот самый пресловутый Джахангир взялся его восстановить и уже несколько месяцев как над ним корпит. Объявил, дескать, душой за деревню болеет, оттого-то, мол, и решил возродить Делме. Прежде чем к работе приступить, испросил он моего на то разрешения. Возражать я не стал. Рассудил: хочет человек наново арык проложить -

пусть, вреда от этого не будет. Напротив того - в перспективе сумеем мы увеличить площадь посевных наших угодий, а у людей появится возможность растить сады и огороды. Потому-то и дал я Джахангиру моё согласие и даже поблагодарил его за инициативу. Но вот сегодня случилось мне дорогой повидаться с ним - и что же я увидел?! Мерзавец подрубил взрослый тутовник. При виде такого злодейства и упырь бы разрыдался. Причём ведь знает, подлец, каких трудов стоит нам обеспечивать шелкопрядов тутовой листвой! Дошли до того, что корм для них у соседей клянчим!

При последних словах Сафтара районный начальник как ужаленный вскочил с места. Снова присев, он возмущённо взвизгнул:

- Да что вы говорите! Да ведь это откровенное вредительство! Тягчайшее преступление! Да за такое вешать впору!

- В правдивости моей можете не сомневаться. - В тоне Сафтара прибавилось уверенности. - Вся семья моя помнит, что и должностью моей, и куском хлеба обязаны мы исключительно вашей доброте. И быть мне трижды неблагодарным, если по собственной вине я всего этого лишусь. Поверьте, у меня аж сердце захолонуло при виде столь кощунственной расправы над тутовником. Словно бы то не дерево обрубили, а правую мою руку. Прошу, если не затруднит вас, давайте вместе завтра отправимся к Делме, и тогда вы сможете воочию во всём удостовериться.

Сафтар присел на стул, поближе придвинувшись к Гудрату Ганизаде.

- Но, впрочем, когда пришла сюда Сона-арвад, подумалось мне совсем о другом. Накануне Ганира возвращалась с плантации, минуя место, где работает Джахангир. Возможно, пожелала она нарвать листьев с поваленного тутовника и между ней и Джахангиром случилась ссора. Скажем, она резко попеняла ему за порубку дерева, пригрозив Упрямцу, что расскажет всем о его проступке. И вот, чтобы заставить Ганиру молчать, он, надо думать, там же девушку и прикончил… Заявляю вам как коммунист, никак иначе объяснить исчезновение Ганиры я лично не умею. Абсолютно убеждён, что к делу этому причастен Джахангир. Как от депутата и преданного члена партии, не могу скрыть от вас ещё один факт. Сегодня же пропал и мой конь. По не уточнённым пока сведениям, пасшегося около реки, его заметил Джахангир, который, убедившись в том, что поблизости никого нет, навесил на шею животного тяжёлый камень и столкнул несчастное в омут, именуемый Девебатаном. В месте этом вода протекает над глубокой яминой, а потому ни одно живое существо, угодившее в сувой, ни за что из него не выберется. Словом, вот какой злодей этот наш Джахангир! Со своей стороны я предпринял негласное расследование данного инцидента и заведомо уверен, что в гибели моего коня также повинен названный тип. Поэтому полагаю необ-

ходимым сообщить о преступных его деяниях в компетентные органы, с тем чтобы он выдворен был из нашего края. И здесь, товарищ Ганизаде, многое зависит от вас как депутата. Разумеется, я и сам могу написать куда следует. Но ведь ваше слово моего-то повесомее будет.

Гудрат Ганизаде был потрясён. С Сафтаром они решили между собой, что надлежит завтра же отозвать Джахангира с арыка Делме. Разрешено ли будет продолжить Джахангиру его работу, зависело от результатов следствия по всем выдвинутым против него обвинениям. В данной связи местный бригадир получил строжайшие указания от районного начальника и своего председателя той же ночью передать соответствующее уведомление Джахангиру.

* * *

Уже много недель надрывал пуп Джахангир на арыке Делме. Однако работы оставалось тут ещё на несколько месяцев. Лишь к середине лета по старому руслищу предстояло наконец пролиться воде.

Наутро после давешнего разговора с бригадиром Упрямец пришёл к Делме, чтобы забрать свой рабочий снаряд - заступ, кайло, кирку и секач. Джахангир надеялся вновь вернуться сюда, как только получит на это "добро" от начальства. Он собирал свои инструменты, когда внезапно над головой у него возникли Гудрат Ганизаде и Сафтар. Депутат

от Галачи, Гудрат Ганизаде обратился к Джахангиру таким тоном, будто тот был закоренелым душегубом:

- Это ты срубил тутовое дерево?

- Да.

- И с какой же целью?

- Я уже дал объяснения Сафтару и, думаю, он успел вас с ними познакомить. Сделал я это для пользы дела!

Неожиданно Ганизаде заметил кровь на загромождавших руслище камнях и сей же миг задал новый вопрос:

- Что это за кровь?

Джахангир с невозмутимым видом задрал штанину, показав своё, перевязанное окровавленным бинтом, колено.

- Вчера во время работы - не рассчитал да и ухнул по ноге топором.

- Только дурак этому поверит, - усмехнулся Гудрат Ганизаде. - Где в последний раз ты видел Ганиру? Я имею в виду девушку, что накануне так и не вернулась домой и которую никто не видел со вчерашнего дня.

- Позавчера мы вместе возвращались в деревню. Я ещё подвёз на коне охапку нарванных ею листьев. Проводил её до самой их калитки. Прибавить мне к этому нечего.

- Ну, а вчера? - всё так же насмешливо поинтересовался депутат.

- О том, где вчера была Ганира, - спокойно отве-

чал Джахангир, - спросите-ка лучше у вашего спутника - сына Бесштанника Гасыма. Пусть правду об этом он сам вам сообщит. Член партии, занимающий ответственную должность и пользующийся в районе авторитетом, он наверняка лучше сумеет удовлетворить ваш интерес, нежели я, беспартийный крестьянин с заскорузлыми от мозолей руками.

Слова эти произнёс Джахангир с горькой иронией, которую не могли не уловить стоящие перед ним важные персоны.

Почувствовав, что разговор всё явственней принимает невыгодный для него оборот, Сафтар не преминул вмешаться в беседу:

- Джахангир-киши, ты успел сделать большую работу. Спасибо тебе за это. Однако нынче возникли кое-какие затруднения, так что ступай-ка ты домой и денёк-другой отдохни. Как разъяснится всё, ты вновь вернёшься сюда и продолжишь дело. У нашего гостя имеются собственные соображения насчёт арыка. Вот получим надлежащие указания от товарища Ганизаде и тотчас сообщим о них тебе.

Джахангир бросил взгляд к скале, под которой была спрятана трёхлинейка. "Сейчас - самое время, жаль, что до винтовки не дотянуться!" - подумал он. И, не простившись с учинившими ему допрос людьми, окинув их презрительным взглядом, Джахангир неспешно подошёл к своей Рыжухе, уселся на неё и двинул в сторону села.

* * *

С ранних лет трудился Джахангир на земле. Словно сам Господь изначально предназначил его к этой работе. Стоило Упрямцу хоть сутки не притронуться к заступу, мотыге или секачу, как им завладевала тоска. Такой день считал он для себя даром потерянным и нередко при этом терял сон и аппетит. А всё потому, что непрестанно думал лишь о ней - работе. И теперь, после того как ему предложили "денёк-другой отдохнуть", у Джахангира было ощущение, будто кипятком его окатили. Однако Упрямец никогда не прекословил начальству - как в царские времена, так равно и при Советах. Собственно говоря, между двумя этими властями не усматривал он столь уж большой разницы - обе они действовали примерно на одинаковый манер. Недаром персы говорят: ослу и быть ослом - хоть под тюком, хоть под седлом. Спокон веков, что ни прикажет начальство, бедняку надлежит смиренно, кланяясь в пояс, господскую волю исполнять: "Слушаюсь!.. Будет сделано!..", да, танцуя под чужую дуду, ещё и выказывать радость. Тем же, кто плясать не горазд, кто хвор или не в меру строптив, им место либо в земле, либо в Сибири.

Да, Джахангир принуждён был покинуть арык, оставив на половине начатую работу. И казалось Упрямцу, будто самый сухой ручей устремился ему вслед. Ведь, после того как из арыка ушла вода, он

приходил в запустение, разрушался, умирал в течение сотен, а возможно, и тысяч лет, всё это время мечтая лишь об одном - чтобы вновь по нему полилась живительная влага. И вот, наконец, сыскался смельчак из рода Забыхлы, который вознамерился утолить вековую жажду иссохшего русла, но был, однако, остановлен происками самого врага человеческого. Воистину не везло арыку! Вновь стал он жертвой Зла, в очередной раз одержавшего победу над Добром.

Джахангир находился уже достаточно далеко от арыка, но в мыслях своих всё ещё пребывал подле него. Он ехал, охваченный кручиной. В прах развеялись надежды окрестных садов, иссохлых пней и корневищ быть досыта напоёнными водой, и вся Джаянская долина одновременно и укоряла и жалела Джаханира. Неизъяснимая скорбь и непрестанная мольба изнемогшей от жажды земли несказанно угнетали Упрямца. И единственным на всём свете существом, разделявшим невыносимую его муку, была Рыжуха, по-прежнему оплакивающая гибель своего жеребёнка. Рыжуха - радости жизни лишила её волчья алчность, как та же радость отнята была у её хозяина новоиспечёнными властителями, свергнувшими прежних и носящими в своих карманах партийные билеты...

Волею не хозяина, но лошади оба они подвигались сейчас к деревне. "Цену старому очагу узнаёшь, лишь поселившись в новом", - заметил про себя Джахангир. Теперь, хорошо уяснив, что пред-

ставляет собой советский режим, он благословлял прежний - царский. Это ж надо, так устрашиться скорпиона, чтобы прибегнуть к гюрзе! Заезжий народный депутат в его глазах был именно "народным притеснителем", бездушным и едва ли не бескровным. И окажись ранее винтовка под рукой у Джахангира, она разом бы ответила на все вопросы партийца, такая же холодная, как его, партийца, нутро.

Не сыскавший себе товарища все дни свои пребудет безутешным! Джахангира и его Рыжуху счастливо свела вместе судьба. Горестный человек, горестная лошадь… И, словно в выражение сочувствия им обоим, столь же печальными выглядели отвесные скалы и горные вершины, опалённые жарким солнцем. Впрочем, надежда в Джахангире покамест не погасла. Он полагал, что ещё вернётся к работе на руслище. "Небось мир не обрушится, если и впрямь пару деньков посижу я дома, - рассудил он. - Приступив же вновь к работе, делать её нужно будет с ещё большими усердием и рвением. Стану трудиться денно и нощно в возмещение вынужденного простоя. Зато в летний зной старые сады и посевные угодья получат вдоволь воды, и долг мой на том можно будет счесть выполненным. Это как если бы совершил я хадж. Ведь исполнение любого богоугодного дела сродни святому паломничеству! Особенно же в нынешние времена, когда Советами наглухо закрыты подступы ко всем нашим святилищам. Между тем следовать по пути добродетели никто воспретить не может, и заветные райские

врата всегда раскрыты для избравших правую стезю! Что до меня, то к благословенным кущам ведёт меня тропа, проходящая мимо арыка Делме. Вот, с Божьей помощью, приведу его в порядок, и тогда в мир иной явлюсь я любезным Аллаху!"

Он старался не думать об испытаниях, которые могли ждать его впереди. Но о них всечасно помнили окружающие горы, извилистые ниточки-тропы, а также угрюмые утёсы. Все они хорошо знали, что предстоит пережить Джахангиру, так и не восстановившему покидаемый им арык, и потому были хмуры, как будто погружёны в траур. Имей они голос и плоть, то, несомненно, стали бы оплакивать едущего на рыжей кобыле Джахангира. Много повидать и многое познать успели на своём веку эти горы, и многих привелось проводить им в вечность. Оттого-то и не желали они скорбеть по Джахангиру в его отсутствие. Хотелось им проститься с ним прямо сейчас, пока ступал он по их плечам-склонам и ниточкам-тропам. Между тем сам Джахангир выказывал абсолютное хладнокровие и, будучи преисполнен оптимизма, вовсе не склонен был раньше времени предпосылать себя смерти. Думал он лишь о том, как бы поскорее возобновить ему прокладку Делме-арыка.

* * *

Закончив свои дела в Галаче, ещё до полудня Гудрат Ганизаде вернулся в райцентр. С его отбы-

тием, по приказу сына Бесштанника Гасыма, Спесивца Сафтара, в селе сразу же начались приготовления к встрече новых важных гостей. В местном правлении срочно наводили порядок. Несколько женщин подметали во дворе. Охраннику строжайше наказали даже близко никого не подпускать сюда без особого на то разрешения председателя. Запрещено было даже передвижение на ближних улицах. Сельчанам предписывалось никуда не отлучаться из своих домов.

Ближе к вечеру на въезде в деревню показались двое конников. Представительный вид, покрой одежды и синие лампасы выдавали в них сотрудников Управления государственной безопасности. Один из всадников - рослый, светловолосый, с высокомерным взглядом, круглым лицом и аккуратно подстриженными тонкими усиками, в заправленных в сапоги галифе и с пистолетом в привешенной к широкому ремню кобуре - был старший лейтенант Фарман Гараев. В отличие от Гараева, его спутник, бывший младше его как по возрасту, так и по званию лейтенант Джалил Калбиев, производил впечатление человека нервного и угрюмого. Спесивец Сафтар встретил прибывших во дворе правления и, обменявшись с ними приветствиями, пригласил обоих в свой кабинет. Возглавил шествие старший лейтенант, за ним засеменили Калбиев и председатель.

Беседа проходила за закрытыми дверями и продлилась несколько часов. В первую очередь

Фармана Гараева интересовало следующее: социальное происхождение Джахангира, сомнительные факты из его прошлого и поведение в последнее время, обстоятельства порубки тутового дерева - источника корма для шелковичных червей, сведения о Ганире, так до сих пор и не отыскавшейся и, вероятнее всего, ставшей жертвой неизвестного преступника, и, наконец, обстоятельства пропажи председательского коня. Старший лейтенант долго расспрашивал обо всём этом Сафтара, который в ответ беспрестанно твердил, что он - лицо, облечённое доверием свыше, и зарядело клялся партийной совестью и могилой Ленина. Склонившись над листом бумаги, лейтенант Калбиев чуть не дословно фиксировал показания председателя.

Спустя некоторое время, взглянув на ходики с подвесными гирьками, Сафтар произнёс:

- Уже поздно - ровно два пополуночи. Мы - гушь, а потому не располагаем ни чайханой, ни закусочной. Между тем приехали вы издалека. Вот мы с моими домашними и предприняли кое-какие приготовления. Давайте-ка немного перекусим, а уж потом продолжим нашу работу.

Старший лейтенант наморщил лоб и покачал головой.

- По всему видать, что не знакомы вы со спецификой нашего ведомства. Мы благодарны вам за приглашение и в другое время приняли бы его с удовольствием. Но сегодня находимся мы здесь с особым заданием, а потому не вправе делать нео-

фициальные визиты, кто бы нас к себе ни приглашал. Насчёт же ужина не беспокойтесь, у нас имеется при себе всё необходимое.

На этом тема застолья была исчерпана. Всплеснувший руками лейтенант Калбиев сверкнул металлическими коронками на нижней своей челюсти и, позёвывая, промолвил:

- Эх, о чём вы говорите! Да мы обязаны до утра полностью завершить нашу работу. Её результатов с нетерпением ждут товарищи в райцентре. К завтрашнему дню должны быть взяты все показания.

Подтвердивший его слова, старший лейтенант обернулся к Сафтару.

- Прошу вас, пройдёмте в кабинет счетовода. Это помещение сейчас не занято. Время идёт, а нам нужно ещё расспросить отмеченных в списке людей. Однако вызвать их сюда надлежит вам. Пусть вначале переговорят они с вами, в вашем кабинете, а уж после, когда вы соответствующим образом их подготовите, по отдельности с ними встретимся мы. Необходимо свести к нулю вероятность панических настроений у населения и, по возможности, не допустить распространения конфиденциальной информации за пределы круга допрошенных.

- Понял, Фарман Бахтиярович, ваше указание принято к неукоснительному исполнению, - отчеканил Сафтар и немедленно отправился в свой кабинет.

Здесь он собрал наиболее преданных ему людей, которым поручил по одному направить к нему тех

из сельчан, что значились в переданном ему списке. В их числе глубокой ночью был вызван в правление и Джахангир. Их разговор со старшим лейтенантом оказался весьма продолжительным, в отличие от чуть не беглых допросов, учинённых бригадиру Шахсувару, мельнику и ещё двоим поливальщикам. Что до Соны-арвад и многих других, то они вообще не удостоились встречи со старшим лейтенантом и его подчинённым. Этих свидетелей Сафтар в кабинете же у себя заставил подписаться под уже составленными от их имени официальными бумагами. Некоторые из вызванных были неграмотны и потому помечали документы не подписью, а отпечатком обмакнутого в чернила большого пальца. Сафтар, Фарман Гараев и Джалил Калбиев строго предупредили каждого: за разглашение имён следователей, а также содержания допросов свидетели несут уголовную ответственность.

* * *

Уж пропели третьи петухи. Небо исподволь светлело. Обоим следователям, во всю ночь не сомкнувшим глаз, смертельно хотелось спать. Раскрасневшиеся, по временам глаза у них слипались, но только лишь чекисты упирались подбородками себе в грудь, как сей же миг оба вздрагивали и, очнувшись, принимались, по привычке, оправляться. Однако, несмотря на усталость, настроение у офицеров было превосходное. Впрочем, всех больше

радость в связи с итогами дознания выказывал сын Бесштанника.

Покинуть деревню сотрудники госбезопасности обязаны были скрытно, прежде чем на улицах появится народ. Поэтому вдвоём тихо покинули они правление, огородами выйдя на околицу села. Сюда Сафтар с бригадиром привели им взнузданных коней, усевшись на которых старший лейтенант Фарман Гараев и лейтенант Джалил Калбиев наконец-то отбыли в райцентр, осиянные лучами рассветного солнца…

Телесная усталость не могла притушить в них воодушевления в связи с достигнутым накануне несомненным успехом. Как же, ведь, проявив отменную выучку, сумели они выявить в Галаче махрового вредителя - противника советской власти! Таким образом, именно им двоим служба госбезопасности обязана была очередной своей победой! Собрано было достаточно улик, изобличающих Джахангира Гамбарова как подлинного врага народа. И хотя причастность Упрямца непосредственно к исчезновению Ганиры не была с достоверностью подтверждена, имелись веские основания подозревать его в убийстве девушки. А значит, и старший лейтенант Фарман Гараев, и лейтенант Джалил Калбиев вправе были рассчитывать на благодарность по службе за подписью самого начальника управления, полковника Атакиши Гараханова. Возможно даже, ожидало обоих внеочередное повышение в звании - за профессиональ-

ные оперативность и усердие. Немудрено, что в предвкушении всех этих милостей молодые чекисты мало тяготились как издержками многотрудной бессонной ночи, так и неотступно преследующим обоих чувством голода.

Полные энтузиазма, подвигались они верхом по ухабистому шляху. Когда полотно дороги сужалось, старший лейтенант немедленно выступал на своём коне вперёд. Лишь на широких участках пути офицеры ехали о бок. По-утреннему свежее, дыхание реки обвевало лица Фармана Гараева и Джалила Калбиева, наслаждавшихся покоем и благоуханием весенней природы.

Приблизившись к ущелью, всадники заставили своих коней сбавить ход. Обернувшись к Калбиеву, старший лейтенант сказал:

- Между нами говоря, этот Джахангир Гамбаров - престраннейший тип. Каждое слово из него клещами вытягивать приходилось. Поначалу он и вовсе отказывался давать какие-либо показания. И характер у него уж больно крутой. Ещё немного, и он сам бы напустился на меня. Правда, в том, что срубил тутовник, старик признался. Но ведь как повернул! Говорит: сделал, мол, это для общей пользы. Дескать, во-первых, дерево то - не человеком посаженное, но взросшее само по себе, то есть - дикое. А во-вторых, ради того, мол, чтобы поднялись сотни, тысячи новых деревьев, срубить одно - не грех.

- Здесь никто нас не слышит, а потому скажу

тебе по совести - этот сукин сын прав. Ведь и действительно, повалил он дерево вовсе не затем, чтобы уморить голодом шелковичных червей. Стояло оно аккурат посреди руслища, а значит, было бы помехой току воды. Просто, - отпустил лейтенант русское словечко, - этот Сафтар почему-то хочет его крови. А с нашей помощью намерен придать делу ещё и политический акцент. Вот и Гудрату Ганизаде он так задурил голову, что тот внушил Атакиши Гараханову, будто в Галаче и подлинно имеет место факт враждебной деятельности. Ничего не скажу в адрес полковника: Гудрат Ганизаде - это величина, депутат Верховного Совета, можно ли не доверять такому человеку?! К тому же, видать, полковник не желает рисковать своим местом. Ведь заартачься он, и завтра вполне могут объявить, что, дескать, Атакиши Гараханов потворствует врагам народа, глаза закрывает на их козни. Вот и спрашивается, кого шефу следует предпочесть - безвестного трудягу Джахангира или же заведующего земельным отделом района, депутата Верховного Совета республики, а вдобавок ещё и члена бюро райкома?! Не такой Гараханов простак, чтобы пренебречь авторитетной, влиятельной персоной и принять сторону простого крестьянина, у которого лишь то достоинство и есть, что умеет он лихо управляться с лопатой.

Услышав последнее замечание, старший лейтенант усмехнулся:

- Я тоже, дружок, кое в чём смыслю. А в некото-

рых вещах, так, может, и поболее твоего. Ты и я - чекисты, а потому не к лицу менять нам точку зрения. Мы направлены сюда для выявления врага народа. Будь этот Джахангир хоть ангел во плоти - он не брат нам и не сват, и печься о нём нет нам никакого резона. Ну его к чертям! Как раз такой же случай произошёл в Акгёльском районе. Начальник тамошней службы госбезопасности, Ибиш Аллахъярлы, неопровержимо доказал беспочвенность всех обвинений, ранее выдвинутых против некоего Мехти Гумбетова. Бесспорно, Ибиш Аллахъярлы поступил как должно. Однако это ударило по интересам каких-то шишек, сидящих в Баку. И вот, несмотря на безусловную правоту Ибиша Аллахъярлы, его-таки благополучно уволили из органов и исключили из партии. Повис, бедняга, между небом и землёй, и никто-то никуда его не пристроит. Детки опальника бедствуют. Между тем весь Акгёльский район знает, что Ибиш Аллахъярлы на посту своём проявил подлинную принципиальность. Но кто считается с мнением простых людей? Никто! А потому, мой друг, в столь щекотливых делах следует проявлять крайнюю осторожность, уметь чутко улавливать, откуда ветер дует. Не за правду нам надобно ратовать, но угождать власть предержащим. Кто мы с тобой? Пешки! И начни мы шибко задаваться, нас тотчас, как гнилой зуб, вырвут с корнем да и отшвырнут прочь. И станем мы оба - как Ибиш Аллахъяров. Кто тогда за нас вступится? Джахангир из Галачи?

Как бы не так! - Старший лейтенант махнул рукой. - И это не частное моё мнение, такова реально подлая сегодняшняя действительность. Попробуй поступить мы по справедливости, поднимется такая буря, перед которой нам с тобой не устоять. Посрывают с нас погоны, а после самый прах наш по ветру развеют. Чтобы оказались мы в положении Ибиша Аллахъярова, достаточно одного лишь слова Гудрата Ганизаде, а точнее - Гюльпери, которую он слушается во всём. Нужно ли нам это? Свою позицию должны мы обосновывать объективно полученными данными. Итак: уничтожен объект, обеспечивающий питание шелковичных червей? Уничтожен. Пропал конь у председателя? Пропал! Исчезла девушка, которую тщетно разыскивают и которую никто не видел вот уже два дня? Исчезла! Кто, согласно уликам, ко всему этому причастен? Джахангир! То же подтверждают и многочисленные показания свидетелей, собственноручно ими подписанные. Таким образом, оспаривать очевидное нет нам ровно никакого смысла. Конечно, мы имеем право на особое мнение, однако высказывать его ради торжества истины, тем обрекая себя на верный крах, - старший лейтенант на миг прервал свою речь, покачав головой, - да ещё и будучи сведущими в законах нынешнего времени, - нет, это иначе как глупостью не назовёшь! - И Гараев резко хлестнул нагайкой своего коня, тотчас рванувшегося вперёд.

Подскакав к началу спуска, старший лейтенант

натянул уздечку, отчего лошадь его сейчас же сбавила ход. Лишь только нагнал их на своём жеребце Калбиев, Гараев вернулся к давешнему разговору.

- Разумеется, беседа у нас с тобой доверительная. Сейчас ни мне, ни тебе не с руки заделываться правдоборцами. Будь они вместе неладны - и шельмец, и молодец! Какое нам до других дело! Мы в точности исполнили распоряжение начальства, а уж как там далее всё обернётся - покажет следствие. Псу клыки иметь пристало, а свинье нечистой - сало! Законники сами решат, как им подвести человека под статью.

Лейтенант пожал плечами.

- Джахангир Гамбаров держится так, что обвинить его будет непросто. Такому хоть змею оберни вокруг шеи - ни за что ни в чём не признается.

- Без присмотра, глядишь, и мертвец саван испачкает, - усмехнулся Фарман Гараев. - Непросто - спать на потолке. Что до этого Джахангира, то врежут ему разок-другой - сразу в ягнёночка обратится. Во всем сознается - и в том, что дерево срубил из вредительских целей, и в том, что девицу укокошил.

Настроение у Калбиева заметно улучшилось. Он отпустил поводья. Конь старшего лейтенанта был резвей его собственного. В один миг тот нагнал своего товарища, и теперь жеребцы вновь шагали рядом.

Гараев и Калбиев были не просто коллеги, они

вместе окончили ленинградскую спецшколу НКВД. Дружили, что называется, семьями. Однако не выставляли наружу взаимную свою приязнь. Отправляясь в очередную служебную командировку, Гараев всякий раз старался залучить себе в напарники друга. Их отличало редкостное взаимопонимание. Подобные отношения между сослуживцами были редкостным явлением в секретных органах. Сотрудники НКВД, при всей их внешней доброжелательности, готовы были продать один другого за понюшку табаку, - мораль, составляющая одну из специфических черт данной организации. Здесь брат не доверял брату, и человек человеку подлинно был волком. Ничего подобного не усматривалось у двух молодых чекистов. Их дружба выдержала множество испытаний, и оттого не имели они один от другого никаких секретов. Оставшись наедине, смело высказывали они самые сокровенные свои мысли и даже разрешали себе не вполне приличные шутки.

- Давеча ты упоминал о Гюльпери - знаком ли ты с ней? - с хитрой улыбкой вопросил Гараев.

- Эта какая-такая Гюльпери? Сестра Сафтара, что ли, та, что служит секретаршей в земельном отделе?

- Именно. Откуда ты её знаешь? - немало удивился старший лейтенант.

- Эх, болезный мой Фарман Бахтиярович, про эту девицу известно мне побольше твоего. Окончив школу, Гюльпери какое-то время подвизалась кас-

сиром в финансовом отделе. Тогда как раз Гудрата Ганизаде только-только как утвердили заведующим финотделом. В эту именно пору и началась их связь. Потом Ганизаде перевели в заведующие земельным отделом, и он забрал её с собой, определив Гюльпери на должность секретарши. Для отвода глаз он, против её воли, выдал девицу за завхоза управления - также отпетого проходимца. Прежде тот был конюхом, завхозом сделал его Ганизаде. Но чертовка Гюльпери - вот уж действительно красавица! Верно говорят: самая сласть - по медвежью пасть.

- Её муж и мне знаком. Имя его, кажется, Хангелди. Такой, с короткой шеей, чем-то напоминает крота...

Калбиев засмеялся, тогда как старший лейтенант вмиг посерьёзнел.

- Эх, ничего-то ты не ведаешь. Сафтар - человек Ганизаде, уважаемого нашего депутата, достойнейшего из сынов нашей земли! Так что вся эта свистопляска, несомненно, санкционирована им. И гоняют нас по горам да по долам исключительно для удовольствия несравненной Гюльпери.

- Краем уха и я кое-что об этом слыхал, - промолвил Калбиев. - Насколько я знаю, Гюльпери остаётся на ночь у Ганизаде всякий раз, как семья его уезжает на дачу. Голубки живут как муж с женой.

- А слышал ли ты, что законного мужа Гюльпери и близко к себе не подпускает? Мне сообщила это

ближайшая её подруга, наш штатный агент. Несколько раз случались между супругами шумные скандалы. Хангелди уж было совсем собрался на развод подавать. Да только прознавший о том Ганизаде беднягу осёк, застращав его насмерть. Воистину чудеса творятся на свете! Хахаль ревнует свою цыпочку к её благоверному, а та, на благоверного этого наплевав, вовсю ублажает своего милка. Вот ведь, поклялась мужу, что больна тяжелейшим женским недугом, и даже медицинскую справку предъявила, в которой ей предписывается отказаться от половых сношений. Будто бы врачи предупредили Гюльпери, что нарушение этого предписания может привести её на операционный стол. Притом, дескать, болезнь у неё такого рода, что нельзя знать заранее, сумеет ли Гюльпери операцию перенести. Муж поверил ей и с той поры больше к жене не подступает.

- Ах женщины, женщины! - покачал головой Калбиев. - Такую заплетут интригу, что самого черта запутают. Стать мужем легко, трудно остаться при этом мужчиной.

- Именно, - подтвердил Фарман Гараев. - Взять ту же Гюльпери - сейчас она, а отнюдь не Ганизаде хозяйничает в управлении. Чуть ли не орехи лущит на лбу у Гудрата. И упорно не родит, в доказательство своей болезни. Всё управление у неё под каблуком. Её там боятся больше, чем начальства. А Сафтар, имея за своей спиной Гюльпери, знай бесчинствует у себя в деревне. Как же, не будь этой

красотки, отдали б такому ослу столь ягодное местечко! Осведомители наши доносят, в Галаче уж и девицы не осталось, за которой бы не пробовал он волочиться. Будет хорошо, если из-за Сафтаровой прыти его однажды кто-нибудь не прибьёт. Такие редко у нас умирают естественной смертью. Помяни моё слово, не сегодня завтра услышишь ты, что его пырнули ножом в брюхо. И в Галаче мало кто сомневается в таком его конце.

- Теперь ясно, откуда клубок катится, - заметил Калбиев. - Ведёт ниточка прямиком к Ганизаде и Гюльпери. И вот из-за них-то оказались мы вовлечены в эту историю!

Достигнув райцентра, чекисты немедленно сменили тему беседы и привычно напустили на себя важный вид, соответствующий должностному их положению и авторитету ими представляемой организации.

* * *

Нарком внутренних дел, полковник Атакиши Гараханов, человек высокого роста, с начавшими седеть зачёсанными назад волосами, удовлетворён был работой своих оперативников. Выслушав короткий их доклад и ознакомившись с некоторыми из вручённых ему документов, он поблагодарил обоих за службу, после чего, уже совершенно счастливый, снял трубку с телефонного аппарата и гордо отрапортовал вышестоящему начальству: в

деревне Галача выявлена и пресечена деятельность злостного врага народа...

* * *

Джахангир вышел из дому. Он заранее приготовился к неприятным вопросам, которые, без сомнения, станут задавать ему все встречные. Но вопросы эти он обязан был оставить без ответа, поскольку дал подписку о неразглашении "следственной тайны". Уже несколько дней пребывал Джахангир в полной растерянности, не зная, ждать ему разрешения на дальнейшую прокопку арыка или же вызова на очередной допрос, к уже знакомым ему людям в погонах. Он точно повис между небом и землёй. При том печаль свою не мог поведать он никому из домашних, и даже самому близкому ему человеку - супруге Зохре. Женский язычок - что трещотка, и доверь женщине секрет, она незамедлительно разнесёт его по всем родственникам и знакомым. "Дело моё и без того - табак. А тут ещё и за клятвопреступление в суд потащат. Дескать, обмишурился, Джахангир, вот и ступай теперь, держи ответ перед законом!" Даже Суджеддину не решался он открыться, боясь огорчить любимого сына. Что же до малолетней Новресте, то по сию пору отец беседовал с дочерью исключительно лишь о школьных её занятиях.

Однако, как ни прятал Джахангир свою боль, выдавали его повадка и хмурое выражение лица.

Кроме того, мучимый бессонницей, он ночи напролёт непрестанно ворочался в постели, и домашние, регулярно наблюдавшие это, понятно же, догадались, что Джахангир снедаем некоей тревогой. Беспокоили их и ночные встречи Джахангира с соседом Багиром. Лишь ему одному, без утайки, рассказал Джахангир о своих переживаниях. За последние дни Багир как-то разом вдруг постарел, имея вид понесшего тяжёлую утрату и неутешно её оплакивающего человека. Багир искренне сочувствовал Упрямцу, отлично сознавая, что друг его безвинно ввергнут в пучину, из которой вызволить его едва ли посильно даже ангелу небесному.

Когда Багир заглядывал к Джахангиру, Суджеддин и Таджеддин немедленно оставляли старших наедине, ссылаясь на необходимость готовить уроки, сами же, спрятавшись в закутке, слушали, о чём те перешёптываются. Предмет доверительных этих бесед обоим паренькам известен был давно. Прежде чем расстаться, они задерживались подле калитки и оживлённо обсуждали подслушанное. Своим юным умом пытались они постичь происходящее, при этом всякий раз расходясь по своим домам крайне удручёнными. Суджеддин, натура более чувствительная, нежели Таджеддин, особенно остро переживал то, что представители власти безвинно мучают его отца. Как ни старался он сдерживаться, на глазах у него частенько выступали слёзы, которые, однако, Таджеддину не бывали видны по причине темноты. Впрочем, как ни сокрушались

мальчики из-за Джахангира, в душе они были уверены в его неподсудности. Сколько бы ни мытарили старика в соответствующих инстанциях, полагали оба, следствию ни за что не сыскать оснований для обвинения Джахангира. Всей округе было известно, что Упрямец - человек безукоризненной честности, что от роду не зарился он на чужое добро и всю свою жизнь проработал на земле, наконец, что, уважаемый всей деревней и отличающийся редкостным добросердечием, он просто не способен совершить злодеяние. Невинного же гражданина власть не может подвергнуть преследованию. К тому же в школе, на уроке Конституции, ребят учили, что советская держава - самое гуманное государство в мире, страна рабочих и крестьян, в которой люди живут свободно и которой не применяет закон безосновательно. Именно поэтому и Суджеддин и Таджеддин убеждены были, что с Джахангиром ничего худого не произойдет. Ведь их страна - защитница бедных и угнетённых! А значит, пусть нагрянет сюда хоть полк "краснопогонников", Джахангиру опасаться нечего.

* * *

С самого детства Суджеддин и Таджеддин были как братья. Как и у отцов их, имелись у ребят общие секреты. Даже обедали они, по большей части, друг у друга, порознь разве что только ночуя. Разумеется, и в классе сидели они за одной партой.

Глядя в широкое классное окно, вместе любовались они чарующим горным привольем. Подымавшееся из-за лысых скал солнце пригревало мальчикам лица...

Суджеддин предпочитал писать жирно, между тем как Таджеддин жаловал исключительно лишь тонкие перья. Суджеддин не был приверженцем подобных перьев. В письме, как и во всём остальном, любил он аккуратность, и потому, для придания надлежащего вида своим буквам и цифрам, частенько применял нажим - кончик у пера при этом чуть раздваивался, походя на клювик птенца, и обильнее цедил чернила. На гладких белых тетрадных листах значки выстраивались в строки, напоминающие агатовое ожерелье. Будучи очень густыми, чернила высыхали быстро, а потому у Суджеддина не возникало нужды в промокашке. Буквы радужно поблёскивали. Изысканный почерк Суджеддина вызывал одинаковое восхищение и у школьников и у учителей. Нередко классный руководитель ставил юного каллиграфа в пример другим ученикам:

- Вот как писать надо!

Помимо прочего, Суджеддин был ещё и классным старостой, что прибавляло ему веса среди соучеников. Ни один из школьных забияк никогда не пытался затеять с ним драку. В то же время и сам Суджеддин не был склонен искать с кем-либо ссор, имея чрезвычайно спокойный нрав. Была в нём некая степенность, совершенно не типичная для

подростка. Отличающийся необычайной аккуратностью, свои тетради и учебники держал он непременно обёрнутыми в белую бумагу или же в газету, а книжки его всегда выглядели как новенькие, будто только что купленные.

На возвышающейся в центре школьного двора старой сосне висел лемех, который, не без труда, выпросил местный директор у колхозного начальства. Лемех служил здесь сигнальным колоколом. Когда дежурные по школе ударяли в него плоским речником, раздавался гул, эхом отзывавшийся в ближних скалах и слышный на другом конце деревни. Гул этот возвещал начало и окончание занятий.

На переменах можно было оглохнуть от гама, в который погружались школьные коридоры и двор. Какие только игры и проказы не учиняла детвора, собираясь против заднего фасада школы, подальше от учительских глаз! Ребята сыпали шуточками, учиняли борцовские турниры, перебрасывались маленьким резиновым мячиком… Но вот по прошествии нескольких минут лемех в очередной раз оглашался привычным всем гулом, и, запыхавшиеся и взопрелые, дети нехотя вновь расходились по своим классам. Гвалт смолкал, и воцарялась мёртвая тишина, нарушаемая разве только чириканьем воробьев, сидящих на пришкольных деревьях и обживших щели под стрехой учебного корпуса. После уроков, компаниями по двое-трое человек, ребята отправлялись по домам, дорогой обсуждая события дня, споря и балагуря…

В тот день Суджеддин и Таджеддин, прихватив с собой занимательное чтиво и хлебцы с шором, дружно выскочили на улицу. Вместе вышли они за околицу и устремились прочь из деревни. Достаточно отдалившись от неё, сбивая дыхание, друзья подались к вершине Белого холма. С этого места Галача видна была как на ладони. Одолевая подъём, пацаны то и дело обращали любопытные взгляды на разряженных девиц, что собрались под крышей беседки, установленной над истоком бьющего посреди деревни родника, на белеющую из-за деревьев школу, на родные усадьбы… День был жаркий, и, единым духом взбежавшие на верх холма, оба мальчика изрядно вспотели. Чуть передохнув, друзья завернули направо и вскоре достигли Белого озера, укрытого за купами кизила и орешника. Озеро это было творением рук галачинцев, запрудивших местный жиденький - струйка, чуть не с палец толщиной, - родничок. Вспугнутые непрошеными гостями, до того безмятежно гревшиеся на солнышке, хвостатые жабы разом повтягивали в себя морщинистые свои зобы и прянули в воду. И сей же миг частая рябь подёрнула прежде покойную зеркальную гладь водоёма. Вдоволь налюбовавшись озерцом, Суджеддин и Таджеддин затем разделись и один за другим попрыгали в воду. Упоённо плавали они и плескались, а подустав, вышли на берег и подставили свои тела под лучи застывшего в зените солнца. После вернулись они к прерванной забаве, пустившись в долгое выяснение того, кто из

них лучший пловец. Наконец, уже в совершенном изнеможении, оба выбрели из воды, обтёрлись полотенцем и оделись. Устроившись в тенёчке, прямо на земле разложили мальчики свои учебники и тетрадки и занялись приготовлением уроков.

Солнце между тем начало клониться к закату. Всё более длинными делались отбрасываемые скалами тени. Повеял прохладный ветерок. Закрыв книжки, мальчики стали рассказывать друг другу выученное, а вслед за тем сыграли в вопросы-ответы по темам домашнего задания. Первым в роли учителя выступил Суджеддин: отвечая ему, Таджеддин вытягивался в струнку, наподобие усердного школяра. Выслушав "ученика", "учитель" оценил его знания на "тройку". Настал черёд Суджеддину выступить в роли экзаменуемого. Ответы его были чуть более убедительными, нежели у его товарища, вследствие чего и удостоился Суджеддин твёрдой "четвёрки". Впрочем, Таджеддин вскоре честно признался, что был не достаточно объективен и что на самом деле товарищ его заслуживает самой высокой оценки. Заявление это развеселило обоих.

Вскоре, собрав свои учебники и тетради, мальчики двинулись в обратный путь. Когда они уже сходили с холма, Суджеддин сообщил товарищу, что желает отнести домой немного хвороста.

- Зачем он тебе? - удивился Таджеддин. - Дядюшка Джахангир заготовил столько дров, что на целых две зимы хватит.

- Понимаешь, мама денно и нощно работает -

кипятит молоко, готовит еду... Дрова ж у нас сплошь просырелые и плохо горят. Бывает, стоя на коленях, изо всех сил старается она раздуть пламя, а то ну ни в какую не занимается. Когда же разжигает она огонь при помощи керосина - сердится отец. Распекает мать вовсю. Ворчит - дескать, не нажил ещё собственных нефтяных промыслов, меж тем как бутылка керосина стоит совсем не дёшево. Но беда, мол, даже не в этом, а в том, что керосин нынче нигде не сыскать. К тому же от него сильно дымит, и у мамы слезятся глаза. Жалко мне её, и потому, оказавшись здесь, всякий раз набираю я побольше хвороста, чтобы маме было чем растапливать очаг, не прибегая к керосину, которым так дорожит отец.

Признание это подвинуло Таджеддина присоединиться к другу. Вместе вступили они в ближний подлесок и собрали каждый по охапке валежника. Свою Суджеддин крепко перетянул ремешком, который всегда носил с собой. То же сделал и Таджеддин, но только воспользовавшись лозами карагача и тута. Колючий хворост исцарапал руки Суджеддина в кровь, но тот мужественно переносил боль, уверяя товарища, будто вовсе её не чувствует. Чтобы услужить матери, он готов был ещё и не на такие жертвы.

С хворостом на плечах, мальчики продолжили свой путь, на протяжении которого не переставая повторяли затверженные накануне уроки. Торчащая из его вязанки острая ветка поранила Суджед-

дину шею, но он и в этот раз выказал примерную стойкость, думая лишь о том, как принесёт домой хворост и как, потрескивая, тот вспыхнет в очаге, осветив лицо Зохры пламенем, которое в два счёта заставит вспениться и подняться поставленное на него молоко. Вытянув шею из-под вязанки, Суджеддин обернулся к товарищу.

- Брат!

- Да, - не замедлил ответить тот.

- Знаешь, кипятя молоко, мама одним глазком непременно за ним приглядывает. Потому что, убежав, оно с шипением заливает очаг, и тогда по всему дому разносится горелый дух. Отца это всегда приводит в раздражение. "Эх ты, раззява!" - пеняет он маме. Тебе отлично известно, что отец мой - человек не мелочный. Указываю на это вовсе не из сыновней почтительности. У отца и вправду широкая душа! Тем не менее он бесконечно талдычит нам о бережливости. Дескать, рачительным надо быть всегда и во всём. Дескать, добро наше не принесено нам селем, но добыто упорным трудом, а значит, пользоваться им надлежит крайне экономно. Дескать, в доме у транжиры достаток не задерживается. Отец дрожит над каждой каплей молока, потому что "сверху" ежегодно требуют: заготовки по маслу должны быть произведены полностью и в срок! На него, масло это, мама изводит всё наше молоко, топит его, а после сдаёт заготовителям. Нам только-то на айран* и остаётся. Пока государ-

* Молочный напиток.

ство своё от нас не получит у мамы и горбушку помазать маслица не выпросишь. Как-нибудь перебьёмся, твердит она, только бы от государства откупиться...

- На этот счёт верно рассудил мой родитель, - в свою очередь, заметил Таджеддин. - Он занят теперь поиском покупателя на нашу корову. Говорит, достаточно нам будет и того молока, что дают десяток наших коз. Не беда, мол, обойдёмся. Не станем держать мы корову - с нас и взятки гладки. Вот только мама упрямится. Утверждает, что без коровы нам не прожить. Да и я вовсю упрашиваю отца бурёнку нашу не продавать…

* * *

Каждый день Джахангир куда-то исчезал. Дома его почти невозможно было застать. На вопросы домашних он отвечал, в одном случае, что ходил навестить больного друга в соседнюю деревню, припозднился и ему пришлось там заночевать, в другом - что был, опять же, в одном из ближних сёл, обязанный присутствовать на панихиде по человеку, с которым прежде не раз преломлял хлеб... Никогда прежде Джахангир не врал, в этой связи неустанно повторяя, что ложь - это предательство собственной совести. Но сейчас он вынужденно обманывал своих близких, не желая огорчать их известием о том, где доподлинно приходится ему бывать и каково достаётся ему от людей в мали-

новых погонах. Каждое мгновение, проведённое в покое и безмятежности его близкими, для Джахангира было драгоценно. Безвинно преследуемый, он должен был самостоятельно выбраться из омута, в который был загнан. "Ничего, выдюжим, - думал он. - Обождём, посмотрим, чем возня эта закончится, где лопнет истончившаяся тесьма".

Между тем сотрудники НКВД сделали всё, чтобы Джахангиру не мил стал белый свет. Как обходились они с ним, одному Аллаху было ведомо. Но сломить Упрямца оказалось непросто. "Слабость моя - на радость врагу, на печаль другу", - про себя говаривал он, а потому в ней, своей "слабости", не признавался никому. Знал о ней только лишь Багир. Однажды Джахангир рассказал ему о бесчинствах чекистов, приведя этим товарища в ужас, от которого тот отходил в течение целого дня и даже на одну ночь лишился сна.

Ни о чём этом Суджеддин и Таджеддин и не подозревали, убеждённые, что все неприятности Джахангира уже позади. И оттого ничем не помрачены были привычные их весёлость и беззаботность. Каждый день отправлялись они в горы, бродя по ущельям, собирая на лугах цветы и наслаждаясь пением птиц. Там же готовили они уроки, а перед сумерками, бодрые и счастливые, возвращались под родной кров.

К вечеру воскресного дня резко испортилась погода. Козырьком приставив ладонь к надбровью, Багир-киши оглядел хмурое небо и уверенно пред-

рёк: быть сегодня дождю. Так и случилось. В середине ночи ударила молния, горы сотрясли громовые раскаты, и грянул ядрёный проливень. Сорвавшийся вдруг ветер пригибал деревья, неистово теребя их ветви и обрушивая на землю не дозревшие яблоки и груши. Дождь задувало в окна домов, и в одночасье всё матерчатое, что открыто находилось в человеческих жилищах, напиталось влагой. Лишь к утру непогода улеглась. Завесу туч, простелившуюся над деревней, стало медленно относить к дальнему отрогу. Вызванный ливнем сель омыл узенькие улички деревни, очистив их от мусора. Мутная вода, наполнившая, прежде пересохлое, русло сельской речушки, постепенно спадала, делаясь всё более прозрачной.

Впечатляющую эту картину по-детски восхищённо наблюдали Суджеддин и Таджеддин. Как только сель спал, они спустились к реке и, предварительно разувшись и закатав по колено штаны, перешли на другой берег. Такая удача случалась не часто: вслед за потопами, вроде давешнего, зелёные окрестные склоны бывали сплошь усеяны великолепными боровиками. Мальчикам же были отлично известны все здешние грибные места. Вот отчего, взойдя на яр, двое друзей затем двинули прямиком к прилегающей к нему просторной луговине. Таджеддин непрестанно шутил, смеялся, а по временам, приложив ладонь ребром к щеке, как это делают народные певцы, вполголоса что-то напевал. В разительное отличие от него, Суджеддин выглядел мрач-

ным. Он как будто ничего не видел и не слышал вокруг, безразличный даже к аромату вешнего цветенья. Всегдашняя его жизнерадостность исчезла бесследно. Иногда он вдруг останавливался и, обернувшись назад, печально смотрел в сторону Галачи, как будто впервые созерцая родное село. Так же глядел он порой и на Таджеддина, чрезвычайно озадаченного таинственной переменой в друге.

- Что-то ты поскучнел, может, притомился или болит где? - поинтересовался тот.

Суджеддин непроизвольно вздохнул, но тотчас, словно спохватившись, улыбнулся - он не хотел обнаруживать свою печаль.

- В прошлом году я стал свидетелем того, как сель захватил мать с ребёнком, возвращавшихся домой с мельницы, - сказал Суджеддин. - Я как раз на гребне яра седлал тогда нашу кобылу. Крики их до сих пор стоят у меня в ушах. Мне неотступно мнится, будто несчастные тянут ко мне свои руки, умоляя о помощи. Сель был невероятной мощи, и подступиться к ним я не мог никак. И всё же никогда не прощу я себе тогдашней моей нерешительности. Горькое это воспоминание мучает меня непрестанно. Вот накануне увидел я то злополучное место, и всё настроение прахом пошло!

Суджеддин рассказал эту историю лишь затем, чтобы объяснить свою подавленность, не выдав при этом истинной её причины. Он зашагал дальше, Таджеддин поспешил ему вслед. Оба направлялись в конец поляны, где из-под тёмно-зелёной тра-

вы несчётно выглядывали белые грибы. Суджеддин, который в походах обычно выступал впереди друга, вовсю балагуря и дурачась, теперь едва переступал ногами, будучи как в воду опущенный. Его вид возбудил в Таджеддине смутные подозрения.

- Может, родители дома повздорили? - с некоторым укором, словно обиженный скрытностью товарища, спросил он. - Или же я тебя ненароком обидел?

Вместо ответа Суджеддин вновь натужно улыбнулся и, крепко ухватив друга за руку, потянул его за собой.

Наконец пришли они на грибное раздолье. Таджеддин сразу же с увлечением стал собирать нововзошедшие грибы, при этом искоса наблюдая за товарищем. Суджеддин также рвал боровики, однако без всякого энтузиазма. Так, сняв очередной гриб, парень в сердцах неожиданно раздавил его в руке, после чего с яростью швырнул ошмётки наземь. Странное поведение друга только усугубило озабоченность Таджеддина. Неизвестность, пробуждающая в душе смутную тревогу, тяжёлым грузом легла на чувствительное сердце сына Багира-киши. "Да что же это творится нынче с Суджеддином?! - про себя подумал он. - Отчего так странно он себя ведёт? Даже красавцы-грибы, и те ему не любы!" Но ни о чём допытываться у друга Таджеддин не стал. А вскоре, также утратив интерес к грибам, бросил их собирать, несмотря на то, что и до половины ещё не заполнил свой мешок.

- Давай-ка, Суджеддин, домой, - раздражённо и с запальчивостью обратился он к товарищу.

Посмотрев на свой полупустой мешок, Суджеддин перевёл взгляд на друга. Взгляд этот был задумчив и тускл. Безразличным, лишённым оттенков голосом угрюмец произнёс:

- Что ж, идём - значит, идём, я не против. - И зашагал по направлению к селу.

Да, мешки были худы, а грибов кругом - прорва, но отступать от принятого решения мужчинам не пристало, и оба мальчика молча, не останавливаясь, шли, погружённые каждый в свои мысли. Лишь шорох приминаемой ими росистой травы вторгался в воцарившееся между друзьями безмолвие. Оба не знали, что сказать. Таджеддин раздумывал о тайне, которую упорно хранил в себе его товарищ, а Суджеддин держал рот на замке, как будто чего-то или кого-то опасаясь. Чувство подсказывало Таджеддину, что до поры не следует приставать к другу с расспросами.

Вскоре под стоящим в низине орешником устроили они небольшой привал, в продолжение которого опять-таки не проронили ни слова. Суджеддин решил было открыться другу, но в конце концов всё же удержался от этого, застыв, точно изваяние, с грустными, устремлёнными вдаль глазами. Словно бы впервые обозревал он прекрасные эти места, с их ущельями и сопками, неизменно восхищавшими его и вдоль и поперёк им исхоженными. Теперь на всё это великолепие взирал он не как обычно - с восторгом, но с явственной тоской.

Терпение у Таджеддина иссякло. Больше не мог он безучастно наблюдать, как снедает его друга безысходная кручина.

- Суджеддин, Суджеддин! - взволнованно воскликнул он.

Имея вид одновременно апатичный, как у пьяного, и жалкий, Суджеддин окинул товарища мутным взглядом. Лицо страдальца тронула горькая усмешка. Он по-прежнему хранил молчание. У Таджеддина комок подступил к горлу. Обеими руками схватил он друга за плечи и, крича: "Суджеддин! Суджеддин!", принялся изо всех сил его трясти.

Суджеддин тупо, не моргая, уставился на товарища, походя на поражённого столбняком. Бессильно опустился на гладкий валун. Привалившись спиной к стволу орешника, он вытянул вперёд ноги, а затем сжал голову руками, запустив длинные свои пальцы в чёрную густую шевелюру. Суджеддину казалось, будто пребывает он сейчас не рядом с лучшим своим другом, не под издавна знакомым ему орешником, не в виду родной Галачи, но в некоем бредовом сне, в каком-то запредельном мире...

- Суджеддин!.. Суджеддин!.. - исступлённо вопил между тем Таджеддин, пытаясь вырвать друга из забытья, в которое тот канул, как в омут.

В ответ Суджеддин с трудом, точно она была свинцовая, приподнял голову, с какой-то отстранённостью вперившись в своего объятого смяте-

нием товарища. По бледным щекам бедняги текли слёзы. Таджеддину отчаянно хотелось обнять друга, прижать его к своей груди, но сделать это он не умел: руки и ноги, как то часто бывает во сне, не слушались его. Тем не менее усилием воли Таджеддин заставил-таки себя приковылять к Суджеддину, однако, уже было дотянувшийся до него, нечаянно оступился и упал. Суджеддин помог ему подняться. Губы у Таджеддина дрожали. Не отводя глаз, глядел он на товарища, силясь понять, что с тем происходит. Язык у Таджеддина задеревенел, не способный более выговорить внятно и короткой фразы. Наконец, как будто бы преоборов давешнее своё недомогание, Суджеддин обронил:

- Таджеддин!..

Его душили слёзы, но, насилу уняв их, он промолвил вновь:

- Таджеддин!.. - И тут умолк опять. Потом нервно, как бы затравленно, огляделся вокруг, остановив сощуренные глаза на орешнике, сплошь облекшемся в вешний цвет. В эти минуты Суджеддин не доверял даже своему испытанному другу. Подавленный вид товарища убедил Таджеддина в том, что мучит молчальника неодолимый, панический страх.

Ещё раз удостоверившись в том, что, кроме них, больше нет здесь ни души, Суджеддин крепко ухватил руку товарища и притянул его к себе.

- Таджеддин, если я открою тебе одну тайну, сумеешь ли ты её сохранить? - тихо спросил он и вновь огляделся по сторонам.

- Разумеется, Суджеддин, мог ли ты сомневаться?! Каким бы ни был твой секрет, будь покоен, от меня его никто не узнает.

- Та-дже-ддин! - запинаясь от душивших его рыданий, промолвил Суджеддин. - С зав-тра-шне-го дня мы бу-дем си-деть за раз-ны-ми пар-та-ми!

- Почему? - опешил Таджеддин. - Что такое ты говоришь?!

- И в Белом пруду плавать вместе больше не будем, - продолжал Суджеддин. - Только не забывай обо мне, когда станешь там купаться! Нырнёшь в воду - тотчас зажмурься и представь себе, будто это мы на пару тут резвимся. Посчитай меня за жирную уродину жабу, что бултыхается в пруд с бережка. Можешь, конечно, смеяться и укорять меня, да только… да только, Таджеддин, сделаешь это зря! Да-да, зря! Знал бы ты, как хочу я оказаться на месте такой беззаботной жабы! Плескался бы себе вволю, день-деньской любовался бы деревьями, в тени которых мы с тобой готовили уроки... Поверь, Таджеддин, мне много желанней быть уродиной-жабой у себя на родине, нежели счастливцем где-нибудь на чужбине!..

Таджеддину эта забавная и вместе с тем тревожащая душу речь казалась произнесённой не сызмала знакомым ему человеком, но существом с какой-то загадочной планеты. Речь эта напоминала горячечный бред.

- Что ты мелешь, Суджеддин? Или в голове у тебя помутилось? - взволнованно вопросил Таджеддин.

Суджеддин устало улыбнулся.

- Отныне не сможем мы вместе ни уроки готовить, ни хворост собирать...

- Но почему? Говори, говори! Хватит меня томить!

Суджеддин приложил указательный палец к губам.

- Тише, чекисты нас услышат, и тогда быть беде. Погоди, дай мне выговориться до конца. Таджеддин, нынче последний день нашей дружбы и начало вечной разлуки... - Суджеддин посмотрел на заходящее солнце. - Вот он, незабываемый, чудеснейший из наших дней, который никогда мы не вернём. Увы, суждено закончиться и ему!

Таджеддин схватил его за плечи и стал трясти.

- Возьми себя в руки, Суджеддин! - взмолился он. - Объясни: почему так странно ты себя ведёшь, что хочешь сказать?..

- Отца… - Суджеддин едва сдерживался, чтобы не расплакаться. - Отца… - Язык не слушался его, и договорить он не смог. Суджеддин разрыдался. Несколько поуспокоившись, он дрожащим голосом выдавил из себя: - Таджеддин, тайной этой я делюсь только с тобой! Если о ней прознает кто-то ещё… С отца взяли подписку, поэтому о том, что я расскажу, ты - могила! Уже несколько дней, как отец мой взят в оборот. Он говорит, его оклеветали, выставив врагом народа. Дескать, это подтверждено кучей свидетелей и чуть не сотней улик. Сегодня, когда деревня заснёт, его заберут. Случится это где-

то за полночь. Ушлют прямиком в Сибирь. А может, и ещё дальше. Упоминался также остров Нарген*. Отец полагает, что там всё же получше, чем в Сибири. Хоть и посреди моря, но зато близко к родным местам. Ведь горные ветры долетают и до Наргена!.. - Суджеддин замолчал и тут же вновь ударился в слёзы. - Дядя Багир всё знает, Таджеддин, - обмолвился он через некоторое время. - Как знает и то, что отец мой ни в чём не виноват. Не виноват, Аллахом клянусь! Его облыжно обвинили во враждебной деятельности. Отец ежедневно видится с дядей Багиром и во всё подробно его посвящает. Я же, притворяясь спящим и с головой накрывшись одеялом, подслушиваю все их разговоры.

Тут Таджеддин крепко обнял товарища, и оба разом зашлись в плаче.

Подул свежий ветерок. Ветви дерева схлёстывались, шурша друг о друга, и с потревоженного орехового цвета осыпался на ребят росный дождь. Можно было подумать, будто это мать Суджеддина - Зохра, обратившись в орешник, пролитием воды благословляла сына в дальний путь, одновременно призывая Всевышнего оберечь её мальчика от зол этого мира.

Высыпав из своих мешков грибы, друзья всласть их потоптали, после чего стали как закаменелые, устремив влажные взоры на смешавшееся с землей грибное месиво.

* Название острова в Бакинской бухте, в прошлом - место содержания жертв сталинских репрессий.

* * *

Беседы чекистов с Джахангиром начинались аккурат в час ночи, когда в деревне погасали огни и вся Галача погружалась в сладостный весенний сон. Причем происходили эти беседы теперь уже не в здании правления колхоза, как то было прежде, а в одном из наиболее укромных помещений местной школы, расположенной на отшибе села. В это время суток школа бывала совершенно безлюдна, если не брать во внимание здешнего сторожа. Недавно тот получил строгое указание: по наступлении темноты никого на школьную территорию не пускать, а вскоре ему и вовсе повелели ночевать у себя дома. Только об этом и мечтавший, охранник с радостью принял приказ к исполнению и отныне блаженно дрыхал в родной постели.

И вот сегодня полуночные допросы должны были, наконец, завершиться - следователи назначили Джахангиру последнюю встречу возле всё той же школы, чтобы затем, в наручниках, доставить его в райцентр. Об этом Упрямец известил одного лишь Багира, которого и ранее подробно осведомлял о том, как подвигается дознание, и конкретно о методах работы сотрудников НКВД.

Последняя ночь в родном селе… Через несколько часов - в путь. Через несколько - потому что конвоирам необходимо было выждать, пока все до единого отойдут ко сну сельчане, от коих надлежало

скрыть обстоятельства ареста Упрямца. Накануне Багир зарезал барашка, решив устроить для товарища прощальный ужин, и, когда всё было готово, послал за ним своего сына. Однако прийти в дом к другу Джахангир наотрез отказался. И тогда Багир сам заявился к нему с приглашением к совместной вечере. Но тот по-прежнему был неколебим.

- Мне дают очень скверную статью, сосед, - сказал Джахангир. - Употребив все средства, на меня навесили-таки ярлык "врага народа". Сейчас подконтролен каждый мой шаг. Повсюду расставлены люди, отмечающие, куда я хожу и с кем общаюсь. Поэтому, если не нужны тебе неприятности, не настаивай - я всё равно никуда не пойду. Самый твой приход ко мне есть большая оплошность - теперь у них появились основания напуститься и на тебя, с обвинениями в пособничестве врагу народа. Издавна считается, что отправляющийся в преисподнюю норовит потянуть за собой своих близких, но ведь ты знаешь - я не из таких. И нет у меня намерения навлечь на тебя беду и обратить в кошмар твою жизнь. А потому не обижайся, сосед, - нам теперь лучше держаться одаль друг от дружки. Будь ты одинок - ещё б куда ни шло, но у тебя большая семья, их пожалей...

Хоть Багир и был в годах, но силой пока не иссяк и дух имел бодрый. Он крепко схватил товарища за плечи и рывком поднял его на ноги.

- Что ты говоришь, Джахангир! Иль началось светопреставление?! - воскликнул он. - Если тот, с

кем преломлял я хлеб, и затеет наветами мне досаждать, то, надо сказать, уж больно поздно спохватится. Делать это следовало бы раньше. К тому же, много ли интереса государству в человеке моего-то возраста! Был крикун - стал кряхтун. Примешай моей скудельки к овсу - лошадь не поест, добавь в отруби - пёс отворотится. Кто упечь меня желает - в добрый час. Поди персона я не поважнее колодников. И они, и я - все мы чада Господни. Всему живому умереть предначертано, так что же, из страха перед смертью поступаться мне теперь мужской моей честью?! Хоть весь мир рухни, но мы с тобой должны пойти ко мне и на прощание вместе перекусить, иначе я до конца жизни мучиться буду. Думай себе, что хочешь, но только идём - и всё тут!

Поняв, что сосед не отступит, Джахангир не стал более упираться. Вдвоём отправились они на Багирову усадьбу. Подали ужин. Мать семейства и детвора с удручённо-растерянным видом ушли в смежную комнату, оставив друзей наедине. Багир сокрушённо тряс головой, взад-вперёд подавался корпусом:

- В своё время я неоднократно предупреждал тебя, Джахангир, да ты меня не слушал. Угодил во щи, так не ропщи. Недаром старики сказывают: того, что сам себе уготовишь, и сотне врагов не умыслить. Видишь, во что угодил ты по собственному неразумию?! Впрок ли станет - трубить на весь мир о своей учёбе у муллы! От Галачи до мест,

где законы издают, верхом скакать многие месяцы. Потому-то и указы, какой ни возьми, в края наши приходят запоздало. Вот и творит у нас каждый, что ему вздумается. Верно говорят: в малом пруду и пескарь - карась. Да и кто нынче чтит закон! Разве не доводилось тебе слышать, что, дескать, шариат - байка для простаков? Конечно, сейчас нет резона вновь вспоминать об этом, душу себе травить. Поздно: коль камень брошен - его не убережёшься. И ведь твердил и твердил я тебе: навесь замок на свой роток! Каким бы ни был мерзавцем сын Бесштанника Гасыма, у него теперь власть, а на лодке с кормчим не спорят. Пусть и ума у него - пшик, и нрава он подлого, но ведь кто-то зачем-то поставил его над нами! И, надо полагать, был этот "кто-то" вовсе не простой человек! Поставил - и теперь плечом его подпирает. Как говорится: и ручеёк, коли - впрок, Араксом наречётся! Ты же ничего этого в расчёт не брал, а когда пытались тебя образумить - ничьим не внимал увещеваниям. Впрочем, что теперь о том сетовать! Не изводи себя, сосед, пустыми сожалениями! В конце концов, благодаря заступничеству Аллаха, новая власть не шибко нас примяла, когда в одночасье сменила старую. И, в конце концов, опять-таки благодарение Аллаху, взялись они только за тебя, не тронув семью. Хотя бы за это должно государству спасибо сказать. Сегодня мы не можем противостоять ему. И раз уж за тобой пришли, что тут поделаешь, - нужно смириться. За своих же не тревожься: пока я жив, ни в

чём нуждаться они не будут. Разживусь караваем, половину оставлю себе, другую - им отдам. Тут уж будь покоен. Зохра мне как сестра, Новрсте и Суджеддин - как родные дети. Эх, сосед, кто знает, как ещё жизнь сложится - глядишь, и отольются кому-то твои слёзы! Чем потчевал других, то и самому однажды отведать придётся. Дело только во времени. Терпение, вот залог достижения цели. Всё это обоим нам хорошо известно.

С начала трапезы не обмолвился Джахангир ни словом. Слух его обращён был к Багиру, мысли же попеременно витали то подле древнего арыка, то над диковинными чужими просторами, то посреди просырелых тюремных казематов. Кроме того, не оставляла Джахангира дума о людях, что бесстыдным оговором попрали преломленный с ним, Джахангиром, хлеб, а ещё - о тяготах, которым невольно обрёк он свою семью.

Неожиданно с улицы послышались незнакомые, начальственные голоса. Тотчас догадавшись, что голоса это - чекистов, Джахангир и Багир мгновенно свернули застолье и двинулись к выходу из дома. В дворовой калитке стоял человек в форме офицера НКВД. При виде Джахангира он шагнул вперёд и властно бросил:

- Когда с тобой по-хорошему - нечего наглеть. Пожелал с семьёй проститься - мы разрешили. Но никто не дозволял тебе обниматься тут с каждым! Всё, время твоё вышло, надо идти. Как видно, ты так и не поумнел…

Упрямец промолчал. Медленно подошёл он к поджидавшему его чекисту, который сейчас же свёл его руки вместе. Что-то звякнуло: очевидно, то были заготовленные для Джахангира наручники.

- Я только заскочу на минутку домой, а после пойдём, куда вы скажете.

- Нельзя! - рявкнул офицер. - Час твой истёк! Уж ночь на исходе, а впереди долгий путь. Мои товарищи и так нас заждались. Хочешь, чтобы из-за тебя выговор мне влепили?! - И он защелкнул наручники на запястьях у Джахангира.

Не обращая никакого внимания на человека, который столь заносчиво себя вёл, Багир подбежал к товарищу, обнял его и, прижавшись своею щекой к его, крепко прижал Джахангира к себе. Офицер потянулся к висящей у него на поясе кобуре и, сыпля угрозами, оторвал стариков друг от друга.

Всё это время прочие чекисты, верхом на лошадях, находились у подножья села. Когда появились здесь офицер, Упрямец и Багир, один из всадников, опередив остальных, сейчас же выступил в путь. Ему вслед потащился Джахангир. Арьергард конвоя составили двое младших чинов. Имея руки закованными, Джахангир поминутно терял равновесие и, спотыкаясь о кочки, неоднократно бывал близок к тому, чтобы грянуться оземь, однако всякий раз умел-таки удержаться на ногах и распрямиться. Багир шёл чуть позади товарища, ни на миг не выпуская того из виду. Внезапно, натянув узду, к Глухарю обернулся один из конвоиров:

- Старик, как бы лиха тебе не сподобиться в столь поздний час! Ступай-ка в свою конуру, пока греха я на душу не взял. И не вздумай у себя там лишнее болтать. Прознаю, что ты языком треплешь почём зря, - на себя пеняй. Сгинешь у меня бесследно. Имей в виду, нам известно, что ты - приспешник врага народа. И то, о чём вы промеж себя шушукались, известно также. Ты хорошо меня понял? Ну вот и чеши отсюда подобру-поздорову, не путайся под ногами!

Но угрозы эти прозвучали впустую - Глухарь Багир, как видно, не услышал из них ни слова. По-прежнему шагал он за спиной у Джахангира. То и дело оступался, хватаясь за придорожные камни и кусты, еле-еле волочил ноги, но - шёл. Вдруг, то ли от волнений этой ночи, то ли невесть ещё от чего, у него закружилась голова и потемнело в глазах. Багиру стало казаться, будто все горы, утёсы и холмы окрест Галачи, снявшись со своих мест, разом подались за его другом. Так же повели себя и сады и нивы, некогда орошавшиеся арыком Делме, а после - иссохшие и запустевшие: слепившись воедино, тёмной громадой двигались они вдогонку людям. Старое сердце Багира не вынесло нового этого потрясения - прямо посреди изрытой колдобинами дороги, на которой ещё теплились следы его товарища, рухнул он на колени и воздел руки к небесам. Обратившись к Аллаху, он призвал Незримого смилостивиться над ним, после чего, потеряв сознание, упал навзничь и застыл в неподвижности. Вскоре,

однако, свежее ночное дуновение и промозглость дорожного щебня привели его в чувство. Багир медленно приподнялся над землёй и, вперившись в непроглядную темь, стал вовсю себя распекать:

- Что это за выходки, Багир?! В Галаче всего-то пяток настоящих мужчин, и ты - один из них, так к лицу ли тебе пребывать в столь неприглядном виде?! Эти конники - всего лишь жалкие холопишки своего чекистского начальства, а чины их, надменность тона и оружие в кобурах - чистой воды мишура. Что же до мужества… Вспомни, старик, ведь ты - Багир, который отродясь никому не кланялся. И как не постеснялся ты ходить приниженно перед сопляками, что ради карьеры готовы позволить другим топтать свои честь и достоинство?! Как мог под их взорами пасть на колени и лечь в грязь?! Что есть их власть против твоей чести?!

Разогнувшись, Багир встал, будто во времена своей молодости - прямо, как свеча, и затянул потуже ремень на штанах. Затем оправил подол рубашки и застегнул пиджак. Джахангир и его конвой наверняка ушли уже достаточно далеко, и пытаться их нагнать было заведомо обречённым делом. Поняв это, Багир поворотил к деревне. Возле дома Джахангира он остановился, надолго погрузившись в задумчивость: вспоминались ему радостные, а равно и печальные события, которые им с другом случилось пережить вместе. Лишь отвлекшись от видений прошлого, Багир вступил наконец на родное подворье.

* * *

Воистину несчастливой была та весна для Галачи. После описанных безрадостных событий деревня стала походить на кипящий котёл. Все переполошились. Всех пронял ужас. Тревожные слухи поползли по сельским улицам и проулкам, подворьям и угодьям. Велись разговоры исключительно вокруг имени Джахангира. Люди, как осведомлённые, так и вовсе не сведущие, шептались лишь об одном - о том, что их земляк Джахангир оказался на поверку истым "врагом народа". "Вот ведь злодей, разорял государство, вырубая тутовые деревья и тем обрекая гибели бедного шелкопряда!" - негодовали одни. "Достоверно установлено, что причастен он к исчезновению Ганиры и к пропаже председательского коня. Делал вид, будто занимается прокладкой арыка, а сам в это время исподтишка творил чёрные свои дела!" - указывали другие.

Женщины у родника шушукались:

- Кто к сдобе привычен, тому лепёшка не в прок! Надо же, все спокон знали его за человека добросовестного, а он тайком государству вредил...

Вся деревня теперь косилась на жену и детей Джахангира, точно они также были "врагами". Многие вообще предпочитали держаться от них подальше.

Между тем Зохра, Суджеддин и Новресте старались вести жизнь как можно более неприметную.

В присутствии родни и знакомых бывали они неизменно молчаливы. Галачинки избегали ходить к местному роднику в компании с Зохрой, а иные и вовсе прятались кто - где при виде её. Что касается Суджеддина, то отношение к нему в школе стало заметно прохладным. Кроме Таджеддина, никто в классе более не хотел с ним водиться. Как-то один из ребят, возрастом чуть постарше Таджеддина, отвёл последнего в сторонку и прошептал ему на ухо:

- Да ты с ума сошёл - сидеть за одной партой с сыном врага народа! Ты что, удаль-травы опился?!

Таджеддин оттолкнул его.

- Ты хоть и постарше меня, а трус! До сей поры я и не знал, что ты таков! Друга в беде не бросают!..

По-новому стали относиться к парню и учителя. В частности выразилось это в том, что, круглому отличнику с первого по девятый класс, теперь ему с очевидностью занижали оценки, всячески стараясь уронить его в глазах одноклассников. Суджеддин, однако, внешне никак не реагировал на эти знаки немилости, полностью затворившись в себе.

Вплоть до того дня, когда был арестован Джахангир, чекисты имели намерение вместе с "врагом народа" отправить в ссылку и всю его семью. О таком развитии событий предупредил товарища и Суджеддин в день, когда вместе собирали парни грибы. Однако Аллах смягчил каменные сердца чекистов, и в результате уголовному преследованию подвергся один лишь Джахангир. Тем не менее

Суджеддин не был уверен, что ситуация не будет переиграна, и оттого пребывал в постоянной тревоге, почти что лишившийся сна. Мальчик был весь напряжён, как струна, убеждённый, что допусти он малейшую ошибку, и его немедленно ушлют в суровые дальние края. Через несколько недель после ареста отца парня сместили с должности старосты класса. "Твой отец оказался врагом, - объявили ему. - Он - государственный преступник. Старостой же класса не может быть сын государственного преступника". Кроме того, Суджеддину запретили редактировать классную стенгазету.

Даже Рыжухе пришлось испытать горечь отвержения. После ареста Джахангира все о ней позабыли: Суджеддин, его мать и сестра целиком были поглощены обрушившейся на них бедой. По нескольку раз на дню навещал несчастных Багир, стараясь утешить их и подбодрить. "Я теперь ваша опора, - говорил он. - И покуда я жив, покуда воздухом дышу, ни в чём не будет у вас нужды!" При этом частенько случалось ему слышать доносившееся из хлева ржание кобылы, которой, по обыкновению, не задали вовремя корма. И Суджеддин и Зохра, вконец потерявшие голову от горя, совершенно перестали заботиться о скотине, и Рыжуха целые дни прозябала в своём стойле без всякого присмотра. Однажды, распахнув тяжёлую, скрипучую дверь, Багир вошёл в соседский хлев. При виде его Рыжуха вздрогнула и напрягла ноздри, а затем отступила назад и, вовсю прядая ушами, попыта-

лась было укусить вошедшего, которого не желала к себе подпустить. Как ни усердствовал Багир, но подступиться к кобыле он так и не смог. Тогда он вернулся в дом к Джахангиру, набросил на себя его пиджак и овечью шапку, густо напитавшиеся хозяйским запахом, и только затем вернулся к Рыжухе. Сперва та вновь обнаружила беспокойство - заржала, прянула ушами и заиграла ноздрями. Однако, почуяв издавна знакомый запах, сейчас же уняла свой норов и уткнулась мордой в борт облегавшего Багира пиджака. Глухарь ласково огладил гриву кобылы и слегка шлёпнул её по крупу. Затем взнуздал и оседлал животное и вместе с ним вышел на двор. Сесть на Рыжуху, он, правда, не решился и так, в поводу, и привёл её к ручью. Напоив кобылу, он водворил её обратно в хлев. Там, расседлав Рыжуху, привязав её и набросив ей на спину вязаную попону, он щедро насыпал ясли ячменём и сеном. "Пусть хоть ей не приведётся претерпеть из-за отсутствия Джахангира", - подумал он. Между тем лошадь безотчётно сознавала, что хозяин её куда-то исчез, и тосковала по нему даже сильнее, чем по своему погибшему жеребёнку. Отныне на сердце у Рыжухи были две свербящие раны: первую нанёс ей задравший жерёбенка волк, другую - жестокие чужаки, насильно уведшие из дома её хозяина и печителя. Пришлось кобыле поневоле приноравливаться к Багиру, к которому, впрочем, исподволь проникалась она всё большей приязнью.

Багир регулярно заходил к соседям и, чем бы ни случалось ему разжиться, неизменно поровну распределял добытое между двумя семьями, которые частенько и вечерили вместе. Багир изворачивался как мог, чтобы родные его друга не чувствовали себя брошенными. Однако Зохра по-прежнему была безутешна и часто плакала. "Будь муж хоть в малости какой виноват, я бы примирилась, - беспрестанно повторяла она. - Сказала бы: коли преступник он, пусть же накажут его, воздав полной чашей. И убей меня Аллах, если б я хоть слезинку тогда проронила. Сказала бы: Джахангир ушёл, но, слава Всевышнему, есть Суджеддин - хвала Господу, в доме хоть один мужчина остался! Убивает меня именно то, что наказан мой муж за здорово живёшь и что объявлен он "врагом" неправедно! И как-то теперь с их позором станут жить мои дети!.." От горестей своих Зохра не могла отвлечься ни на мгновение, и плач её не смолкал ни днём, ни ночью. И вот спустя два месяца случилось неизбежное - она слегла. Её мучили сердечные приступы - недуг, от которого врачи предлагали единственное средство: беречься нервных перегрузок и переохлаждения. Но после ареста Джахангира Зохра с неуклонностью таяла как свеча, и однажды утром зашедшие проведать свою мать дети обнаружили её мёртвой.

Поминки прошли тихо. Зохра была "женой врага народа", и проводить её в последний путь осмелилась лишь горстка людей. Единственно близкая родня усопшей, некоторые из Забыхлы да школьная

учительница Наталья Соколова приняли участие в панихиде, пробыв на ней от начала до конца.

Наталья заботливо приглядывала за Новресте. Арест Джахангира стал потрясением и для Соколовой, ведь тот всегда выказывал о ней отеческую заботу - к примеру, впрок заготавливал для неё дрова. В этом под стать мужу была и Зохра, также всячески помогавшая молодой учительнице, и в частности, с продуктами питания.

С той поры, как арестовали Джахангира, Наталья ходила хмурая и притихшая, словно бы потеряла родных отца или мать. Не раз забирала она к себе Новресте, а бывало, сама оставалась на ночь в доме у Джахангира. Она делала всё, чтобы скрасить дни дочери своих благодетелей. Галачинцев восхищали бескорыстие и добросердечие Натальи. "Как хорошие, так и дурные люди имеются в любом народе. Есть - на кого можно положиться, а есть - кому доверять нельзя ни в чём. Наталья, по всему видать, из семьи достойной. Хлеб Джахангиров помнит!" - высказывались об учительнице сельчане.

Пока не вышли сороковины по Зохре, никто в селе не видел Наталью улыбающейся и не покрытой чёрным головным платком.

* * *

Несколько раз вдвоём с Суджеддином ездил Багир в райцентр, узнать, как подвигается дело Джахангира. В районе уж не осталось официального

учреждения, куда бы ни обратился старик, хлопоча за своего арестованного друга. Для него нанял он толкового адвоката, совместно с которым слал запросные письма и телеграммы во все мыслимые инстанции в Баку и в Москве, пытаясь выяснить, где сейчас содержится Джахангир. Труды эти, однако, успехом не увенчались. Ходили слухи, будто Джахангира отправили по этапу в Сибирь, но куда конкретно - этого не мог сказать никто, поскольку осуждён был Джахангир по статье "политической", а места заключения политических преступников сохранялись в строжайшей тайне. Согласно же другой версии, Джахангира никуда из Азербайджана не увозили, а расстреляли прямо в Баку. Багир и Суджеддин уж и не знали, чему им верить. Словом, достоверных сведений о том, жив или мёртв Джахангир, не имелось. Между тем его близкие не теряли оптимизма. Где бы ни находился сейчас их родич, - полагали они, - главное, что по отбытии срока его отпустят и он благополучно воротится домой. К тому же, ведь всё ещё могло и перемениться. К примеру: издадут новый закон, дело Джахангира пересмотрят и, убедившись в его невиновности, выдадут ему соответствующую справку да и отпустят подобру-поздорову. Как известно, пути Господни неисповедимы!..

Однако сменялись месяцы, годы, и благие надежды постепенно угасали...

* * *

Наконец к Суджеддину пришло осознание того, что он и его сестра висят обузой на шее у Багира и что, человек пожилой, друг их отца более не в состоянии тянуть на себе сразу два дома. Суджеддин невольно стал перед необходимостью продажи Рыжухи. Поначалу Багир воспротивился было этому решению.

- Сынок, - увещевал он Суджеддина, - голоду срок - год, а недоброй памяти - век. Узнай Джахангир, что Рыжуху его продали, что в поводу чужой её водит, он же того не вынесет - помрёт. Ведь говорят же: конь и папаха - как честь и отвага… Вот я всего только твой сосед, а и мне неприятна мысль о её продаже...

Однако продать кобылу вознамерился Суджеддин даже не столько от нужды, сколько вследствие того, что не умел ухаживать за ней, как отец. Лошадь спала с тела, потеряла осанку. Суджеддин боялся, как бы вскоре она и вовсе не околела. Кроме того, при виде кобылы он всякий раз вспоминал отца, что неизменно оживляло в парне давнюю боль. Вот почему, несмотря на протесты Багира, он всё же продал Рыжуху - чужаку, проживавшему далеко от Галачи. Так Суджеддин максимально гарантировал себя от случайной встречи с любимицей отца, самый образ которой пробуждал в нём душевную муку.

Суджеддин бросил школу, недоучившись. Он

рассудил, что в дальнейшей его учёбе нет решительно никакого проку. "Положим, окончу я школу, ну а после? Кто, спрашивается, к институту близко меня подпустит? И в партию путь мне заказан навсегда. Примут ли в неё сына политзаключенного? А не будучи партийным, не видать мне и хорошей работы. Так что лучше всего для меня - всё к чертям бросить и, как отец, вооружиться лопатой, киркой и мотыгой. Дядюшка Багир слабеет, силы у него уж не те, что прежде. Вот и стану помогать ему в работе. Вместе нам легче будет на хлеб заработать. Другого пути нет. А отец… как знать, суждено ли ему вообще домой воротиться?!."

По зрелом размышлении Багир пришёл к выводу, что хоть и молод Суджеддин, а суждение имеет трезвое. Поэтому он больше не приступал к парню с советами, а, что называется, молча отошёл в сторонку.

Ну а Таджеддин, в силах ли он был повлиять на ход событий?!. Больше других переживал он за своего друга, но, увы, отныне их дорогам суждено было разойтись. Из райцентра Таджеддину пришло направление на учёбу в ПТУ. Формально поступление в любое учебное заведение было добровольным делом каждого, но реально вопрос послешкольного образования регулировался строго местными партийными органами. Так, Таджеддин получил письменное указание от председателя колхоза, воспрещавшее ему самовольную отлучку из деревни в течение месяца. Однако минул всего-

то денёк-другой, а люди Сафтара уж тут как тут обступили ворота Багировой усадьбы. Парню не позволили даже проститься с отцом, который с утра уехал на базар и с часу на час должен был вернуться. Подручные председателя окружили Таджеддина, как затравленного зверя, и увезли в райцентр.

* * *

Багир и Суджеддин, будто отец с сыном, трудились бок о бок, добывая хлеб для своих семей.

Исподволь история Джахангира перестала занимать сельчан, и толки о нём пресеклись. Затягивались душевные раны его детей. Что до сына Бесштанника Гасыма, то он усердно изображал подавленность в связи с постигшей Джахангира бедой и имел вид человека, совершенно к ней не причастного. Сафтар справедливо рассудил, что ходить ему в председателях не век, а потому никак не желал для себя славы злопыхателя и доносчика. От распри ещё никому не бывало пользы, между тем у Джахангира имелась куча родственников довольно решительного нрава. Вот почему как-то раз, повстречавшись с Суджеддином, председатель заговорил с ним медовым голосом:

- Отец у тебя славный был человек. В трудную минуту всегда придёт на помощь. И работник - отменный. Вот ведь чертовщина! Погубили мужика! Дело его раскручивали в таких сферах, к которым простому смертному и близко не подступиться.

Будь иначе, разве позволил бы я, чтоб с головы его упал хоть волосок?! За него просил я у самых авторитетных, самых влиятельных людей района. Но всё было тщетно. Народ нынче сплошь ненадёжный. Признаюсь тебе - меня никто и выслушать не пожелал. Ладно, что было, то прошло. Всем известно, что дело это оказалось не по моей жиле. Наши деревенские наушники - истинные негодяи: строчили и строчили на него доносы, пока, в конце концов, не упекли беднягу ни за что ни про что. Будь они прокляты, козни дьявольские! Бессмертен, бессмертен Сатана!

Суджеддин слушал его, потупившийся и безмолвный, лишь иногда согласно кивая головой. Сафтар по-отечески потрепал его по плечу.

- Сейчас мы тут с тобой одни, и я прямо говорю: если часом возникнут у тебя какие-нибудь затруднения, смело обращайся ко мне. Вот ведь, давно собирался послать вам мешок муки, да так с делами завертелся, что обо всём на свете позабыл. Вечером сегодня пришлю непременно. Пусть проклятые шпионы на меня теперь доносят. Пусть доложат, дескать, Сафтар держит под своим крылышком и благодетельствует семью "политического". Пусть за то и меня прозовут "врагом народа". Я наветов не боюсь и из-за них от своего не отступаюсь. Пускай себе пишут, что хотят. А Джахангир, все это знают, ни в чём не виноват. Просто кто-то подло его оболгал, а там, в райцентре, радёшеньки были за ложь эту уцепиться. Кто бы ни совершил эту

гнусность, за неё он рано или поздно ответит, если не перед самим Джахангиром, то перед тобой - его сыном. Коли в чём-то тебе требуется помощь, повторяю, не стесняйся, говори. Мы все перед Джахангиром в долгу. И в деревне многие от него добро видели. Да, хорошо, что вспомнил: Джахангир почти что завершил работу на арыке Делме. Уж оставалось всего ничего, да нечисть в недобрый час нос свой казала. Я и подумал: может, закончил бы эту работу ты? Понадобится для этого что - я пособлю. Как-никак ведь арык этот ваши предки соорудили. И называться ему отныне - Джахангиров арык! Поразмысли над моими словами и дай знать о своём решении.

Как ни молод и малоопытен был Суджеддин, он, однако, прекрасно понимал, кем, всего вероятней, нанесён был его отцу предательский удар. Тем не менее парень ничем не выдал своих подозрений, прикинувшись, будто верит благолепетаниям Сафтара, как откровениям Пророка.

В тот день Багир, по обыкновению, зашёл навестить соседских детей, и, как бы невзначай, Суджеддин сообщил ему о давешнем своём разговоре с Сафтаром. Слушая этот рассказ, Багир вдруг зацепенел, как громом поражённый. "Есть же люди, - подумал он, - рядом с которыми сам чёрт выглядит невинной овечкой. Избави нас от них Аллах!" Суджеддин уведомил Багира также и о предложении Сафтара насчёт арыка Делме.

- Сынок, - покачав головой, молвил Багир, - если

рассудить, так ведь это именно Делме отца твоего и погубил. Денно и нощно надрывался Джахангир на этом арыке - и какой удостоился награды?! А теперь и тебе припало кинуться в то же полымя?! Неужто мог ты подумать, будто Сафтар и впрямь желает потрафить тебе или Джахангиру? Эх, сынок, сынок! - И Багир с досадой махнул рукой. - Знать бы, что за пакость умыслил он на сей раз, к чему так усердно тебя подвигает!..

- Нет, дядюшка Багир, пожалуй, предложение его я приму. Пойду до конца, даже если это будет стоить мне жизни. Аллах милосерд, будь что будет! Работы на арыке осталось совсем немного, и закончить её обязан именно я. Лет через пять-десять отец вернётся и возрадуется тому, что заветная мечта его осуществилась. Скажет мне: молодец, сынок, не уронил ты имени Забыхлы! Если же мир этот он покинул - смерть неотвратима! - то и тогда, облетая возрождённый Делме, душа его преисполнится весельем. Не сподобившийся душевного покоя на бренной земле, пусть обретёт он его хотя бы на том свете!

И тут с улицы послышался громкий возглас. Кто-то позвал:

- Суджеддин! Суджеддин!

Покинув Багира, юноша стремглав выбежал на двор. Здесь увидел он племянника Сафтара от сводного брата - Амирагу, работника колхозного амбара. После взаимных приветствий Амирага снял со спины своего осла мешок муки, вскинул его на себе на плечо и доставил к самому крыльцу.

- Сафтар прислал, - сказал он и сейчас же повоpотил прочь, энергично отряхивая муку со своей одежды.

Суджеддин не почёл нужным поблагодарить его и, даже не притронувшись к мешку, молча вернулся в дом. Багир не стал допытываться, кого это принесло сюда в столь поздний час, юноша сам назвал ему имя Сафтарова племянника.

- Пожалел нас Сафтар, мешок муки прислал, - усмехнувшись, сказал юноша.

Мысль, что ради жалкой подачки Суджеддин оказался способен унизиться перед врагом, крайне раздосадовала Багира. Он чувствовал себя так, как будто только что прилюдно обругали его покойного отца. Под разом погасшими его щёлками-глазками появились тени. Испещрённое глубокими морщинами лицо помертвело. "Верно говорят: своё брюхо кровного брата дороже", - подумал он, внешне, однако, ничем не выдав своего возмущения. Тем не менее Суджеддин угадал мысли старика, не пожелав, впрочем, в чём-либо того разубеждать.

Они ещё долго говорили - о прошлом и о будущем, прежде чем разошлись по домам. Под конец протекала их беседа довольно вяло. Распростившись с Багиром, Суджеддин выразительно глянул на лежащий подле крыльца мешок. "Не беспокойся, дядюшка Багир, - мысленно произнёс он. - И не считай меня простофилей и глупцом. Даже умирая с голоду, никогда не прикоснусь я к хлебу, поданному мне врагом. А поступил я верно, не вернув

Сафтару его муку. Иначе бы он меня раскусил, и игра моя заведомо свелась бы на нет. Теперь же он уверится в том, что я всею душой к нему расположен и совершенно не склонен его подозревать в причастности к аресту отца. Отныне он, Сафтар, - наша "опора", самый "дорогой" нам и "желанный" человек на свете. Джахангир учил меня: желая истребить врага, бойся его вспугнуть, напротив того - постарайся, по возможности, с ним сблизиться. Значит, с этим разобрались, а вот что делать мне с неладной этой мукой?! Даже собаке ни за что не скормлю я пищу из рук моего кровника. Да и Гарабаш, убеждён, не принял бы таковую от меня. Может, высыпать муку в ущелье, или же в землю её закопать? Но нет - это тоже грех, который может прогневить Аллаха. Ведь хлеб ниспослан людям много раньше, чем самый Коран!"

Вдруг лицо у Суджеддина просветлело: "Какая удачная мысль! Надобно отнести Сафтарову муку калеке Гаджи Садыгу - отцу Ганиры. Бедняжка, даже трупа её не нашли! Честная, порядочная была девушка! Между тем хворая матушка её, Бановша, по месяцам с постели не встаёт. И некому об их семье позаботиться, так и не выберутся никак из нужды. Отдай я муку им, будет это делом благим и, несомненно, угодным Аллаху!"

Суджеддин не стал ложиться спать. Где-то заполночь он взвалил мешок муки себе на плечо и тихими проулками отправился к дому Гаджи Садыга. Когда, осторожно приподняв щеколду на ка-

литке, он готов был уже вступить во двор усадьбы, путь ему преградила… Ганира. Суджеддин опешил, дрогнув всем телом. "Что за чертовщина, ведь Ганира давно умерла! Или всё это мне чудится?! Как она здесь очутилась?! Наверное, это её тень, или, может, плод бредового моего воображения!.." Суджеддин воскликнул: "Бисмиллах!", проведя, как велит молитвенный обычай, ладонью по лицу и было двинулся уже вперёд, как тут перед ним вновь стала, очевидно рассерженная, Ганира.

- Устыдись, Суджеддин! - воскликнула она. - Я думала, ты - достойный парень, да, как видно, ошиблась! Неужто не знаешь ты, что из лучезарного сего мира изгнана я вероломством Спесивца?! Что именно его злодейством ввергнута я в пучину скорби?! Разве не известно тебе, что и я, и Джахангир, и Сафтаров иноходец - все мы стали жертвами подлости сынка Бесштанника Гасыма?! Вот уж сколько времени обращаюсь я в прах на дне Девебатана, плоть моя сделалась пищей для рыб, и что же, ты хочешь накормить беспомощных родителей погубленной девушки хлебом мерзавца, обрёкшего её смерти?! Будь ты подлинно сыном Джахангира, никогда бы не пал ты до такой низости! Отныне не достоин обретаться ты в стенах Джахангирова дома! Ты оказался обыкновенным блюдолизом, ради подачек клонящим голову перед исконным своим врагом! Хорош игид! Прочь с глаз моих, Суджеддин! Ступай, как пришёл! Боже, неужели ты столь скудоумен, что до сих пор ещё не

уяснил: хлеб из рук врага - отрава, посильнее змеиного яда! Убирайся отсюда, Суджеддин! Да, теперь я бесплотна, но знай: дух мой всечасно пребывает здесь - подле моих родителей! И сейчас я заклинаю тебя: уйди от нашего плетня! И забери с собой своё добро, может, самому ещё пригодится! Мои родители бедны и неприкаянны, но подачек от врага им не нужно. Будь покоен, Создатель не оставит их без куска хлеба!…

С мешком муки на плече, Суджеддин стоял недвижно, словно вросший в землю. Тело его точно закаменело - он не умел двинуть ни рукой, ни ногой. Наконец, собравшись с духом, он решил было отвести от себя упрёки и обвинения, однако сей же миг призрак бесследно растаял в воздухе. Сколько ни высматривал Ганиру Суджеддин в ночной темени, обнаружить её он так и не смог. Будучи под совсем ещё свежим впечатлением от давешней гневной отповеди, он не решился войти во двор Гаджи Садыга и резко повернул обратно.

Он совсем потерял голову, не зная, куда отнести и кому отдать злополучный мешок. И тут вдруг вспомнил о цыганском таборе, расположившемся неподалеку. Он спустился в лежащую вблизи деревни лощину, намереваясь проследовать оттуда к лужку, где находилось стойбище цыган. Однако, совершенно выдохшийся, долее не в состоянии был нести на себе мешок. Скатившись вместе с ним в овраг, он почувствовал, что слегка повредил правую ногу. Двое цыган, которые, меняя узду на своих

конях и ослах, стояли на краю буерака, немедленно бросились к Суджеддину. Непроглядная тьма не позволяла различить их лица.

Изнемогший, запыхавшийся, Суджеддин проговорил:

- Сосед мой справил у вас решёта и грохот, обещав расплатиться за это мукой. Да только ему срочно пришлось уехать, вот и попросил он меня должок его вам доставить.

Даже не поинтересовавшись именем "должника", сыпля в благодарности, цыгане приняли от парня мешок.

Довольный, Суджеддин вернулся домой. С плеч его в буквальном смысле свалился тяжкий груз. И никогда ещё не спал он так безмятежно, как в ту ночь. "Наверное, сейчас обрела покой и душа всласть отругавшей меня Ганиры", - подумалось ему.

* * *

В доме Джахангира теперь проживали лишь Суджеддин и Новресте. Разница в возрасте между братом и сестрой была не слишком велика. Той ночью, как обычно, они немного погрустили вместе. Самой большой печалью для обоих было то, что остались они без родителей, без опекунов и что все презирают их как детей человека, объявленного врагом народа. Обоих пугала мысль, что впереди ожидают их ещё горшие испытания и что, в конце концов, сошлют их в края, далёкие от родимых

мест. Вот почему, даже будучи одни, разговаривали они, беспокойно оглядываясь по сторонам, словно опасаясь лазутчика. При малейшем шуме за окном они сразу же умолкали.

Новресте просительно глянула на брата.

- У меня есть один секрет. Всё хочу рассказать тебе, да никак не решусь.

- Ну и зря. Если есть что сказать - говори. Что там у тебя?

- Мне неловко, брат, - проговорила она. - Девушке не пристало признаваться в таких вещах.

- Если не со мной, то с кем ещё делиться тебе твоими тайнами? - строго заметил Суджеддин.

- А ты не рассердишься? - улыбнулась Новресте.

- Во-первых, всё зависит от того, что, собственно, имеешь ты мне сказать. А во-вторых… если рассержусь, так остужу себя водой… И вообще, почему от меня скрывают то, что знать я обязан?

- Дядюшка Багир несколько раз вскользь обронил, дескать, намерен выдать за тебя Минаю. Он всем расхваливает тебя. Говорит: отважный ты парень, с настоящим мужским характером. Так, как бы между делом, он и Минае внушил, что быть ей непременно твоей женой. Сперва она артачилась - мол, ещё рано ей о замужестве думать. На это Багир только усмехался: сыскать ли, мол, парня, достойней Суджеддина, да и сватался ли он к тебе, что ты уж и в руке своей ему отказываешь?! Возблагодари, говорит, Бога, если ещё захочет он тебя взять! А сам испытующе глядит на Минаю: чем-то она дышит…

Суджеддин прыснул.

- Не слушай ты Багира. Кто ж, по нашим-то временам, отдаст свою дочь за сына врага народа?!

- Нет-нет, я верно говорю, - настаивала Новресте. - Однажды я собственными ушами слышала, как вовсю превозносит он тебя, а после так впрямую и заявил - дескать, у Суджеддина и дом свой имеется, а потому желать ли лучшего жениха для Минаи?! Помню, тётушка Гызъетер тогда тихо заворчала - оказывается, у неё были другие виды насчёт дочки и тайком от мужа она уже вела на стороне переговоры о помолвке. Однако теперь и она ничего против тебя не имеет. А Миная, так та прямо сохнет по тебе. Со мной лишь об одном тебе и говорит. По всему видно: люб ты ей. Бывает, скажет: подумаешь, мол, что Суджеддин сын "политического", всем известно, что осуждён тот безвинно, парень же его - молодец, не чета деревенским нашим шалопаям! Между тем тётушка Гызъетер ранее уже успела присмотреть для неё Бахаддина - шурина Сафтара, что служит на ферме счетоводом. Тоже малый видный, но тебе и в подмётки не годится. Как пойдёт молоть языком, трава от его пустословья жухнет. Он и в люди-то вышел исключительно благодаря своему родству с Сафтаром. Уж готов был сватов отрядить к Багиру - весь их клан рад бы с таким домом породниться. Да только расстроилось дело. Дядюшка Багир, как прознал о тайных хлопотах жены, тотчас напустился на неё и стал вовсю распекать. Сказал,

что будь у него хоть дюжина сплошь кривых дочерей, он и тех бы ни одной не отдал за Сафтарова родича. На том всё и закончилось. Что же до Минаи, то она ни о ком, кроме тебя, и слышать не желает.

- А что скажешь ты, Новресте, по поводу всего этого? - поинтересовался Суджеддин.

- Ну, что я могу сказать? Как ты решишь, так тому и быть. Главное - чтобы всё у вас было по любви. Я бы одобрила ваш союз. Есть ли у нас кто, ближе Минаи и Багира?! Дядюшка Багир, тот испытанная наша опора. А Миная, она славная, чуть резковатая, правда, но душа у неё чистая. А уж какая красавица! Видно, когда Аллах расточал на своих дочерей телесные красоты, она одной из первых привлекла к себе Его взор. Знаешь ли, сколько деревенских наших парней по ней вздыхает?! Для неё же на всём свете один лишь ты и есть.

Новресте впервые заговорила с братом на тему женитьбы. Выслушав сестру, тот покачал головой.

- Во-первых, жениться мне ещё рано. Ну куда мне сейчас жена?! А во-вторых, отец с Багиром были друзья, а мы с Таджеддином - как братья. Потому к Минае я могу относиться только как к сестре. Будем считать, что ты ничего мне не говорила, а я - ничего не слышал. Ты же в такие дела лучше не вмешивайся. И без того печалей у нас полон рот!

- Только в одном я с тобой не согласна, - промолвила Новресте. - Вот, скажем, Пророк Мухаммед, - да буду я его жертвой! - не отдал ли он дочь Фатиму

за своего же двоюродного брата, благородного Али?! Я слышала об этом от отца. Так что, братец, в твоём союзе с Минаей ровно ничего предосудительного нет. И шариат подобные союзы приветствует. Я хоть и младше тебя, и глупей, но на сей раз, полагаю, тебе твоя рассудительность явно отказала.

Суджеддин поневоле должен был признать правоту сестры. И потому спорить с ней не стал. Да и что было спорить, если, несмотря на все давешние его возражения, втайне питал он к Минае самые нежные и отнюдь не братские чувства! Догадаться о них не трудно было по тем страстным взглядам, которые по временам устремлял он к девушке. Когда глаза молодых встречались, оба замирали в смущении, на щеках же у Минаи вспыхивал пунцовый румянец. Трепетным взором пыталась выразить она Суджеддину то, что не решалась высказать словами. Порой в душе он укорял себя: как же, отец его угодил в беду, неизвестно даже, жив ли тот, он же, Суджеддин, только и помышляет, что о свадьбе со своей возлюбленной! А случись эта свадьба, что люди скажут?! Вот, дескать, от бедняги Джахангира никаких вестей, а в доме у него вовсю зурна* надрывается!

С одной стороны, Суджеддин всечасно тревожился о судьбе отца, с другой же - исподволь делался пленником всё сильней разгоравшейся в нём любви к Минае.

Как-то, будучи в добром расположении духа,

* Род дудки.

Багир завёл с Суджеддином доверительный разговор.

- Сынок, - сказал он, - ты мне, сам знаешь, не чужой. А потому давай-ка оставим в стороне церемонности и поговорим без обиняков. Будь он проклят, наш век, но, увы, на долю нам выпали именно эти времена. Джахангира нет, и на его месте теперь - я. Будь он с нами, о моём деле стал бы я толковать с ним, а не с тобой. Но так уж случилось, что я совмещаю в одном лице сторону и невесты и жениха. Так вот, ни один отец не унизился бы до того, чтобы предложить молодому человеку: женись на моей дочке. Такой поступок претит мужчине. Но другого выхода сейчас у меня нет, и я принуждён говорить начистоту… В дни, когда Джахангира беспрестанно таскали в райцентр, он о многом мне поведал. Так, подробно растолковал он мне, почему подвергся преследованию. Когда мы с ним прощались, он сказал: Багир, меня оклеветали, и навряд ли выберусь я из этой передряги, но мне всегда хотелось иметь Минаю своей невесткой, и я дал обет, что женю на ней моего Суджеддина - жаль, что судьба не дала мне исполнить задуманное. А затем прибавил: подумай, Багир, над моими словами и, если сочтёшь возможным, помоги осуществиться моему обету. Не оставь, сказал, и Зохру - здоровье у неё подточено, а что касается Новрусте, то девушки, известно, - пташки перелетные, так что, когда придёт время, выдай её за человека достойного, по собственному выбору, - постарайся только, чтобы происходил он из хорошей семьи и дочка

моя не попала в дурной дом.

Багир пригладил свои сивые брови, оглядел небелёные стены горницы, после чего, проведя рукой по усам, продолжил:

- Суджеддин, сынок, душа - не скатерть, ни расстелишь её, ни отряхнешь. После того разговора с Джахангиром ходил я сам не свой. Что скрывать, к Минае многие сватаются, у жены моей даже собственные планы были на её счёт. Но я сказал моё слово - и вопрос был исчерпан. Вот ещё, поперёк батьки и в пекло лезть! Гызъетер уловками удалось вызнать, что на сердце у дочки: оказалось, и Минае ты мил. Да, впрочем, кому её мнение интересно! В доме всё решаю я, и никто не смеет мне прекословить! Разумеется, в данном деле необходимо также твоё согласие, ведь не могу ж я, действительно, женить тебя на моей дочке без твоего желания! Важно, чтобы союз между молодыми основывался именно на любви. К тому же, возможно, у тебя есть собственные планы… Сейчас не время выказывать застенчивость. Если не питают его любовь и согласие, дерево жизни обречено вскорости зачахнуть и рухнуть наземь. А потому не смею я навязывать вам мою волю, ибо не желаю после навлечь на себя ваши проклятия. Всё это я высказал тебе с полной откровенностью, ты же услышанное хорошенько обдумай и взвесь, дабы не испытать в последующем разочарования. Не желаю, чтоб когда-нибудь пришлось мне отводить глаза в присутствии Джахангира. Что с того, что она - моя дочь, может, Ми-

ная и не по душе тебе вовсе! Не беда, девушек на век твой хватит, а для Минаи всегда найдётся жених. Судьбу нам, известно, Аллах пишет! Сегодня же главной моей целью было передать тебе слова отца твоего, Джахангира. А уж как тебе поступить - сам решай…

В продолжение всего этого монолога Суджеддин сидел, низко потупившись, и попеременно то краснел, то бледнел. Он не решался приподнять глаза и вымолвить хотя бы словцо. Однако, когда Багир, наконец, умолк, оторопь внезапно оставила Суджеддина - он распрямился и робким тоном заговорил:

- Дядюшка Багир, я тебя отлично понял. Твоё решение не вправе я оспаривать, да и сам ты знаешь, что на такое я не способен. Всё будет как ты скажешь. Вот только одно - никак не могу я помириться с тем, что не окончена отцовская работа на арыке Делме. Несколько раз Джахангир являлся мне во сне и очень сокрушался о том, что дело его жизни пресеклось на половине. Я хочу успокоить его душу. К тому же, как знать, может, прокопай я арык до конца, силы небесные соблаговолят возвратить отца домой.

- Разумно говоришь, сынок. И слова твои мне по сердцу. Вот именно потому, что ты так разумен и добросердечен, и отдаю я тебе Минаю, - шутливым тоном сказал старик. И тут же посерьёзнел: - С нашим делом спешить не стоит. Ведь главное это то, что мы с тобой поладили. Но - неловко, конечно,

о том говорить - девушка, она как виноградная лоза, от которой каждый норовит гроздочку себе урвать. А уж тут - как кому повезёт. Словом, лишь по обручении о молодой перестают кривотолки распускать, поскольку с той поры каждому ведомо: торговец - продал, купец - купил, и нечего, стало быть, городить небылицы и злопыхательствовать!..

* * *

Был конец лета. Дни становились короче и прохладней. Ощущалось дыхание осени. С завтрашнего дня Суджеддин намерен был приступить к завершающей части работы по восстановлению арыка Делме…

К веранде примыкал издавна пристроенный к ней, о четырёх опорах навес, в котором Джахангир хранил свои инструменты, и Суджеддин с вечера отправился туда, осмотреть рабочий снаряд. Некогда сотрясавшие окрестные горы, отцовские кирка, мотыга, лопата и секач с каким-то повинным видом стояли в тёмном уголке. Совсем ещё недавно сокрушали они землю и скалы, ослепительно сияя в руках у Джахангира, и вот теперь были сплошь покрыты ржавчиной, забытые в мрачном сыром закутке. Как и их владелец, были отрешены они от солнечного света. В неподвижности стоя под навесом, Суджеддин печально глядел на заброшенный родительский инструмент, как вдруг до слуха юноши донеслось загадочное поскрипывание, исходившее, как ему показалось, от уже начавших подгни-

вать черенков шанцевого снаряда. Можно было подумать, будто таким образом инструменты вопрошали: когда же вернётся, наконец, Джахангир? Суджеддин взял в руки мотыгу и кирку, и, соударившись, они произвели звон, который походил на стенание и в котором Суджеддину, опять-таки, послышался вопрос: где-то наш хозяин и какова его судьба? Но что мог на это ответить юноша!..

Вот ведь штука - как пришли к власти подонки, вроде Спесивца Сафтара, сына Бесштанника Гасыма, возопило даже дотоле безмолвное железо. Что же до рабочих орудий Джахангира, то они чуть не кричали: знай мы загодя, что наступит этакое лихолетье, мы бы отлились в кинжалы, сабли, винтовки и пушки, чтобы восстать на врагов рода людского и смертоносными своими лезвиями и огнём спасти человечество от этих исчадий ада!..

Суджеддин было взял оселок, чтобы с его помощью избавить от ржавчины и наточить инструменты, однако тотчас отказался от своего намерения. "Зачем зря мучиться, - подумал он, - когда завтра ту же работу отлично сделает за меня матушка-земля. И заблистают тогда железяки, ровно зарницы! Металл сам есть дитя земли и, как таковой, от соприкосновения с нею неизменно очищается, так что от ржи не остаётся на нём и следа! Всё мы, и живые существа, и неодушевлённая природа, - порождения единой земли!" И Суджеддин с любовью посмотрел на отцовские инструменты, которые уложил затем в некогда вытканный Зохрой

[*] Матерчатая перемётная сума.

хурджун[*] и вернул на место.

Проснувшись рано утром, Суджеддин сразу же дал сестре несколько хозяйственных поручений, а уходя, сказал: "Я иду к арыку Делме. Сделать это, кроме тебя, больше некому, так что принесёшь мне туда обед. Чем томиться тут в одиночестве, лучше будет тебе побыть со мной. У меня там не соскучишься - нарвёшь зелени для айрановой похлёбки, прогуляешься по саду, фруктами полакомишься. Да и мне пособница не помешает. Увидишь, как брат твой огромные камни ворочает и крошит их, подобно нашему отцу!"

Предложение Суджеддина несказанно обрадовало Новресте, ведь останься она дома, то непременно бы опять проплакала целый день. Находясь же подле брата, она, несомненно, отвлеклась бы от своей печали и провела бы день весело, в беспрестанном любовании горами, пролесками, садами и отвесными кручами, услаждаясь райским щебетанием птиц. Ах, наконец-то она взбодрится и получит возможность сойти к реке и наловить в заводи рыбы! А после там же постирает она бельё, которое затем выставит сушиться под солнце. Глядишь - и развеется неотступная её тоска по родителям! Да, бесспорно, Суджеддина посетила счастливая мысль!..

Юноша между тем, вскинув себе на плечо хурджун с инструментами, двинулся к месту предстоящей работы. В свою очередь, Новресте стала прибираться по дому. Она подмела двор, приведя

его в образцовый порядок, после чего уложила предназначенную для Суджеддина снедь в скатёрку, завязав её в узелок. Когда, заперев за собой домашнюю входную дверь, Новресте спустилась во двор, ей навстречу показалась Миная.

- Куда это тайком собралась ты с утра пораньше? - удивилась та.

- Вот, несу обед Суджеддину, - ответила Новресте.

При имени "Суджеддин" Миная зарделась.

- Что ж ты давеча о том меня не предупредила? Или почла недостойной своего доверия? - с обидой промолвила она.

- Честно говоря, мне и в голову не пришло, что тебе это может быть интересно. И потом - путь к Делме не близкий, я подумала, едва ли Минаю со мной отпустят, вот и не стала тебя оповещать.

Миная смутилась. Ясный взор девушки словно бы заволокло облачком.

- Насчёт моих можешь быть покойна, Новресте, - заверила подругу Миная, - никто меня удерживать дома не станет. Лучше скажи: не осердится ли часом Суджеддин, если я с тобой к нему заявлюсь? Может, не скажет, но подумает: дескать, эка нахалка - ещё ничего промеж нас не оговорено, а она уж повсюду за мной волочится!

Новресте робко пожала плечами.

- Клянусь Аллахом, и не знаю, что сказать! Хотя - не думаю. Суджеддин, мне кажется, скорее всего будет тебе рад. Но, пусть брат он и примерный, характер, однако, у него не сахар. А потому, если почувствую я, что он рассержен, то вынуждена буду сказать ему, будто идти со мной ты вовсе не хотела, а что это именно я силком привела тебя к Делме.

От этого заявления будущей своей золовки Миная расцвела, как вешняя алыча. Будь у неё крылья, она так бы и воспарила в небо. Со всех ног помчалась она домой, едва ли не в минуту обернувшись.

- Идём, - кивнула она Новресте. - Со вчерашнего дня мать аж светится вся. А сейчас, так строго наказала мне: у Новресте, дескать, горе, и тебе следует отвлечь бедняжку от грустных мыслей. Вот, выдала мне свежий лаваш, прямо из тендира*, велела Суджеддину отнести. Завернула туда масло и шор…

* * *

Новресте и Миная отошли уже достаточно далеко от деревни. Плоские гладкие камни сухого русла привычно ожигали девушкам их босые ноги. Порывы надувавшего из ущелья сухменя бросали в лица подруг раскалённый песок. Подобные шалости природы не были в диковину жителям Галачи, более того - представлялись им вполне обыденными, а потому особой досады ни у кого здесь не вызывали. Обыкновенно суховей задувал после полудня, лишь только солнце начинало смещаться с точки зенита, и продолжался, как правило, недолго.

Между тем девушек нагонял всадник, за кото-

* Земляная печь.

рым тянулся клубящийся столб пыли. Обе дружно оглянулись назад: то был шурин Сафтара - Бахаддин, некогда едва не посватавшийся к Минае счетовод с колхозной фермы. Некогда Бахаддин даже накропал Минае несколько писем, только на одно из которых та ответила, написав, что, дескать, и рада бы отдать ему свою руку, да только их союз решительно не одобряет её отец, против воли которого она, де, пойти никак не может. Когда о намерениях Бахаддина в отношении её дочери узнала Гызъетер, она пришла в радостное возбуждение. "Чем плох этот Бахаддин?! Хорош собой, не дурак, да ещё и такая ферма в его распоряжении и зятёк-председатель за спиной!.. Найти ли для нашей дочки лучшего жениха?!." Совершенно иную реакцию выказал в данной связи Багир, чуть не захлебнувшийся от ярости и в пух и прах разругавший жену и Минаю. "Нет у меня для них невесты. Я скорее отдам дочку за первого встречного, за какую-нибудь голь перекатную, нежели за этого болвана Бахаддина! Пусть ищет себе половину в другом месте. И ещё - с каких это пор "мужчиной" стал именоваться сын босяка Сафтар?! Неужто расстилаться нам перед ним оттого лишь, что на денёк-другой его сподобили высокой должности?! Если для себя вы такое допускаете, то провалиться вам обеим на месте, Гызъетер и Миная! Вот мой сказ: дочка - моя, а потому отдам я её кому сам пожелаю! В конце концов кто тут глава семьи - я или Гызъетер?! В семье право решать безраздельно при-

надлежит мужчине!.."

После пламенной этой речи всё в доме притихло, как притихает на болоте, полном лягушек, когда в него бросят камень. Разговоры насчёт Бахаддина и Минаи с той поры пресеклись в корне. А вскоре вся деревня узнала о помолвке Минаи и Суджеддина, свадьба у которых должна была состояться сразу же по получении известий о Джахангире.

Догнав Новресте и Минаю, Бахаддин осадил коня.

- Куда это вы собрались по такому-то солнцепёку? - И он оплеснул Минаю выразительным страстным взглядом.

Миная стояла как потерянная. Ни одна из девушек не проронила ни звука, и прозвучавший вопрос повис в воздухе. Явно не желавшие разговаривать с Бахаддином, девушки продолжили свой путь, опустив головы. Это не мешало, однако, Минае исподтишка наблюдать всадника и порывистые движения его коня. Почувствовав с её стороны скрытый интерес к своей персоне, Бахаддин немедленно воодушевился, расплывшись в благодушной ухмылке. Эта безмолвная игра не укрылась от взора Новресте. Она была потрясена, но замешательства своего постаралась не обнаружить. Теперь девушка искренне сожалела о том, что взяла подругу с собой, и вовсю себя за это ругала.

- Новресте-баджи, что-то у тебя в узелке? Тяжела небось поклажа. Если доверяешь мне, дозволь, я понесу её, - предложил Бахаддин, по-прежнему скла-

бясь и не отводя глаз от Минаи.

Ничего не ответив, Новресте демонстративно отвернулась от обоих и ускорила шаг. А когда Бахаддин повторил своё предложение, не оборачиваясь, резко бросила:

- Не беспокойтесь, я к тяжестям привычная. К тому же и узелок мой не столь уж увесист. Конь же ваш, мне кажется, и так непомерно отягощён, и догрузи его ещё и моим узелком, того и глядишь, надорвётся. Воистину нет для жеребца ничего обременительней, чем возить на себе людей с полными карманами и пустыми головами! Конь пристал игиду, а вовсе не тому, кто кормится с женских трудов! Нечестивые деньги так затуманили ваш разум, что ни сыну Бесштанника Гасыма, ни таким же, как он, спесивым его свойственникам, вроде вас, никогда не понять того, что я сейчас сказала. Поэтому мне - дочке всеми отверженного, заключенного в тюрьму "врага народа", искренне вас жаль. Может статься, после, когда вы спешитесь и, наконец, одумаетесь, вам откроется всё же смысл моих слов. Но, полагаю, будет уже поздно, слишком поздно! Ишь ты, после всего того, что ваша родня с нами сделала, сиротку изволили облагодетельствовать, узелочек ей подвезти, каков душка - ха-ха-ха! - И Новресте разразилась безумным смехом, эхом отозвавшимся в ближних скалах.

Минае неприятен был тон подруги. Она со значением посмотрела на Бахаддина из-за длинных своих ресниц, словно бы желая ему сказать: "Что с

того, что Новресте сестра моего жениха! Да, переспорить её трудно, а потому лучше не связываться тебе со столь вздорной девицей, убеждённой в том, что ты - злейший её враг. Всего разумней для тебя - удалиться, сохраняя достоинство. Ты ведь знаешь: старого врага в нового друга не обратишь. И имей в виду: хоть и порядочно времени с той поры прошло, но письма твои по-прежнему меня волнуют. И пусть волей отца предназначена я сыну врага народа, в глубине моей души всечасно живёт образ человека по имени Бахаддин!"

Бахаддин хорошо уяснил значение взгляда Минаи и, оставив безответной гневную тираду Новресте, ударом плети послал коня вперёд. Горячий ветер швырнул в лица девушек песчаную пыль, поднятую конскими копытами...

Негодование у Новресте всё не унималось. И более всего возмущала девушку даже не развязность Бахаддина, но именно явственная приязнь к нему со стороны Минаи. Вот отчего Новресте высказала язвительность, которую, при иных обстоятельствах, ни за что бы себе не позволила, даже несмотря на то, что полагала Бахаддина своим врагом. Минае, однако, Новресте ничего в данной связи не сказала, рассудив, что, возможно, стала жертвой собственной мнительности и что в действительности та - девушка вполне добропорядочная. Да и легко ли было поверить Новресте в ветреность ближайшей своей подруги, с которой, не зная ссор, вместе росли они с колыбели и с чьим родите-

лем беззаветно дружил бедный Джахангир! "Просто у девушек, в том числе, пожалуй, и у меня, такой уж, видно, характер - как увидят смазливого парня… Хотя нет, я бы ни за что подобного бесстыдства себе не позволила! - подумала Новресте. - И не глядела бы этак на парня, если б не была в него влюблена. Да при том ещё - на родственника заклятого недруга моих отца и жениха. Ведь дядюшка Багир, а равно Суджеддин считают всё семейство председателя личными своими врагами! А значит, Минае должно было достойно ответить на заигрывания этого хлыща. Между тем при виде его она стала будто заворожённая. Глаз не могла от него оторвать. И меня принудила выставить себя грубиянкой. Полагала, вероятно, что я ничего не замечу и не пойму. Жаль только дядюшку Багира - он стал нам вместо отца, и тётушку Гызъетер - она всегда по-доброму к нам относилась, теперь-то им за свою ложку мёда придётся бочку дёгтя испить. Ведь если Суджеддин прознает о легкомыслии Минаю, он отринет всю их к нему любовь, немедля расторгнет помолвку и до самой смерти об их дочке даже не вспомнит. Это уж вопрос чести! А потому никак нельзя встревать мне в это дело. Надо уметь держать язык за зубами. У нас с братом без того бед хватает, с одной бы совладать. Также не следует до времени вызывать настороженность у Минаи. И то сказать, откуда взяться по нашим-то временам чистым, возвышенным чувствам?! Ныне девушек всё больше влечёт не к любви, но к

богатству и чинам! И вполне может статься, однажды тёмной ночкой Миная с кем-нибудь да и сбежит - хоть с тем же Бахаддином, и быть тогда самому ужасному - люди перестанут нас уважать, а Суджеддин навеки будет опозорен. И ради восстановления собственной чести непременно Минаю порешит!"

Последнее соображение неожиданно примиряюще подействовало на Новресте. Нарушив, наконец, затянувшееся молчание, она с притворным воодушевлением окликнула подругу:

- Миная, Миная, слышишь? - И её обняла. - Прислушайся - вон там, в той стороне!..

Миная тотчас повеселела.

- Что, что там?

- Суджеддин вон за тем холмом. Посмотри же в ту сторону - видишь: пыль подымается, кирка вовсю звенит? Возьмём от садов вправо - и мы увидим его.

- Да, да, слышу! - отвечала Миная. - Эхо оттуда доносится… - Смущённая, она осеклась, чуть погодя тихо промолвив: - Давеча я промолчала, но этот… как его… Бахаддин совсем, видно, умом тронутый. Оставалось только, чтобы он пригласил нас к нему подсесть!.. Ненавижу таких нахалов! Хотела было угостить его парочкой горяченьких словец, да ты меня упредила. Хорошо, что он быстро убрался. - Всё это высказала она с одной целью - рассеять возможные подозрения у Новресте.

- Знаешь, Миная, - заметила та, - меня поведение

Бахаддина совсем не удивляет. Есть люди, равно и мужчины и женщины, которые поклоняются многим богам. Одним - служат на словах, другим - на деле. В лицо поют одно, за спиной - другое. Однако истинная их суть выявляется очень скоро, и в результате люди напрочь теряют к ним доверие. Поэтому нечего тебе сокрушаться - я сказала этому Бахаддину всё, что было должно.

Уловив скрытый укор в свой адрес, Миная, дабы решительно отвести сомнения Новресте, молвила в сердцах:

- Я злюсь всякий раз, как услышу его имя. И когда ты отчитала этого Бахаддина, у меня словно занозу из сердца вынули. - И, брезгливо поморщившись, прибавила: - Эх, убрался он - и чёрт с ним! Змея, сказывают, от мяты бежит, а та к ней в норку норовит! Как назло, вечно сталкиваюсь я с людьми, которых на дух не переношу. Впрочем, давай-ка поговорим о другом. Сейчас, надо думать, Суджеддин уже поджидает нас. Он ещё не обедал и наверняка голоден. Так жалко его - экую работёнку на себя взвалил! Как подумаю об этом - прямо сердце заходится! - Миная постаралась придать своему взору теплоты и непосредственности. - Говорю тебе как сестре: никогда ещё так не любила я Суджеддина, как сейчас, - дня без него прожить не могу. Каждую ночь во сне его вижу. И признаюсь я тебе в этом совсем не потому, что он - твой брат. Как же красив он, решителен и отважен! Не то, что этот придурок Бахаддин! Ненавижу маменькиных

сыночков, вроде него. Как встретится такой - сразу сказать хочется: о Аллах, велика милость Твоя, если в суженые мне придал Ты Суджеддина! Последние дни я прямо-таки схожу по нему с ума. Не знаю, как смогла бы я жить без него! Я бы, наверное, умерла.

- Не говори так: если тебя не будет, Суджеддин останется без своей Лейли*. Что за этим последует - известно: он бросится со скалы и разобьётся насмерть.

От Минаи укрылась ирония подруги. Тем не менее она проронила:

- Ах, Новресте, ну и характер у тебя! Я говорю от всего сердца, а ты всё шутишь.

- Шутка - приспешница любви. Порой между влюбленными такое случается, что хоть смейся, хоть - плачь. Думаешь, у всех девушек характер как у тебя и все они беззаветно любят лишь своего избранника?! Сохрани нас от этого Аллах, но и таких прелестниц, что на словах сохнут по одному, а в сердце своём держат другого, имеется вдосталь. И в этом смысле твоё чистосердечие в высшей степени похвально. Вот почему брат мой поистине счастливец. Ведь не каждому достаётся девушка с такой возвышенной душой, как у тебя.

Слова эти, которые Новресте произнесла также с лёгкой иронией, Миная приняла за чистую монету. Она обняла и расцеловала подругу. Потом вырвала из руки Новресте узелок и быстро пошла вперёд.

- Пусть Суджеддин видит, что это я доставила ему

* Героиня восточной легенды.

обед, - засмеялась она, приняв игриво-гордый вид.

Новресте родилась от женщины, которую отличали редкостные выдержанность, приверженность традициям и чувство долга. Качества эти дочь переняла от своей матери всецело. Никогда не болтала она лишнего и не перечила старшим. Никто из посторонних никогда не слышал, чтобы говорила она в повышенном тоне. Была она к тому же девушкой необычайно чуткой, которую на мякине не проведёшь. И вот сейчас Новресте была до крайности поражена поведением врага, столь беззастенчиво погнавшегося за двумя девушками и столь бесцеремонно вступившего с ними в разговор. Больше же всего озадачило Новресте именно то обстоятельство, что в отсутствие Джахангира его недруги стали откровенно пренебрежительно относиться к членам его семьи. Однако всего острее ощущала Новресте боль за то, что Миная, которую она любила больше жизни, Миная, которая шла сейчас на свидание со своим женихом, обнаружила себя как особа лицемерная и циничная, на виду у будущей золовки поощряя ухаживания праздного волокиты. Подавленная, Новресте в эти минуты и сама не вполне сознавала, что говорит. Непроизвольно приняла она иносказательный тон, в подспудном желании дать понять суженой брата, что кокетство её не осталось незамеченным, что она, Новресте, вовсе не дурочка, а что настоящая дура как раз самая Миная и есть. Действительно, будь последняя поумней, то не стала бы, разумеется,

столь откровенно строить глазки постороннему.

Но, однако, до поры все эти мысли решила Новресте попридержать при себе, опасаясь спровоцировать скандал. Есть надежда, полагала она, что Миная образумится, проникшись той непреложной истиной, что как бараньей голове вариться лишь в одном казане, точно так же и сердцу положена лишь одна любовь. Легкомысленность Минаи рано или поздно должна была обратиться против неё же самой. Узнай Суджеддин, что невеста его открыто заглядывается на других мужчин, он не посмотрит ни на Багира, ни на Таджеддина, а зарежет её, как овцу. Между тем Новресте, конечно же, не могла желать распри между двумя исконно близкими семействами.

Она шла на встречу с братом, к арыку Делме, но мысленно пребывала далеко от родных мест. Погружённая в раздумья, девушка по большей части отмалчивалась, на обращения подруги откликаясь почти исключительно односложными фразами.

* * *

Придя спозаранку к месту предстоящей работы, Суджеддин, прежде всего, шаг за шагом внимательно осмотрел всё русло арыка, с особым тщанием обследовав место предполагаемого будущего истока. Побывал и в горловине оврага, где Джахангиром установлен был сработанный из дубового ствола жёлоб. По-прежнему покоился тот на камен-

ных опорах, которые возвели вместе отец и сын. По дороге сделал юноша короткую остановку возле подножия Гызылгая, выпростав из тайника Джахангирову трёхлинейку. Её патронник начинён был полностью, а кроме того, лежало подле неё несколько непочатых обойм. Суджеддин проверил их, очистил от пыли и, вместе с винтовкой, водворил на прежнее место, аккуратно заложив затем укрытие сухими ветками, чтобы ненароком не было обнаружено оно снующими здесь чабанами или же кем-либо ещё. Спускаясь с пригорка, Суджеддин окончательно утвердился в первоначальном своём решении - покамест погодится, следует произвести работу на участке арыка под Серой скалой.

С трудом, на четвереньках, продвигался Суджеддин по тёмному узкому туннелю. Сечением в один аршин, давно заброшенный этот туннель был сплошь завален камнями. Пользоваться шанцевым, с длинными черенками инструментом в походящем на звериную нору проходе представлялось крайне затруднительным. Здесь не размахнуться было ни мотыгой, ни киркой. По этой причине Суджеддин, не мешкая, укоротил черенки при помощи ножовки. Другой ставшей перед Суджеддином задачей было - как избавляться от загромождавших туннель крупных камней. В конце концов юноше поневоле пришлось ползком вытягивать их наружу по одному и сваливать прямо против выхода. Изнурительная эта работа вскоре забрала у Суджеддина все силы.

Между тем приспевшие к руслищу девушки с удивлением не обнаружили здесь Суджеддина. Встревоженная Новресте нервно вертела головкой, высматривая повсюду брата, но не углядела даже следов его присутствия подле Делме. Тогда подруги взошли к началу туннеля, тотчас заслышав мерный, доносившийся из недр подгорья, стук. Рассудив, что Суджеддин находится на другом конце подземного коридора, они поспешили туда. Найдя здесь брошенные на траве знакомые пиджак и инструменты, обе с облегчением вздохнули: их Суджеддин цел-невредим трудится в подземелье. Заглянув в лаз, девушки пришли в ужас: в туннеле стояла непроглядная темь. Однако неумолчные удары кирки их успокоили. "Суджеддин! Суджеддин!" - что есть мочи в один голос закричали Новресте и Миная. В ответ из глубины туннеля раздался невнятный хрип, а вскоре вслед за тем из прохода показалось сгорбленное, обсыпанное землёй существо. Суджеддина в нём едва ли можно было признать: физиономию "нежити" густо покрывала бурая глина - белели только зубы и белки глаз.

Появление сестры, да ещё и с невестой, так обрадовало Суджеддина, что он сей же миг позабыл об усталости.

- Ах, Суджеддин, - с нежностью произнесла Миная, - ради Аллаха, что делаешь ты в жуткой этой дыре? Или жить тебе наскучило?

Суджеддин отёр с лица пот и грязь носовым платком, после чего, молодцевато выпрямившись -

дескать, нам всё нипочём, - с важностью изрёк:

- Миная, путь к свету лежит через мрак, путь к праздности - через заботы, путь же к свободе - через теснину вроде этой. Есть такая наука - Наука Испытаний. Не усвоившему её трудно бывает открыть Двери Счастья. - Он засмеялся. - Но оставим учёные рассуждения. Скажи-ка лучше, как очутилась здесь ты? Наверное, это сестра силком тебя сюда выманила...

Не желая им мешать, Новресте, сказав, что хочет напиться, покинула влюблённых: прихватив с собой свой узелок, она пересекла колхозный сад и по откосу сошла к реке. Тут она развязала скатёрку-узелок, расстелила её на земле и уставила снедью. Неспешно спустившись с горы, сюда же вскоре пришли двое влюблённых. Накануне присутствие Новресте помешало Минае ответить на вопрос, заданный ей женихом. И вот теперь, замедлив шаг, томно глядя на юношу, она проронила:

- Ты ошибся, Суджеддин: привела меня не сюда вовсе не Новресте, а совсем другое! Куда бы ты ни пошёл, моя бы воля, я бы всюду следовала за тобой, как тень. Без тебя мне словно воздуха не достаёт - я задыхаюсь. Когда бы ты знал, что я чувствую при виде тебя, то пожалел бы бедную девушку и не стал бы задавать обидных для неё вопросов.

- Я верю в твою искренность, - ответил Суджеддин, - И любовь твоя - взаимна. Я тоже всечасно думаю о твоей будущности. И тем не менее одно принять от тебя не могу...

- Что же?

- То, чтобы ты стала моей "тенью".

- Но почему?

- А потому, что когда небо закрывается тучами, тени перестают быть видны. Я же хочу всегда видеть тебя перед собой. Чтобы - лицом к лицу, глаза в глаза... - И сказав это, Суджеддин, будто бы в знак примирения, дотронулся до шеи Минаи и широко улыбнулся.

Неожиданно та оступилась, но, выказав отменную реакцию, жених с орлиным проворством подхватил её под локоть. Дыхание юноши обдало нецелованые девичьи щёчки, и, словно пытаясь удержаться на ногах, Миная крепко прижалась к Суджеддину. Рука юноши невольно прикоснулась к грудкам-дынькам, выступающим из-под тонкой кофточки Минаи, отчего оба влюблённых вздрогнули, точно от электрического разряда.

Чтобы не быть замеченными Новресте, они спрятались за приречной скалой. У Минаи гулко колотилось сердце. Суджеддин также был взволнован и вместе с тем растерян. От вида нежнейшего девичьего лица, тонкобрового, со сверкающими, сочащимися чувственностью глазами и губами, у него перехватило дух. Юноша ощущал полную беспомощность перед чарами юной прелестницы, будучи совершенно ими пленён. В свою очередь, ястребиный взор и богатырская стать возлюбленного магнетически воздействовали на девушку. Когда, держась за руки, будто бы оберегая друг друга от

падения, спускались они по склону, обоих преисполняло не известное им дотоле упоение - пожалуй, самое восхитительное из когда-либо испытанных ими чувств. Минае решительно не хотелось, чтобы Суджеддин выпустил её руку из своей. При этом в голове у неё кружил настоящий вихрь из видений и отрывочных мыслей. Возможно ли большее счастье для женщины, думала она, чем счастье навеки связать свою судьбу со столь доблестным мужчиной?! Однако при этом Минаю всерьёз беспокоило то, что соединиться предстоит ей именно с сыном "врага народа". И только ей об этом вспомнилось, как тотчас испустила она горестный вздох: в воображении её возник образ сидящего на коне Бахаддина. Ведь какой бы стройный, красивый и отважный ни был Суджеддин, как бы ни лежало у Минаи к нему сердце, но был он отмечен несмываемым клеймом, вследствие чего дорога к преуспеянию была навеки для него заказана. А это означало, что и потомкам его, почти наверняка, уготована та же участь. Миная оказалась на распутье. Борьба Надежды с Безысходностью, происходящая в её душе, вконец извела девушку. В продолжение этой борьбы взор её неотрывно был прикован к мужественной фигуре Суджеддина. "Как сильно ни люблю я его, - заключила Миная, - с ним никогда не буду я счастлива! Вся жизнь протечёт у меня в неизбывных страхах и тревогах!" И, проникшись горечью своих воображаемых невзгод, она упала духом, что, впрочем, ловко сумела

скрыть под навешенной на лицо ясной улыбкой.

- Что с тобой, Миная? - спросил между тем обернувшийся к ней Суджеддин. - Отчего вдруг испортилось у тебя настроение?

- Ничего, не обращай внимания. Просто я не сказала тебе: споткнувшись, я подвернула ногу, и теперь у меня побаливает колено.

Чтобы отвлечь девушку от неприятных ощущений, Суджеддин вновь обнял её и закружил, как маленькую. Приложив ко лбу ладошки, Миная кокетливо улыбнулась:

- Бессовестный, у меня аж ум за разум зашёл!..

Суджеддин опять обхватил руками её стан - сжал со всей силой и тотчас отпустил. Вольность юноши, хотя, несомненно, и предосудительная, тем не менее не вызвала у Минаи протеста. Часами готова была находиться она в его объятиях и выслушивать милые его шутки, полагая эти мгновения самыми чудесными в своей жизни.

Сойдя с пригорка, подошли они к саду, благоухавшему ароматом созревающих плодов, и устроились в тенёчке, подле расстеленной Новресте скатёрки с едой. Через реку виднелись густо поросшие кустарником холмы, а далее - простирался до самого кряжа дремучий лес. Новресте усердно отжимала прополосканное в реке бельё, которое, прежде встряхнув, раскладывала затем на гладких, нагретых солнцем булыжниках. При виде подруги и брата Новресте плавными движениями расправила на речнике передник, последнюю из выстиранных

ею вещей, и подошла к Суджеддину и Минае.

- Я весь в песке, - заявил Суджеддин по окончании обеда. - Не худо бы разок-другой окунуться. - И направился к реке.

В укромном месте он разделся, сложив одежду на земле. Затем взобрался на абрикосовое дерево, ветви которого нависали над самой водой, и, примерно с семиметровой высоты, ласточкой нырнул в реку - по большей части тихая и мелкая, в этом месте она была неожиданно бурлива и глубока. Легкомысленный поступок Суджеддина поверг девушек в ужас. Испуганно вскрикнув, обе устремились к берегу. Бывший с детства заправским ныряльщиком, Суджеддин в течение нескольких минут не появлялся из воды, желая блеснуть перед девушками собственной удалью. Между тем Новресте и Миная уже решили было, что он утонул.

- Суджеддин, Суджеддин! - отчаянно звала Миная, хлопая себя по коленкам, в то время как Новресте была воплощённое хладнокровие.

Наконец из воды появились сначала густая черноволосая копна, а вслед за тем и аршинные плечи Суджеддина. Встряхнув головой, он обратил к Минае озорной, дразнящий взор. Убедившись в том, что жених её жив-здоров, та облегчённо перевела дух. Подобрав юбку, она весело сбежала в воду, а затем, осторожно подвигаясь, прошла на глубину и подступила к юноше. Вода здесь была девушке по грудь, и подплывший к невесте Суджеддин заботливо ухватил её за руки. При этом Миная взвизгнула от неожиданности и, поскользнувшись на донной гальке, с головой ушла под воду. Суджеддин ловко подхватил её и на руках вынес на берег. С намокшей одежды Минаи лили настоящие ручьи, сама же она, позабыв обо всем на свете, в упоении прильнула к груди Суджеддина.

Новресте с отсутствующим видом стояла в сторонке, блуждая взглядом по окрестности. "Невеста ради меня бросается в воду, тогда как родная сестра знай себе безмятежно предаётся созерцанию!" - в душе возмутился Суджеддин, не ведая, что Новресте в эту минуту скрытно плачет. Предыдущий эпизод убедил Суджеддина в том, что невесте дорог он неизмеримо больше, нежели кровной сестре. Он сидел на берегу подле прелестной своей возлюбленной, говоря себе, что та ниспослана ему самим Провидением. Точно впервые видя эту красавицу, которую знал он сколько помнил себя, Суджеддин источал на неё волны преданности и любви. Что до Новресте, то, наблюдая, как изнемогает от томления её брат, она испытывала к нему неподдельное сочувствие, поскольку прекрасно сознавала неизбежность скорейшего горького его отрезвления. Вот чем объяснялась печальная отрешённость Новресте, отнесённая Суджеддином на счёт извечной золовьей ревности. Недоброе чувство к сестре шевельнулось в его сердце, отныне всецело принадлежащем Минае.

Но как ни была велика досада Новресте на бра-

та, порабощённого ведущей двойную игру своей наречённой, чувство это отступало перед трепетной сестриной привязанностью. Оно и понятно, ведь, кроме Суджеддина, у бедняжки больше не было никого в целом свете. К тому же, у юношей, как известно, в головах бесы гнездятся, а потому Новресте положила себе относиться к брату с вящей снисходительностью. Да и много ли было бы проку, стань она, единокровная сестра, в позу перед Суджеддином?! "Да окриветь мне, если моя надменность ещё хоть раз станет причиной неудовольствия Суджеддина! - мысленно зареклась Новресте. - Господи, прости меня, я была неправа!.."

Достаточно долго пробыв возле реки, Суджеддин, Новресте и Миная вышли затем на тропу, проходящую по верхней террасе сада, где и распростились. Суджеддин отправился к холму, под которым тянулся пресловутый туннель, а девушки зашагали в сторону деревни, маша Суджеддину до той поры, пока могли его видеть.

Прежде чем забраться в туннель, Суджеддин некоторое время простоял подле лаза, печально глядя на запад - где закатное солнце румянило кучевые облака, где простилались засеянные нивы, близ которых некогда, обливаясь потом, самозабвенно трудился его отец - Джахангир, наконец, где стояла мельница, чьё покряхтывание едва-едва мог расслышать сейчас Суджеддин, и где лежал яр, по откосу которого, держась за руки, давеча спускались они с Минаей. Под яром этим находился плёс -

место их с возлюбленной недавнего купания. Юноша был грустен - от прежнего его воодушевления не осталось и следа. Он взял свой инструмент, у которого накануне спилил черенки, и, пригнувшись, полез в туннель.

По мере продвижения в глубь прохода, темень в нём всё более сгущалась и всё более тяжёлым делался здешний прелый дух. Суджеддин лишь ощупью умел различить камни, которые ему предстояло отсюда вынести. Поэтому он решил, что разумнее всего будет ему отказаться от дальнейшего продвижения и заняться выносом тех булыжников, что накопал он до полудня. С этим провозился он до самого заката. Уже стало смеркаться, когда, спрятав инструмент в укромном месте и приведя в порядок свой внешний вид, Суджеддин медленным шагом вернулся в деревню.

* * *

Из училища Таджеддин писал крайне редко. В последнем своём письме он следующим образом объяснил собственное молчальничество. Дескать, когда садится он кропать очередную цидулку, сейчас же перед глазами его встает родная деревня, земляки и родственники, события, связанные с арестом дядюшки Джахангира, а также подробности его, Таджеддина, с Суджеддином совместного похода за грибами - воспоминания, от которых-де отлучника неизменно бросает в слёзы и вследствие

которых он будто бы надолго лишается сна и аппетита. *"Я хотел отпроситься на недельку домой. Но видеть разоренным дом дядюшки Джахангира и обнищание Суджеддина и Новресте… пером не описать, как тяжка для меня самая мысль об этом!.. К тому же добиться разрешения на отпуск необычайно трудно. А потому не обижайтесь на меня…"*

После этого письма Таджеддин надолго замолчал.

В этот день вернувшегося с работы Суджеддина встретила во дворе Новресте, взволнованным тоном промолвившая:

- В село приходил почтальон. Невиданное дело - Таджедддин письмо прислал! Дядюшка Багир ждёт тебя. Письмо передала ему учительница Наталья, которой оно было доставлено. Старик просил, чтобы его тотчас оповестили о твоём приходе…

Новость привела Суджеддина в приподнятое настроение. Брат и сестра вместе отправились к соседям. После приличествующих взаимных приветствий и дежурных расспросов Багир сделал жене и детям знак удалиться, рассудив, что в письме может содержаться информация, с которой не следует знакомить домашних. Лишь только те ушли в соседнюю комнату, старик, тяжело встав с места, приподнял шерстяной тюфячок, постеленный поверх изголовья укрытой старинным ковром тахты, и выудил из-под него смятый почтовый конверт.

- От Таджеддина, - сказал Багир, протянув конверт Суджеддину. - Письмо адресовано учительнице Наталье, но написано для тебя. Девочки хотели бы-

ло вскрыть его и прочесть, да я не позволил: пусть, говорю, сам это сделает, чтобы всё было честь по чести. К тому же, подумал я, может, там что-то очень личное, не предназначенное для посторонних глаз...

Суджеддин быстрым взглядом окинул конверт: на нём значились адрес Натальи Соколовой и обратный - помеченный также женским именем, ни о чём, однако, Суджеддину не говорящим. "Осторожный парень этот Таджеддин, - мысленно похвалил он друга. - Очень предусмотрительно!" И вначале прочёл письмо про себя.

Таждеддин писал:

"Брат мой Суджеддин! По причинам, понятным нам обоим, посылаю это письмо с чужого адреса и на имя Натальи-муаллимы. Мотивы мои ей также известны. Я всецело ей доверяю. Такой способ пересылки был избран мной потому, что все почтовые отправления по твоему адресу, как я знаю, специально досматриваются. Училище я окончил, и на днях нас отправят в Казахстан. Хотя возможно ещё, что поедем мы в Куйбышев. В общем, разлука нам предстоит долгая. Суджеддин, тебе отлично известно - отец мой совсем одряхлел. Поэтому его я препоручаю твоим заботам, а тебя - Господним. Времена наши - неправедные. Хорошенько приглядывай за девушками. Глаз не спускай ни с Минаи, ни с Новресте. Враг стоит у самого нашего порога. Мой отец высоко ценит твоё мнение, так что если*

* *Муаллима* - учительница (азерб.): уважительное обращение к женщине-педагогу.

случатся сваты от достойных семейств, то как поступить - решите без меня. У нас с тобой от века не было друг от друга секретов. За Новресте я спокоен. А вот Миная - девушка легкомысленная. Узду на ней ослаблять нельзя. Полагаю, тебе ясно, что я имею в виду. Мне известна история с этим, будь он неладен, Бахаддином. Отец славно его отбрил. Породу эту Багир знает как облупленную и потому никаких дел с нею ни за что иметь не станет. Для него это - вопрос чести. Порадей со своей стороны, чтобы имя нашей семьи сохранилось беспорочным. Многим хотелось бы с тобой поделиться, да жаль - бумаге того не доверишь. Прости меня, друг, прости! Всем привет! И поблагодари от меня Наталью-муаллиму!"

Во время чтения Суджеддином письма Багир не мог усидеть на месте. Скрывая собственное волнение, с вымученным спокойствием, наконец он спросил:

- Ну, сынок, что пишет мой Таджеддин? Может, что-то, о чём знать мне не следует?

- Да нет, ничего особенного, - ответил юноша. - У него всё в порядке. Окончил училище, теперь вот должен поступить на нефтеперерабатывающий завод. Пишет, что на днях им ехать в Казахстан или, возможно, в Куйбышев. Хлопотал насчёт хоть коротенького отпуска домой, да не сладилось. Всем приветы передаёт…

В комнате повисло молчание. Багир-киши разом вдруг помрачнел. Морщины на его лбу стали жёстче, глаза - сузились, плечи - поникли. Не глядя в сторону Суджеддина, он заговорил, словно бы

обращаясь к невидимому собеседнику:

- Нефтяник!.. Как будто других в мире специальностей нет!.. Стань он, к примеру, трактористом, комбайнером или же агрономом, мы бы горя не знали. Да хоть шофёром, на худой конец! А что, вернулся бы домой, работал бы тут, всё бы при нас был! И мне бы плечо подставил, старому хрычу! Поддержал бы, когда упаду, а помер бы - сегодня жив человек, а завтра его уж и нет, - так бросил бы хоть горсточку земли мне на могилку. Вот и полагайся после этого на сынов! Стало быть, образовался, человеком стал - и теперь в края родные ни ногой! И что потерял он в этом Казахстане?! Земля поди неприветливая, чужая! Вот помру я - все на похороны съедутся, и он в том числе. А только зачем он мне тогда, если на живого меня наплевал?! Сын, сын... Вот вам, будьте любезны, и сын! Денно и нощно, помню, молили Аллаха, чтобы Он мальчиком нас одарил. Внял Господь нашим молитвам, родился у нас сын. А уж как мы радовались, сколько благодарственных даяний нарасточали! А как "долгие лета!" повсюду ему возглашали! Вот, потами исходи, расти сына, а в конце концов тебе - на-ка, выкуси! Если обживется он там - всё, пиши пропало, назад уж не вернётся. Зачем мы ему, когда и без нас, чай, отлично на чужбине-то! Ни отец ему больше не нужен будет, ни мать. Доныне мы на себе его тащили, а как вытащили, так сейчас же для него обузой стали. С сей поры, Багир, ты - ярмо на шее у своих детей! А когда родитель делается в тягость

собственным чадам, то ему следует поскорее, и по возможности достойно, умереть. Да, навряд ли возвратится он к нам! К тому ж и время жениться ему подоспело. Вот сойдётся с дочуркой какой-нибудь непотребной сучки, тогда уж считай всё, потерян он для нас навеки. Ведь нынче какие времена - заарканит девка парня, и он тотчас на кровных родителей - тьфу! Словно не семени отцова, не чрева материнского он плод. Ты плод этот пестуй, а уж сорвёт его, будь уверен, какая-нибудь вертлявая стервятница. Будь эта баба хотя бы наших краёв, я бы, пусть изредка, их навещал, глядишь, она бы приветила меня ласковым словечком, чайком бы угостила с дороги…

В душе у Багира-киши полыхало пламя. Говорил он так, будто находился в бреду, будто обращался к видимому лишь ему призраку. Суджеддина, в молчании слушавшего его, он точно не замечал. Тот же словно закаменел, сидя на своём стуле. Речи Багира внимали из другой комнаты также и Гызъетер с Новресте, не решавшиеся, однако, выйти к старику и его утешить. Что же до находившейся с ними Минаи, то, приникшая глазком к замочной скважине, сквозь неё видела она одного лишь Суджеддина, которым неустанно любовалась.

Неожиданно, расправив плечи, Багир обернулся к юноше.

- Как сын, Таджеддин для меня потерян, - сокрушённо промолвил он. - Я поставил на нём крест, и говорить тут больше не о чем. Поглядим,

куда его направят. Думаю, через недельку-другую от него прибудет новая весточка - из Казахстана или же из упомянутого тобой Куйбышева. Когда у тебя будет его адрес, напиши ему от моего имени - дескать, мол, на службу ты поступил государственную, работай, где сам пожелаешь, отец в твои дела не вмешивается, и да хранит тебя Аллах, такова, видно, наша судьба. Напиши - дескать, вступил ты в возраст, когда молодые люди обзаводятся собственными семьями, и если надумаешь часом жениться, то не бери себе кокетку с крашеными губами, а постарайся хотя бы, чтобы жена твоя была из наших мест. Ведь недаром отцами сказано: гурт развороши родной ради ярочки одной. А то, скажи, потеряешь ненароком голову, свяжешься с какой-нибудь безродной вертихвосткой, и тогда вся родня наша разом от тебя отвернётся. Дескать, ладно, по боку семью и родичей, но ведь в итоге бедой умоешься ты сам, ведь, человек грамотный, ты, в сущности, совсем ещё ребёнок и плохо знаешь женскую породу. Сделай же так, чтоб не пожалеть потом. От вертихвостки-жены добра не жди. Я как отец должен был тебя предостеречь, а уж ты поступай, как знаешь. Когда обоснуешься на новом месте, попробуй получить отпуск, приехать, повидаться с нами... - Багир замолк, потом покачал головой: - Я многое в жизни повидал. Если женится он на чужачке, то и сам к её племени примкнёт. И меня позабудет, и мать, и нашу Галачу. Ничего, я ко всякому привычен. Переживу и это. Буду считать,

что и не было у меня сроду сына по имени Таджеддин. - И Глухарь Багир тяжело вздохнул.

- Дядюшка Багир, но ведь он - на государственной службе! Поэтому зря ты плохо подумал о Таджеддине. Да это письмо всё от начала до конца проникнуто заботой о вас. Я знаю, как всем сердцем любит он свою семью. В училище обучение, питание, одежда - всё за счёт государства. А потому и трудоустраиваются тамошние выпускники по государственному же распределению. Где в них нужда, туда их и направляют. В чём же тут вина Таджеддина?!

Отчаянно старался Суджеддин утешить Багира, смягчить его гнев, урезонивая старика всевозможными доводами. Но горе, охватившее Глухаря, завладело им всецело и упрямо несло его на жёстких своих волнах, швыряя об утёсы и подводные скалы. Казалось, Багир совсем ничего не слышит.

Вдруг дверь в комнату распахнулась - долее оставаться в стороне Гызъетер не могла.

- Ну что опять сидишь хмурый?! - спросила она. - Суджеддин нам как сын, не будь его, уж я бы сказала тебе пару ласковых слов! Что это с тобой? Что, корабли твои в море потонули? Разве Таджеддин сделал что-то такое, из-за чего бы тебе впору было сейчас убиваться?! Выучился, получил специальность. И училище успешно окончил. Что же, ему лучше было бы прозябать в этой глуши?! Ни света, ни телефона, машины сюда не ходят, даже керосина не сыщешь, лампу заправить! В месяц разве что

приобретёшь по случаю пару бутылок, которых и на неделю-то едва хватает! Сейчас все, у кого есть голова на плечах, бегут за пристойной жизнью в город. А что здесь: корпишь на работе от зари до зари, руки в мозолях, спина не разгибается! По мне, так после того, как Таджеддин на чужбине обоснуется, и мы могли бы, распродав наш скарб, к нему переехать. Что, в самом деле, хорошего в деревне?! Вот и Миная, как старшие её сёстры, которых годами она не видит, не сегодня завтра замуж выскочит. Достаточно уж мы тут пожили - и хорошее повидали, и плохое. Нечего высоких истин доискиваться! Теперь-то денёк новый встретишь - и то слава Богу. А потому не гневи ты Аллаха. Только бы уберёг Он нас от страшных ударов и потерь!

Но, углубившийся в свои мысли, Багир совершенно не воспринимал того, что говорила ему Гызъетер. Он по-прежнему пребывал в собственном, не доступном никому мире. К тому же старик издавна взял себе в обычай не придавать значения словам жены. В этой связи любил он повторять одну притчу. Как-то у Пророка Мухаммеда спросили: кого на свете больше - мужчин или женщин? "Женщин", - ответил святой и пояснил, что к собственно женщинам следует также причислять и мужчин, которые сами превращаются в баб, когда долго тех слушают. Багир, всегда во всём поддерживавший Гызъетер, тем не менее не терпел её вмешательства в дела, которые полагал сугубо мужскими. Вот почему, желая пресечь поток разгла-

гольствований супруги, он обернулся к ней и, состроив кислую гримасу, сказал:

- Знаю, на язык ты бойка. Но только сейчас и сама-то не понимаешь, что говоришь! Сотни раз твердил я тебе: не суй нос в мои дела! Ступай-ка лучше, принеси нам чаю.

Гызъетер, прекрасно усвоившая нрав мужа, поняла, что увещеваниями своими его не проймёт, а потому немедленно умолкла и поднесла мужчинам заказанный ей чай.

- Вот он, весь как есть! - процедила она и выскочила из комнаты, хлопнув дверью.

Лицо Багира вновь посуровело. Он обратился к Суджеддину:

- Ты плохо ещё знаком с бабьей породой, сынок. Даст Аллах, женишься, сразу помудреешь. Есть сукины дочери, которым никаких поблажек давать нельзя. Однако в словах Гызъетер всё же есть малая толика правды, я только не захотел это при ней признать, потому что тогда угомонить её не стало бы никакой возможности. Говорю это тебе доверительно - как сыну. Деревня повсеместно утратила прежнее своё значение. С властью Советов село пришло в упадок, подвергшись полному разорению. Тысячи людей отданы в управление безродным выскочкам, вроде Сафтара. А те творят самый разнузданный произвол. Вот наш, к примеру, - на глазах у всей деревни засадил в тюрьму Джахангира. Теперь мы даже не знаем, где тот обретается, чтобы хоть пяток рублей ему переслать. Несчастным письмецом, и тем не разрешено нам с ним обменятся, чтобы о своём житье-бытье друг дружке поведать. И даже пожаловаться на очевидное сие беззаконие нам некуда! Да и что толку в них - жалобах? Кто пожелает внять голосу простого крестьянина?! Раскрывшему рот тотчас язык и вырвут, зрячего - обоих глаз лишат. Нынче всякий, папаху на себя нахлобучивший, выставляет себя мужчиной. Время же настоящих мужей безвозвратно ушло. Командуют нами блюдолизы и проходимцы. У людей отняты вековые традиции чести. А сколько вокруг горя!..

Неожиданно прервавшись, Глухарь перевёл разговор на другую тему:

- Однако довольно - нечего вконец губить себе настроение. Ты лучше скажи, как подвигается у тебя работа на арыке. Думаешь - управишься? По тунелю давно уже не текла вода, его обжило разное зверьё. Чтобы очистить Делме сил нужно немерено.

- Как бы там ни было, но я уже взялся за это дело, - отозвался Суджеддин. - А раз так - хоть умру, а начатое довершу. Главное - это разгрести туннель. Вся же закавыка в том, что работать приходится в полной темноте. Света туда не проникает ни лучика.

- Поступи так, сынок. Прихвати с собой завтра керосиновую лампу, можешь заодно и нашу взять. Думаю, их света будет достаточно. И девок с собой забери, чтоб по дому попусту не слонялись, - пусть помогают, хоть посветят тебе...

Совет Суджеддину понравился, особенно же в последней его части. Присутствие родителей не позволяло Минае долго задерживаться подле Суджеддина. Во-первых, её останавливал стыд, а во-вторых - опасение навлечь на себя гнев Багира. Поэтому до сей поры Миная с Суджеддином могли лишь украдкой обмениваться страстными взглядами. Теперь же, наконец, они обретали заветное - возможность беседовать без помех, с глазу на глаз. Беседы же такие были Суджеддину тем более приятны, что во время них он забывал о всечасной своей печали, лицо у него светлело и делалось счастливым.

"И девок с собой забери…", - слова эти точно не от Багира услышал Суджеддин, а от самого ангела - покровителя влюблённых.

От радости юноша всю ту ночь не сомкнул глаз. Стоило ему смежить веки, как тотчас воображение относило его к крутому откосу, ведущему к арыку Делме: по откосу этому он и Миная шли вместе, держась за руки и нежно воркуя, после чего, вступив под тень колхозного сада, принимались лакомиться наливными плодами. Затем сходили они к реке и услаждались прохладой лазурной воды и пылкими поцелуями…

На рассвете, не позавтракав, Суджеддин отправился на работу. Минае и Новресте ещё накануне вечером было наказано загодя приготовить обед, с тем чтобы отправиться к Делме вместе с Суджеддином. Таким образом, и завтракать и обедать Суджеддину предстояло на рабочем своём месте, при-

чём в компании сестры и невесты, на лужку, в тени пойменных деревьев...

Из деревни Суджеддин вышел так рано, что стал в тот день первым путником, ступившим на ведущую к Делме тропу. Солнце ещё не взошло над горами, и потому низина была темна. Слева от дороги слышны были переклики укрывающихся среди скал куропаток. Казалось, все птахи округи собрались здесь, чтобы любоваться покрытыми росой холмами и лугами.

Суджеддин прикидывал в уме, к какому сроку сумеет завершить работу. Ведь только после того, как по арыку Делме потечёт вода, они с Минаей смогут сыграть свадьбу, обретя долгожданное счастье. В предвкушении этого события Суджеддин одолевал тропу, точно летя на крыльях. Выйдя к оконечности колхозного сада, раскинувшегося над берегом реки, юноша повернул вправо и стал подниматься в гору - к месту входа в туннель.

Роса густо покрывала шанцевый инструмент. Когда, повесив на ветку алычи захваченную с собой лампу, Суджеддин было ухватил уже свою мотыгу, взгляд его упал на вереницу следов какого-то зверя. Суджеддин наклонился, чтобы получше рассмотреть отпечатки. Вчера их точно не было. "Чьими-то они могут быть? - подумал юноша. - Оставлены они ни лисой, ни шакалом, ни зайцем, ни рысью. Неужто - волк?!" По всей видимости, было это именно так. Суджеддин зажёг одну из захваченных с собой керосиновых ламп и, с мотыгой на-

перевес, направился к туннелю. Бесспорно свежие, следы порой имели абсолютно чёткий рисунок. Без сомнения - зверь прошёл здесь совсем недавно. Обыкновенно местные хищники охотились ночью, прячась днём по пещерам и норам. Но следы ясно указывали, что зверь, вошедший накануне в подземелье, обратно из него не выходил. "Возможно, выбрался он через выходной лаз, - решил Суджеддин, несколько успокоившись. - Если так, то опасности нет - мне не приведётся столкнуться с ним нос к носу, а значит, и незачем страхи понапрасну раздувать!"

Прежде чем вступить в туннель, Суджеддин, на всякий случай, заткнул за пояс остро наточенный секач. "А что, если выход из туннеля завален камнями?! - зародилось у юноши очередное подозрение. - Тогда, выходит, вероятность того, что мы с ним всё же столкнёмся и у нас случится схватка, достаточно велика. Господи, неужто суждено мне здесь погибнуть?! Конечно, в своих силах я уверен, да и мотыга с секачом при мне, так что волк против меня не устоит - уж с ним-то сумею я справиться. Но, может, я заблуждаюсь, и это - хищник, способный поразить жертву молниеносно, даже не дав ей опомниться?! В таком случае от меня и кусочка после не сыщут! - При мысли этой Суджеддин похолодел. - Лучше всего, - рассудил он, - вернуться обратно и проверить выход снаружи. Если следы оставлены и там, можно будет спокойно приступать к работе. Если же зверь - в туннеле, соваться

туда нельзя ни в коем случае!" И Суджеддин было поворотил назад, как вдруг вспомнил о Минае и Новресте: что-то он скажет им?! "Сестра, разумеется, с удовлетворением примет любые мои оправдания, что же до Минаи, то, боюсь, как бы не сочла она меня трусом. Хорош же женишок, выказывающий себя зайцем перед собственной невестой! И позабавится же наш люд! Нет, уж лучше смерть, чем вечный позор!" И Суджеддин решил никуда из туннеля не уходить.

И тут послышался ему леденящий душу рык. "Значит, тот конец туннеля всё-таки завален, и зверь никуда не ушёл - он здесь! - пронеслось в голове у юноши. - Больше нет надобности пробираться к выходу - совершенно очевидно: хищник неподалёку!"

Отбросив страхи, с керосиновой лампой в руке, Суджеддин решительно двинулся вперёд. Злобное рычание делалось всё более громким. Наконец остановившись, юноша стал вглядываться в темноту, слегка приотодвинутую от него слабеньким пламенем лампы. Суджеддин различил две фосфоресцирующие точки. Несомненно, то были глаза зверя. На открытом месте хищник не стал бы нападать на человека, а, скорее всего, ретировался б, но сейчас отступить ему было некуда, а потому самими обстоятельствами принуждён он был напасть на того, кто преграждал ему единственный выход из коридора.

Однако, имея при себе мотыгу и секач, Суд-

жеддин мог бы выступить теперь даже против медведя. Впрочем, ограниченность пространства в значительной мере сводила на нет действенность этого "оружия". Подобрав с пола увесистый булыжник, Суджеддин бросил его в сторону, где недвижно стояли два мерцающих пятнышка. И тут, разразившись жутким рёвом, зверь бросился к нему. Времени для раздумий и поиска пути отхода не было - инстинктивно Суджеддин со всей силой вогнал левую свою руку в отверстую пасть зверя, правой - крепко стиснув ему поросшее мягкой шерстью горло. Таким образом, сразу же лишившемуся возможности пустить в ход свои зубы, животному оставалось действовать лишь когтями, коими с истовостью и царапало оно руки и ноги Суджеддина.

Поединок затягивался. Зверь явно уступал волку в величине и мощи, обладая при этом проворством и гибкостью кошки.

И оба они - человек и животное, бьющиеся в кромешной тьме не на жизнь, а на смерть, стремились к одному - поскорее выбраться наружу.

* * *

Миная и Новресте вышли из дому раньше обычного. Ведь они знали, что со вчерашнего дня у Суджеддина маковой росинки, и той во рту не побывало, а уходя на работу, он даже воды не попил. Они поднялись на гору, под которой

проходил туннель, однако Суджеддина отсюда не увидели.

- Ну и характер у Суджеддина! - встревоженно промолвила Миная. - Уж и не знаю, кто втемяшил ему эту мыслицу насчёт арыка! Не бережёт он себя, от зари до зари возится под землёй, как будто работы другой не сыскать! - ворчала она.

- О Суджеддине ты верно сказала, - отозвалась Новресте. - Однако не всё-то тебе известно. Не по собственной прихоти взялся он за этот труд - арык затеял восстанавливать ещё наш отец, но только завершить начатое было ему не суждено. Вот Суджеддин теперь из кожи вон и лезет. Ведь у нас немало врагов и недоброжелателей, и ему не хочется, чтобы кто-то из них мог бы сказать, дескать, вот, нынешним Забыхлы наплевать на то, что порушен арык, прорытый их предками...

Так, беседуя, подошли девушки к известному лазу и только было собрались присесть с дороги, как услышали донесшийся из туннеля шум. "Наверняка что-то стряслось с братом!" - всполошилась Новресте и смело вступила в туннель. Пройдя несколько шагов, она крикнула подруге:

- Что ты стоишь! Суджеддин с кем-то там схватился - слышны сдавленные голоса! - И жестом призвала Минаю последовать за ней. Однако та, с невозмутимым видом повертевшись на месте, заявила Новресте:

- Нет уж, сестричка, уволь. Я страшно боюсь темноты и никуда не пойду. - И сей же миг перед её

мысленным взором предстал восседающий на коне Бахаддин. "Как видно, он и есть моя судьба, - подумала Миная. - Этот, по крайней мере, никогда не полезет под землю, чтобы копаться в ней, подобно барсуку. Если уж Суджеддин о себе не думает, станет ли он заботится обо мне?!"

Видя, что Миная упёрлась, Новресте отправилась в глубь туннеля одна. Ползком добралась она до места, где происходил шум, и несколько раз окликнула брата.

- Не бойся, сестра, он - мой, я дыхание ему перекрыл! - откликнулся Суджеддин.

Схватка вконец измотала юношу. Зверь более не двигался, и было ясно, что он издох. С помощью сестры Суджеддин выволок труп из туннеля. Животное оказалось рысью, с пятнистой шкурой, острыми клыками и внушительными лапами.

Счастливая от того, что, выказав редкостную отвагу, брат её победил хищника, сам при этом оставшись невредим, Новресте порывисто бросилась на грудь Суджеддину.

- Благословенно молоко, вскормившее тебя! - воскликнула она.

У Суджеддина были жестоко исцарапаны руки и ноги, а со лба и из ушей сочилась кровь. Новресте казалось, будто кровь эта - её сердца. Между тем Миная, предупредив намерение подруги, сорвала с себя головной плат и стала промакивать им кровь на лице Суджеддина. Затем она подожгла какую-то ветошь и, когда та выгорела дотла, приложила золу

к кровоточащей ране на шее у юноши. Ни слова не говоря, Новресте отошла в сторонку - от вида истерзанного брата её бросило в слёзы. Миная же старалась вовсю, внушая Суджеддину, что озабочена его состоянием больше, чем кто бы то ни было. А тот уж и вообразить себе не умел, кто бы на свете мог любить его сильней, чем невеста. "Конечно, и Новресте, как сестра, способна пожертвовать собой ради меня, но Миная, Миная предана мне всецело. Такая и часу прожить без меня не сможет. Будь её воля, она подставилась бы под клыки зверя, не дав тому и волоса стронуть на моей голове!" - убеждён был Суджеддин.

Наклонившись, Миная подтянула вверх порванный и приспустившийся на ноге у Суджеддина носок, после чего оправила на женихе рубаху и нежными пальчиками привела в порядок его растрепавшуюся шевелюру.

Новресте не могла видеть раны брата, кровь, непрестанно текущая по его лицу, приводила её в отчаяние. Однако то, что в эти минуты находилась она в отдалении от раненого, можно было расценить именно как равнодушие к его судьбе.

Когда женщины определённого сорта, только что схоронившие неживших их при жизни мужей, мгновенно забывают покойных и начинают мечтать лишь о том, как бы поскорее оказаться в объятиях другого мужчины, это неизменно печалит золовок. От понимания подобных сторон женской души Суджеддин покамест был бесконечно далёк.

Возможно даже, сейчас, когда Миная была так обходительна с ним, присутствие Новресте его тяготило. Последняя понимала это, однако обида на брата, то и дело пламенем занимавшаяся в её сердце, всякий раз с неизменностью угасала, бессильная перед необоримой силой сестриной любви. И бедная девушка вынуждена была всё ниже надвигать на глаза свой плат, чтобы скрыть слёзы, обливавшие ей щёки.

Когда спешила она на помощь Суджеддину, острый, как лезвие, кусочек щебня посёк ей зрачок на левом глазу. И вот стоило ей теперь прикрыть правый - здоровый глаз, как она переставала вообще что-либо видеть. Не желая сподобиться жалости от брата и насмешек от подруги, Новресте всячески старалась не обнаружить перед ними своего увечья. Помогало в этом ей то, что повреждение не было очень заметным. Пороку Новресте отныне суждено было стать её тайной, ибо девушка решительно не желала, чтобы в деревне за ней закрепилось прозвище "Кривая"...

…Суджеддин был изранен, совершенно изнурён, а потому ни о какой более работе и речи сегодня идти не могло. Вся троица воротилась в деревню. Юноша вынужденно провёл дома несколько дней. Весть о том, что он в одиночку сразился с рысью и убил её, мгновенно облетела село. Галачинцы все были восхищены отвагой своего земляка. Возле его постели по целым дням сидела Миная, лечившая раны жениха разными снадобьями и менявшая на

нём повязки. Столь нежная забота о нём ещё более расположила Суджеддина к невесте. Теперь он, по существу, общался с одной лишь молодой соседкой, отвечая на редкие обращения к нему сестры крайне скупо и чуть не сквозь зубы. Подлинной хозяйкой в доме отныне стала Миная. Что же до Новресте, то последнюю искренне трогали отношения брата и её подруги. "Лишь бы только они были счастливы вместе", - думала девушка. Память об известных одной только ей изъянах Минаи, Новресте, запрятала глубоко в сердце, поскольку никому в целом мире нельзя было о них знать. Новресте не желала стать виновницей разрыва между братом и Минаей и готова была не задумываясь пожертвовать единственным зрячим своим оком ради благополучия Суджеддина, опоры дома и семьи.

* * *

Раны Суджеддина между тем заживлялись, а силы - восстанавливались. Боль постепенно покидала его. Теперь переживал он главным образом о том, что прервалась его работа на арыке Делме. Он лежал на тахте, устремив немигающий взгляд в потолок с закоптелыми продольными жердями и, словно обращаясь к ним, в присутствии Минаи ворчливо твердил:

- Не по мне это - долго торчать дома. В конце недели выйду на работу. Говорят: бросишь дело - полвека к нему не подступишься.

Неотлучно находившаяся подле жениха, Миная пощупала жениху лоб.

- У тебя характер, как у моего отца, - сказала она. - Не успеет мама и рта раскрыть, как он уж ворчит: не вмешивайся, дескать, не в своё дело - мужские заботы не про бабий ум. Думай обо мне что хочешь, но я полагаю, будет лучше, если арык останется как есть. Довольно ты поизвёлся на нём. Не рысь, так непременно случились бы медведь или же волк - и что было бы тогда?! Нужно ли тебе всё это?! Не упрямься и откажись наконец от гибельной своей блажи!

Суджеддин взглянул на Минаю.

- Надо признать - дядюшка Багир прав, - молвил он. - Не обижайся, но что может понимать женщина в серьёзных вещах?! Забота её - дом. Арык Делме - достояние, завещанное нам предками. Некогда он орошал наши земли, и здесь вдосталь имелось воды. Люди растили сады, разводили баштаны, высевали зерно - словом, благоденствовали. А как разрушился арык - пришло к нам запустение. Порой мне кажется, что самая земля решила таким вот образом отомстить людям, и все наши беды - результат её проклятия. Я прочитал немало книг и многое почерпнул от отца, а потому знаю наверняка - если называешь землю "матерью", то и обращаться с нею должно как любящему дитя. Наши предки, уж те-то дорожить ею умели, видя в ней незыблемый свой оплот. Теперь же у всех на глазах земля наша чахнет, вырождается, погибает. Но это никого не

волнует. Вот что подвинуло отца на его труд. Однако гнусная нечисть не дала моему родителю осуществить задуманное, повязала его по рукам и ногам да и упекла невесть куда… - Взглянув на Минаю, исходящий горячечным жаром Суджеддин сейчас же смягчился, озарившись ласковой улыбкой. - Миная, любимая, только одно верно в твоих словах - на себя я, действительно, взвалил неподъёмный тюк. Но, как бы ни был он тяжёл, с помощью Создателя и благодаря силе, что придаёт мне моя любовь к тебе, я всё же сумею завершить начатое. - И шутливо прибавил: - Вот осчастливлю Галачу - и свадьба наша станет оттого ещё радостней!

- Ладно, ладно, Бог с тобой. - Миная смерила жениха насмешливым взглядом. - У тебя - жар, оттого-то верно, ты и бредишь. - Оба рассмеялись.

И тут вдруг Суджеддин побледнел и, приподнявшись на постели, заговорил озабоченным тоном:

- Миная, до сих пор у меня не получалось поговорить с тобой об этом серьёзно. Но сейчас сестра ушла к роднику за водой, так что, кроме нас с тобой, в доме никого нет... Так вот, мы с Таджеддином - молочные братья, и к тебе я также всегда относился, как к родной. Мы все давно уже одна семья. Оттого-то я и мучился, всё не знал, как сказать тебе, что люблю тебя, словно безумный. Я места себе не находил. После того как отца объявили врагом народа, дядюшка Багир сказал мне: "Миная - твоя. Так хотел Джахангир". Знала бы ты, как я тогда

обрадовался! Прямо дрожал от счастья. Я слушал дядюшку Багира, и казалось мне, будто происходящее - сон. В глазах было темно, голова кружилась. Я еле удерживался на ногах. В те мгновения впервые осознал я, что это значит - полюбить. Правду сказать, мне и сейчас не очень верится, что ты и подлинно рядом со мной. Не грёза ли это?! Боже, неужто это и в самом деле Миная находится подле меня, нежными своими ручками перевязывает мне раны, заботливо ухаживает за мной?! Нет-нет, этого не может быть, это - видение… Когда я боролся с рысью в тесном туннеле, я совсем не думал о смерти - я думал только о тебе. Это, может, в глазах других ты обычная деревенская девушка, но для меня…. я не в силах выразить словами, что происходит со мной при виде тебя… Ибо для меня ты - недоступная красавица, и прежде я даже помыслить себе не мог, что когда-нибудь доведётся мне так вот запросто с тобой откровенничать. Постигни кто-либо из учёных мужей закон человеческих чувств, он бы научно подтвердил, что создан я для любви именно к тебе и ни к кому более. Для любви к девушке по имени Миная!

- И я, - дрожащим голосом ответила Миная, - и я тоже не могу себе представить другого человека, кроме тебя, кто бы способен был покорить моё сердце. - Она выговорила это с видимым трудом, путаясь в словах, что Суджеддин отнёс на счёт девичьей её робости.

- Раз уж у нас с тобой случился такой разговор, -

продолжала Миная, - дозволь и мне приоткрыть тебе мою душу. Я и правда сражена. При виде тебя я бываю словно околдована некоей загадочной силой. Теряю дар речи, не умею сказать того, что хочу. Как будто ты совсем не тот Суджеддин, с которым ещё вчера вместе лепили мы снеговиков, зубрили уроки, играли в мяч и в прятки. Ты изменился - стал совсем другим человеком. Впрочем, я и прежде не могла отвести от тебя глаз, боясь, однако, даже самой себе признаться в своих чувствах. Я всегда мечтала о таком парне, как ты. Конечно, без согласия отца мой союз с тобой был бы невозможен - Багир попросту проклял бы меня, преступи я его волю. Я пребывала в постоянной тревоге, всё думала, что меня отдадут за другого. И когда это чуть было не состоялось, ощутила себя на краю пропасти. В ту пору я готова была наложить на себя руки - непоправимое могло произойти каждую минуту. Ты, верно, слышал, этот Бахаддин, будь он неладен, решил посвататься ко мне. Ах, если среди людей и есть двое, кого ненавижу я всем сердцем, то один из них - он самый, Бахаддин. Даже имя его мне отвратительно. Останься он в мире единственным мужчиной, и тогда бы я отвергла его. Я дала себе слово: если отец не откажет Бахаддину - покончу с собой. Иного выхода я не видела. Но Аллах сжалился надо мной - отец ответил посредникам, что будь у него хоть дюжина сплошь увечных дочерей, и тогда бы ни одной из них не отдал он в семью Бахаддина. Сказал - дескать,

только то мне на старости лет и осталось, что породниться с пёсьим племенем! Услышав такое, посредники, разумеется, отказались направлять к нам сватов и больше уж ни о какой помолвке даже не заикались. Стоит случайно столкнуться мне на улице с этим прохвостом Бахаддином, я сей же миг отворачиваюсь. У меня сразу же мигрень случается, как только его увижу. И такое при этом возникает чувство, будто передо мной - змея, помещённая в короб. По мне, так лучше повстречать шелудивого пса или же мерзкого вида букашку, нежели Бахаддина. О, как же признательна я Аллаху за то, что, избавив меня от горестного замужества, Он одновременно дал осуществиться заветной моей мечте. Проснусь - и тотчас возношу Ему благодарственную молитву, ведь даровал Он мне такого отважного и благородного жениха, как ты. Конечно, девушке не пристали столь нескромные речи, однако моя любовь к тебе заставляет меня преступить исконный обычай. - И, уже откровенно жеманясь, добавила: - Прямо не знаю, как и сказать, - сердце моё переполнено… Поведать же тебе хочется о многом. Но - как будто чьим-то заклятием затворены мои уста! Не могу найти слов, чтобы выразить то, что теснит мне грудь. Я уже принесла святому месту жертву в благодарение за то, что уберёжен ты был смертельной опасности. И ещё - ты только не говори Новресте, но в тот день я на неё сильно обиделась…

- Это за что? - нахмурился Суджеддин.

- Когда я услышала тот страшный шум в тунеле, я стала сама не своя. Испугалась, что с тобой приключилась беда. Хотела зажечь лампу и тотчас ринуться в подземелье. Будь что будет, подумала я, чем, в конце концов, я лучше Суджеддина и нужна ли, спрашивается, мне жизнь, если самое страшное постигло моего суженого. Однако, когда я было уже устремилась к тебе, Новресте меня остановила. "Тебе нечего там делать", - сказала она. "Тогда иди ты", - бросила я. Но полезать в туннель она решительно отказалась. Я настаивала: если меня туда не пускаешь, тогда, мол, ступай в дыру сама. Лишь после этого, пристыженная, нехотя вошла она в лаз. Я так тогда на неё обиделась, что аж сердце у меня заболело. Я бы ни за что в беде тебя не оставила. Новресте же в ту минуту надо было показать, что тебя она любит больше моего. Не хочу её обижать - она твоя сестра, но, мне кажется, девушка она завистливая. Впрочем, довольно о неприятном. Сколь бы злосердой и завистливой она ни была, я всё равно её люблю. Не зря отцы говорят: чтобы одной сладкой миндалинкой полакомиться - десяток горьких съешь. Я ей давно всё простила - храни, Аллах, Суджеддина! И вот же, несмотря ни на что, за неё перед тобой заступаюсь. На колкости её всегда отвечаю ласковым словцом. Стараюсь с ней ладить. Ведь между нами есть ты!..

В душе у Суджеддина шевельнулось недоброе чувство к Новресте. Минае же, как бы в примирение ей, он сказал:

- Не обращай на подобные вещи внимания. Покойная наша мать порой также выговаривала Новресте за её характер. Не выйдет из тебя жены, бывало, бросит она ей. Однако, как бы там ни было, она - моя сестра. И всем нам нужно как-то уживаться вместе. Тебе же большое спасибо за великодушие, что проявляешь ты, ради меня не портя отношений с Новресте. - И Суджеддин покачал головой, словно сокрушаясь о недостойном поведении своей родственницы.

- Пусть это останется между нами, - погладила его по волосам Миная. - Не ровен час ещё на поиск пустишься в сердцах на Новресте, и тогда она затаит на меня обиду, между нами станет неприязнь, после чего не сможем ужиться мы под одной крышей. Ничего не поделаешь - как ты сам говоришь: надо быть терпимыми. Другая на моём месте сразу бы объявила: в этом доме жить либо ей, либо мне. Ведь и у меня тоже есть гордость, и всем известно, что я чиста, как голубь, и вовек не кривила душой. Поэтому, если опущусь я до уровня Новресте, люди справедливо станут меня попрекать. Вот почему до поры я набралась терпения. Ничего, после свадьбы что-нибудь придумаем. Может, бедняжке повезёт, и она выйдет за кого-нибудь ей под стать. Тогда-то, наконец, мы избавимся от неё и заживём, не зная горя.

- Да услышит тебя Аллах! - воскликнул Суджеддин, после чего привлёк к себе невесту и поцеловал её в лоб. - Я не ошибся в тебе. Благородство

твоего сердца в очередной раз возвысило тебя в моих глазах. Насколько случившееся с родителями сделало мою жизнь несчастной, настолько же счастливой она стала благодаря тебе!

* * *

С родника Новресте вернулась запоздало. Однако вовсе не потому, что тот далеко отстоял от её дома. Просто, когда бывало тут много народа, девушке, стоя в сторонке, приходилось подолгу дожидаться, пока толпа рассеется. Новресте не хотелось быть вовлечённой в общие разговоры, а кроме того, она опасалась, как бы люди не углядели повреждёния у неё на глазу. Впрочем, сельчане, в свою очередь, также её сторонились, как члена семьи "врага народа", дочери человека, посягнувшего на самую власть. Вследствие этого Новресте избегала общения даже со своими недавними подружками.

Лишь когда возле родника никого больше не осталось, наполнила она свой кувшин, после чего поспешила восвояси. Когда во дворе раздались её шаги, влюблённые тотчас поменяли тему разговора. Увидев Новресте, Миная приветливо ей улыбнулась:

- А я тебя дожидалась, не могла оставить Суджеддина одного. - Миная встала. - Мать заболела, и дома без меня не обойтись. - И на том распрощалась с женихом и своей будущей золовкой.

Новресте тотчас прошла в соседнюю комнату и украдкой стала рассматривать в зеркале свой ле-

вый глаз. Тот налился кровью и был забран лиловой плёнкой. Закрыв здоровый глаз, девушка сразу же переставала что-либо видеть. Однако, возвратившись к брату, она ничего не сказала ему о своём увечье. Суджеддин был хмур. "Наверное, раны его всё еще болят", - подумала Новресте и стала расспрашивать брата о его самочувствии. Суджеддин отвечал односложно, и было очевидно, что разговаривать с сестрой он не расположен. Неожиданно повернувшись к ней спиной, он натянул себе на голову одеяло. Девушка немедленно догадалась - опять что-то дурное о ней нашептала брату Миная.

С той поры как Суджеддин влюбился в соседскую дочь, отношения между подругами неуклонно ухудшались. При этом чем ближе парню делалась Миная, тем всё более отдалялся он от Новресте. То были уже не прежние, трепетно любившие друг друга брат и сестра. Глаза Новресте вдруг налились влагой, точно весенние тучи. Рыдания душили её. Однако, взяв себя в руки, она сдержала их. Выйдя во двор, она с грустью оглянула стены дома, приусадебные деревья, стоящие на веранде стулья... Всё вокруг оставалось прежним, как до ареста отца и смерти матери. Изменилось только одно - отношение к ней Суджеддина, да и то было лишь следствием чужого наущения. Каждый раз, когда брат обдавал её холодом, Новресте знала, с чьей подачи удостоилась она его немилости.

Под тем предлогом, что ей будто бы нужно прибрать за скотиной, Новресте пришла в сарай. Став

против Рыжухина стойла, она приникла к почерневшей вертикальной балке и всласть выплакалась. Вслед за тем девушка утёрла слёзы краешком белого головного платка, на котором от соприкосновения с повреждённым глазом осталось розоватое пятнышко. И тут Новресте вовсю принялась себя укорять: "Не будь неблагодарной, Новресте, не гневи Аллаха! Ушли те, кому уйти было предначертано, но, слава Богу, с тобою твой брат, сильный, как лев. И - сохрани его Аллах! - как бы не накликала ты на него беду своими-то слезами! Тебе надлежит быть довольной уж одним тем, что Суджеддин жив! Да отсохнет мой язык, если часом накаркаю я лихо на его голову! Как бы то ни было, но в жизни у меня есть опора. Молод Суджеддин, оттого-то бес всякий раз с панталыку его и сбивает. Бывает, со мной и словом обмолвиться не хочет, не слышит ни советов моих, ни просьб. Ну так что ж, видать, любви иногда должно быть и слепой и глухой. Надобно терпеть! Не таи же обиды в сердце своём и не терзай себя, Новресте! Как-никак он - твой брат. И если сейчас он суров с тобой, то ты с ним напротив - будь поласковей. Глядишь, поумнеет и в конце концов научится отличать чёрное от белого, распознавать подлинных друзей и врагов. Да и чем он, бедный, виноват?! Ведь это всё она, двуличная Миная, залучившая его в свои сети, чернит меня перед ним!"

* * *

Была середина осени. И хотя густая зелень на окрестных склонах выглядела будто весенняя, ухудшавшаяся день ото дня погода возвещала о близости зимних холодов. Свежий снег, белеющий на горных вершинах, словно бы стращал жителей Галачи грядущими суровыми заморозками и ледоставом. Правильно поняв предзнаменование, снарядившись топорами и секачами, на ослах потянулись в лес вереницы сельчан - заготовлять на зиму дрова и хворост.

К выздоровевшему Суджеддину вернулась всегдашняя его бодрость, и с завтрашнего дня он намерен был возобновить работу на арыке Делме. Лишь одно ему портило настроение - сегодня Миная не пришла его навестить. Желая узнать, что задержало невесту, быстренько облачившись в верхнюю одежду, Суджеддин поспешил к соседям. На дворе у них не было ни души. Это ещё больше озадачило юношу. Взбежав на веранду, он осторожно постучал в дверь. Никто не отозвался. Наконец, после достаточно продолжительной заминки, дверь отперла тётушка Гызъетер. Очевидное отсутствие в доме Минаи привело жениха в замешательство. Он порывисто спросил:

- А где дядюшка Багир?

- Ушёл на мельницу, - сухо ответила Гызъетер.

- А Миная? Её не было с утра.

- Она не захотела отпустить отца одного и присоединилась к нему. Что от тебя скрывать - у нас закончилась мука, разве чуток остался на дне меш-

ка. Ты не чужой, а потому скажу - с одной стороны, конечно, это моя вина: нужно было заблаговременно сообщить мужу о том, что мука на исходе. Утром глядь - а мешок-то пуст. А ты знаешь - нрав у Багира строгий, как сказала я ему про муку, так он аж взбеленился. Стал распекать меня - дескать, что ж ты спала до сей поры и почему не предупредила меня обо всём двумя днями ранее. Что ты, говорит, за хозяйка, если сколько в доме муки, и то тебе не ведомо. А откуда мне, несчастной, о том было знать?! Словом, с утра я перебрала и просеяла зерно, прибережённое к осени, и они повезли его на мельницу. Там и везти-то было всего ничего, но, думаю, хотя бы на парочку недель муки нам достанет, а как закончится, намелем ещё пять-шесть мешков, упрятав весь запас на чердак. - Расстроенная Гызъетер с печалью в голосе прибавила: - Уж не тот стал наш дядюшка Багир! Да сгинет лукавый, совсем сдал старик после беды, что случилась с Джахангиром. А чем старше человек, тем хлопотнее с ним. Тает Багирова силушка; как стемнеет, так он почти уж ничего и не видит. Вот и сегодня ему нездоровилось. Поначалу даже хотел тебя с собой взять, но после отчего-то раздумал. Они давно уехали, поди уж на мельнице…

Тут Гызъетер, спохватившись, стала зазывать гостя в дом:

- Что ж ты стоишь, ради Аллаха, заходи! Я заварила свежий чай с чабрецом и головчаткой, выпей стаканчик. Слава Аллаху, выглядишь ты выздоро-

вевшим и окрепшим, а то раньше как посмотрю на тебя - сердце кровью обольётся, лицо у тебя бледненькое - ни кровиночки. Миная придёт от вас и всё плачет, как маленькая. Я сердилась на неё, говорила: не реви, Аллах не допустит его смерти. И словно бы услышал Господь эти слова - по-моему всё и устроилось. Ловко же ты управился с этой рысью. До сих пор многим не верится, что этакую зверюгу в одиночку ты умертвил. Как слёг, так перестал у нас бывать… - Гызъетер решила переменить тему разговора: - Хоть на пять минут присядь. У меня голубцы - пальчики оближешь. Только что приготовила, сама ещё не успела попробовать. Видать, в милости быть тебе у тёщи! - Гызъетер усмехнулась. Суджеддин также растянул губы в подобие улыбки. - И я одна кукую, посидели бы вместе. Мои непременно вернутся, хотя бы и глубокой ночью. Не думаю, чтобы заночевали они на мельнице...

Суджеддин задумался, а затем произнёс:

- Не обижайся, тётушка Гызъетер, но поступили вы с мужем неправильно. Я живу за плетнём, так зачем же было потемну гнать в такую-то даль старика, да ещё и с хрупкой молоденькой девушкой?! Что после этого люди про нас скажут?! А потому мне идти надобно, а не чаи распивать. Положим, дядюшка Багир, человек щепетильный, постеснялся попросить меня о помощи, ну а как же прикажете быть мне, с собственной моей щепетильностью?!.

Чтобы лишний раз не тревожить сестру, Суджеддин отправился в путь, не предупредив её о

своём уходе.

Дорога на мельницу пролегала между невысокими холмами, а от конца череды раскинувшихся над поречьем колхозных садов поворачивала влево. Но Суджеддин очень спешил и потому пошёл не этой - удобной тропой, а направился прямиком к крутым, обрывавшимся в долину склонам, что громоздились в виду деревни. Спуск к мельнице отсюда был достаточно труден, однако позволял вдвое сократить к ней путь.

Как назло, густой туман сделал ночь совсем непроглядной. Тем не менее Суджеддин уверенно шагал по знакомым ему с детства тропкам. Подъём до половины был уже пройден, когда юноша увидел вдруг человеческую тень - некто бездвижно стоял невдалеке, с очевидностью кого-то поджидая.

Суджеддин дёрнулся, лёгкий озноб пробежал по его телу. Однако парень сейчас же взял себя в руки.

Голову незнакомца, едва различимый, покрывал белый эммам, пояс перетягивала свёрнутая продольно шерстяная шаль, а плечи забраны были хламидой. Заслышав тяжёлое дыхание Суджеддина, похожий на муллу путник приложил руку к груди и почтительно поклонился.

- Добрый вечер, - сказал он.

Дрогнувшим голосом Суджеддин ответил на приветствие, про себя решив, что перед ним - житель соседней деревни, которому просто припала охота с кем-нибудь поболтать.

- Не узнаёшь покорного своего слугу? - промол-

вил неизвестный. - А между тем ты мне знаком хорошо, сын дорогого моего друга Джахангира. С твоим отцом были мы очень близки, а зовут меня Мир Рагиб.

"Кто он, этот Мир Рагиб? - подумал Суджеддин. - Я и не слышал никогда от отца такого имени. И каким образом вообще возник он на моём пути?! Хлопот и без него у меня хватает. А может, мне всё это мерещится, может, это - призрак, или же один из заклятых врагов отца, замысливший отомстить ему, пролив мою кровь?! Сладкоречием его обольщаться нечего, нынче нельзя доверять ничему и никому!"

Из ночной темноты послышался ироничный смех.

- Мне ведомо, какие сомнения теснятся сейчас в твоей голове, - произнёс незнакомец. - Только это было бы кощунством - называть имя Джахангира, имея недоброе на уме. Так что ты ошибся на мой счёт. Я знаю - ты идёшь на мельницу, да будет в твоём доме достаток. И ещё - ты влеком туда силой любви. Но хотя пребываю я ныне в пределах внеземных, душа моя по-прежнему обретается среди дорогих мне лугов и садов. И обращаю я на путь истинный всех изверившихся.

Суджеддин молчал, пытаясь осознать сказанное ему загадочной тенью. "О Аллах, при чём тут "мир иной", "луга" и "сады"! Что он говорит, этот человек?!" Подозрения у юноши усилились. Между тем назвавшийся Мир Рагибом, заступив дорогу Суджеддину, неожиданно вопросил:

- Ты знаешь мельника Шахназара?

- Знаю. Правда, не очень хорошо.

- Он хуже злобного пса. Шахназар - правая рука сына Бесштанника Гасыма, Спесивца Сафтара. Некогда он подыхал с голода и ради куска хлеба обивал чужие пороги. Оттого и прозвище получил - Побирушка Шахназар. Но потом счастье улыбнулось ему. Когда солдаты Одиннадцатой армии, словно саранча, заполонили наш край, он отдал им свою ослицу - которую ранее за бешеные деньги приобрёл на базаре - в извоз оружия и боеприпасов. Впрочем, не по доброй воле, а лишь после того, как его хорошенько припугнули. Русоволосые эти болваны с красными звёздами на шапках, так заездили бедную тварь, что у той спина вся поистёрлась. В конце концов рана загноилась, ослица околела и её скормили собакам. Однако вовсе не рана была истинной причиной смерти животного. До того неделями без передыха могло носить оно тяжёлые тюки - шкура у неё потрескалась и покрылась язвами, но ослице всё было нипочём. Лишь после того, как привелось везти ей смертоносную, взваленную на неё красноармейцами поклажу, и поняла она, что поклажа эта есть оружие, предназначенное для расправы над жителями округи, оружие, которое принесёт слёзы матерям и сделает сиротами детей, - ослица Шахназара пала от горя. Она с охотой угождала мирным людям, но невольно пособлять убийцам было для неё нестерпимой мукой. Когда бы не так, животное, разумеется, не

издохло бы до срока. Но хоть ослицы его не стало очень скоро, к тому времени Побирушка Шахназар успел на ней хорошенько заработать. Тогда-то и приобрёл он славу ревностного приспешника красных - страдальца за новую власть. Самым первым из местных жителей приняли его в партию, а после и мельницу ему препоручили. И стал вдруг Побирушка Шахназар большой шишкой, зажравшись, точно боров. Будет хорошо, если не хватишь ты от него лиха. Ведь ему отлично известно, что твой отец и сын Бесштанника Гасыма - исконные враги. Шахназар - душонка подлая, людям его следует сторониться. Тебе же грозит, по наивности, угодить впросак. Мало ли окрест мельниц?! Неужто столь необходимо идти тебе на поклон к этому плуту Шахназару?! Говорю всё это для твоей же пользы. А уж как-то тебе поступить, решишь сам. Мой друг, а твой отец - Джахангир отличался беспримерной несговорчивостью, оттого-то и прозывали его Упрямцем. Через характер свой горе и мыкнул. Эх, такого человека, мерзавцы, погубили!

Последние слова незнакомца окончательно сбили Суджеддина с толку. Словно бы соприкоснулся он с чем-то потусторонним. Мысли юноши смешались. Он одновременно и верил, и отказывался верить тому, что говорила таинственная тень, выдававшая себя за друга его отца. Противоречивые чувства обуревали Суджеддина. Он никак не мог определиться в своём отношении к только что услышанному.

Всё это время Мир Рагиб то пятился, то выдвигался вперёд, то заходил к Суджеддину с боку, ни разу, однако, не подступив к юноше вплотную. Суджеддин явно был моложе своего собеседника, но тем не менее едва не задыхался, идя в гору, тогда как назвавшийся Мир Рагибом одолевал подъём легко, не ведая усталости, чуть ли не паря над землёй, как птица.

Превосходно слышащие один другого, подробно разглядеть друг друга собеседники едва ли могли. Суджеддин наблюдал подле себя лишь беспрестанно менявший свои очертания чёрный силуэт.

А потом вдруг тень моментально исчезла, и сей же миг Суджеддин ощутил леденящий ужас. "О Аллах, что это было за наваждение! Видать, пробил мой последний час!" Тут вспомнил он о Минае, чувствуя, как все его мечты о счастье с этой девушкой растворяет в себе густой мрак. Пройдя несколько шагов, юноша вновь увидел загадочную тень. На некотором отдалении она поджидала Суджеддина.

- Ты должен знать, - сказал Мир Рагиб, - Аллах разгневан на галачинцев. И обрушившиеся на вас несчастья есть кара Господня. Если в муллах у вас ходит Таги, в начальниках - сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, в мельниках - Побирушка Шахназар, а в депутатах - ничтожный Гудрат*, значит, деревня и подлинно предана проклятию. Если люди погрязли в склоках, если позабыли они о своих чести и достоинстве, превратившись в рабов

* Игра слов: *гудрат* (азерб.) - сила, мощь.

собственных прихотей и в перегрызшихся между собою волков, - такому народу не избегнуть напастей! Одумайтесь, пока не поздно! Да, - пока не поздно! Вернитесь к праведному пути! Именно: к праведному пути! - истово твердил призрак.

Суджеддин хотел было что-то возразить, но тень пропала опять. Юноша едва сохранял рассудок. Не зная, что предпринять, он долго с тщетностью высматривал в кромешной тьме странника, столь неожиданно возникшего перед ним посреди безумной этой ночи. Суджеддину ощущал необходимость о многом расспросить незнакомца, а главное - выяснить, кто тот есть на самом деле. Однако вокруг не было ни души. Выходит, подумал юноша, всё, что давеча произошло с ним на этом окутанном мглой долгом утомительном подъёме, было всего лишь видением, кошмарным сном?! Возможно, что причина смятения, охватившего потемну его, Суджеддина, в нём самом же и сокрыта! Что, если на речь его и воображение определённым образом воздействовали мрак и густой туман или же и впрямь явился ему дух некоего священника из рода Забыхлы - Мир Рагиба, человека, умершего сотню, а то и всю тысячу лет назад?!

Подъём закончился. Миновав луговину, Суджеддин сошёл к мельнице. Туман остался высоко в горах, и дорога теперь виднелась отчётливо. На сжатых рисовых полосах белела солома. Пройдя по сохлой стерне, Суджеддин подступил к мельнице, треск жерновов которой нарушал ночную тишину,

и, наклонив голову, проскользнул в низкую приоткрытую дверь.

Багир и Шахназар стояли друг против друга и о чём-то жарко спорили. Привалившись к мешкам с зерном, в дальнем углу помещения, освещённого слабым светом закопчённой керосиновой лампы, находилась Миная. Чувствовалось, что перепалка между мужчинами крайне её нервирует. Густобровый, невысокого роста мельник, со злым, заросшим волосами лицом, был весь обсыпан мукой. На голове у него была выцветшая папаха. С безучастным видом выслушивал он доводы своего противника. Между тем Багир, насилу сдерживаясь, ему внушал:

- Шахназар, ведь и я знаю ваши, мельничьи, порядки. Скажем, когда в наше время кому-то случалось попасть в затруднение, ему без слов обмалывали ту пару пудов зерна, что с трудом умел он наскрести, и с уважением провожали в обратный путь. Это - обычай, оставленный нам предками. А ты что - упёрся и всё твердишь: "нельзя!". Тогда научи, как мне быть, - неужто же потемну, в снег, больному старику с юной девицей идти домой не солоно хлебавши?! И, по-твоему, такое может быть угодно Аллаху и одобрено людьми?!

К словам Багира Шахназар проявил не больший интерес, чем к жужжанию мухи. Стоя на коленях, низко наклонив голову, он месил в кадушке тесто, намереваясь испечь себе лепёшку. Порой он распрямлялся и помешивал в тендире

уголья.

- Багир, времена наших отцов давно в прошлом, - наконец обмолвился он. - Конечно, я прекрасно тебя понимаю: действительно, что стоит перемолоть вне очереди всего-то горсточку зерна! Да только ведь ты не всё знаешь. Сейчас у меня в работе зерно племянника самого Сафтара, зятя вашего бригадира. Прознай они, что ради кого-то прервал я обмол их хлеба, да они завтра же вышвырнут меня отсюда вон, как шелудивую псину - из мечети. Резон ли мне подвергать себя такому риску всего-то из-за твоей прихоти?! По моим подсчётам, если не случится какой оказии, завтра к полудню их зерно будет смолото. Вот тогда займусь я и твоим заказом.

- Послушай, Шахназар, побойся Аллаха, побойся Пророка, - взмолился Багир, - не мучь меня, не казни! Сейчас ведь глубокая ночь, ну кто, скажи на милость, сведает, что между делом ты обмолол и моё зерно! Здесь только ты да я, и если мы болтать не станем, то ни одна душа о том и не познает.

- Вот что, Багир, - сказал мельник, - хоть обижайся, хоть - нет, но я должен тебе это сказать. А дело вот в чём: не нравишься ты нашему руководству, вот и сына политосуждённого с собой привёл. Не желаю я ради вас голову под нож подставлять. Сиди и жди, появится возможность, тогда…

Багир рассвирепел.

- Скажи-ка, Шахназар, а где-то были твои начальники, когда мы, потами исходя, аж от самого

Карабаха тащили сюда жернова для этой мельницы?! И что сам ты собой представлял в ту пору?! У тебя даже молока не имелось, чтобы обмакнуть в него краюху хлеба, бегал у всех на посылках! Отец да мать - чесночок с луковкой, в кого ж ты пряничком медовым уродился?! Мельницу эту поставили мои деды, что же теперь я на ней и горстки зерна смолоть себе не смею?!

- Что былое ворошить, Багир! - воскликнул мельник. - Кто старое помянет, тому глаз вон. Коли хочешь знать, то заслуг у меня поболее, чем у вас всех. Ради новой власти жизни я не щадил. Когда в пору смуты могучая моя ослица возила для красных оружие, все вы в страхе прятались у себя в норах. А чем в результате я разжился? Малюсенькой книжицей, вручённой мне как пособнику большевиков. Да ещё тем, что бросили меня в эту глушь, где люди, одних с тобой допотопных понятий, полагают, будто и такой чести для меня слишком много, и при всяком случае норовят покрепче меня обидеть. А коли так - отныне все вы для меня едины, что молодёжь, что аксакалы. Никого не стану я пропускать вне общей очереди. Так что и ты, будь добр, дожидайся, когда подступит твой черёд, а уж потом и получи тебе причитающееся. - И отвернувшись к начавшему чадить тендиру, Шахназар подбросил в него сухих дров.

Обронённое мельником "сын политосуждённого" сильно уязвило Суджеддина, точно пуля, вонзившаяся в грудь. Юноша готов был вскинуть

вверх да и бросить Шахназара под лопасти мельничного колеса. Однако, через силу, парень сдержал-таки свой порыв. Ведь здесь находился Багир, на виду у которого не мог он позволить себе разнузданности. Вот почему Суджеддин прикинулся, будто пропустил мимо ушей оскорбительное замечание мельника, твёрдо решив посчитаться с ним позднее.

Погрузившийся в себя, Багир между тем вспоминал о временах, когда предки его, не жалея рук, строили местную мельницу. "Одним - хлеб жать, другим - хлеб жрать, - подумал он. - Видать, чем-то осердил я Аллаха, если Он обрёк меня сносить унижения от ничтожного Побирушки Шахназара!"

И Багир решил не усовещивать далее выжигу-мукомола, а зерно своё отнести на другую мельницу - находившуюся за три деревни отсюда. Однако тут же новая мысль молнией пронеслась в его сознании: ведь если сейчас он покорно отступит перед Побирушкой, тот, преисполнившись спеси, назавтра раструбит повсюду, дескать, обругал и выставил Багира с той самой мельницы, что возвели его, Багировы, предки. "Тогда уж точно лишусь я права жить на этой земле, - рассудил Багир. - Если таких наглецов вовремя не осадить, они вконец распояшутся. Всё равно одной ногой я уже в могиле, так не лучше ли разом предать себя в руки смерти, нежели беспрестанно кланяться шакалам, вроде этого Шахназара?! К лицу ли мне, да ещё в присутствии дочери и будущего зятя, позволять

разной нечисти унижать меня и с позором от себя прогонять?! Не зваться мне Багиром, если не взыщу я за такую дерзость! От верблюда - хоть шкура в полсть, от хохлатки ж - лишь пуха горсть. Как ни слаб я, но таких, как Шахназар, вовек не убоюсь. Старая клячонка с колеи не свернёт! Не понимает по-доброму, нос задирает, что ж, покажем, каких мы есть кровей, поучим невежу уму-разуму!"

И, похожий на старого льва, Багир швырнул Шахназара оземь. Все предпринятые Побирушкой усилия разжать хватку Багира оказались тщетными. Угодивший в корыто с мукой, мельник разбил голову о вращающийся жернов, сей же миг лишившись сознания. Смерти Шахназару Багир не желал и потому, схватив поверженного за плечи, оттащил его назад. Тот по-прежнему был без чувств. Дотоле безучастно стоявший в стороне, Суджеддин, боясь, как бы в помрачении Багир не натворил ещё больших бед, отнял мельника из его рук. Но с заступничеством своим опоздал: Шахназар не подавал признаков жизни.

Багир был столь же вспыльчив, сколь и отходчив. С одной стороны, он сожалел, что невольно пролил кровь мельника, но с другой - был удовлетворён тем, что избавил Галачу от одного из негоднейших её жителей. Ведь, по сути, полагал старик, это не он покарал Шахназара, но самые жернова, доставленные сюда трудами Багировых предков и, как магниты, притянувшие нечестивца к себе. Камни, и те не вытерпели гнусностей человека,

чьему попечению были вверены, и вышибли из него дух. Удивительно, но стоило Шахназару испустить дух, как мельница, до того оглашавшаяся скрипом и постаныванием, вдруг заработала без напряжения, заметно притихнув. Треск, издаваемый ею теперь, даже мог бы показаться мелодичным.

Взгляд Багира был устремлён на неподвижное тело мельника. "На старости лет замарал-таки я руки пёсьей кровью, - пробормотал он. - Увы, захоронят его в нашей земле, и найдутся такие, что его оплачут. Галачинцы на своих плечах отнесут его к могиле, будут молиться за упокой его души и читать над его телом Коран. Говорят ведь: самой молоконосной назовётся корова околевшая. Скажут, дескать, потеряла Галача выдающегося сына - беззаветного труженика, пожертвовавшего жизнью ради советской власти. Женщины станут причитать у его тела, носить по нему траур, готовить поминальные обеды. Тебя же, Багир, все будут вовсю клясть - дескать, безвинно пролил ты кровь славного партийца Шахназара. А после в такую даль упекут, где и костей твоих никто не сыщет. Старика, посадят тебя в застенок, а после бросят гнить в чужую землю. И всё-то из-за жалкой горстки зерна! Следовало всё же сдержаться. С дураком разумному человеку надлежит быть обходительным. Не к чести это - связываться с прохвостами вроде Побирушки!" Багир глубоко задумался, а затем произнёс:

- Сделанного не исправишь. В жизни всякое

бывает. Не для одного лишь счастья рождаются люди, кому-то должно принять на себя и боль и муки сего бренного мира. Негоже трепетать перед лицом невзгод. Слава Аллаху - дожил я до моих лет. Могла бы моя судьба сложиться и похуже. - И прибавил себе в утешение: - Одно радует, хоть пострадаю не зря, а избавив людей от этого богомерзкого Побирушки. Пусть же теперь наставляют на меня краснопогонники свои пистолеты и ведут, куда им вздумается. Да и много ли мне осталось! Азраил почитай уж у самого порога моего маячит, и к встрече с ним приготовился я давно. Истинный мужчина не убоится смерти. Да и чем я, спрашивается, лучше Джахангира?!.

Вода, с плеском бежавшая по жёлобу, исправно крутила тяжёлое мельничное колесо. Мука, смолотая медленно вращавшимися жерновами, просыпалась в продолговатую кадку. Мерно постукивала колотушка. Постепенно угасали уголья в тендире. Дрожащий свет висящей на кривой подпорке закопчённой лампы делал осязаемым безмолвие, объявшее мельницу. Суджеддин и Миная замерли в неподвижности, размышляя над грядущими последствиями происшедшего.

Между тем Багир рассудил, что нельзя им тут оставить всё как есть. Ведь когда подача зерна прекратится, жернова станут перетирать друг друга, вследствие чего мельница неизбежно выйдет из строя. Багир обернулся к Суджеддину и спокойным тоном сказал:

- Побудь здесь, не оставляй Минаю одну. А я поднимусь к запруде и перекрою воду.

Миная тихо всхлипывала. Суджеддин прижал её к своей груди.

- Ну что ты плачешь! - зашептал он, отирая пальцем слёзы, бегущие по щекам девушки. - Из-за чего терзаешься?!

Вопрос показался Минае странным, и ответила она на него не сразу, а после некоторой паузы:

- Плачу я из-за того, что случилось с отцом, а также в предвидении несчастий, что ждут нас впереди. - И она всхлипнула вновь.

- Знаешь, Миная, - сказал Суджеддин, - я всё обдумал и решил твёрдо, что убийство мельника возьму на себя. Шахназар был членом партии, а потому делу непременно придадут политическую окраску и вкатят виновному свыше десяти лет. Дядюшка Багир - человек старый, больной, и в тюрьме ему долго не протянуть. Я же молод и сумею всё снести, так что сколько бы лет мне ни присудили - отсижу своё и благополучно вернусь. К тому же может случиться, ушлют меня в края, где обретается сейчас отец. Если попаду я в Сибирь, то, без сомнения, смогу его разыскать. И как бы ни было там холодно, дыхание отца всегда меня обогреет. А ещё - мне невыносимо видеть слёзы моей возлюбленной, наблюдать же их изо дня в день - и вовсе непосильная для меня мука, много горше той, что уготовлена мне в застенке. Впрочем, больше заботит меня другое…

- О чём ты? - оборвав его, спросила Миная.

- О том, сумеешь ли ты дождаться моего возвращения, достанет ли у моей Минаи терпения и выдержки…

К этому времени слёзы на щеках девушки успели обсохнуть. Тон у неё стал заметно поспокойней.

- Не ожидала я от тебя столь обидного недоверия, Суджеддин! - негодующе воскликнула она. - С самого начала призналась я тебе в том, о чём ты и так имеешь точное понятие: достаться мне суждено либо тебе, либо же земле сырой. Всякое прочее предположение на мой счёт я полагаю для себя унизительным. У меня, как у всех детей Господа, лишь одно сердце, и отдано это сердце тебе, оно - твоё достояние и, куда бы ты ни отправился, навеки пребудет с тобой. Располагай я двумя сердцами, тогда другое дело - твои сомнения, возможно, были бы обоснованы. Но такого нет, и, о Аллах, как же ты меня обидел!

- Я доверяю тебе всецело. Тем не менее пойми и ты: сердце и уста хоть и помещаются в одном теле - пространство между ними велико, темно и неизведано. И оба - существуют обособленно!.. - Суджеддин осёкся, поняв, что может опять обидеть девушку. Притянув её голову к своей груди, он прибавил: - Я, конечно, пошутил. У кого-кого, а уж у тебя-то речь и чувства, разумеется, едины!

- Извини, Новрсте тебе сестра, но, по-видимому, ты путаешь меня с ей подобными - интриганками и завистницами. До сей поры никогда ещё не

подвергалась я такому уничижению!.. - И Миная сделала вид, будто готова упасть в обморок. Суджеддин проворно подхватил её. На губах у девушки появилась пена. Суджеддин немедля приложил ко лбу Минаи свой носовой платок и стал её трясти.

- Дядюшка Багир… идёт дядюшка Багир!.. - громко выкрикивал он. Миная, словно бы придя в себя, приоткрыла глаза. - Ах, Миная, Миная, - с ласковой укоризной проговорил Суджеддин, - я же сказал всё это просто так, только чтобы тебя испытать. А ты возьми и прими мои слова за чистую монету да ещё и в обморок хлопнись! - Миная улыбнулась и провела нежными пальчиками по щекам юноши. Суджеддин ухватил ладонь девушки и прижал к своему сердцу: - Моё решение бесповоротно. И если дядюшка Багир вздумает мне возражать, держи мою сторону. Договорились? В общем, так: мельника убил я - и точка! Ради любимой готов я не то что в тюрьму сесть - смерть принять. Лишь бы только ты не плакала и не грустила. И помни: каждый мой день без тебя исполнится адских мук!

Со стороны запруды донёсся голос Багира. Как только доступ воды к жёлобу прекратился, треск мельничного колеса сейчас же унялся: оно стало. Всё вокруг умолкло, словно погрузившись в траур. Медленно, с досадой на лице, Багир ковылял к наречённым. Казалось, совершенно потерявший голову, он всё никак не мог взять в толк, как же надлежит ему действовать. Суджеддин расторопно

опорожнил торбу с зерном в насып, а после, при помощи совочка, пересыпал в свой мешок ранее смолотую муку. Уже полным, мешок этот юноша вручил Багиру.

- Вот, возьми, не мешкая возвращайтесь в деревню. За меня не тревожьтесь: я тут ненадолго ещё задержусь, кое-где за нами подчищу и тотчас же поспешу вам вдогонку. И ещё, дядюшка Багир! Если часом всё откроется - ты: ничего не знаю, ничего не видел. Смерть мельника я беру на себя. И прочее также по мою душу!

Багир был потрясён.

- Сынок, то есть ты хочешь, чтобы за совершённое мной пострадать привелось невинному?! Эх, молод ты ещё, всё-то у тебя впереди, я же худо ли, бедно, но век свой прожил. И по мне, лучше сидеть в каземате, чем видеть то, что нынче на свете творится. Не думай, я не так-то и слаб и тюремный срок, каким бы он ни был, отсидеть до конца сумею. А уж после - всё в руках Аллаха! Тебе же я не позволю… - Багир запнулся. Но докончить фразу не дал ему Суджеддин:

- Дядюшка Багир, сейчас не время для препирательств! Я наперёд принял во внимание все возможные твои возражения и лишь после этого всё для себя решил окончательно. А теперь, умоляю, не задерживайтесь и поскорей отсюда уходите. Не обижайтесь, но здесь вы мне только мешаете. А ещё, знайте, я никогда не допущу, чтобы ты, в твои лета, угодил в лапы властям. Что надобно делать,

мне известно. Поторопитесь же! Того и гляди, кого-нибудь сюда принесёт, и тогда - пиши пропало!

Убедившись, что Суджеддин непреклонен, Багир сдался. "Не возраст ум явит, а здравомыслие", - про себя отметил старик и, нехотя, забросив за плечо мешок с мукой, вместе с Минаей подался прочь.

И всё же в мыслях своих Багир продолжал находиться на мельнице, по-прежнему не умея вырваться из водоворота одолевавших его сомнений. Не замечая дочери, нёс он свою поклажу и зарядело ворчал:

- Зря послушался я Суджеддина. Ну что-то может он поделать - не оживит же покойника! Всего лучше поехать мне в райцентр и там рассказать всё как было. Коли чистосердечно во всём признаюсь, глядишь, выйдет мне послабление и мучить меня особенно не станут. Да и что толку укрываться! Обман государства - за это, брат, от них схлопочешь сполна! Эх, всё равно шила в мешке не утаишь!..

- Отец, ты сейчас Суджеддину помех не чини, - заговорила вдруг Миная. - Когда пошёл ты к запруде, он подробно рассказал мне, что намерен делать. Его задача - оградить тебя от подозрений. Лишь в крайнем случае он скажет, что убил мельника. Что бы ни предпринял он - не возражай. Ты уже немолод, хвори ни на день тебя не отпускают. В твои годы тюрьма - верная погибель. Суджеддин искренне хочет тебя спасти…

- А что я говорю, дочка, услышь тебя Аллах! - усталым дрогнувшим голосом отвечал Багир. -

Пусть будет всё как должно. Но только не лежит у меня сердце к тому, что удумал Суджеддин, нет! - И Багир покачал головой. - Что ты ни говори, но однажды дело это всплывёт-таки наружу. А поскольку покойник был членом партии, ясно же, станут доискиваться "врагов". Объявят, будто бы Шахназар убит был по злоумышлению. От преследования же "врагов народа" государство, известно, никогда не отступится. Хоть под землей, а найдёт виновного и его покарает. Для того чтобы водить власти за нос, Суджеддин слишком молод и малоопытен. Да и потом, дочка, почему за мой проступок отвечать должен кто-то другой?!

Так, угрюмые, шёпотом переговариваясь между собой, одолевали дорогу отец с дочерью.

* * *

Оставшись один на тускло освещённой мельнице, Суджеддин сразу же выволок на двор, словно налитое свинцом, тело Шахназара, которое сбросил затем в полный до краёв арык. Труп сразу же ушёл на дно, однако Суджеддин ловко ухватил его, извлёк из воды, после чего потащил вдоль протоки, вниз по откосу. Второпях юноша неосторожно намочил свою одежду, когда возился у родника. Суджеддин забыл даже снять с себя чарыки. Он вконец обессилел, подтягивая тело к реке. Особенно попотеть пришлось ему в камышах. Сквозь них ему нужно было продраться к речному руслу, для того

чтобы затем, на плаву, довести труп до Девебатана. Поглоти Шахназара омут, его не сыскали бы самые духи небесные. Главной целью юноши было тщательно замести за собой следы и никем не замеченным вернуться домой. О ночном посещении Багиром и Суджеддином мельницы едва ли в деревне кто-то знал, а потому для предположений об их причастности к исчезновению Шахназара не имелось никаких оснований. К тому же, для всех так бы и осталось загадкой, жив мельник или же сгинул. Как в случаях с Ганирой и конём Сафтара, люди быстро бы к этой тайне охладели.

Думая обо всём этом, Суджеддин продолжал тащить труп. В руках и ногах у юноши уже почти не стало сил, мышцы его занемели от напряжения. Решив передохнуть, он присел на сухой пенёк и привалился спиной к иве, распустившей по реке свои ветви. И тотчас глаза его сами собою закрылись и он впал в сон, от которого пробудился лишь на рассвете. Да, наступило утро. Покружив в небе, иссиня-сизые дикие голуби всякий раз устремлялись затем к своим гнёздам в расселинах скал. Одинокий орёл безмятежно парил над землёй, обозревая зелёные холмы и выжидая момент, чтобы кинуться к своей добыче и её закогтить. Слышен был переклик птиц - обитателей приречного колхозного сада, словно приветствующих наступление нового дня. С приходом утра самый шум бурливой реки поменял своё звучание. В благословенном этом мире лишь одно существо пребывало в подав-

ленности - Суджеддин, всю предыдущую ночь проведший рядом с мертвецом. Досадуя на неуместный свой сон, он бил себя по коленкам и нещадно ругал. Сбросив труп в реку, юноша опять повёл его по воде. Иначе поступить было нельзя. Будь у Суджеддина помощник, тогда другое дело - стало бы возможно доставить тело к Девебатану не по открытому пространству, а сухой тропкой, вьющейся между прибрежных деревьев. В этом случае вероятность натолкнуться на кого-либо из сельчан была бы минимальной.

Суджеддин замучился, перекатывая труп через надводные камни, то и дело возникавшие впереди как на глубоких участках реки, так и на мелководье. Но что было делать - водой перемещать тело было всё же значительно легче, нежели волоком. И, придерживая покойника, юноша всё шёл и шёл вниз по реке. Сейчас, когда от минуты к минуте вокруг делалось всё светлей, страх ни на мгновение не покидал Суджеддина. В любой миг его могли застигнуть с трупом. Например - местные рыбаки, в привычках у которых было устанавливать невод либо в вечерние, либо же в утренние сумерки: в это время суток рыба приходила на мелководье и оттого легко попадалась в сети.

До Девебатана оставалось совсем немного, когда, проведя труп через тёмную груду речных камней и затем повернув с ним налево, Суджеддин лицом к лицу столкнулся с дальним родственником Шахназара, рыбаком Гюльмалы. При виде мёрт-

вого родича кровь бросилась в голову Гюльмалы, ему захотелось сейчас же накинуться на Суджеддина. Однако с этим парнем не совладали бы и пятеро таких, как Гюльмалы, что последний вовремя и понял. "Сейчас Суджеддин не в себе, - подумал он, - и сделай я резкое движение, как сразу же буду отправлен вслед за Шахназаром!" И Гюльмалы с вящей беззлобностью обратился к юноше:

- Что ж ты наделал, Суджеддин? Я не виню тебя: яблоко от яблони далеко не упадает. Ведь и отец у тебя - душегуб, не пощадивший и такой красавицы, как Ганира. Он же и коня Сафтарова утопил, и тутовые деревья вырубал тайком, чтобы червей шелковичных поморить. Только чего он в результате добился?! Власть в ответ так ему припечатала, что не известно теперь, где его искать. Ужели всё это не стало для тебя уроком?! И вот сейчас, когда бедный Шахназар только-только как начал вставать на ноги, Забыхлы убивает и его, лишив кормильца многочисленную семью! И что плохого он тебе сделал? Я, к примеру, лет прожил немало, а и по сию пору курицу зарезать не отважусь. У тебя же поди молоко ещё на губах не обсохло, а ты уж к этаким страшным злодействам приохотился! Кровь человечью пролил! Что же ты творить станешь, когда подрастёшь?!

Конечно, Суджеддин не заслужил подобной отповеди - он был всего лишь жертвой беззаветной своей любви. Но кто ведал об ожигавшем его изнутри пламени?! Одним только древним горам и

скалистым грядам известны были душевные терзания бедного юноши. Суджеддин недвижно стоял против ровесника его отца - Гюльмалы, не умея вымолвить ни слова. От сознания собственной вины он совершенно обессилел. Язык у него задеревенел. Суджеддин не смел даже голову приподнять, чтобы взглянуть Гюльмалы в глаза. Наконец он всё же выпрямился и твёрдо произнёс:

- Насчёт отца ты ошибаешься, дядюшка Гюльмалы. Не бросай камня в колодец, коего дна не видишь! В том же, что касается меня, - твоя правда. Я признаю, что повинен в смерти этого несчастного. - И он кивнул на колыхаемое речными волнами тело. - Но что поделать, если Господь не всех одаряет умом и рассудительностью! Так уж предустановлено Незримым! Одних создает Он добросердечными, других, как меня, - злодеями и душегубами. Видно, так уж мне на роду было написано, и иной судьбы быть у меня не могло. Однако мне не хотелось бы, чтобы по моей вине презрения и проклятий сподобились мои близкие. Да, я убил Шахназара! Поверишь ты мне или нет, но я должен рассказать тебе всю правду. Давеча зашёл я на мельницу, занять очередь на помол зерна. Но оказалось, ещё раньше стал в очередь Шахназар - за путёвкой на тот свет, и ждал только меня - своего проводника. Так-то и пересеклись наши с ним дорожки. И я убил его. Он должен был умереть. Так было суждено. Он вздумал говорить со мной как партиец, из тех, что захватили землю моих отцов,

наши мельницу и скот, обездолив всю мою семью. Словом, коса на камень нашла - мы сцепились. Он поскользнулся и упал на камень. Не я - тяжелый мельничный жернов пробил ему голову. Не я, Гюльмалы, то сделал камень, знай это! Сделал в память моих дедов, неимоверными трудами доставивших его сюда из Карабаха, везших его на арбе в течение целых семи дней, обточивших его и запустивших в ход. Сколько лет служил он всем людям, не разделяя богатых и бедных! День и ночь вращался под благословенным кровом, превращая в муку ячмень, пшеницу и просо. Для камня этого всё и вся были равны. Шахназар же бессовестно делал потачки власть предержащим - тем, кого боялся и от кого зависел, ну а меня, чей отец объявлен "врагом" и записан земляками в злоумышленники, оттолкнул, указав на порог и даже в очередь не соизволив поставить. Он чётко различал тех, за кем есть рука, и тех, кому, кроме как на себя, рассчитывать не на кого. И вот добился того, что возмутил против себя даже бесдушный камень! Будучи свидетелем беспримерной Шахназаровой наглости, камень, вступившись за меня, проломил ему череп. Повторяю: то не я - немой холодный камень наказал Побирушку! Не стану скрывать - боясь подвергнуться несправедливому осуждению, я решил утопить тело в Девебатане, чтобы, спрятав концы в воду, отвести от себя возможные подозрения. Но замыслу моему, как ты сам понимаешь, осуществиться не привелось. Рассказал же всё это я

для того, чтобы имел ты о случившемся верное представление. А теперь я пойду, дядюшка Гюльмалы, уж и не знаю, свидимся ли мы ещё! Ступай, сообщи всей Галаче, что, мол, Суджеддин человека убил! Члена партии Шахназара!..

Но только было двинулся юноша прочь, как остановил его голос дотоле заворожённо внимавшего ему Гюльмалы:

- Куда это ты снарядился, бросив труп на дороге?! За своё злодейство ты должен ответить головой!

Замерев на месте, Суджеддин оглянулся назад и, нахмурившись, промолвил:

- Ошибаешься, дядюшка Гюльмалы, никуда и ни от кого я не бегу! Я ухожу затем, чтобы мне воздали за моё преступление. Надо думать, где-то по ком-то томится темница с крепкими засовами, и этот "кто-то" - именно я. Теперь ясно тебе, куда я спешу? Темница, правду сказать, сейчас мне милее дворца. Ах, Господи, как же я по ней тоскую! Ведь и мрачные узилища также созданы волею Аллаха, и пустовать им не полагается. Правда, по большей части сидеть в них приходится людям безвинным и лишь за редким исключением - заматерелым преступникам. Возможно, узники и есть блаженнейшие из рабов Божьих! Гниющие в каменных мешках, те по крайней мере отгорожены от лицемерия, лжи и прочих зол этого мира! Так что я пошёл, дядюшка Гюльмалы! Прошу тебя, более не задерживай меня, не мешай мне обрести наконец желанное счастье!

Бессонная ночь, страшная беда, совершенное изнеможение… Суджеддин был как помешанный. Слова его походили на горячечный бред. Едва ли Гюльмалы многое понял из путаной речи юноши. Ясна она была, пожалуй, лишь окрестным горам и скалам. Да ещё разве что речным струям - слёзным потокам, источаемым благодатными лугами, которым изо дня в день приходилось наблюдать страдания людей с чистыми помыслами и горестной судьбой.

После того как Суджеддин удалился, Гюльмалы выудил из реки мёртвое тело, положил его головой к Мекке и заторопился с печальной вестью в деревню.

* * *

Двигался Суджеддин прямиком к райцентру. С одежды парня всё ещё стекала вода. В таком виде, подумал он, показываться на людях не пристало. Выпросив спички у повстречавшегося ему пастуха, юноша развёл в укромном местечке костёр, высушил одежду, как мог привёл себя в порядок и, более нигде уже не задерживаясь, продолжил свой путь.

Подступив к райотделу милиции, Суджеддин увидел стоящих возле свежепокрашенных ворот нескольких "краснопогонников": они о чём-то болтали и, смеясь, то и дело ударяли в ладоши, имея вид благополучнейших из людей. Стоило Суджеддину войти во двор управления, как один из весельчаков, довольно молодой, рослый младший лейтенант, грозно окликнул его:

- Эй, товарищ, куда это прёшь ты без разрешения? Ты к кому?

- Мне нужен начальник. У меня к нему небольшой разговор, - приниженно промолвил Суджеддин.

- Начальник, видите ли, ему понадобился!.. Нука, говори, зачем пришёл, может, с делом твоим мы и сами разберёмся! - Младший лейтенант был очень грозен.

- Нет, это только начальника касается. И нужен мне именно он, - упорствовал Суджеддин.

- Не хочешь говорить, - усмехнулся милиционер постарше, - и чёрт с тобой! Поднимись на второй этаж, там сидит товарищ Пиримов. Он сейчас у себя в кабинете. - И указал подбородком в соответствующем направлении.

По деревянной лестнице Суджеддин взошёл на глядящую на город вытянутую открытую галерею, робкими шагами измерил её до конца и стал против коричневой двери, на которой большими красными буквами было выведено: "Начальник районного отделения милиции подполковник Бахруз Пиримов". Суджеддин открыл дверь и очутился в приёмной. Сидевший здесь дежурный с усердием что-то писал. Заметив Суджеддина, он окинул вошедшего равнодушным взглядом и вопросил:

- Вам кого?

- Мне нужен начальник. У меня к нему важное

дело.

- Читать умеешь?

- Да, а что?

- А если умеешь, то прочти хорошенько табличку снаружи. Приём у начальника по пятницам, с одиннадцати утра! Ты же сюда заявился во вторник, да ещё и ранее десяти. Ступай и приходи через три дня, в приёмное время. Я не имею права нарушать порядок. Надеюсь, ясно?

- Да, ясно, - виновато промямлил Суджеддин. - И вы, конечно, правы. Однако дело у меня важности такой, что не терпит отлагательства.

Дежурный нервно поднялся с места.

- Послушай, парень, почему ты не желаешь понять?.. Не стану я из-за тебя нарушать порядок, установленный начальством. Давай-ка отсюда, придёшь в приёмный день. Поскольку дело, говоришь, срочное, пропущу тебя к начальнику первым. Вот всё, чем могу помочь.

- Вы напрасно нервничаете. - Суджеддин выглядел совсем расстроенным. - А пока не увижусь с начальником, хоть вы меня убейте, отсюда я никуда не уйду.

Дежурный решил было насильно выставить посетителя из приёмной, однако затравленный взгляд Суджеддина - взгляд человека, вконец умученного жизнью, убедил службиста в том, что эта затея, скорее всего, ему же боком и выйдет. Вот почему тон у него заметно потеплел:

- Я вижу, парень ты упрямый. Ну, коли так, -

садись. Начальник сейчас очень занят, пусть освободится, и тогда я доложу о тебе.

На этом затянувшееся препирательство окончилось, и Суджеддин осторожно присел на один из уставлявших приёмную стульев.

Между тем дежурный - одетый в милицейскую форму полноватый малый среднего роста и с тонкими усиками, опустил голову и с нарочитым ожесточением продолжил свою писанину. На узком столике перед ним стояло несколько разного цвета телефонных аппаратов. Когда разражался звоном очередной из них, дежурный снимал трубку и затверженно отчеканивал либо "начальник ещё не пришёл", либо "у него посетитель", либо же "он проводит оперативное совещание с сотрудниками". Бывало, впрочем, что, резво вскочив на ноги, он с готовностью ответствовал: "Есть!.. Слушаюсь!..", после чего соединял абонента со своим шефом.

Неожиданно в приёмную вошли трое милицейских чинов. Все они чем-то были озабочены. Один из них, сокрушённо покачав головой, сообщил дежурному:

- Эх, не было печали, и вот опять забота по нашу душу! Убийство! - И с огорчённым видом прошёл в начальничий кабинет, куда за ним проследовали двое его товарищей. Дверь за собой они не прикрыли, и потому голос начальника слышен был со всей отчётливостью. Бахруз Пиримов коротко осведомил подчинённых:

- Сегодня в Галаче убили мельника, бросив тело на берегу реки. Убийца известен. Это - юноша по имени Суджеддин. Отец его - отбывающий срок политический преступник. Убитый - член партии, а потому о происшествии извещены наверху. Мне уже звонил прокурор, но больше всех заинтересовало оно чекистов. Преступление отнесено в разряд "антигосударственных". Мельника звали Шахназар, и, по имеющимся данным, являлся он активным участником установления у нас советской власти. По делу выдвинуто несколько версий...

Начальник опёрся локтем левой руки о столешницу и, обхватив ладонью лоб, задумался. Вскоре, однако, подняв голову, он продолжил:

- Убийца покамест не задержан, и потому судить да рядить тут можно по-разному. Главное сейчас - оперативно разыскать преступника. Промешкать с этим нам ни в коем случае нельзя. Под контроль необходимо взять все автобусные остановки, все ближайшие от Галачи сёла, все местные дороги, а кроме того, железнодорожные станции. Нужно не упустить убийцу - если удастся ему выбраться за пределы района, поиск его в значительной мере осложнится…

Закончив свои наставления, подполковник Пиримов встал из-за стола.

- Ладно. Бойкий язычок, говорят, овечку волку скормил. По коням - и в путь. На всякий случай прихватите с собой ещё парочку наших. Распоряжусь, чтобы тамошний участковый был на месте. И ещё - с Галачёй нет телефонной связи, а потому сноситесь со мной из здания совета - там действует коммутатор…

Получив распоряжения от своего начальника, оперативники поспешно покинули кабинет.

Взглянув на стенные часы, Бахруз Пиримов покачал головой.

- Уж полдень, а я ещё и чая не пил, - проворчал он и, заперев дверцу высокого служебного сейфа, вышел из кабинета.

В приёмной находились лишь дежурный да сидящий возле дверей Суджеддин.

- Кто этот товарищ? - при виде постороннего спросил у своего сотрудника начальник.

Вытянувшись в струнку, тот бойко отрапортовал:

- Товарищ подполковник, я и сам того не знаю. С утра здесь торчит, вас дожидается. Я говорил ему - сегодня не приёмный день. Но он упёрся, как баран в стену. Сколько ни урезонивал его - сидит себе и сидит…

Начальник выразительно посмотрел на Суджеддина, а затем, став лицом к двери, бросил:

- Ладно, не дёргай его. Коли пришёл, пусть ещё чуток обождёт. Я только выпью стаканчик чая, а после вернусь и приму его. Посмотрим, может, что-то важное у него к нам имеется.

По уходе начальства, до того задеревенело стоявший, дежурный вернулся в сидячее поло-

жение, тотчас схватившись за телефонную трубку. И тут неожиданно взор его упал на Суджеддина, бледность которого уже перестала быть мертвенной. Повесив трубку, с нотками сострадания в голосе, дежурный обратился к юноше:

- Ты здесь с утра и небось проголодался. Во дворе у нас есть буфет. Мало ли что начальник сказал - вернётся он теперь не скоро, так что спустись-ка ты вниз и слегка перекуси. Там пити* готовят превкусное, если только оно ещё осталось…

Совет пришёлся Суджеддину по душе. Со вчерашней ночи у него капли воды, и той во рту не побывало. Одно только удерживало парня на месте - боязнь ненароком повстречаться во дворе с кем-либо из сельчан. В конце концов Суджеддин решил всё же приёмную не покидать.

Из опасения быть узнанным невзначай объявившимся здесь Сафтаром или же кем-либо из председательского окружения, юноша, стоило послышаться снаружи чьим-то шагам, сейчас же выхватывал из кармана носовой платок и, словно донимаемый мигренью, прикладывал его ко лбу, а то и вовсе отворачивался в сторону.

- Спасибо, я не голоден, - ответил он дежурному.

Уже к концу рабочего дня из коридора послышался голос подполковника, и, чуть погодя, появившиеся в приёмной Бахруз Пиримов и с ним некие двое деловито прошли в кабинет. Манера держаться выдавала в спутниках подполковника людей

* Мясной суп с горохом.

высокого положения. Сбегав во двор, дежурный расторопно доставил в кабинет три стакана чая.

Совещание у подполковника продлилось довольно долго. Уже в преддверии сумерек начальник и его гости вновь показались в приёмной. Пиримов проводил их до конца галереи, а воротившись, на ходу обронил Суджеддину:

- Заходите, расскажете, что там у вас. - И моментально исчез в дверях кабинета. Суджеддин не заставил себя ждать.

Подполковник был высокого роста, широкоплеч и чёрные, мягкие свои волосы зачёсывал на косой пробор. Пронизывающе посмотрев на Суджеддина, Пиримов указал ему на стул.

- Прошу, я вас слушаю. Скоро мне уходить по важному делу, и вернулся я только из-за вас. Слово надо держать. Ведь вы поди с утра меня караулите. Что поделаешь - одно происшествие за другим!.. Ни минуты покоя! Вчера, к примеру, какой-то негодяй убил в Галаче мельника, а после сбежал. Всю милицию мобилизовали на его поиски, но пока - безрезультатно.

Суджеддин встал.

- Товарищ начальник, "негодяй", которого вы ищете, это я - Гамбаров Суджеддин Джахангир оглу. Я убил мельника и скрылся с места происшествия! - И юноша протянул подполковнику свой комсомольский билет, в котором от вчерашнего соприкосновения с водой расплылись чернила. Впрочем, другого удостоверения личности у Суджеддина всё

равно при себе не имелось.

Сощурясь, Бахруз Пиримов внимательно прочитал смазанные имя и фамилию на документе, после чего, вскинув вверх голову, недоверчиво воззрился на юного "убийцу".

- Это и вправду совершил ты?! - недоумённо спросил он.

- Да, товарищ начальник, - я, - сдержанно произнёс Суджеддин.

- С утра, как мышь, затаился у меня в приемной, - сердито воскликнул подполковник, - а мы тут с ног сбились, весь милицейский корпус на ноги подняли! Почему сразу не представился, а только вот теперь, вконец нас загоняв?

- Откровенно говоря, именно затем, чтобы не доставлять лишних хлопот столь занятому человеку, как вы, сам я к вам и пришёл, - потупившись, промолвил Суджеддин. - Но, к сожалению, из-за действующих тут жёстких правил приёма посетителей я не сумел своевременно поставить вас обо всём в известность.

- Из-за каких ещё правил?! - рявкнул подполковник.

- Товарищ начальник, мокрому ли воды бояться?! - отозвался Суджеддин. - Приятно вам это слышать или нет, но правила свои, напомню, сами же вы для себя и установили. А вот послушайся я вашего помощника, то встретились бы мы с вами не сейчас, а лишь через несколько суток - согласно казённому распорядку. За "дерзость" мою ваш ра-

ботник ещё и "нахалом" меня обозвал.

Подполковник улыбнулся.

- Парень ты, по всему видать, подкованный. Какое образование имеешь?!

- Да обычное - среднее. Вот отец мой, тот шариату учился у муллы. Отцовские книги я все наизусть знаю. Да и в жизни, хоть и молод, я кое-что смыслю.

После этого заявления Пиримов в разговоре с Суджеддином стал тщательней подбирать выражения.

- Ладно, перейдём к делу. Расскажи без утайки, как всё было? За что ты мельника жизни лишил?

- У вас вся власть, товарищ начальник, - отвечал Суджеддин, - и мне отлично известно, какую исполняете вы должность. Вы вольны как угодно поступить с оступившимся человеком. Я нарушитель закона, и за давеча высказанное мной вы вправе были втоптать меня в землю. Но, как оказалось, человек вы благородный, а потому, я полагаю, совершенно чужды мстительности...

- Откуда ты взял про моё благородство? - удивлённо протянул подполковник.

- Вы того не подозреваете, однако не только лично о вас, но обо всём высоком своём начальстве люди имеют точное представление. Разве не доводилось вам слышать, что око народное - всевидяще? К тому же известно: вершины лучше обозреваются снизу. А потому простой люд всегда с достоверностью знает, кто достоин занимаемой должности,

а кто - нет, кто перед кем спину гнёт и каким отличается поведением на службе и в быту, наконец, от кого что следует ждать. Однако жизнь научила людей осторожности, и теперь мудрецами среди них почитаются те, кто затворяет от всех свою душу. Не приведи Господь таким возвыситься. В своём стремлении к безмятежному существованию они настолько отрешаются от совести и чести, что часто выставляют как добродетели собственные пороки.

- Послушай, Гамбаров, что-то шибко далеко в дебри ты подался! - недовольно прервал Суджеддина подполковник. - Нечего тут сказочки сказывать, давай-ка покороче. Итак, говори без околичностей: откуда ты меня знаешь?

- О чём причитать горемыке, как не о своих горестях?! - не обинуясь, откликнулся Суджеддин. - Прошу прощения за то, что своей болтовнёй отнял у вас время. Однако начни я рассказывать, откуда вас знаю, это более сошло бы за низкопоклонство перед человеком, от которого я сейчас завишу, чем за искренность. А любое угодничество есть низость. Хотя бы и те, кто сделали его своим ремеслом, умели достигнуть высоких постов и положения. Одно лишь могу сказать: люди относят вас к тем из начальников, для коих человечность превыше должностного чванства. Поэтому и пришел я именно к вам, будучи, как я надеюсь, справедлив в своём мнении на ваш счёт.

Губы начальника тронула усмешка.

- Всё это я уже слышал, - заметил он. - Ты упорно обходишь мой вопрос.

- Согласен с вами, - признал Суджеддин. - Но прошу вас, выслушайте меня без предвзятости. Ведь оба мы - дети Господни, и посмей я обмануть благосклонно отнесшегося ко мне ближнего, воистину это было бы противно всем людским установлениям! Итак, всему причиной стала ничтожная горстка пшена. Дома у нас закончилась мука, и я взял с собой немного зерна, чтобы, быстренько обмолов его на мельнице, отвратить от моей семьи угрозу голода. Но мельник упёрся: "нет!" - и всё тут. Сколько ни упрашивал я его - он ни в какую. Короче, слово за слово, мы с ним и сшиблись. Споткнувшись, мельник полетел наземь, ударился головой о мельничный жернов и сей же миг испустил дух. Я был в полной растерянности, ведь у меня и в мыслях не было убивать беднягу и через это обрекать себя бесчисленным бедам. Да и вообще, мог ли я желать, чтобы руки мои обагрились человеческой кровью?! Однако поправить ничего уже было нельзя. И тогда я решил утопить труп в реке, чтобы скрыть сам факт смерти мукомола. Но наткнулся по дороге на рыбака, застигнувшего меня подле мертвеца. Теперь уж нечего было и надеяться избежать наказания, и я решил добровольно во всём признаться. Я не стал возвращаться в село, ибо не хотел, чтобы милиционеры на глазах у всей деревни, особенно же - на виду у моей невесты, взяли меня под стражу, связав по рукам и перекинув

поперёк седла. Я понял - мне следует идти прямиком к вам, человеку, как я слышал, великодушному.

Хоть для Пиримова и был Суджеддин, безоговорочно, преступником, драматизм перипетии, в которую угодил этот смелый юноша, тронул подполковника. Впрочем, как бы там ни было, но и сам Пиримов, и мнимый злодей, оба одинаково сознавали безнадёжность создавшейся ситуации.

- Хорошо, - выйдя из задумчивости, проговорил Бахруз Пиримов, - что бы на моём месте предпринял ты в отношении убийцы безвинного человека?

- Надлежаще бы его наказал.

- Тогда какой же помощи ждёшь ты от меня?

- К вам у меня только одна просьба...

- Слушаю, - бесстрастно обмолвился подполковник.

- Я прекрасно понимаю, сколь безрассудно с просьбой такой к вам обращаться, поскольку, исполнив её, вы нарушили бы закон и этим подвергли бы себя ничем не оправданному риску. Поэтому вы имеете все основания отринуть её. Предупреждаю, за это я не буду на вас в обиде…

- Нельзя ли поконкретней - в чём твоя просьба состоит? - раздражённо процедил подполковник.

- За то, что я совершил, присудят мне, по меньшей мере, лет десять. На сей счёт у меня нет никаких сомнений. Также мало у меня надежды на то, что, пробыв столь долго в чужом суровом краю, вернусь я домой цел и невредим. А посему прошу вас - отпустите меня на одну только ночь. Я помолвлен с девушкой по имени Миная, скоро должна

была состояться наша свадьба. Теперь же, как вы сами понимаете, впереди у меня вместо свадебного застолья - зал суда, а вместо брачной постели - скамья подсудимых. Вот почему так нужно мне приличествующим образом проститься с невестой и с сестрой, получившей недавно серьёзное увечье. Я должен сказать им что-то очень важное. Товарищ начальник, я знаю - вы очень старинного доблестного рода. Надеюсь, вы поверите мне и разрешите короткую встречу с близкими… Меня привела к вам вера! Вера в человека! - последние слова Суджеддин произнёс с ощутимым ударением. Выговорившись наконец, он умолк.

…Собеседовали они ещё долго. На райцентр опустился вечер. С работавшей на мазуте крохотной местной электростанции разносился по округе неторопливый перестук. Навешенные на каменные столбы сферические уличные фонари, помигивая, заливали желтоватым светом подполковничий кабинет и открытую галерею на втором этаже здания райотдела.

Нахмурив брови, Пиримов пристально посмотрел в глаза Суджеддину.

- Тебя здесь никто не видел? - спросил он.

- Видать-то видели, но только - никто из знакомых.

В кабинете повисло тягостное молчание. Ставший подле окна подполковник долго вглядывался в ночную темь. Внезапно, до того сошедшиеся на переносице, его брови разомкнулись, и, вернув сво-

ему облику привычное выражение степенности, Пиримов выдавил из себя:

- Ступай. Я отпускаю тебя на эту ночь. И постарайся, чтобы тебя не сцапали. Завтра, за два часа до начала рабочего дня, я буду ждать тебя в этом кабинете. Уяснил?

- Мне… всё ясно, товарищ начальник, - проговорил Суджеддин. - Не знаю, как и благодарить вас за беспримерную вашу доброту! - И он поклонился Пиримову.

Когда юноша было покинул уже кабинет, подполковник вдруг окликнул его и указал на дверь в глубине комнаты - чёрный ход: по сбегавшей от него наружной дощатой лесенке можно было сразу выйти на сплошь обсаженную деревьями улицу.

- Уходи отсюда. И этим же путём, а не через двор, придёшь ко мне завтра - дверь не будет заперта...

Несомненно, подполковник не желал, чтобы кто-либо из сослуживцев видел выходящим от него человека, разыскиваемого по делу об убийстве.

* * *

Узкими улочками вышел Суджеддин из городка. До Галачи было не менее трёх часов ходу. Но, будучи в розыске, юноша должен был уберегаться встречи с милиционерами, а потому двинул не по главной дороге, а густо поросшим камышом и кустарником бережником. На удачу, стоявшая в небе

полная луна светила едва ли не столь же ярко, как солнце. В небе не было ни облачка, и, казалось, все звёзды мира провожали сейчас взорами гонимого напастями бедолагу.

Лишь только замаячили впереди холмы и горные луга Галачи, Суджеддин немедленно воспрянул духом. У него было ощущение, будто вдали от родных мест пробыл он целую вечность. Он поднялся по оврагу, тянувшемуся вдоль подъезда к деревне, и, прячась от лунного света, тёмными закоулками прокрался к своему задворку. Перемахнув через тын, юноша, наконец, очутился у себя дома. Встревоженный неожиданным шорохом, дворовый пёс дёрнулся, звякнув цепью, и уже было залился лаем, однако, почуяв хозяина, тотчас осёкся, радостно запрыгав возле своей конуры. Взойдя на тёмную веранду, Суджеддин постучал в окно и тихо позвал:

- Новресте!.. Новресте!..

Услышав голос брата, девушка вскочила с постели и порывисто отворила дверь. Суджеддин предупредил намерение Новресте затеплить керосиновую лампу:

- Нельзя, сестрёнка. За мной охотятся, и если увидят у нас свет, то сейчас же сюда и нагрянут.

Они обнялись.

- Тебя ищут - не доищутся, - плача, сообщила Новресте. - Сегодня приходили двое милиционеров. Один из них, спрятавшись в углу веранды, поджидал тебя в течение нескольких часов. Мне запретили выходить со двора. Всё вынюхивали,

что-то записывали… А потом, верно, решили, что ты уж не появишься, и ушли. С полудня засели в правлении и по одному всех допрашивали. Дядюшку Багира также вызывали. Объявили, что ты убил мельника Шахназара. Дядюшка Багир сказал, что ничего об этом не знает, что, дескать, последние несколько дней никуда не отлучался из дому по болезни, а тебя не видел уж более недели. Соседи подтвердили его слова.

- А где могут быть сейчас эти милиционеры?

- Давеча сели на коней и куда-то ускакали. Но, говорят, на подъездах к деревне расставлены посты - тебя караулят, - сказала Новресте. - А что, разве дядюшка Багир и Миная не были с тобой на мельнице?

- Нет, ко времени моего прихода туда они, обмолов своё зерно, уж отбыли домой. К мельнице я шёл верхним путём, а потому с ними разминулся. Мы повздорили с мельником по поводу очереди на помол. Он споткнулся и, при падении ударившись головой о жернов, мгновенно умер. Я даже и пальцем его не коснулся…

Последние слова брата вызвали у Новресте новый взрыв рыданий. Суджеддин обнял сестру и увёл её внутрь дома. Отсюда плач девушки не был слышен снаружи.

- Успокойся, сестрёнка, успокойся! Случившегося не исправить. Нынче не время для слёз и причитаний. Мне скоро возвращаться в райцентр, чтобы добровольно отдать себя в руки милиции. До сей поры я укрывался в горах, а пришёл сюда для того,

чтобы попрощаться с вами. Замешкайся я здесь - меня непременно изловят!

Новресте снова заплакала. Суджеддину, которому самому было впору к ней присоединиться, приходилось себя сдерживать. Наклонившись к ушку Новресте, он прошептал:

- Так предопределил мне Аллах! Зря ты убиваешься. Не всем ниспосылается благоденствие. Верно, мы с тобой избраны для одних лишь страданий. А сейчас я должен уходить. Скрытно приведи сюда Минаю, мне нужно кое-что ей сказать.

Захлёбываясь слезами, Новресте не умела более ничего вымолвить и только согласно кивнула.

- Сделай так, чтобы ни дядюшка Багир, ни Гызъетер не догадались, что я здесь. Скажи - дескать, тебе скучно сидеть одной, и зашла ты затем, чтобы позвать к себе Минаю. Да, и не через ворота иди, а в обход - чтобы тебя не заметили с улицы...

Суджеддин заранее обдумал, как покинуть ему находящийся под наблюдением свой дом. Итак, он выйдет через заднюю калитку, проберётся к амбару, с которого спрыгнет затем в соседский сад, а уж после, как говорится, ищи ветра в поле! Суджеддин готов был в любой момент приступить к исполнению своего плана.

Тут на веранде послышался некий стук. Суджеддин вздрогнул и подскочил к окну, откуда двор был виден как на ладони. Миная, очевидно споткнувшаяся, лежала на половицах. Ухватив её за руку, Новресте помогала подруге подняться.

Выбежав из комнаты, Суджеддин встретил

обеих у порога. В присутствии сестры он только-то и мог себе позволить, что поцеловать невесту в лоб.

Не желая быть им помехой, Новресте возвратилась на веранду. Кроме того, отсюда вернее всего было упредить опасность, грозящую её брату.

Между тем влюблённые счастливы были остаться наедине. Теперь их ничто не стесняло.

- Миная, у меня есть не больше часа, - выпалил Суджеддин. - Объяснять - почему лишь столько, слишком долго. Вот тебе вкратце: после вашего ухода с мельницы я решил, что тело следует утопить в Девебатане, таким образом запутав следствие. Но, как назло, на пути у меня стал родственник Шахназара - Гюльмалы. Это разрушило весь мой план. Я был не в себе и сгоряча чуть было с ним не сцепился. Промолви он хоть одно неосторожное словцо - и я непременно бы его убил. Но, благо, уяснив моё состояние, он почёл за лучшее не связываться со мной и позволил себе лишь несколько укоризненных замечаний. Совестливость не позволила мне расправиться с ним. Да и к тому же грех это великий - проливать безвинно человеческую кровь. Не хотелось мне предстать вероломным убийцей пред взором Всевышнего. Убеждён - никаких подозрений на дядюшку Багира пасть не может. Так что, если сами вы не проговоритесь, отца твоего дёргать не станут. После все эти подробности передай ему - пусть знает достоверно, как обстоит дело. Разумеется, влепят мне никак не меньше десяти лет. Но не такая уж это и беда -

отсидеть десяток годков ради любимой! И печаль моя не столько о себе, сколько о тебе, Миная. В самом деле, обязана ли ты ждать меня целую вечность?! Аллах щедро одарил тебя красотой, и мне хорошо известно, что в деревне многие парни на тебя заглядываются. Ты вполне могла бы выйти за одного из них и обрести женское счастье. И прожила бы жизнь, не ведая горя. Я же, вместо радости, которой ты, несомненно, достойна, успел принести тебе одни лишь страдания. Признаю: я безмерно виноват перед тобой! И за то готов на коленях молить тебя о прощении. Порой мне кажется, что нас проклял кто-то, любящий тебя даже сильнее, чем я, и всячески препятствующий осуществлению заветных наших чаяний. Кто-то, обрекший меня тюрьме, а тебя - неизбывной слёзной муке. Сделавший так, чтобы дни твои проходили в непрестанных стенаниях и чтобы улыбка навеки сошла с твоего лица. Это так и есть, Миная. Видно, кто-то наложил заклятие на нас обоих. И может, именно вследствие этого от нас отворотился Господь!

Пока Суджеддин говорил, Миная тихо плакала. Тыльной стороной ладони юноша отёр ей щёки.

- Миная, так распорядился Аллах. Следует полагать, нам не уготовано быть вместе, а посему нечего противиться судьбе. Ведь, если бы дядюшка Багир не завел со мной известного тебе разговора, мы с тобой так бы никогда и не открыли друг другу своих чувств. И не привелось бы мне во всеуслышанье возгласить, что безумно люблю я девушку,

покорившую меня несравненной своей красотой! - И, чтобы испытать Минаю, сказал то, чего дотоле говорить не намеревался: - Десять лет - целая жизнь, и потому, как бы трудно мне это ни было, я должен ещё кое в чём тебя уведомить. Миная, если в сердце твоём есть хоть капля приязни к кому-то другому, я бы не хотел, чтобы ты ждала меня долгие годы. Сколь бы горестна ни была моя доля, хоть малым утешением станет для меня то, что возлюбленная моя пребывает в счастье.

При этих словах Суджеддина Миная погрузила в свои растрепавшиеся волосы маленькие ручки, кончиками пальцев сжав себе виски.

- Убей меня, о Господи! Избави мой слух от столь непристойных речей! - запричитала она, ударившись в слёзы. - Доселе я и помыслить не могла, что ты способен этак оскорбить мою любовь! За что глубокой ночью выдалось претерпеть мне столь тяжкое унижение?! Если ты посмел пусть даже только вообразить себе, что, кроме тебя, мне может быть люб кто-то другой, право же, мне незачем больше жить. Ведь девушке, предавшей своего суженого, нет места на земле! Ей должно удавиться, что я полагаю ещё самым лёгким искуплением для клятвопреступницы!

От волнения Миная обессилела, на лице у неё выступил холодный пот. В страхе, что вот-вот лишится она сознания, Суджеддин одной рукой ухватил ладошки девушки, другой приложившись к мокрому её лбу.

- Прости меня, Миная! Просто целых два дня я не спал и ничего не ел, да ещё и вконец вымотан дорогой, оттого и голову совсем потерял. Не сознавая, что говорю, сдуру нагородил столько обидного для тебя вздора. Прости мне мой проступок в эту минуту нашего расставания. Думаю, девушка незлопамятная, снизойдёшь ты к простодушному парню, готовому ради тебя провести остаток жизни в тюрьме...

Придя в себя, Миная сразу же окликнула Новресте. Чуть не тотчас та появилась в комнате и подошла к влюблённым. И тогда, обратившись к подруге, Миная торжественно изрекла:

- Где голубая рубашка Суджеддина? Та, что висела над изголовьем его тахты и о которой ты говорила, что, дескать, вся она напиталась его потом, пролитым на арыке Делме? Ты ещё собралась было её постирать, но после решила повременить с этим до утра. Мне эта рубашка нужна!

И брат и сестра удивились странной этой просьбе.

- Ты что, хочешь сама постирать её и выгладить? - спросила Новресте. - Ради Аллаха, не беспокойся, мне не трудно будет…

- Нет, совсем не то! Прошу тебя - покажи мне её, - стояла на своём Миная.

Новресте немедленно принесла рубашку, до того лежавшую поверх укрытого килимом* тюка.

- Ты эту имела в виду?

* Род паласа.

Миная приняла от подруги пахнущую потом вещь, понюхала её, а затем крепко прижала к груди.

- Суджеддин, всё время нашей разлуки рубашка эта неизменно будет при мне, - с чувством произнесла девушка. - Каждую ночь стану прижимать я её к моей груди и обвивать её рукавами мою шею, и во сне будет казаться мне, будто сплю я в твоих объятиях. И запах твоего тела станет сопровождать меня в ночных моих грёзах. И ещё, говорю это не только для тебя, но также и для твоей сестры: из отцовского дома у меня отныне есть только две дороги - или в свадебном наряде к порогу твоего дома, или же в саване - на погост. Третьей мне не дано. - И, наклонившись, Миная попыталась было покаянно обхватить колени Суджеддина, от чего, однако, брат с сестрой успели её удержать.

- Простите меня! - взволнованно выдохнул Суджеддин. - Время уж за полночь, и я должен идти, я просто не имею права опоздать! - И он поочередно обнялся и расцеловался с обеими девушками.

- Дядюшка Багир болен, и мне не хочется его тревожить, - бросил он Минае. - Да и времени - в обрез. Скажи отцу - я прошу у него прощения за то, что не смог повидаться с ним напоследок. Пусть уж не обессудит… - И, ещё раз окинув взглядом родные стены, Суджеддин вышел из дома.

Первым делом направился он к собачьей конуре. Словно ожидая к себе хозяина, пёс сидел начеку. Некогда, ещё щенком, был выменян он у местных пастухов Джахангиром, отдавшим за него два ведра черешни. Шерсть вокруг левого глаза имела у пса вид чёрной каймы, чёрными были также бока и верх груди, в остальном же собачий мех был совершенно белый. Звали псину - Гарабаш. Отменной выучки, никогда не брехала она попусту, стараясь вообще как можно меньше беспокоить людей, и хорошо понимала человеческую речь. После того как арестовали Джахангира, она долго отказывалась от еды - бывало, лизнёт край миски и сейчас же от неё отойдёт. В результате Гарабаш настолько исхудал, что сейчас у него торчали наружу рёбра. Поначалу, когда пёс лишился аппетита, все было решили, что Гарабаш заболел, однако постепенно тот стал оправляться. Как справедливо заметил Багир-киши, снедала пса вовсе не болезнь, но именно тоска по Джахангиру.

При виде Суджеддина Гарабаш так и зашёлся радостью. Он то прыгал вокруг юноши, то вскидывал ему на плечи мощные свои лапы, то, простёршись у ног хозяина, лизал его чарыки. Преданное животное словно понимало, что, подобно Джахангиру, Суджеддину также предстоит надолго покинуть свой дом. Гарабаш был немолод, и Суджеддин сознавал, что едва ли вновь с ним свидится. А потому с особой нежностью ласкал Гарабаша, поглаживая его и тормоша, в то время как пёс широким своим языком полизывал ему руки и ноги. Затем Суджеддин обнял Гарабаша за шею. Несомненно, тот предчувствовал грядущую разлуку, ибо с небывалым задором катался по земле, стелился

перед хозяином и громко повизгивал. В голосе собаки Суджеддин уловил жалобные нотки и оттого окончательно растрогался: ему казалось, что Гарабаш - плачет. Человек и пёс никак не могли расстаться. Однако время поджимало Суджеддина - пора было в дорогу. Он ещё раз переглянулся с Гарабашем и, наконец, пошёл от него прочь. Как видно уяснивший значение взгляда Суджеддина, пёс в ответ безмолвно же ободрил хозяина: иди, мол, и поскорей возвращайся живой и здоровый, а за сестру свою и дом не тревожься - и день и ночь будут они под моим присмотром…

Ни на минуту не забывал Суджеддин об обещании, которое дал начальнику милиции. Он знал, что не вправе опоздать и на самую малость и обязан быть у подполковника Бахруза Пиримова точно в условленный час.

Вскарабкавшись на крайнюю из опор веранды, Суджеддин ловко впрыгнул на крышу сарая, затем спустился в палисадник за плетнём и уже оттуда, низко пригибаясь, двинул напрямик к давешнему оврагу. Здесь уже можно было ничего не опасаться. От конца оврага Суджеддин повернул направо и, продираясь сквозь заросли держидерева, перевалил через крутую горку. Начерпнув в ладонь мягкой родной земли, незримо хранящей на себе следы Джахангира, а также его, Суджеддина, собственные, юноша опорожнил горсть себе в карман. Довольно пропетляв вьющимися между скал тропинками, он услышал, наконец, шум облитой лунным светом

реки. Погружённый в себя, Суджеддин оступился и чуть было не полетел вниз головой с откоса, однако, успев уцепиться за ветку укоренившегося на скале инжирника, удержался-таки на ногах. В результате юноша слегка повредил ступню, что, впрочем, нимало его не раздосадовало. Выйдя на ведущий к райцентру шлях, он оглянулся вокруг, чтобы запечатлеть в памяти всю прелесть этой ночи - его последней ночи в родимом околотке, после чего резко подался вперёд. Часов у Суджеддина не было, однако бледность луны и отрывистые возгласы окрестных петухов уведомили юношу о вящей близости рассвета. Суджеддин ускорил шаг и ещё затемно достиг райцентра.

Пройдя сонными улочками, он, как ему и наказывали, поднялся по знакомой лестнице на балкончик, вынесенный от чёрного хода в подполковничий кабинет. Металлическую балконную решётку укрывали ветви орешника - одного из тех, коими уставлены были обочины улицы. Таким образом, от постороннего взора сейчас скрывала Суджеддина естественная заграда.

Только юноша стал перед дверью, как чуть не тотчас она открылась. Подполковник впустил Суджеддина в комнату. Некоторое время оба пребывали в молчании. Потупившись, Пиримов несколько раз медленно прошёлся по кабинету, после чего сел за свой рабочий стол. Сняв трубку телефона внутренней связи, он вызвал к себе двоих оперативников. Когда они появились, он указал рукой

на притулившегося в углу комнаты Суджеддина и веско произнёс:

- Вот он, преступник, которого ищем мы второй день. Добровольно пришёл с повинной. Именно этот гражданин убил галачинского мельника. Давеча я коротко побеседовал с ним - он во всём сознался. Заберите его - и действуйте… Людей, занятых его поисками, всех отозвать обратно - довольно им любоваться сельскими красотами. К парню же никаких особых мер не применять, он и так вины своей не отрицает. Что касается деталей, то в ходе следствия выяснится, что и как там всё было. Дело это находится под надзором лично прокурора района...

* * *

По завершении следствия начался судебный процесс, затянувшийся вплоть до середины зимы. Вся округа в ту пору лежала под густым слоем снега, что значительно затрудняло местное дорожное сообщение. Впрочем, даже и в вёдро навестить Суджеддина охотников было немного. Собственно, посетил его в заключении единственно Багир, для которого, однако, столь хлопотное путешествие оказалось чрезмерным - вслед за тем он резко сдал, едва-едва умея держаться на ногах. Будь Багир помоложе, ничто не удержало бы его вдали от своего избавителя, и ради того, чтобы иметь хоть какие-то сведения о Суджеддине, он перевернул бы

вверх дном целый свет. Уж по крайней мере, озаботился бы доставкой юноше съестного и сменной одежды. Из родственников же Суджеддина никто даже не напомнил ему о себе. А что могла Новресте! Пока шёл суд над братом, она вместе с парой-тройкой Забыхлы несколько раз наведывалась в райцентр, однако в зал заседания их так и не допустили, поскольку процесс объявлен был "закрытым". Для вооруженных часовых, расставленных по всему периметру здания суда, было ровным счётом всё равно - мужчина перед ними или женщина: прикладами винтовок они, не разбирая, отталкивали всех, кто бы ни подступил к вверенному их охране объекту.

Более года назад как прервалась с Галачёй связь и у Таджеддина. Как-то разом вдруг перестал он писать домой. Ходили слухи, будто вместе с товарищами его отправили на работу за границу. Но в какую страну? На сей счёт молва упорно молчала. Домашние уже потеряли всякую надежду узнать о нём что-либо достоверное.

Что же касается Минаи, то с недавних пор большую часть дня проводила она в обществе Новресте. По временам от Минаи можно было слышать, будто сон не идёт к ней, покамест не прижмёт она к груди заветную голубую рубаху и не обовьёт себе шею её рукавами…

Потом погода несколько улучшилась. Снег на дорогах растаял. И как-то раз, далеко за полдень, почтальон доставил, наконец, галачинцам посла-

ния, запоздавшие к ним на целых две недели.

- Машиной не обеспечат, лошади, и той не дадут! - жаловался почтарь, желая показать сельчанам, в каком они у него одолжении. - Вот, приходится самому таскать этакую тяжесть! Почту надлежит разнести аж по пяти деревням - и всё пешочком. А что получу я за мои муки? Зарплату, которой на прокорм собаки чуть хватает, да и с этой малости ещё сотню налогов поснимают! Госзаём, подоходный налог, профсоюзные взносы!.. А что останется, то пойдёт всё на башмаки, которые на дорогах же я и поистопчу! Едва на хлебушек деткам наскрёбываю. Да ещё и шпыняют все кому не лень - дескать, почему почту с задержками приношу. Раньше-то хоть привечали по-человечески. Если письмецо от родственничка из далёких краёв - глядишь, курочку тебе, маслица или же яичек пяток поднесут. А теперь-то времечко какое: прямо в морду тебе - это, дескать, твой долг, государство за то зарплату тебе платит, а потому хоть умри, но доставь мне письмецо ровно в срок! Другим нынче народ сделался. Никакого проку от почтовой работы. Сколько бы ты из кожи вон ни лез, все полагают, будто этак и должно. Работка - врагу не пожелаешь. Уж ноги опухать стали от беспрестанной ходьбы из одной деревни в другую. Бывает, по неделям дома не появляюсь. Жена, дети выговаривают - дескать, если никакого прибытку от работы твоей нет, что ж ты за неё держишься, или в пожизненное тягло тебя залучили?! Уразуметь ли им, что

ход обратный мне навеки заказан. Только волю свою обнаружу, как мне тотчас же увольнение и тюрьма! А тогда уж, как говорится, брось покойника и о живом рыдай! Эх, столько бед, всех не пересказать!

Вдосталь напричитавшись, почтальон - мужчина средних лет - раскрыл висящую у него на плече суму и принялся извлекать из неё письма, газеты и журналы, вручая их обступившим его сельчанам. Протянув одному из них районную газету, он обмолвился:

- Здесь имеется любопытная статейка - про суд над убийцей, сыном Упрямца Джахангира, Суджеддином. Влепили парню добрый десяток лет и на днях в Сибирь его отправят. Уж там-то он поумнеет. Скатертью дорожка, околевай себе на морозе! Человека на тот свет отправить - дело нешуточное. Сибирь же - это тебе не уютный застенок, от тамошнего холода спасенья нет! Те, кому привелось оттуда вернуться, говорят, что стужа в Сибири - ужасающая. Плюнешь - ледышка под ноги шлёпается. Многие напрочь отмораживают себе руки и ноги, которые затем ампутируют… А что вы думаете, то вам не бирюльки - Сибирь!.. Уж столько народа там легло!.. Вот говорят: "ад", "ад", так Сибирь, скажу я вам, и есть этот самый "ад". Проклятое место, где и в самый разгар лета человек согреться не может. В этом смысле у нас - благодать. По сравнению с Сибирью край наш - подлинно Эдем!

Отведя разговором душу и закончив с гала-

чинцами, почтальон вновь вскинул на плечо свою суму и потопал к следующей деревне.

Между тем в упомянутой почтальоном газете сообщалось, что уголовный процесс по делу Гамбарова Суджеддина Джахангир оглу, уроженца деревни Галача, закончился. В ходе судебного разбирательства якобы неопровержимо было доказано, что именно упомянутым лицом совершено было убийство гражданина Хатамова Шахназара, заведующего сельской мельницей. Будто бы свою вину Суджеддин Гамбаров полностью признал и в итоге понесёт заслуженное наказание - десять лет исправительных лагерей...

В Галаче эта новость воспринята была неоднозначно. Так, родственники мельника приговором суда удовлетворены не были, полагая, что, поскольку Шахназар был членом партии, убийцу его следовало бы расстрелять и что, стало быть, суд проявил в данном случае неподобающую мягкотелость, не воздав должного "сыну врага народа". Прочитавший статью один из работников правления в этой связи заметил, недовольно покачав головой:

- Иного ли было ждать от вражьего сынка?! Провинился, так пусть теперь несёт наказание! А за убийство человека десяти лет явно мало - за такое надобно вешать!

Того же мнения держался, в частности, и круглолицый здоровяк, кузнец Гурбан.

- Не важно то, что отца с сыночком упекли за решётку, - вставил он. - Важно то, что они ославили

на весь мир нашу Галачу. Ведь их грехи соседи все нам в укор поставят...

Один лишь Тёмный Гашим не разделял общую точку зрения. Происходил он из знатного рода и был слеп от рождения. В своё время отец его истратил кучу денег на то, чтобы музыканты обучили Гашима своему ремеслу. В результате мальчик превосходно освоил игру на гармони и таре. Это, однако, не смогло заменить Гашиму радости зрить солнечный свет, тоска по которому жила в нём всечасно. Он ходил, тихонько постукивая перед собой палкой. Дом его находился на другом конце деревни, в верхней её части. Когда случалось у Гашима хорошее настроение, он, бывало, устроившись на скамейке, прижимал к груди старенькую гармонь, и протяжный жалобный мотив разносился тогда над окрестными горами… В переливы гармони вкладывал слепец всю силу неизбывной своей печали. Играл он, разумеется, только по памяти, затвердив весь народный репертуар. Назубок помнил он и "Асли и Керема", и "Ашуга Гариба", и "Тахира и Зохру"*, порой вполголоса напевая из них под собственный аккомпанемент. Все были единодушны, отмечая у Гашима подлинно дар Божий. Сельчане, которым недоступны были ни кино, ни театр, ни даже радио, долгие зимние вечера частенько проводили у Тёмного Гашима, заставляя его беспрестанно играть и петь. Слепцу уже перевалило за семь-

* Названия популярных азербайджанских дастанов: произведений литературно-музыкального творчества.

десят, но во рту у него не было ни единого порченого зуба. Жил он бобылём; близкие Гашима давно все поумерли, и семьёй его были теперь единственно посох, гармонь да тар. Родичи помогали ему чем могли. Пеклись о нём и прочие сельчане - и стар, и млад. Незрячий совершенно, Гашим имел славу отменного прозорливца. А самое главное - честности был безукоризненной.

Во время обсуждения газетной статьи стоял он в сторонке и, перебирая старинные янтарные чётки, внимательно прислушивался к разговору окружающих. Только после того, как большая их часть ушла и остались лишь те, кому слепец безоговорочно доверял, Гашим, наконец, подал голос:

- Исконный наш обычай - попирать ногами упавшего, ещё и обухом его принежив. Впору ли верить всему писаному? Подумаешь - газета! С каких это пор для нас она Кораном стала?! Небось собственный закуток знаем мы получше всяких борзописцев! Или не известен кому из нас Джахангир?! Хоть и упрямого нрава, а был он один из немногих настоящих людей в деревне. И роду хорошего, из таких вовек врагов-предателей не вылеплялось! Возможно, и вправду был он врагом, но только - паре-тройке бездельников и прощелыг. А во-вторых - что-то не припомню я, чтобы кто-то у нас в Галаче руку на старшего поднял - слава Аллаху, покамест ещё молодёжь стариков здесь чтит. Так что пусть газеты пишут что им угодно. Принесите мне Коран, и я поручусь на нём, что не мог Суд-

жеддин убить Шахназара. Всё это выдумки чистой воды! - И Тёмный Гашим ткнул посохом в землю. - Хоть нет здесь нынче обоих Забыхлы, верой мы с ними - едины, а потому и душам их неотлучно пребывать подле нас. Не спешите же с заведомым осуждением Джахангира и Суджеддина. Мой вам наказ: не совершите греха, оскорбляя благородных усопших отцов огульным обвинением их детей. Подоплёка этого дела совсем не та, что выставлена наружу. Не буду называть имён, но немало здесь таких, что треплются без умолку о чём и понятия не имеют. Мне не дано видеть свет этого мира, но точно так же для вас, зрячих, сокрыта юдоль извечного мрака, в которой обретаюсь я. Когда бы не так, и вам открылась бы та истина, что Галача навлекла на себя гнев Аллаха. Поэтому будет великой для нас милостью, если удовлетворится Он теми карами, которым нас уже подверг.

Вслед за тем, с помощью своей палки, Тёмный Гашим благополучно обошёл на своём пути все ямы и выступы дурно наведённых плетней и, осторожно подвигаясь, заковылял к себе домой - одинокое жилище, которое старику не суждено было узреть до конца его дней. Шёл он узкой улочкой, мимо невысоких, вразброс понаставленных домишек. По временам на губах его расцветала улыбка, а порой на густобровом морщинистом его лице появлялось выражение протеста и презрения. Гашим словно бы оживлённо общался с кем-то в родном ему мире вечной

тьмы, то пересмеиваясь с мнимым своим собеседником, то разражаясь хульбой...

* * *

Шли дни, и постепенно увлечённость, с какой обсуждались в Галаче недавние драматические события, заметно поиссякла. Говорят: испод земной - студен. Но таким же поставлено быть и застенку. Разница лишь в том, что первый предназначен для людей мёртвых, а второй - для живых. И в равной степени как покойники, так и невольники вскорости забываются знавшими их - исподволь сходят на нет терзания, печаль и слёзы по несчастным, вначале преобращаясь в притупленные боль и тоску, а после… после остаётся об ушедших только память - частью светлая, частью скорбная…

* * *

К следующему на север железнодорожному составу прицеплен был арестантский вагон. Находящийся в этом вагоне Суджеддин стоял у маленького зарешёченного окошка, с грустью наблюдая проплывающие мимо чужие ландшафты. Впервые случилось ему увидеть железную дорогу, а тем более - ехать в поезде. На подъезде к очередной станции паровоз всякий раз производил гудок, эхом отдававшийся вдалеке. Периодически Суджеддин отвлекался на шум страгивающегося состава или же на

гвалт перронного люда, на мгновения прерывавшие горестные раздумья юноши о прошлом и грядущем. По мере ускорения поезда картины за окошком мелькали всё быстрее, словно бежали в страхе от некоей неотвратимой беды. Суджеддину казалось, будто именно при виде проносящегося мимо них арестантского вагона обращались в паническое бегство горы, скалы, ущелья и холмы. Наверное, рассудил юноша, и величественные эти кряжи осведомлены об участи подневольников, отчего и стремятся быть от них подальше. Когда поезд проезжал мимо очередных зарослей кустарника, с высокого дерева вспорхнула стайка нелюбимых Суджеддином ворон, с громким карканьем устремившаяся прочь. Провожая птиц взглядом, парень горько вздохнул. "Стань я одной из них, - подумалось ему, - и я смог бы полететь куда хочу!"

Вдруг перед глазами Суджеддина резко заряябило, у него закружилась голова, и, теряя сознание, юноша рухнул на обшарпанную деревянную скамью. Другие осуждённые сейчас же обступили его, подхватили под руки и приподняли. Услышав шум в вагоне, сюда стремглав прибежал дежурный охранник, крепко сжимая ремень висящего у него на плече автомата. Увидев лишившегося чувств Суджеддина, он быстро принёс для него успокоительное лекарство, после чего начальственным тоном прогремел:

- А ну-ка спокойно! Спокойно, граждане! Мы уже приблизились к границе республики, и вскоре

вагон наш будет прицеплен к другому составу. - Сообщив это, охранник удалился.

Суджеддин всё не приходил в себя - лекарство на него почти не подействовало. При нём имелась та самая горстка земли, что прихватил он с собой в последнюю его ночь в Галаче, с луга на окраине села. Ещё прежде, тайком от тюремщиков, Суджеддин сшил себе из носового платка мешочек, в который и упрятал своё сокровище. "Кто знает, что меня ждёт! - подумалось ему тогда. - Может, повезёт мне оказаться в месте ссылки отца и найти его там. Если он жив, то, уже много лет пребывающему вдали от родины, я передам ему частичку милого нашего края. Это, несомненно, его воодушевит - он поцелует землю, по которой некогда ступал, приложит её к своим глазам и ощутит воздух родимой Галачи! И скажет мне с благодарностью: "Дороже этого подарка ничего для меня быть не может!" И если при этом улыбнётся хотя бы раз, то и тогда поступок мой приятен будет Аллаху! Всевышний смилостивится надо мной, облегчит мою участь и устроит мне сносное существование. Воистину: не угодив в беду, не сподобишься и блага! Если же отца больше нет, то галачинской землёй я посыплю его могилу, чтобы возвеселился дух его на небесах!"

Когда, в задумчивости, развязал Суджеддин узелок, в котором хранилось его сменное бельё, то ненароком притронулся к мешочку с родной землицей. И сей же миг повеяло на юношу тёплым душистым ветерком галачинских гор. Явственно ощутил

он аромат исконного своего дола, где впервые увидел свет и сделал первые свои шаги. Грудь, казалось, раздалась вширь, в глазах - заиграли блёстки, бодро забилось сердце... "Боже, вот она - чудодейственная сила родной земли!" - осенило его. Стало очевидно, что Суджеддин вовсе не был прохвачен недугом и не нуждался потому ни в каких снадобьях, а головокружение произошло у него именно оттого, что ныне покидал он пределы отчего края, стремимый на чужбину стальнополосной рекой. В горестный этот час и принесла ему утешение горсточка от заветной его родины!.. Лбом уткнулся Суджеддин в мешочек, где она, эта горсточка, хранилась, и вдруг забылся в долгожданной дрёме, на лёгких своих крыльях, унесших его в далёкую Галачу. Волшебным образом очутившись там, юноша сейчас же поинтересовался у Багиракиши его здоровьем. А после, отведя в сторонку свою возлюбленную, ободрил её:

- Не грусти, любимая, чёрным дням длиться недолго! - И говорил и говорил Минае: что скоро вернётся, что они, наконец, сыграют свадьбу и заживут в счастье… А потом он увидел Новресте, взяв у которой топор, порубил в щепы большой пень, что стоял возле их крыльца. Эту заготовленную впрок растопку аккуратно сложил он в углу веранды, против сплошь закопчённой печи. Вслед за тем подошёл Суджеддин к верному домашнему стражу - Гарабашу, по стуже свернувшемуся калачиком и носом уткнувшемуся в собственный хвост, и угос-

тил пса ломтем хлеба. Обнюхав хлеб, тот, однако, воздержался от того, чтобы сразу же его проглотить, а прежде вскинулся на грудь хозяину, вылизывая Суджеддина с ног до головы и вовсю к нему ластясь. Насилу отбившись от Гарабаша, Суджеддин внимательно осмотрел дом, доверху набитый травой сеновал, а также сарай, вступив в который тотчас услышал запах уздечки, что висела на опорной балке у самого входа. И тут вспомнилась ему Рыжуха и донеслось до него знакомое ржание…

Когда, переведённый на другой путь, поезд покатил дальше, затрясшись и застучав колёсами сильнее обычного, Суджеддин очнулся ото сна. Доныне мысленно пребывавшего в родной Галаче, поезд упорно приближал его к Саратову. Протерев глаза, юноша подошёл к окну. Светало. Беспорочно плоская заснеженная равнина казалась исполненной грусти и тоски.

* * *

Несколько недель кряду, будоража покой пустынных степей, безостановочно подвигался поезд вперёд. Вдали уже замаячили выселедые красноярские леса. Словно в знак покорности перед царящим здесь морозом, развесистые великаны-деревья низко клонили свои отягощённые снегом ветви. Подкативший на рассвете к конечной станции, паровоз выпустил в мутное небо струйку сизоватого дыма и разразился протяжным гудком. Сигналом этим он оповестил бескрайние таёжные просторы о том, что из далёких краёв доставлена к ним очередная партия людей - как счастливых и свободных, так и несчастных и подневольных. Бывший последним в составе, арестантский вагон отдельно прицепили к паровозу, который поволок его к пункту назначения, находящемуся на значительном отдалении от Красноярска. По прибытии на место вагон был тотчас окружён отрядом вооружённых охранников. Суджеддина и его товарищей усадили в особый автомобиль, предназначенный специально для перевозки осуждённых. Через некоторое время машина въехала на территорию исправительной колонии. В соответствии со строгим здешним распорядком, новоприбывшие были тщательным образом освидетельствованы и лишь после этого распределены по камерам о десяти коек каждая.

Металлические двухъярусные эти койки стояли впритык друг к другу. Суджеддин кивком поздоровался с зэками - людьми, разными как по возрасту, так и по физическим данным, и с унылым видом присел на свободное место, слева от двери, привалившись спиной к холодной стене. Один из старожилов этого запиравшегося снаружи жуткого теснилища указал юноше на одну из нижних коек:

- Вот твоё место. Располагайся.

Но Суджеддин даже не шелохнулся. Он совершенно не знал, что ему делать и что говорить, и сидел недвижно, словно бы и не расслышав ему ска-

занного. Заключенные, позабавленные поведением новенького, озорно переглянулись между собой. На одной из передних коек, небрежно закинув ногу на ногу, лежал плотного телосложения малый, на груди у которого было вытатуировано: "Никита". Окинув Суджеддина насмешливым взглядом, он обнажил свои редкие, почернелые зубы:

- Не кручинься! Проходи, садись, или тебе у нас не нравится? Хи-хи…

Суджеддин промолчал.

- Ты городской будешь или из деревни? - вновь иронично вопросил мужичина с наколкой.

- По всему видать - деревня! - обмолвился некто со средней койки.

- Видал небось, как бычка с ярмом-то знакомят? - опять подал голос коренастый. - Поначалу - упирается, ножками дрыгает, сбежать норовит. Но вот вдаришь ему разок-другой промеж рогов, так сейчас же и головку в хомуток можно вздевать. И делается бычок смирнёхонек, ровно овечка. - Здоровяк рассмеялся.

Суджеддин тупо оглядел его, по-прежнему храня молчание.

Крепыш сошёл с койки.

- Не особенно пыжься, чай не у себя дома! Сейчас вот задам тебе, как норовистому телёночку-дичку, вмиг поумнеешь. Сразу уяснишь, куда попал и как-то людям отвечать надобно! - И он подступил к Суджеддину.

Кто-то коренастого окликнул:

- Никита, подлец! Или не видишь - парень деревенский, молодой, законов наших не ведает, не тронь его! Опять с ума сбрендил. Пока рёбер новеньким не обломишь - никак не угомонишься!

Но Никита, оставив без внимания эти слова, прошёл между коек и потянул руку к Суджеддинову вороту. И тут новенький неожиданно вывернул её, хорошенько приложившись по челюсти задиры. Не устояв, Никита кулём рухнул на пол. Сумев, однако, подняться, вовсю матерясь, вновь надвинулся он на Суджеддина, но - с прежним же успехом: очередной удар повторно поверг его наземь.

Строптивость Суджеддина возмутила "старожилов", и против него ретиво выступили двое, решившие взять новенького "в клещи". Но не успели они и глазом моргнуть, как оба отправились вслед за злосчастным Никитой. Теперь уже к юноше поспешила тройка, однако путь ей внезапно преградил широкоплечий тюремник, возрастом лет за пятьдесят и с сивой щетиной на пшеничном лице.

- Не дурите! - бросил он бузилам. - Нешто хотите опять в одиночку угодить? Не видите разве - у парня мозги сейчас набекрень. - И он жестом призвал Суджеддина к спокойствию. - Ну и ручищи же у тебя, недурно ты ребят острастил. А вы трое, не торопитесь к товарищам своим присоединиться. Потравили парня, попримяли его, а он, глядите, и не пикнул даже…

- Благодари его, - потирая челюсть, сказал

Суджеддину Никита и кивнул на широкоплечего, которого звали Джалаладдином Мухаммедом. - Не останови он меня, сейчас бы ты был труп. - И метнул в Суджеддина ненавидящий взгляд.

Не посмев ослушаться широкоплечего, от возобновления драки Никита отказался. К тому же давеча он убедился, что "фраерок" - орешек крепкий, и потому разумно почёл за лучшее вернуться на свою койку.

Между тем, положив руку на плечо юноши и обращаясь к нему, словно к близкому другу, Джалаладдин увлёк новенького в свой закуток. Зная, что случившаяся стычка может иметь опасное продолжение, Джалаладдин заставил стороны помириться. И вот люди, приговорённые к долгим годам неволи, стали покаянно просить друг у друга прощения. Таким образом, в первый же свой день в колонии Суджеддин заслужил уважение тюремного сообщества, прослыв в нём человеком отчаянным, связываться с которым чревато. Тогда же от нового своего знакомца юноша узнал - Джалаладдин сообщил об этом доверительно, на ушко, - что родом тот из Таджикистана...

Вероятно, таёжная стужа в некотором смысле даже поспособствовала тому, что отношения между двумя бывшими противниками день ото дня делались всё более тёплыми. Со временем Суджеддин и Никита стали подлинными друзьями. Всего неделю спустя после их драки тот отвёл юношу в сторонку и, хлопнув его по плечу, сказал:

- Молодец, люблю я бедовых ребят! И меня к ногтю привести не так-то просто, самая смерть мне не страшна. Но, как мужчина, обязан признать: мне стыдно за то, что я поднял на тебя руку. Уж ты не обессудь. К тому же, что теперь-то отмалчиваться, ты преподал мне добрый урок. Нечего мнить себя самым крутым...

Признания эти потребовали от Никиты изрядного мужества. Произнеся их, он притянул к себе Суджеддина, обнял его и дружески прижался щекой к щеке. Они ещё поговорили о том о сём, а потом, посерьёзнев, Никита спросил:

- А тебя-то за что?

- Это долгая история, - промолвил Суджеддин. - Изложить её всю - день понадобится. Скажу лишь одно, поскольку ты новый мой друг и я искренне к тебе привязался: нет на мне убийства. Все мои беды из-за любви. Любовь к девушке, по которой я с ума схожу, отправила меня на тюремную койку.

- И где же теперь эта самая девушка? - поинтересовался Никита. - Ты что же, всё ещё надеешься сойтись с ней?

- Она наша соседка - мы живём через плетень, - отвечал Суджеддин. - И так любим друг друга, что только смерть может нас разлучить. И если не в этом, то уж в мире ином души наши непременно соединятся.

- Как звать-то её?

- Миная! - Суджеддин горестно вздохнул, назвав это имя, но, не желая обнаруживать своего уныния,

сейчас же улыбнулся: - При случае я подробно тебе всё расскажу, а сейчас - не время.

- Человек - существо мудрёное, - заметил Никита, - за годок-другой нутра его не постигнешь. Но вот знаемся мы тобой всего-то без году неделя, а я уж, к тебе присмотревшись, могу сказать наверняка: парень ты не только лихой, но и сердцем чистый. Тут все вы, кавказцы, одинаковые. Так говоришь, уверен, что девка твоя тебя дождётся?

- Ничуть не сомневаюсь, - твёрдо заявил Суджеддин. - Она человек верный и надёжный.

- Дай-то Бог, - просиял Никита. - Конечно, среди девчонок и хороших немало, не оскудела ещё земля душами высокими и преданными. Но ведь имеются на ней и такие, что, желая завлечь парня, наговорят ему, лопуху, с три короба благородной чепухи, тогда как истинное имя им - Дьявол. Что у них на сердце - одному лишь бесу известно. Коли не путаю, сам Господь признавался: мол, неведомы мне умышления чертовские... Каково же раскусить их нам - простым, наивным паренькам, по чьи души и раскинуты бабьи сети?! Все напасти наши - от любви. Да убережёт тебя от них Всевышний!

- Не спорю, Никита, в словах твоих есть правда, - согласился Суджеддин. - А потому, когда мы прощались, я, для проверки, задал моей парочку вопросов. И что же, Миная, оскорблённая недоверием к ней, возмутилась, аж чувств лишилась, готова была с собою покончить. Пришлось виниться перед ней, умолять о прощении. Еле сумел задобрить

её. Так что нет у меня причин сомневаться в чувствах моей невесты. Я жизнью своей пожертвовал ради любви, точно так же и Миная привязана ко мне всем сердцем.

- Я остаюсь при собственном мнении, но тебе с твоей подругой искренне желаю счастья. Только бы сил у неё достало на эти долгие десять лет. Соверши она этот подвиг, я не колеблясь признал бы, что ради подобной девушки и муку колодную терпеть - в сласть. Однако… - Никита оборвал фразу и помялся, вскинув вверх плечи.

- Не сомневайся, Никита, клятву нашу мы сдержим. Бог даст, сам тому свидетелем станешь. Ну а тебя-то, скажи, как сюда попасть угораздило?

- Правду сказать, меня уж многие о том пытали, но всякий раз от ответа я уходил. Однако ты - человек, мне близкий, а потому тебе я откроюсь. Совершил я страшный грех…

- Но ты совсем не похож на злодея!..

- Люди, посмотришь на них впервые, все вроде хороши. Вот хоть меня взять. Ты небось думаешь - Никита парень хоть куда, прямо ангел во плоти, лучше не бывает. А того не знаешь, что я - подлец из подлецов. Родителя я своего порешил. А может ли быть грех пострашней отцеубийства?!. - Никита замолк и, очевидно вспомнив нечто тягостное, как-то весь поник. Чуть погодя он заглянул в глаза Суджеддину и глубоко вздохнул: - Но раз уж тебе интересно, так и быть, расскажу всё без утайки. Мать моя - чистокровная карачаевка. Женщина видная,

осанистая, гордая, именем своим и честью дорожащая, а уж заботливая - второй такой не сыщешь. Родитель же мой, именем Андрей, родом из Ставрополя. В своё время служил он замдиректора в одном из кисловодских санаториев, там же и с матерью моей познакомился, втрескавшейся в него по уши. Словом, поженились они. Отец заставил её бросить учёбу в институте. "Ты - женщина, - сказал он, - и твоё дело дома сидеть и детьми заниматься. А уж обеспечить вас - это моя забота". На самом же деле он попросту мать ревновал. Ведь стоило ей из дому выйти, как весь город взглядами её облеплял. Только и разговору было вокруг, что о её красоте. Надо сказать, отец также был собой представительный, высокий и недурён лицом. И большой охотник покутить. Но вот в санаторий нагрянула проверка, обнаружившая большую недостачу, и отца с работы уволили. Чтобы отмазаться от тюрьмы, продал он всё домашнее наше добро. Отстали от него лишь, когда недостачу возместил он полностью. Ему уж с тем подфартило, что сразу не отдали его под суд. После этого в работе ему всюду отказывали: как же, забулдыга да к тому же ещё на руку нечист. И тогда отец ушёл в такой запой, что про нас и думать позабыл, и в конце концов спутался с одной Верой - небедной вдовой отставного генерала, погибшего в авиакатастрофе. Понятно, родитель мой прельстился именно деньжатами и барахлом этой сучки, годами пятнадцатью его постарше. Что до матери, то свою

марку держала она высоко, никому не жаловалась и всё внушала нам, детям: "Считайте, что нет у вас отца - умер, и больше не горюйте о нём. Буду, пока достанет сил, людям бельё стирать и уж на хлеб для вас как-нибудь заработаю". Словом, вынуждена была она поступить в коммунхоз. Получала там сущие копейки, требуя от нас лишь одного - успевать в учёбе. Детей же было нас трое - я и две младшие сестрёнки. По отцу мы больше не скучали. Но, как оказалось, он и не думал оставить маму в покое - при встрече с нею всякий раз бил её и оскорблял. Частенько тайком от нас лила она слёзы. Со скрипом удалось поступить мне в институт, но на втором курсе я из него ушёл - надо было помочь матери с деньгами. Устроившись на службу в гостинице, я сейчас же забрал её из коммунхоза. Отец же всё продолжал донимать нас своими появлениями, по-прежнему бил и унижал маму, и не было нам от него никакого житья. Даже соседей и собственную родню допёк он вконец. И вот однажды решил я по-сыновнему убедить его не тревожить более нашу маму. В ответ он нагло в лицо мне швырнул, что нет, дескать, у него сына по имени Никита. Я опешил: "Кто же тогда я?" - спрашиваю. "Ступай, у матери своей дознайся, - ответил он. - Небось ей лучше моего известно, от кого она тебя прижила". От этих слов я прямо сам не свой сделался. Для меня лучше было умереть, чем слышать подобное. Выходило: мать моя - гулящая женщина, а я - плод греха. Снести этакое пас-

кудство от родного отца я не мог. Видать, от пьянки совсем он из ума выжил, решил я. А вскоре удалось мне выяснить, что именно бесплодная вдовица главным образом и настраивает отца против законной супруги. Вера полагала, что, поскольку мать красивей её, отец рано или поздно одумается и вернётся в свою семью, плюнув на всё богатство, которым привадили его в чужой дом. Руками отца хотела стерва извести свою соперницу, желая, чтобы та слегла от горя, перестав быть помехой вдовьему её счастью. Хорошо понимала гадина, что, когда бы не мужнино наследство, никто бы и в сторону её не поглядел. И вот как-то вечером, придя домой с работы, ещё с порога услышал я материн крик. Заперев изнутри входную дверь, отец душил бедную женщину. Тут я точно умом тронулся. Под руку попался мне остро наточенный кухонный топор, и, не понимая, что делаю, я насмерть зарубил человека, которого и "отцом"-то звать не пристало… Короче - дали мне десять лет, больше половины из которых я уже отсидел. И хотя двигал мною праведный гнев, сейчас я ненавижу себя за то, что пролил кровь собственного родителя. Пусть и достоин он был этого и не тогда, так после всё равно бы пришлось ответить ему за слёзы матери… Так-то оно так, но опять же - отцеубийце нет на земле прощения. И я давно решил, что домой после тюрьмы не вернусь, а уеду куда-нибудь далеко, устроюсь на работу, женюсь, а уж после перевезу к себе маму и сестёр. В чужом краю, где

тебя никто не знает, сызнова начинать - легче…

* * *

Через какое-то время Суджеддина и его сокамерников перевели в барак, где ютились полторы сотни человек. Здесь уже заключённых гоняли, что называется, в хвост и в гриву. Даже и в пургу валили они лес, а кроме того, сколачивали из тёса ящики, которые затем полуторками доставлялись на железнодорожную станцию, а уже оттуда, в товарных вагонах, развозились по всей стране.

Несмотря на разницу в возрасте, между Суджеддином и Джаладдином установились приятельские отношения. Неразлучны были они и на лесоповале, и в столовой. Вот и спали они на соседних койках. Джалаладдин неизменно выказывал заботу о младшем товарище, с которым у них были свои, строго доверительные, разговоры и секреты. Об их дружбе знал весь барак. Хорошо понимавший в бухгалтерии, Никита работал отдельно от них - в конторе, однако в столовой и на прогулках в острожном дворе всю тройку непременно видели вместе.

Случалось Джалаладдин устремлял на юношу пристальный взгляд, значения которого тот никак не мог уяснить. Как-то раз, вернувшись с работы, все трое, по своему обыкновению, завели разговор о собственных злоключениях, и неожиданно нахмурившийся Джалаладдин, задумчиво вперившись в

разрумянившееся на морозе лицо Суджеддина, промолвил:

- Люди из ваших краёв очень похожи друг на друга. Все чернобровые, черноглазые, рослые и простодушные, все приветливые, решительные и бесстрашные… У меня был друг по имени Джахангир - тоже азербайджанец. Вот это, скажу я вам, мужик! Был он "политический", а потому срок мотал в колонии строгого режима, что километрах в двадцати-тридцати отсюда. По сравнению с ней здесь у нас - рай. Тут мы хоть делом каким-то заняты. Там же тебе и пошевелиться не дают. Следят за каждым твоим шагом. Бывало заговорят двое меж собой, так их тотчас же на допрос… А уж измываются над народом - убереги нас от такого Аллах! Только я впервые тебя увидел - сразу Джахангир мне вспомнился. Вы с ним прямо одно лицо. Ну, он, понятно, постарше. Обоим вам, ребята, в отцы годится. Редкостной чистоты душевной человек. Правда, несколько упрямый...

При этих словах Суджеддин чуть было не сжал Джалаладдина в объятиях, готовый упасть ему в ноги и немедля пуститься в расспросы об отце. Юноше хотелось громко заявить, что он - сын упомянутого только что Джахангира. Но, сдержав свой порыв, Суджеддин по-прежнему в молчании продолжал слушать Джалаладдина. Парень полагал, что, узнай последний, кем приходятся друг другу двое его знакомых азербайджанцев, Джаладдин умолчит о многом из того, что мог бы о Джахангире сообщить. "Пусть вначале закончит свой

рассказ, - рассудил Суджеддин, - а уж после я сделаю моё признание".

Когда посреди необъятных таёжных просторов прозвучало имя его родителя, из глаз юноши тотчас брызнули слёзы, благо от постороннего взора скрыл их козырёк ушанки. Между тем Джалаладдин, не прерываясь, делился своими воспоминаниями, при этом в голосе его явственно слышалась боль, словно говорил он о чрезвычайно близком ему человеке.

- Как-то вечерком зэки наши учинили дурацкую выходку. Улучив подходящий момент, они разоружили двоих охранников, объявив их своими заложниками, причём один из заложников был офицер. Бунтовщики всполошили весь лагерь, требуя от начальства, чтобы их перестали содержать как "политических", и обещая, в случае невыполнения этого требования, заложников убить, а бараки все пожечь дотла. Мы с Джахангиром в эту заваруху встревать не стали и вообще подчёркнуто держались особнячком. Начальство же тем временем известило заключённых, что при малейшем подозрительном движении в бараках будет открыт огонь на поражение. В дело вступили спецподразделения, зарядила лагерная сирена. На подмогу своим прибыла охрана с других объектов. Переговоры никаких результатов не дали, и целый день барак наш оставался под контролем бунтовщиков. За полночь грянула перестрелка. Но что могли двое зэков против оравы обученной солдатни?! Укосили

их, как траву. Погибли также и заложники. А главное - одна из пуль сразила Джахангира. Он только и успел сказать: "Ох, меня подстрелили!" - и тотчас повалился наземь. Уж не знаю, куда его ранило, но только более не вымолвил он ни слова. Народу в ту ночь с обеих сторон полегло - уйма! Кровищи натекло - реки! Убитых и раненых ещё затемно всех куда-то увезли. С той поры сколько не допытывался я насчёт Джахангира, сведать о нём так ничего и не сумел. А вскоре сверху поступило указание историю с бунтом замять - будто бы и не было его вовсе. Многих наших шнырей из органов поувольняли, а зэков - порассовали по другим лагерям. Жуткое место - такого и врагу не пожелаешь! Условия - гаже некуда: сколько нашего брата на моих глазах от стужи там позагнулось! Статья у меня была из тяжких, но мои грамотеи-родственники завалили Москву ходатайствами, и Аллах наконец смилостивился надо мной - дело пересмотрели и заменили мне статью на более лёгкую. Теперь уж я перестал числиться в "политических", вследствие чего и был направлен в эту колонию. Так вот и кукую здесь три годика с гаком. Большую часть срока - отсидел, всего-то "четверик" мне остался. Так что, коли не помру, вскорости родину мою увижу. Недавно разрешение получил на то, чтобы раз в месяц весточками с родными обмениваться. Дома, пишут, пока всё нормально. Узнал я кое-что и про своего судью - настоящего, надо сказать, сукина сына. Ни капли страха не имел,

подлец, перед Аллахом. И, что самое обидное, ведь родом-то был из наших краёв, так вот же, мне, земляку своему, не постеснялся вкатить аж целых двенадцать лет! Да ещё и "политической" меня уважил - будто бы умышлял я пострелять членов правительства. А какой, спрашивается, из меня "враг народа"?! Вот, сослали, невинного, в Сибирь, на погибель! Но человек я незлобливый, и, что бы со мной ни случилось, за всё благодарю Аллаха. Создателю сверху хорошо видать, что на земле у нас творится, и поступки людские судит Он собственным судом. Человек, неправедно вынесший мне приговор, пять лет назад вместе с семьей угодил в автокатастрофу. Не выжил никто. Я же, напротив того, живёхонек, чем премного и доволен. Если не заслужил ты неудовольствия Аллаха, может ли тебе навредить Его раб?! Господь сам наказал нечестивца. За любую несправедливость непременно воздаётся карой! Потому-то следует всечасно помнить Всевышнего и жить строго по совести. Я не злопыхательствую, но любой негодяй и вероломец рискует дни свои окончить вот как тот судья.

Более не в силах сдерживать слёзы, Суджеддин громко разрыдался.

- Суджеддин! - удивился Джалаладдин. - Чем таким я тебя огорчил? - И сейчас же помрачнел.

- Джахангир, о котором ты говорил, - хрипло ответил Суджеддин, - мой отец! Я - его сын! И не сказал я тебе о том сразу, чтобы часом не утаил ты

от меня каких-либо сведений о нём.

Повисло тягостное молчание.

- Так уж, видно, на роду нам было написано, - примирительным тоном произнёс Джалаладдин, - уродиться на свет в столь гнусные времена! Ты что думаешь, я попал сюда за преступление или другую провинность?! Так нет же. В ту пору младший мой брат, Хусамеддин, заведовал у нас в районе народным образованием, я же был приёмщиком в управлении по заготовке скота. Хусамеддин обучался в Москве, был образованным, толковым специалистом, уважаемым всей округой. Разошёлся слух, будто прочат его в районные головы. Ну завистники и стали тотчас лезть из кожи вон, чтобы помешать ему возвыситься. Однако брат был чист, как голубь, и очернить его им оказалось слабо. Тогда-то нечестивцы и взялись за меня. Устроили инспекцию, раздули из мухи слона… Повесили на меня падёж нескольких голов скота, обвинили во вредительстве - и припечатали все двенадцать лет! Политический преступник… враг народа… и то, и сё!.. Словом, приписали мне что только можно, ведь, опорочив меня, они получали оружие против Хусамеддина. Как же, брату "вредителя" - и быть главой партийной организации района, или пусть хоть завотделом образования!.. Так и удалось им устранить со своего пути Хусамеддина, который, в результате их происков, отправлен был в глухомань простым учителем… Такие вот игры!..

Помолчав немного, Джалаладдин продолжил

свою речь:

- Отец твой, как и я, осуждён был безвинно. Он мне всё рассказал. Когда бы не стал он свидетелем домогательства вашего председателя к той девушке - Ганире, ничего бы с родителем твоим не стряслось. Ведь в чём штука. Председатель ваш испугался, что Джахангир обнаружит перед всеми его похабство, ославит подлеца на весь свет, а то и разнесёт повсюду о тайных его плутнях. Оттого-то и вознамерился он всеми способами удалить Джахангира из деревни - и своего добился. Спросили как-то у горы, кого боится она более всего, "Богатея", - ответила гора. Так что никакой, брат, закон не устоит против денежного мешка! - И Джалаладдин с удручённым видом несколько раз качнул головой. - Пока же право подминают под себя те, у кого власть и деньги, лесорубами, вроде нас с тобой, Сибирь не оскудеет. В такие вот времена выдалось нам с тобой жить, сынок! Да упокоит Аллах душу Джахангира, он-то сейчас пребывает в мире истины и благодати, не то что мы - мыкающиеся в земной мерзости. Мёртвым ничем не поможешь, поэтому что уж теперь плакать?! Разве слезами оживишь Джахангира или же разжалобишь вооружённых наших охранников?! Свой тюк надлежит пронести до конца, Суджеддин, иной чести мы не сподоблены. Так что побереги-ка себя, одевайся потеплее и старайся не простужаться. Необходимо приноровиться к суровому нраву Сибири.

В продолжение речи товарища у Суджеддина

ощутимо менялось восприятие таёжного сибирского простора. Исподволь в сердце юноши пробуждалось тёплое чувство к студёному этому краю. "Здесь, в этой земле, спит мой отец, - про себя размышлял он. - И душа его, без сомнения, витает где-то совсем рядом". Дотоле глубоко ему ненавистная, здешняя природа теперь казалась Суджеддину чуть ли не родной. И проистекало это новое для юноши чувство именно от сознания того, что где-то в промёрзлой здешней почве покоится тело отца его, Джахангира. Парню мнилось, будто душа усопшего незримо внимает настоящей беседе и что сыновние слёзы, проникая под заснеженный сибирский грунт, отогревают сейчас холодный мрак вечного Джахангирова пристанища...

Чтобы отвлечь товарища от скорбных переживаний, Джалаладдин резко поменял тему беседы:

- Мы столько болтаем здесь, стоя без движения, что скоро вконец окоченеем. Язык мой, того и гляди, в сосульку обратится. До конца рабочего дня осталось всего ничего, пойдём-ка, срубим пару деревьев. Во-первых, согреемся и руки-ноги разомнём, а во-вторых - избегнем бригадирских нареканий в том, что, дескать, лентяи мы и лишь вид делаем, будто работаем, а на самом деле вовсю лясы точим. Ведь зэки для него - мусор, ему бы только перед начальством выслужиться...

Чтобы не упасть на обледенелой узкой тропке, к овражку - делянке шли они, крепко держась друг за друга. В глубине рощи, где та не успела ещё заиндеветь, они срубили пяток деревьев, несколько разогрев себе кровь. Выполнив, таким образом, свою дневную норму и услышав от бригадира привычное "добро", друзья возвратились в барак. После ужина Суджеддин развязал свою котомку, из которой вынул мешочек с галачинской землицей. Развернув мешочек перед Джалаладдином, юноша сказал:

- Не стану скрывать, я предчувствовал, что с отцом стряслась беда. Думал: вначале освоюсь на новом месте, с людьми поближе сойдусь, а уж потом постараюсь вызнать что-нибудь об отце. Думал: коли он жив, не так одиноко будет мне на чужбине, а может, и того более - сибирская тайга обернётся для меня райскими кущами. Зная, что отец где-то неподалёку, я легче перенёс бы неволю и превозмог бы любые лишения. А умри он, то посыпал бы его могилу привезённой из дому землёй. И вот теперь мне стало известно, что отца и вправду нет, а где схоронили его - одному Богу ведомо...

- Всё так, - согласился Джалаладдин и протяжно вздохнул. - Однако тамошние места я успел-таки немножко изучить. И как бы это ни было затруднительно, я всё же попытаюсь разведать, где он упокоен.

- Ты и подлинно человек великодушный, - молвил Суджеддин. - И, как друга отца, бывшего ему опорой в самые трудные его минуты, я хочу попросить тебя об одном одолжении.

- Пожалуйста, - развёл руками Джалаладдин. - Правда, как душе подневольной, мне трудно в полной мере следовать долгу дружбы и человеческого участия, однако обещаю сделать для тебя всё, что только смогу.

- Не сегодня завтра срок твой выйдет, а без тебя задуманного мне никак не осуществить. Во что бы мне это ни стало, но я непременно сберегу эту горстку родной землицы, чтобы перед самым твоим освобождением вручить тебе. Отыщешь отцовскую могилу, просыпь на неё эту землю, а нет - так разбросай в месте, где положено этой могиле быть. Если сибирская природа доставит хоть песчинку от моей родины к последнему приюту отца, одно уж это будет для меня большим утешением. Я, конечно, понимаю, сколь хлопотно исполнить мою просьбу, и мне неловко обращаться с нею к человеку, много меня старшему, но так велит мне сыновний мой долг. И… я заранее тебе благодарен.

- Исполнить твою просьбу не тягость для меня, а дружеская, братская обязанность, - отвечал Джалаладдин. - Даже не попроси ты меня об этом, всё равно, выйдя на волю, непременно бы посетил я Джахангирову могилу. Поступи иначе, я никогда бы себе этого не простил, да и душа друга, глядишь, вознегодовала бы на меня.

Суджеддину приятны были эти слова.

- Клянусь Создателем, после освобождения первым же делом махну я в Таджикистан, повидаться с тобой, а только уж затем домой подамся! - воскликнул он. - Коль позабуду я твоё добро, пусть боком станет мне хлеб, который с тобой мы преломили! Давеча я говорил, что дома меня ждёт не дождётся невеста, и пообещал, что на свадьбе нашей сидеть тебе на самом почётном месте. Да будет так, и пусть вся Галача увидит, какие верные и благородные люди есть ещё на свете!

* * *

Неприметно сменялись дни, недели, месяцы, годы… Суджеддин находился в заключении уже свыше трёх лет. Прежде он регулярно получал письма из дома, но последнее время весточки оттуда приходили всё реже и реже. За годы разлуки с женихом Миная написала ему лишь трижды, да и в тех цидулках едва ли можно было различить отголоски прежней её страсти - так, дежурные, чуть ли не казённые, слова… "Наверное, Миная намеренно изъясняется в сдержанном тоне, чтобы поменее растравлять мне душу, - убеждал себя Суджеддин. - А кроме того, возможно, она вынуждена молчать о своих чувствах, опасаясь, что письма её будут вскрыты по дороге…"

Однако уж целых полгода, как от Минаи не было ни строчки, и обстоятельство это чрезвычайно удручало Суджеддина. "Не приведи Бог, она заболела, - думал он, - или же дома у них неладное случилось! Когда бы не так, Миная давно бы хоть словечко мне отписала!" Между тем с получением

последнего письма от Новресте в юноше шевельнулись смутные подозрения. В письме этом сестра передавала ему привет от дядюшки Багира и учительницы Натальи, при этом не упомянув даже имени Минаи. Суджеддин склонен был объяснять такую "забывчивость" именно давней холодностью Новресте к его суженой, однако червячок сомнения закрался-таки в юношеское сердце...

* * *

Первые дни после ареста Суджеддина Наталья и Миная старались подольше находиться подле Новресте. Частенько даже оставались они у неё на ночь, скрашивая одиночество бедняжки. Багир-киши также не забывал печься о доме и чаде Джахангира, не позволяя Новресте исполнять мужскую работу. Он следил за порядком в усадьбе, старался обеспечить сироту всем необходимым, в частности - впрок заготовлял для неё дрова. Теперь на плечи Багира легли заботы по сразу двум хозяйствам.

Однако не прошло и года с ареста Суджеддина, как Миная исподволь стала отстраняться от Новресте. Не в пример Минае, Наталья-муаллима относилась к сиротке с прежней теплотой, часто наведываясь в разорённое её гнездо. Покупая себе что-нибудь из одежды, никогда не забывала она и об обнове для Новресте. Всё это делала учительница, в значительной мере, из преданности Джахангиру, в чью невиновность уверовала с самого начала. По

временам Наталья даже надолго впадала в грусть, вспоминая бывшего своего благодетеля.

Казалось, сознанием беззащитности и обездоленности Новресте проникся даже Гарабаш. Днём он по большей части лежал возле своей конуры, чутко следя из-за тына за движением на улице, а с наступлением темноты то и дело заходился в лае, стоило только заметить ему невдалеке подозрительную тень. С таким защитником Новресте могла быть уверена: никто посторонний непрошенно не заявится к ней на подворье, а потому спокойно спала по ночам. С недавних пор у Гарабаша завелось обыкновение - недвижно лежа на земле, опустив голову на чёрные свои лапы, вперять пристальный настороженный взгляд в калитку. Несомненно, он ждал появления Джахангира или Суджеддина. Если потемну за плетнём раздавался хоть тихенький шорох, пёс сей же миг вскакивал с земли и, востря уши, устремлял взор в соответствующем направлении. Лишь в очередной раз убедившись, что виновник шума - припозднившийся сельчанин, Гарабаш успокаивался и с разочарованным видом возвращался на своё место.

Как посадили Суджеддина, вокруг Минаи немедля стал увиваться Бахаддин. В отсутствие Багира, под разными предлогами, уходила девушка из дому, чтобы в каком-нибудь укромном закутке пошептаться вдвоём со своим ухажёром. Новресте и раньше не склонна была доверять Минае, зная, что та - особа легкомысленная и ненадёжная, не

чуждая лицемерия и способная, сойдясь с одним человеком, без зазрения совести заигрывать с другим. Просто в своё время Новресте отказалась открыть на это глаза Суджеддину из опасения быть превратно им понятой. Ведь не трудно было догадаться, что тот скорее примет на веру оправдания Минаи, нежели обвинительные доводы сестры. Новресте с самого начала была убеждена, что оступись нечаянно Суджеддин, и Миная сейчас же откажется от него и найдёт себе нового поклонника. Вот почему, когда брат угодил в застенок, Новресте стала следить за каждым шагом бывшей своей подруги и, лишь только тень Бахаддина вновь замаячила близ Минаи, бесповоротно с ней порвала. Изредка та, бывало, захаживала в гости к несостоявшейся своей золовке, однако более не имела у неё радушного приёма.

Как-то Багиру случилось денька на два уехать из деревни, и чуть не всё это время провёл Бахаддин в обществе Минаи и Гызъетер, при виде его так и лучившихся довольством. Специально для гостя живой рукой разогревали самовар и готовили угощение. Частенько Гызъетер оставляла молодых ворковать наедине, для виду с кувшином отправляясь к арыку. Собственно, именно она, Гызъетер, кашу всю и заварила. Дни напролёт вдалбливала она дочери - мол, десять лет это целый век, в течение которого Миная-де увянет, перестав быть привлекательной для женихов. "Всему свой срок положен, - внушала она дочери. - Девушка, она как

роза: вовремя не сорвут - зачахнет, лишится аромата и уж никому не будет нужна. Да и каково это - иметь муженьком сына врага народа, а к тому же ещё убийцу! Так что самый лучший выбор для тебя - Бахаддин. Парень, слава Богу, здоровый, статный, красивый. Из зажиточной семьи. И "спина" у него - лучше не надо! Не чета твоему Суджеддину! Будь он неладен, душегуб, ни за что отправивший в могилу бедного мельника, дюжину ртов кормильца лишивший! Девушке, что выйдет за этакого злодея, вовек счастья не видать! А слышала ли ты что худое о Бахаддине? В деревне на него чуть не молятся все. Хочешь жить, горя не ведая, выходи за него. И не слушай отца - он по старости совсем умом ослаб. И раньше, бедняга, не слишком-то был мозгами крепок, а теперь - так и вовсе! Как говорится: курилку заждалась могилка! Помер бы он наконец - хоть зажили бы мы спокойно. Мою молодость сгубил, так теперь ты у него на очереди. И когда-то жили мы с ним по-людски?! Весь век - как кошка с собакой, будь оно проклято, такое супружество! Гляжу я на моих ровесниц - всем повезло, не в пример мне. Старухи, годами десятью постарше моей матери, и те молодками смотрятся. Увидят меня - посмеиваются: что, мол, ты, Гызъетер, этак сдала? И верно - иной ли мне быть, о бок-то с Багиром обретаясь! И скала бы рассыпалась, приведись ей испытать с моё. Любая другая уж давно бы померла!"

Миная и прежде заглядывалась на Бахаддина. О

Суджеддине она перестала думать, лишь только тот был взят под стражу. В душе она даже обрадовалась тому, что случай избавил её от неудачника-жениха. "Характер у него и правда истинно мужской, но вот в кармане - мыши бегают. А значит, счастья с ним не жди. Другое дело Бахаддин - выйду за него и в драгоценностях буду купаться. И станет он, миленький, на руках меня носить!" - ликовала Миная.

Наставления матери окончательно убедили девушку выкинуть Суджеддина из головы. Теперь при одном лишь упоминании его имени Минае едва не делалось дурно. Совершенно очарованная Бахаддином, она только и говорила, что о новом своём возлюбленном. Об их отношениях судачила уже вся деревня. Все пребывали в уверенности, что в самом скором времени парочка поженится.

Багир-киши был единственный в Галаче, кто ни о чём этом не ведал ни сном ни духом. Тем не менее однажды и до него дошёл слух, что дочка его свернула с прежней тропки и снюхалась с Бахаддином, а также, что в отсутствие его, Багира, принимает она нового своего женишка в отчем доме. Узнав об этом, старик прямо взбеленился: как же, родная дочь нанесла ему предательский удар в спину! Однако до времени он решил не обнаруживать своей осведомлённости, рассудив, что в такого рода обстоятельствах необходимо сохранять выдержку.

Как-то раз, когда Гызъетер развешивала во дворе свежевыстиранное бельё, Багир призвал к себе

Минаю и уединился с ней в дальней комнате.

- Миная, довелось мне прослышать о невероятных вещах, - сказал он, - и я хочу знать - правду мне сообщили или нет. Этот проходимец, Бахаддин, или как там его, болтает повсюду, что влюблён в дочку Багира и будто бы уже существует уговор о помолвке. Уверен, что это пустые сплетни, и всё же не зря говорят: нет дыма без огня, и я желал бы услышать из твоих уст - имели ли место подобные переговоры?

Отведя взгляд от Багира, судорожно теребя кончики завязок своего полушалка, Миная утвердительно кивнула.

- Это правда, отец, - процедила она. - Был такой разговор.

Помрачнев, Багир сощурил глаза и, насилу уняв свой гнев, с прежним ледяным спокойствием продолжал:

- А что сама ты об этом думаешь?

- Я всё рассказала матери...

- Что именно ты рассказала ей, дочка?

- Спроси у неё. - И Миная кивнула в направлении двора, где сейчас находилась Гызъетер.

- Повадка твоей мамаши обоим нам хорошо ведома. Замашет помелом - не уймёшь топором. Я же хочу знать доподлинно: что у тебя на душе?

- После маминого согласия…

Миная не завершила фразы, но Багиру и без того стало ясно: мать и дочка - в сговоре. Мгновенно позабыв о приличествующей аксакалу сдер-

жанности, он вскинулся на девицу:

- Дочка, я, правда, постарел, но всё ж пока ещё не умер, дышу пока, слава Аллаху! И я рад, что ты послушна родной матери. Но если отец постарел и ослаб, это, однако, вовсе не значит, что его положено топтать. И тебе с твоей матерью должно быть стыдно за неподобающее ваше поведение. Кроме того, нам с тобой, как и всем в Галаче, отлично известно, кто именно погубил Джахангира. Впрочем, специально для тебя могу уточнить: Сафтар, Бахаддин и остальная их братия - враги рода Забыхлы. На их совести разорение дома Джахангира. И если породнюсь я с этой нелюдью, всякий, кто сведает о том, вправе будет плюнуть мне в лицо. И другое: вся Галача знает, что помолвлена ты с Суджеддином. На ваш брак дали согласие и я и твоя мать. Да и ты сама, как мне помнится. Так что же нынче происходит?! Если лишь из-за того, что угодил он в тюрьму, отвергнешь ты Суджеддина в пользу отпетого проходимца, люди осудят за это не только тебя, но всю нашу семью. Суджеддин же - именно тот, кто, напомню, взял на себя невольно совершённое мною убийство. Спрашивается: ради кого он это сделал? Да ради тебя! Не мог позволить он, чтобы невеста его убивалась по отцу, в преклонном возрасте упечённому за решётку! И вот парень гниёт теперь в Сибири, а мне что же, прикажешь сидеть за одним столом с заклятыми его врагами, веселиться на свадьбе наречённой его невесты и музычкой резвой услаждаться?! Дочка, это

немыслимо! И вот я прямо тебе говорю, а ты слушай внимательно: не дай лукавому сбить тебя с пути истинного - прихоть твоя невыполнима. Жизнь моя уж клонится к закату, не позорь же меня, старика, перед всем миром. С этого дня забудь и думать о Бахаддине! Да и кто он, в самом деле?! Какой из него муж тебе, а мне - зять?! Власть его - временная. Не гляди, что сейчас он в силе, благодаря покровительству сына Бесштанника Гасыма, Спесивца Сафтара. Ремесла в руках у него нет, а век начальников-дураков - короток. Что быстро полнится, то быстро же и пустеет. И время невежественных проныр скоро закончится. Не сегодня завтра погонят Сафтара с должности, и тогда с ним и с зазнавшимися его прихвостнями никто и здороваться не станет. Всё это безродное отребье. И пусть у них вдосталь денег - совести нет у них и на каплю!

Скрипнула дверь, стоя за которой разговор этот подслушивала Гызъетер, и в комнате появилась сама мать семейства. Ободрённая подоспевшей к ней помощью, Миная демонстративно разрыдалась.

- Что случилось? - с напускной строгостью на лице подступила Гызътер к дочери. - Что нюни распустила? Меня оплакиваешь или, может, своего отца? Что ревёшь? - И обратилась к мужу: - Я превосходно расслышала всё, что ты тут наговорил. Не делай нашу дочь горемыкой, Багир. Зачем киснуть ей целых десять лет в ожидании, когда вернётся с

другого конца света Суджеддин? Плохо ли, чтобы и Багир с Гызъетер сыграли свадьбу своему ребёнку и поплясали на ней?! Девочка наша в возраст вошла, пусть же, наконец, и она счастье женское вкусит! Не тяни меня за язык! Ведь это твоими радениями дошли мы до такой жизни! Стольких трудов стоило нам Таджеддина на ноги поднять, и что же, когда пришла пора нам на него опереться, его тотчас как ветром сдуло. Куда делся - неведомо, растворился в чужих краях. И не надейся, что он, голубчик, прибежит, ношу твою на плечи свои взвалить. Оба они, и сын наш, и Суджеддин, теперь далеко, и увидим мы их не скоро. Одна только Миная у нас осталась, и ту решил ты страдалицей сделать! Но, доколе я жива, - Гызъетер стукнула себя в грудь, - этому не бывать!

Миная кинулась к матери, прижавшись к ней всем телом. И Багиру стало ясно, что дочь его единого мнения с Гызъетер. Положение создалось для старика щекотливое. Пойди он напролом, обе женщины, несомненно, объединились бы для отпора, что больно бы ударило по авторитету Багира как главы семьи. Поневоле смирившийся, он просительно взглянул на Минаю и дрогнувшим голосом проронил:

- Дочка, в таких вопросах спешить нельзя. Послушай меня - потерпи ещё годок-другой, дождёмся вестей от Суджеддина и тогда примем надлежащее решение. Ведь, строго говоря, ты и обязана хранить ему верность до скончания своих дней.

Почему - известно только Аллаху да нам с тобой. Не желаешь ждать - что тут поделать! Встретится человек достойный - в добрый путь, и быть мне последним из людей, если стану я тебя удерживать. Но только крепко себе затверди - исконным врагам вовек не стать добрыми родичами. И людей Бахаддина я на порог моего дома не пущу. Запомни это раз навсегда!

- Вот что, - вмешалась Гызъетер. - Сердцу, как известно, не прикажешь. Миная любит Бахаддина. Они объяснились и всё для себя решили. И получили от меня благословение. И нет у нас вовсе никаких врагов, не выдумывай попусту. Джахангир не брат нам и не сват. И сынок его - тоже. Кто кого куда упёк, кто кому силок расставил - пусть сами разбираются. Нам о чужой беде печалиться резону нет!

- Мать права, - дрожащим голосом отозвалась Миная.

Багир понял, что остался в одиночестве, - дочь с матерью дули в одну дуду. Вспомнилась старику их последняя с Джахангиром беседа. Ожило перед его глазами происшествие на мельнице. А вслед за тем возник в воображении Багира Суджеддин, томящийся в сибирском далеке. И подумалось старику, как-то будет ему породниться и сидеть за одним столом с Бахаддином, приспешником сына Бесштанника Гасыма, Спесивца Сафтара - непримиримого врага Забыхлы. И ещё - Багиру не давала покоя мысль, что родная дочь впервые осмелилась

выйти из-под его воли. Это сильно уязвляло самолюбие старика. Но, увы, немощь не позволяла ему резко осадить и поставить на место зарвавшихся женщин. Трезво оценив ситуацию, он вновь взглянул на мать с дочерью, единым фронтом выступивших против него. Ничего не сказал Багир ни Гызъетер, с которой делил ложе свыше тридцати лет, ни дочери, которую, во всём себе отказывая, баловал сызмалу. В голове у старика зародился некий план. И, отказавшись от продолжения схлёстки, он молча вышел из дома.

Багир стал посреди двора, печальным взором водя по усадьбе - детищу многолетних его трудов. Мысленно призвал он к себе далёкую свою молодость, но ничто не откликнулось на этот зов. Казалось, самые стены дома, собственноручно им возведённые, презрев своего создателя, держали теперь сторону Гызъетер и Минаи. Даже серая, в чёрных полосах, домашняя кошка, прежде навязчиво ластившаяся к нему, сейчас откровенно его игнорировала, без всякого интереса наблюдая за ним с ветви тутовника. Из дому между тем доносился голос неугомонной Гызъетер:

- Да он от века не мужем мне был, а злейшим недругом! Что видела я от него в молодости, чтобы в старости потакать его капризам?! Возил ли он меня на мир поглядеть, обряжал ли в дорогие платья?!. А теперь вот хочет, чтобы и дочке нашей такой же удел достался! Будет тебе, павушка, по весне травушка!.. Что теперь Минае - плюнуть на

ладного богатого парня и, глядя на дорожную пыль, дожидаться, пока из тюрьмы прибудет разлюбезный Суджеддин, чтобы всех нас осчастливить?!.

- Не обращай на него внимания, - вторила ей Миная. - Хоть и отец он мне, да, как видно, совсем рехнувшись на старости лет, уж и сам не понимает, что говорит. Если он упрётся, я просто-напросто сбегу с Бахаддином. И отеческого благословения мне не надобно. Так что не переживай!

Багир заковылял со двора прочь. Долее не мог он слышать эти мучительные для его слуха речи. Ему необходим был хоть короткий роздых. Брёл он, не разбирая дороги, - бесшумно и совсем медленно. Брёл, согбённый тягостными думами. И остановился, лишь завидя Фараджа, что, пока не состарился, ходил по сёлам, торгуя скотом, а сейчас безотлучно обретался под родным кровом. Будучи односельчанами, виделись тем не менее аксакалы крайне редко. Старики обменялись приветствием. Каждому было уже за восемьдесят, и оба жили в предощущении близости смерти. В молодости были они дружны - вместе распахивали землю, поливали сады... Но впоследствии их дороги разошлись. Фарадж заделался прасолом, а Багир как был, так и остался землеробом. И вот, встретившиеся на склоне лет, оба старика растрогались. Недаром говорится: всё хорошо внове, одной дружбы кроме. Случалось им в былые годы и довольно солоно перешучиваться. Багир не был курильщиком, но

сейчас, желая успокоить разгулявшиеся нервы, испросил у Фараджа табачку. Тот извлёк из кармана щепоть махорки и размером с ладонь клочок бумаги, протянув всё это Багиру.

- Ну, как тебе доля хрычовья? - спросил Багир, сворачивая самокрутку.

Глаза у Фараджа озорно блеснули.

- И у старости своя прелесть имеется, - ответил он. - Было у меня две ноги, а теперь вот целых три. Всю ночь до утра прокашляешь, зато вор убоится нос в дом сунуть. Спина сгорбилась, оттого и шея вниз клонится, - опять же воротник не пачкается. Ну что может быть лучше?!.

Оба засмеялись.

- А как у тебя дома? - в свою очередь, поинтересовался Фарадж. - Народ твой всё ещё тебе покорен?

Сам того не ведая, Фарадж наступил на больную мозоль приятеля. Грустно оглядел Багир далёкий величавый кряж, и с новой силой всколыхнулась в старике душевная мука. Однако, не пожелав выказать своих чувств, он хрипло ответил:

- Пока не жалуюсь. Сын, правда, сейчас в чужих краях, но зато пишет регулярно, а бывает, и денег пришлёт. Жена день-деньской в заботах обо мне. Замужние дочки тоже не близко отсюда, но раз в месяц непременно к нам наведываются. А та, что ещё в девках, бабочкой вокруг меня кружит…

- Выходит, счастливый ты человек, Багир! - молвил Фарадж. - Мне же по родительской части повезло не очень. С такими трудами шестерых сынов на ноги поставил!.. Вот многие не хотят иметь дочерей, а мы с женой, так напротив, уж столько просили Создателя послать нам девочку - всё без толку. Ведь сын, он печётся о тебе, покамест сам не женится, тогда как дочка - твоя до самой могилы. Это уж так установлено. Всех сыновей я оженил, всю жизнь мою им отдал, чтобы вовек ни в чём они не нуждались и были благополучны и чтоб, как помру, не сподобиться от них попрёков. Но все хлопоты мои прахом пошли - каждый из них теперь сам по себе. Ну а мы, родители… кому от нас нынче прок?! Годами детей не вижу. Не знаю даже, какого цвета у них ворота. Бывает, раз в год заговорит в парнях совесть, заявятся они ко мне, спросят для виду, не нужно ль чего, да чуть погодя и отбудут, как будто угольев им под зад подложили. И часу не усидят под отчим кровом, не поговорят душевно с родителями, придумают какой-нибудь предлог - и прости-прощай. Да и наезжают сюда они затем лишь, чтобы люди не стали пенять в их адрес - дескать, дурные уродились у Фараджа сыновья, совсем не заботятся об отце… Всё больше о жёнах своих ребята пекутся, ставят их превыше собственных родителей!.. - Взор у Фараджа сделался мокр, и вовсе не вследствие обычного у стариков непроизвольного выделения глазной влаги, - то были слёзы подлинной горечи. Впрочем, бедняга сумел быстро взять себя в руки. - Да, родителей, довольных своими детьми, нынче один на тысячу. А ведь чуть

заболит у кого из них головёнка, я места себе не нахожу! И ничего-то мне от парней не надо, лишь бы все они были здоровы. Хоть словечко об одном из них ушком словлю - я и тем доволен. Уж таков, видать, закон бытия!..

Багир стоял как вкопанный. Телом находился он подле давнего товарища, но в мыслях своих пребывал далеко-далеко. Внезапно старческие их с товарищем горести рассмешили Багира.

- Не спеши, Фарадж, - сказал он. - Вот увидишь - придёт день, и все шестеро твоих сыновей дружно прикатят к тебе в гости.

- Да услышит тебя Аллах! Да сподобит Он тебя доброй вести! Но откуда эта твоя уверенность, ты что - провидец?!

Багир усмехнулся.

- Это произойдёт, когда Азраил с мечом в руке станет над твоим изголовьем. Не огорчайся: час этот уж не за горами.

- Эх, голова у тебя седая, а умишко - прежний. Всё болтаешь глупости, как в молодые свои годы, - произнёс Фарадж, поняв, что Багир над ним подшутил.

На лицах у обоих появилась озорная улыбка.

- Ладно, Багир, довольно поди поплакались. Давай-ка о чём-нибудь другом. Вот, скажем, слыхал я, тишком задумал ты дочку свою замуж выдать. Ну, и когда же свадьба?

- Какая свадьба, какое ещё замужество?! Да ты, кажется, по старости заговариваться начал! -

рассердился Багир.

- Что ж, не хочешь говорить - дело твоё! - сказал Фарадж. - Но только о том вся деревня судачит. Болтают, что, дескать, Багир дочку за Бахаддина выдает и что не сегодня завтра быть свадьбе.

- Фарадж, - промолвил Багир, - будь это так, ты первым бы узнал от меня о помолвке. И о ком речь, о Аллах, - о никчёмном Бахаддине, шурине сыночка Бесштанника Гасыма, Спесивца Сафтара!.. Не верь ты глупым сплетням! Девушка, она как яблоня, чьим яблочком охота усладиться всякому, но только не про всякого такая честь. Пусть болтуны о собственных девках языки распускают, а дочери Забыхлы прочим не чета. Скорее небо обрушится на землю, нежели отдам я родное дитя продувному мошеннику. Мы - семейство почтенное и основательное. К тому же, если хочешь знать, то я уж сговорился с другим женихом.

- И кто же это?

- Придёт время, узнаешь. - Багир, разумеется, имел в виду Суджеддина, но посчитал лишним до срока разглашать имя будущего своего зятя.

- Вот здесь ты прав, - одобрил слова приятеля Фарадж. - Тут я полностью с тобой согласен. Как вознёсся Сафтар, родня его вконец зазналась. Между тем должность - штука временная, родство же даётся навеки. Только дураки пленяются мишурным блеском. Да и корень у Бахаддиновой семейки, известно, с гнильцой. От этаких типов следует держаться подальше...

Смеркалось. С пастбища, взбивая облака пыли, возвращалось сельское стадо. Округа огласилась мычанием многочисленного молодняка, поспешающего за отяжелевшими, с набрякшими выменами, матками. Вместе со своими детёнышами овцы и коровы разбредались по родным подворьям.

Объединённые общими печалями и давней дружбой, Багир и Фарадж в одинаковой мере не желали прерывать стариковской своей беседы. Тем не менее, против воли, им пришлось-таки распроститься. И, провозгласив ритуальное "Аллах, Мухаммед и Али!", двинули они каждый в свою сторону.

* * *

Багир точно не домой шёл, а в пыточную к палачу. Он готов был отправиться невесть куда, только бы не слышать больше Гызъетер и Минаю. Заночевал бы где угодно - хоть под придорожными деревьями, хоть под стенами или же на чердаке какой-нибудь из запустелых галачинских усадеб. Но обстоятельства не оставляли старику выбора: он принуждён был вернуться в своё жилище. Когда отворил он калитку, на дворе сразу же грянул заливистый смех. Приостановившись, Багир оглянулся на шум и с удивлением узрел сидящих рядышком за обеденным столом Минаю и Бахаддина, явственно различавшихся в свете керосиновой лампы. Вокруг них оживлённо хлопотала Гызъетер. Беседа пересыпалась задорными смешками. Выразительно поглядывая на молодых, Гызъетер напевала:

На ларёчке пяло есть.
Нитей в нём немало есть.
Сердца два срослись - где сила,
Та, чтоб их разъяла, есть?!

Закончив свою песенку, она громко рассмеялась. Улыбающиеся Бахаддин и Миная обменялись при этом нежными взглядами. Гызъетер между тем трещала без умолку:

- Если вы любите друг друга, не то что Багир - самый родитель его, восстань он из могилы, не сможет отлучить вас друг от дружки. Однако тянуть со свадьбой нельзя. Повременишь - удачи убежишь. Всякое дело боится отсрочки. Кто знает, - не приведи Аллах! - вдруг объявится завтра неладный этот Суджеддин, и тогда все наши планы полетят к чертям! Да и Багир ещё тот упрямец, уж своего-то муженька я отлично знаю: никто, кроме Азраила, вовек его не уймёт! Так что вам остаётся одно - бежать. Доколе жив Багир, другого пути у вас нет. Я предложила единственно возможный выход. Мало ли девушек у нас похищали!

Багир застыл возле калитки, точно громом поражённый, и, казалось, нет в мире силы, способной вернуть ему подвижность. Страстно хотелось старику схватить топор да и покрошить всю эту троицу. Однако обагрять свои руки людской кровью представлялось Багиру не подобающим

человеку его возраста. Да и люди не одобрили бы такой жестокости. Страха перед законом он нимало не испытывал, боялся он исключительно лишь позорной для его семьи молвы. Ведь поступок его, несомненно, истолковали бы так: дескать, взял Багир грех на душу, именно узнав, что жена его и дочь ступили на кривую дорожку. Случись такое, дом старика был бы навеки опорочен. Поэтому, по зрелом размышлении, решил Багир на всё плюнуть да и убраться прочь. Благо, "весельчаки", в увлечении разговором не заметившие его появления, равным образом не углядели бы и его ухода и, соответственно, не узнали бы причины невозвращения домой отца семейства.

Отойдя подальше от своей усадьбы, Багир стал прикидывать, куда бы ему податься. И, наконец, остановил свой выбор на Джахангировом доме. "Новресте всё равно одна-одинёшенька, вот и повод будет её навестить. Ведь дом этот почитай что мой родной", - рассудил старик и заковылял к соседской калитке.

Заслышав его шаги, Новресте тотчас выбежала на крыльцо. При виде Багира она очень обрадовалась и немедля пригласила его в дом. Неожиданно припомнились Багиру беседы, которые встарь вели здесь он и его друг Джахангир. Пришёл ему на память и Суджеддин. Вновь перед глазами старика ожило происшествие на мельнице. Настроение у Багира сделалось хуже некуда. Впрочем, держал себя в руках он отменно. И даже сверх того -

пытался изображать непринуждённость.

- Дочка, вспомнились мне давеча Джахангир и Суджеддин, - промолвил он, - и подумал я: а что бы не проведать мне Новресте и у неё не повечерить. С самого утра перекусить никак не удосужусь. Может, ещё и ночевать у тебя останусь.

С вящим воодушевлением девушка принялась собирать на стол.

После ужина долго проговорили они, будто отец и дочь, о Джахангире и Суджеддине, ни словом при этом не обмолвившись о Минае и Бахаддине - парочке, которую обсуждала вся деревня.

Когда пришла пора укладываться на ночь, Новресте извлекла из узла чистейшие, предназначенные специально для гостей, постельные принадлежности и устроила Багира на отцовской тахте, после чего удалилась в смежную комнату.

Как ни мягко было ложе, Багир так до утра и не сомкнул глаз, беспрестанно ворочаясь, точно под простыню ему насыпали гороха. Чуть не каждые четверть часа вскакивал он с тахты и уходил на двор, чтобы, подышав свежим воздухом, вскорости воротиться обратно и вновь упрятать голову под подушку. Горестные раздумья донимали старика, но, сколько ни напрягался он, в голову ему так и не пришло ни одной утешительной мысли.

Что до Минаи с Гызъетер, то они ничуть не обеспокоились ночным отсутствием в доме Багира. И это при том, что стоило хоть одной из её коз запоздать с выгона, как Гызъетер в панике обхо-

дила всё село, вовсю теребя пастухов и не умея успокоиться, пока беглянка, наконец, не обнаруживалась. Между тем к исчезновению Багира отнеслись одинаково безучастно и жена, и дочь, взращённая им непомерными трудами. Да и кому теперь мог быть нужен Багир?! Зубы все повыпали, волосы поседели, силы иссякли, а впридачу ещё и в карманах пусто! Ни дела, ни тела! Какой прок, спрашивается, Гызъетер от такого мужа?! Минаю же, ту и вовсе занимал один лишь Бахаддин. Казалось, денёк проведи она без него - сердце у девицы лопнет. Это в прежние времена, когда возвращался Багир с базара при полных сумках, обе стремглав неслись к калитке, встречать своего кормильца, - сейчас в их глазах не стоил он и ломаного гроша.

Багир безнадёжно ослаб. Он и сам понимал это. Смерть он полагал для себя предпочтительней теперешней его жизни и всё молил Азраила поскорее явиться за ним.

Горькие думы о наступившей старости изводили Багира. И из отчаянного своего положения не видел он ровно никакого выхода. Бедняга совсем лишился сна, словно бы и тот его отринул. Поднявшись перед рассветом, Багир заглянул к Новресте, после чего покинул соседский дом. Одолев околичный косогор, старик расположился на открытом лугу. Усталым, грустным взором обвёл он окрестность. Уже начало светать, и видна она была достаточно чётко. Горы, долины, бурые скалы… - всё, всё выглядело так же, как во времена

Багировой юности, и никакие в мире потрясения данность эту изменить не могли.

Вплоть до появления солнца душой и телом отдыхал Багир в этом благодатном уголке. Свежий воздух вернул старику здоровый цвет лица. Когда Багир встал с земли, заметившие его пастушьи собаки мигом подняли лай. Прикрикнув на них, чабаны подбежали к аксакалу, удивлённые тем, что застали его здесь в неурочный час.

- Дядюшка Багир! - дружно вскричали они - Что ты делаешь тут в этакую рань?

Багир пристально, с печалью посмотрел на пастухов, ничего не умея им ответить. Между тем, желая расшевелить аксакала, молодёжь стала наперебой расспрашивать его о всякой всячине. Тот, однако, по-прежнему оставался нем и недвижим, точно утёс. Улыбаясь собственным мыслям, Багир лишь зарядело тряс головой. Озадаченные пастухи переглянулись друг с другом и недоумённо пожали плечами. Было очевидно, что старика тяготит их присутствие и что он не в себе. Багир как будто не видел и не слышал обступивших его людей. И, удручённые, в конце концов поспешили они вдогонку своему стаду. Один из чабанов, ражий, годами постарше остальных детина, с озабоченностью бросил своему младшему товарищу:

- Думай, что хочешь, но, по-моему, дядюшка Багир умом тронулся.

- Ты меня поопытней, но только давеча и я то же хотел сказать, да ты меня опередил. От кого-кого, а

от дядюшки Багира я такого не ожидал. И ведь как ни пытали мы его - словечка не вымолвил. Провалиться мне, если он не спятил. - И прибавил: - Что-то, видно, у него стряслось.

Так, обсуждая приключившееся с Багиром, пастухи вскоре скрылись из виду, между тем как сам старик, голодный и обессилевший после бессонной ночи, на заплетающихся ногах подался к деревне. Он шёл, не отвечая на приветствия встречных прохожих: когда кто-либо обращался к нему, он в молчании проходил мимо с низко опущенной головой. Лишь только вступил он на своё подворье, Гызъетер тотчас зашипела на него, как гусыня. Раздувающая огонь под большим казаном, не глядя в сторону мужа, она зло вопросила:

- Где это ты шлялся, уж повадился ночи вне дома проводить? Ну и черт с тобой, можно подумать, кто-то о тебе здесь тоскует!

Казалось, будто говорит она всё это не Багиру, а закопчённым камням дымящегося очага. Багир не слышал Гызъетер, поскольку та бубнила себе под нос.

Что касается Минаи, то, стоящая под раскидистым деревом и прихорашивающаяся перед закреплённом на нём зеркальцем, она даже не пошевельнулась при появлении отца, словно бы и не заметила его. Багир прошёл к поленнице и схватился за секач. Проследившая за мужем Гызъетер всплеснула руками и насмешливо воскликнула:

- Зачем это секач ему понадобился?! Не иначе

прибить кого-то замыслил!

Но Багир по-прежнему оставался глух. С секачом в руке повернулся он к Гызъетер, приложив указательный палец к губам:

- Тсс! Пусть никто туда не входит! Никто! - И удалился в свою спальню.

Мать и дочь в замешательстве переглянулись. Гызъетер подошла к Минае и тихо сказала:

- И что-то удумал он на старости лет?! Видать, совсем из ума выжил! - И прибавила: - Если заявится Бахаддин, сегодня его не принимать. Не нравится мне нынче отец. В таком состоянии от него можно ждать чего угодно.

В тот день Багир так и не показался из своей комнаты. Испуганные Гызъетер и Миная держались подальше от него. По деревне пополз слух, что, дескать, ни с того ни с сего Багир спятил. Иные, отводя Гызъетер в сторонку, советовали ей заказать по мужу заздравную молитву или же повезти его в какой-нибудь пир*.

Скоро уже о случившемся знала вся деревня. Целых двое суток к затворнику никто не заходил. Лишь на утро третьего дня Гызъетер соизволила к нему постучаться.

- Багир!.. Багир!..

Однако в ответ из клетушки не донеслось ни звука. Кое-как сумев открыть запертую изнутри двустворчатую дверь, Гызъетер заглянула в комнату. Мёртвый, Багир лежал на полу, подле своей

* Святое место у мусульман.

кровати, сжимая в руке секач...

Багира схоронили. Гызъетер и Миная были безутешны. Впрочем, люди умудрённые понимали, что опечалены обе вовсе не кончиной старика, но именно тем, что теперь на неопределенный срок отодвинулось бракосочетание Бахаддина и Минаи.

Более не таясь, приходил теперь Бахаддин в дом своей суженой. День-деньской молодым услуживала Гызъетер. Все трое с нетерпением ждали, когда истечёт годовщина со смерти Багира, чтобы сыграть, наконец, желанную свадьбу.

* * *

Разлука с возлюбленной была для Суджеддина много мучительней тягот лагерной жизни. Говорил он только о Минае. По неосторожности Суджеддину случилось отморозить себе левую ногу, на которой пришлось ампутировать три пальца. В течение всего своего пребывания в лазарете юноша, как зачарованный, глядел на неизменно находившуюся при нём фотографию невесты. Соседям по палате он как-то признался:

- Мне жаль её. Я прямо безумным делаюсь, как только подумаю, сколько слёз пролила она за время нашей разлуки. Не сомневаюсь: денно и нощно взывает она ко мне и засыпает, прижав к груди пропотелую мою рубаху. От непрестанных страданий, я полагаю, она чуть не полностью лишилась своей, некогда пленившей меня, красоты. Косы, что носила она закинутыми за спину, пожалуй, стали сейчас покороче и заметно поседели, щёки, прежде, как лепестки розы, нежные и румяные, наверное, пожелтели и увяли. Притух блеск чудесных чёрных глаз! О бедная Миная, сколько же мук претерпела ты из-за меня! Мне известно, сколь болезненно для тебя видеть наш дом и арык Делме, а ещё - ходить тропами, по которым некогда прогуливались мы вдвоём. Я готов возненавидеть себя за то, что стал причиной твоих бед, и считаю, что покалеченной ноги и снесённого мной от суровой Сибири слишком мало для искупления чудовищной моей вины. Возможно, Миная была бы счастлива, полюби она другого, но Провидение свело её со мной. Она говорила, что больше никого-никого не способна полюбить. Ах, Миная, Миная!

Так, глядя на изображение возлюбленной, вслух сокрушался Суджеддин. И казалось ему, будто Миная слышит его излияния. Благодаря маленькому фото парень не помнил своей послеоперационной боли.

Сила чувств юноши поражала его соседа по больничной койке. Как-то, опершись на локоть, тот обернулся к Суджеддину и промолвил:

- Вот и я так же мечусь. Ведь и меня дома ждут. Уж сколько лет безумно мы любим друг друга. До свадьбы оставалось всего ничего, когда, по моей же глупости, случилась со мной беда. Возился как-то с охотничьим ружьем, а оно возьми да и выстрели в моего же товарища: насмерть! Из-за этого в острог

и угодил. За все пять лет, что я здесь прохлаждаюсь, моя всего лишь два письмеца мне и прислала. И то - в первые лагерные мои месяцы. А после, видать, охладела ко мне, писать перестала. И на мои цидулки не отвечает. Может, не достало терпения ждать и нашла себе другого. Теперешним девицам нет доверия, сбить их с пути проще простого.

- Нет-нет, что ты говоришь, - запротестовал Суджеддин, - на подобную низость моя Миная не способна! Когда мы с ней прощались, она сказала, дескать, отныне имеются у неё лишь два пути: или в свадебном наряде к порогу моего дома, или же в саване - на погост. Иную будущность для себя она напрочь отвергла.

- Восхищаюсь девицами, верными своей любви. Убеждён, твоя Миная достойна того, чтобы стерпеть ради неё любую пытку. В моей я так не уверен и ручаться за неё не могу. - И зэк тяжко вздохнул.

- Да уж, равную Минае сыскать трудно, - с гордостью заметил Суджеддин - Едва ли на свете есть вторая такая девушка - равно прекрасная обликом и душой. Мечу Азраила, и тому вовек не пресечь нашей любви!

* * *

Через месяц Суджеддина выписали из лазарета. Раны зажили, однако инвалидность юноши была самоочевидна: при ходьбе он заметно прихрамывал.

- Хорошо, что пальцами всё обошлось, - промолвил в ободрение товарищу Джалаладдин. - Поначалу тебе собирались стопу аж по самую щиколотку оттяпать. Что для них наш брат зэк! К счастью, главный хирург - мой земляк, и мы с ним даже немного знакомы. Он тоже из крестьян. Сумел уговорить его не делать тебя полным инвалидом. Спасибо, уважил мою просьбу…

Суджеддин поблагодарил друга за заботу и, мгновенно позабыв о своём увечье, заговорил о Минае.

- Наверно, когда положили меня в лазарет, чуткую Минаю сейчас же объяло смятение. Ибо неспроста, стоило мне прикорнуть на койке, как мгновенно из Сибири переносился я к моей невесте… Луна. Мы с Минаей сидим под ивой на нашем задворке и ночь напролёт перешёптываемся. При этом хочется мне лишь одного - чтобы утро не наступило никогда. Ведь именно ночь соединяет меня с суженой, тогда как утро с неизбежностью нас разлучает. Поверишь ли, после горячего Минаиного дыхания лицо моё делается нечувствительным к сибирским морозам. О Аллах, помоги, избави меня от мук бесконечной этой разлуки и дай мне поскорее увидеться с невестой!

Хоть Джалаладдин и был много его старше, юноша, пользуясь их дружбой, не стесняясь, посвящал его во все свои секреты. Когда бы не особые их отношения, Суджеддин ни за что не позволил бы себе подобной откровенности с человеком, годя-

щимся ему в отцы. Однако здесь, в лагере, у парня не имелось другого наперсника, вследствие чего и привелось Джалаладдину стать поверенным душевных его тайн. Впрочем, тот и сам вёл себя с Суджеддином как с ровней, и даже, бывало, поведывал ему щекотливого содержания истории из собственной жизни, что, по строгому счёту, было заведомо предосудительно для мужчины солидного возраста и соответствующего воспитания. Общность судеб устранила исконную стену между юношей и зрелым мужем.

Джалаладдин опустил руку на плечо младшему товарищу.

- Безумие Меджнуна перед твоим - ничто, - сказал он и засмеялся.

- Если б ты знал, как чиста и предана мне Миная, то не стал бы потешаться надо мной, - произнёс Суджеддин, - и понял бы, что только во имя высокой этой любви готов и дальше сносить я любые лишения.

* * *

Снег перестал. В небе над Красноярском клубились бурые тучи. Колючий мороз, которым тянуло с обледенелых берегов Енисея, пробирал до костей. Несмотря на это, сотни заключённых продолжали беспрерывно работать в таёжных дебрях. Хоть и увечный, Суджеддин трудился наравне со своими товарищами. Порой не сразу находился он

с ответом на адресуемые ему вопросы, поскольку мыслями всечасно пребывал подле своей Минаи. Как-то раз, под конец рабочего дня, продравшись сюда сквозь густую чащу, на делянку прибежал один из приятелей Суджеддина и, размахивая прямоугольником бумаги, прокричал:

- Суджеддин, Суджеддин! Тебе письмо из дома! Гони магарыч! Магарыч!..

При этом известии Суджеддину почудилось, будто лесной иней стал вдруг таять, а деревья, клонящиеся под тяжестью снега, - зацвели. В одночасье всё вокруг словно вызеленело, как по весне, и самый Енисей, казалось, замахал голубыми своими ладонями, поздравляя Суджеддина с удачей.

Выхватив письмо из рук приятеля, юноша торопливо отошёл в сторонку и, весьма неаккуратно, надорвал конверт дрожащими от волнения пальцами. Первым делом глянул Суджеддин в конец листка. Там было помечено: "Новрсте". К чтению приступил он с заметно поумерившимся пылом. Сестра писала:

"Дорогой мой брат! Прежде всего, прими мои заверения в том, что настоящее послание тягостно мне самой и, направляя его тебе, испытываю я душевную боль. Никогда бы, по доброй воле, не стала усугублять я страданий родного брата, томящегося в суровой Сибири, но, увы, сейчас я к тому принуждена. Единственно не могу простить себе, что давно не слала тебе весточек. Хочешь знать правду: не делала я это только потому, что не писала тебе Миная. Я полага-

ла, что мои письма к тебе, в отсутствии таковых от неё, воспримешь ты с раздражением и подозрительностью. Теперь тебе известна причина продолжительного моего молчания, за которое бедная твоя сестра просит у тебя прощения. И ещё - ты должен знать: нет отныне "страдалицы" Минаи. Через полгода после твоего ареста она и дорогу к нашему дому забыла. Сейчас она крутит любовь с Бахаддином - родственником сына Бесштанника Гасыма, Спесивца Сафтара, погубителя нашего отца. Пока был жив дядюшка Багир, он стоял у них на пути и вечно ссорился со своими домашними из-за этого Бахаддина. Но совладать с Гызъетер и Минаей ему оказалось не под силу. В конце концов от горя он слёг, а затем и вовсе тронулся рассудком. И вот несколько месяцев назад старик скончался. После его смерти Бахаддин буквально днюёт и ночуёт у Минаи. Уже всем в деревне ясно, что их брак - дело решённое. Душой же сего предприятия является Гызъетер. Не стану скрывать от тебя, брат, - я давно уже не вижу Минаю. Точнее говоря - это она упорно меня избегает. Как видно, боязно ей столкнуться со мной лицом к лицу. При случайных же прежних наших встречах она бывала точно кирпичом пришибленная. Как выйдет годовщина по смерти дядюшки Багира, быть её свадьбе. Такие вот дела. Да погибнет сестра ради тебя - не переживай ты больше о ней: судьбы своей не избегнешь!

Всю росу с ветвей - что делать! -
Выпил соловей - что делать!

Всем достались цветники,
Мне ж - один пырей - что делать!

Обо всём этом уведомила я тебя для того, чтобы навсегда перестал ты думать о Минае. Такой девушки для нас с тобой более не существует. Она опозорила нас перед всем миром, на радость нашим врагам. У тебя и без того хватает печалей, так что не отягощай своё сердце ещё и безнадёжной любовью. Главное - это чтобы ты вернулся домой цел и невредим. А невесту найти - для тебя тьфу! И целая сотня Минай одного ноготка твоего не стоят. Девица же эта никогда и не была тебя достойна - вечно по сторонам зыркала. Из такой ветреницы хорошей жены вовек бы не вышло. Что добавить к сказанному?.. Храни тебя Аллах! Твоя сестра Новресте".

- Не может быть! - не поверил прочитанному Суджеддин и раз за разом вновь стал пробегать глазами письмо.

Вдруг мир перед ним потемнел. И в эту же секунду из лесной чащи послышался истошный вой. У юноши закружилась голова, к горлу его подступил ком. Лишь неимоверным усилием воли подавил он в себе рыдания. Любовь, которой был он предан долгие годы, мгновенно преобратилась в лютую ненависть. Сердце Суджеддина, в котором лоб в лоб сшиблись два противоположных чувства, билось в неистовом ритме, тело дрожало, как в лихорадке. Перед взором юноши в безумном хороводе неслись заснеженные леса. Письмо, лежащее у

него в кармане, леденило душу Суджеддина сильнее сибирских заморозков. Юноше мнилось, будто этот листочек вместил в себе всё вероломство Минаи. Суджеддин словно задеревенел, ноги совершено не слушались его. Вынув из кармана письмо, он решил было его сжечь, однако не обнаружил при себе спичек. Тогда он порвал его на мелкие клочки, лишь бросив которые на снег, наконец несколько пришёл в себя. Внезапно налетевший сухой лесной ветерок отнёс обрывки к Енисею, накидав их на речной лёд.

Всё происходящее представлялось Суджеддину неким кошмарным сном. Неожиданно его взяло раскаяние за собственную горячность. "Зря уничтожил я письмо, - посетовал он. - Быть может, я просто неправильно понял его содержание!" Он было попытался отнять у ветра клочки сестрина послания, чтобы позднее, склеив их, последнее восстановить. Но было поздно - порванная, как любовь Суджеддина и Минаи, бумага белыми, неуловимыми мотыльками порхала над таёжной чащей, слетая на ледовый речной панцирь...

Вечером Суджеддину никак не давалось проглотить ужин. Горло его словно сцепило спазмом. Тщетно пытался юноша унять в себе боль потери любви, владевшей его сердцем последние несколько лет. Яростный вихрь тревожных дум подхватил душу Суджеддина и, мозжа её об острые утёсы, повлёк в неизвестную даль. Воображение навязчиво рисовало перед ним картины свадебного торжества, героями которого были Миная и Бахаддин.

Отчётливо слышалась музыка в Багировой усадьбе. В наряде новобрачной устраивалась Миная на коне, позади своего жениха, вместе с которым надлежало отправиться ей к их семейному очагу. Вот уже выезжают они из ворот, под исполняемую в таких случаях традиционную мелодию. Подхваченные раскатистым эхом, высокие голоса балабана* и зурны разливаются по всей Галаче. Выступающий впереди шествия, сын Бесштанника Гасыма, по старому местному обычаю, палит из двустволки по встречным курам. Свадьба неистово поёт и громыхает. Кроме Новресте и ещё нескольких Забыхлы, всё село высыпало со дворов, поглазеть на молодых. Посреди общего ликования лишь маленькая Новресте, наглухо затворившаяся в отчем доме, в одиночестве предаётся горьким слёзам...

Завладевшие воображением Суджеддина эти мучительные картины не оставляли его ни во сне, ни по дороге на работу, ни во время валки леса. При этом юноша никому не сообщал о постигшем его несчастье, нося боль в себе, в глубине исстрадавшегося своего сердца. Измена любимой была для него горше всех мытарств, что привелось испытать ему в заключении. И Суджеддин непрестанно искал способа убежать своего горя.

Если бы Миная полюбила и стала женой кого-то другого, возможно, юноша с большим хладнокровием перенёс бы постигший его удар. Именно тот факт, что избранником её стал Бахаддин - приспеш-

* Духовой музыкальный инструмент, род жалейки.

ник человека, оклеветавшего и, в итоге, обрекшего на смерть в сибирской глуши Джахангира, более всего оскорблял чувства Суджеддина, распаляя в нём пламя мести. Мысленно он уже вынес суровый приговор Минае и теперь раздумывал лишь над тем, как бы привести его в исполнение.

Дни складывались в месяцы, месяцы - в годы, чаша Суджеддинова гнева неуклонно полнилась, ненависть в нём всё возрастала. Окончательно определившись с планом мести, юноша решил посвятить в него Джалаладдина. Как-то раз, отведя друга в сторонку, Суджеддин подробно изложил ему свои намерения.

- Мне понадобится твоя помощь, - закончив рассказ, промолвил юноша.

- В не лучшие времена свели мы с тобой дружбу, - вздохнул Джалаладдин. - Ладно, сделаю, что смогу.

Сей же миг Суджеддин посветлел лицом.

- Мне непременно нужно завтра бежать. Я всё уже обдумал. - Джалаладдин молчал, и после короткой паузы юноша продолжил: - От волнения речь у меня, возможно, не очень связная. В одном лишь могу тебя уверить - никому не желаю я навязывать собственного мнения. У каждого имеется своя жизненная философия. Однако, поскольку я не философ, не удивлюсь, если слова мои будут восприняты тобой как бред наивного зэка, вконец изведённого душевными переживаниями. За короткий мой век я сумел усвоить, что всё разумное в мире родится в облике человеческом,

однако далеко не всему разумному предуготовано сделаться людьми. Ложь, клевета, предательство… - это ли исконная человеческая суть?! Те, кто исповедует перечисленные пороки, - опасно больные особи, червоточина в общественном организме. Уверен, что долг всякой нормальной личности избавлять общество от подобных тварей. И нет большей чести, чем исполнение этого долга. Потому-то и прошу я тебя: не считай меня жестокосердым и кровожадным вследствие принятого мной решения. Безрассудочные пчёлы много успешнее нашего оберегают чистоту своих рядов - лентяев и вредителей они без промедлений уничтожают и удаляют из улья. Готов согласиться, что пример мой не слишком удачен, но в нём я, как мог, выразил главную мою мысль. Цари, принцы, визири и сатрапы… - в большинстве своём они, выступающие как народные благодетели, на деле есть вредоносные, вонючие букашки. И до той поры, пока люди не станут достойны высокого своего имени и предназначения, все труды кучки подвижников обратить землю в рай пребудут втуне. Может, пчелы оттого и живут столь безмятежно, что нет у них господ и прочих притеснителей и существуют они по предустановлениям Создателя. В это же время люди - существа, наделённые рассудком, как половую тряпку попирают законы, ими же самими утверждённые. Прилюдно возносящие молитвы и торжественно возглашающие: "Аллаху Акбар!" в душе своей

умышляют самые гнусные преступления. Именно эта злая сила предаёт изгнанию тысячи людей и гноит их в мрачных сибирских острогах!

Столь страстную речь Джалаладдин слышал от друга впервые. Хорошо сознавая, что запальчивость Суджеддина проистекает от остро переживаемого им горя, Джалаладдин попытался успокоить юношу:

- Я понимаю тебя. Но где же выход? Потерпи ещё немного, успех приходит лишь к тем, кто умеет ждать и обладает несгибаемой волей.

Жёстким взглядом обвёл Суджеддин таёжный массив. Брови сошлись у него на переносице, лицо приобрело жёсткое выражение.

- Давеча я говорил, что совершу завтра побег. Тебе надлежит распространить легенду о том, что, дескать, на глазах у тебя я поскользнулся, упал в воду и исчез под заломом. Пусть все думают, будто я утонул. В противном случае меня примутся искать и, расставив на дорогах посты, без сомнения, поймают. Тогда весь мой план рухнет и задуманное исполнить мне уж не приведётся. Тебе только-то и нужно, что убедить лагерь в том, что я утоп, вот и всё!

Явный этот вздор вызвал у Джалаладдина насмешку.

- И какова же конечная твоя цель?

- Доберусь до Галачи, а после расправлюсь с моими врагами. - Суджеддин был неумолим, как ангел мщения.

- Ты обманываешься, Суджеддин. Сделать это

легко только на словах. Ещё раз как следует обдумай свои дальнейшие шаги, чтобы не пожалеть после.

- Я не хуже твоего понимаю, сколь трудна и опасна эта затея. Но, однако, верю в её осуществимость. - Юноша ближе подступил к товарищу. - У нас в деревне живёт учительница русского языка - Наталья Соколова. Приехала к нам по распределению из Ставрополя. Отец опекал её как пришлицу, она же не из тех, кто забывает добро. Благодаря Никите по случаю познакомился я с проживающим в Красноярске дальним родственником Натальи, по работе связанным с лагерями. Он машинист-железнодорожник, водит грузовые составы. Имени его назвать не могу, поскольку дал слово об этом молчать. Он обещал тайно вывезти меня отсюда. А парень это, по всему видать, надёжный и смелый. Да к тому же ещё и верный собутыльник нашего Никиты. Он вызвался доставить меня до какой-нибудь кавказской железнодорожной станции и помочь перебраться оттуда домой. Так что план мой готовил я уже давно. Впрочем, в каждом деле должно уповать на милость Аллаха!.. Словом, я то хотел сказать, что обдумал и взвесил всё основательно... - Суджеддин говорил тихо, чтобы не быть услышанным кем-либо из посторонних. - Да, вот ещё что! Удачно же я вспомнил! - спохватился он. - Вечером передам тебе землицу, что я привёз с собой. Ну, ту, что тебе следует отнести к могиле отца...

- Я не возражаю, - кивнул Джалаладдин. - Но

штука в том, что в смерти Джахангира нельзя быть вполне уверенным. Так, в своё время прошёл слух, будто помер один из наших с ним друзей - Ислам Газиев. А теперь вот стало известно, что тот цел-невредим. Был, правда, тяжело ранен, но врачи его отходили. Через доверенного человека Ислам передал мне, что, дескать, лежал с Джахангиром в одной палате. Мол, пуля раздробила тому плечевую кость, но Джахангир не погиб, а напротив того - жив-здоров. Как видно, срок твоему отцу ещё не приспел. А содержится он в колонии строгого режима, что в двух сотнях вёрст отсюда. До сего момента я не сообщал тебе этих сведений, поскольку прежде хотел удостовериться в их надёжности. Но после того, как заговорил ты о Джахангире, молчать долее я не мог. Сейчас я совершенно убеждён - насчёт отца твоего всё правда. И то сказать, когда он, подстреленный, упал, нас тотчас же разбросало в разные стороны. И вот больше уж не верю я в гибель Джахангира. Правда, пока преждевременно что-либо утверждать наверняка. Тем не менее вечером я возьму у тебя землицу. Только бы она нам не пригодилась! Тогда бы рассыпал я её у себя во дворе, под цветочными кустами, которые нарёк бы "галачинскими лютиками". И стало бы после этого подворье моё полниться ароматом вашей земли. И, вдыхая его, вспоминал бы я тебя и Джахангира - друзей, с которыми свела меня судьба в трудную годину. И однажды рассказал бы о здешней нашей жизни детям моим и внукам. И даже если

б нам не привелось более свидеться, две земли наши с той поры соединились бы навеки!

Суджеддин в безотчётном порыве обнял Джалаладдина.

- Что ты сказал, Джалаладдин?! Так, значит, отец мой жив?! Жив?! О Господи, только бы это оказалось правдой! Неужто это не сон?! О Аллах, безгранична милость Твоя! Мой отец не умер! Он жив, жив!

В глазах у Суджеддина от счастья выступили слёзы, тотчас пролившиеся по лицу. Отерев их ладонью, юноша вернулся к прерванному разговору.

- Как же всё удачно получилось! Придёт день, отец вернётся к своему очагу и возрадуется тому, что я истребил всех его врагов. Это утешит его и преисполнит гордостью за своего наследника. И ещё - придаст ему новых сил. Наконец завершит он восстановление древнего арыка, который проложили наши предки - Забыхлы, и святой обет будет выполнен...

* * *

Назавтра, во второй половине дня, Никита, Джалаладдин и Суджеддин сошлись в укромном месте, где юноша коротко попрощался со своими товарищами. И уже вечером, накануне ужина, по всему бараку разнеслась новость: Суджеддин-де

утонул в Енисее. Вплоть до наступления темноты лагерная охрана упорно искала пропавшего по речным берегам, произвели даже несколько выстрелов в воздух. Детально был исследован участок реки, где, как предполагалось, утоп Суджеддин. Однако никаких результатов поиск не дал. И, в конце концов, убедив себя в том, что заключенный и подлинно канул в реке, охрана возвратилась в лагерь.

* * *

Целых два дня вынужден был Суджеддин отсиживаться на окраине города, в домике своего знакомого машиниста, по счастью оказавшегося холостым. Дом этот железнодорожник построил несколько лет назад и с той поры, по мере возможности, его обустраивал. Приятели много проговорили о Наталье Соколовой, из чьих писем у родни её составилось благоприятное мнение о жителях Галачи. Именно вследствие этого, к слову сказать, машинист счёл своим долгом помочь Суджеддину, предпринимая всё необходимое, чтобы уберечь юношу от повторного ареста.

На третьи сутки машинисту нужно было уходить в очередной рейс. Он обрядил Суджеддина в железнодорожную форму и, как сумел, изменил ему внешность. Лишь только стемнело, окольными путями вышли они к станции и подступили к гружённому лесом составу. По истёршимся металлическим ступенькам взошли они на старый локомо-

тив. Паровоз непрестанно, по-змеиному шипел, выпуская в небо тёмный клубящийся дым. Воздух вокруг напитан был тяжёлым духом, распространяемым горящим углём. Помощникам машинист представил Суджеддина как своего знакомца - студента-путейца, проходящего профессиональную практику. Вслед за тем он отвёл Суджеддина к топке и, указав на пылающий жар, принялся объяснять:

- По мере выгорания угля докладывай свежий - из левой кучи. Работать будешь не один, а в очередь с другими кочегарами…

Через несколько минут впереди замигали жёлтые и красные огоньки семафора. Стоящий близ путей дежурный по станции замахал сигнальным флажком. Грянул гудок, и, сейчас же покинув Суджеддина, машинист заступил на своё место в водительской кабине. Паровоз протяжно загудел, оповестив Красноярск и окружающие город леса о своём отбытии. Заполненные различного рода грузом, вагоны, скрежеща, стронулись и, мерно перестукивая колёсами, вереницей покатили по рельсам…

* * *

Уже несколько недель состав находился в пути. Красноярск, Челябинск, Уфа, Куйбышев, Саратов, Сталинград… Мимо проносились заснеженные сёла и города... По мере приближения поезда к Кав-

казу воздух делался всё более тёплым и всё явственней ощущалось в нём благоуханное дыхание весны. Угольная пыль густо покрывала лицо и одежду новоиспечённого кочегара, в котором сейчас едва ли можно было признать Суджеддина. Даже слюна у него, и та сделалась чёрная. Словом, вид парня с несомненностью говорил о его принадлежности к железнодорожному сословию.

Только-только начало светать, когда, прогудев, состав подкатил к Грозному. Небо было совершенно чистым. Станция являлась пунктом назначения находящегося в поезде специального груза, приёмка которого обещала продлиться достаточно долго. Остановив состав возле соответствующего пакгауза, машинист устало сошёл на перрон. Распростившись с товарищами, он и Суджеддин вместе двинулись прочь…

Поутру оба помылись, переоделись в цивильное и, наскоро перекусив бутербродами с сыром и колбасой, потуже затянули на себе ремни.

- Следуй за мной, - кивнув, промолвил машинист и выступил вперёд.

Не без труда проползая под вагонами преграждавших им дорогу составов, они, наконец, вышли к четвёртому пути, занятому поездом "Москва - Баку". Перрон здесь полон был нарядно одетых, представительных, с важностью переговаривающихся между собой особ. Придерживая Суджеддина за руку, машинист поспешно провёл его через толпу. Ещё издали оба заприметили красивую

проводницу, стоящую возле вагона под номером "14" и занятую проверкой билетов у пассажиров.

- Как же я рада видеть вас, Анатолий! - воскликнула она, завидев машиниста. - Что вы здесь делаете? Господи, ну до чего же удивительная встреча!

- А я, собственно, к вам, Алла Тимофеевна, - признался машинист. И, заключив красавицу в объятия, что-то нашептал ей на ушко, после чего оба сейчас же поднялись в вагон и зашли в первое от тамбура купе. За ними туда же проследовал Суджеддин. То было служебное купе проводницы. Оживлённо болтая с Анатолием, Алла Тимофеевна искоса поглядывала на Суджеддина, гордая осанка которого выдавала в нём человека смелого и решительного. Возможно даже, ей подумалось, что было бы не худо с таким молодцом завести коротенький роман. Хорошо знавший людей Анатолий мгновенно догадался о тайном желании Аллы Тимофеевны. Хитро улыбнувшись, он опустил руку на плечо своего спутника.

- Это близкий мой друг, - сказал он. - Потерял все личные документы, заодно с паспортом. В сущности, смена моя закончилась ещё десять дней назад, и задержался я тут исключительно из-за него. Через это у меня даже возникли кое-какие проблемы с бригадиром, но, в конце концов, все недоразумения были улажены. Бригадир, он парень неплохой, тоже из наших краёв. Так вот, часть вопросов мы уточним с вами позднее, наедине, сейчас обсуждать их не время. Пока же попрошу

вас об одном одолжении - доставьте, пожалуйста, этого близкого мне человека на родину. Только устроить надо так, чтобы к нему дорогой не пристал никто из митлюков. Вы, конечно, понимаете, кого я имею в виду. Считайте, что я вверил вам самого себя. - И Анатолий тепло посмотрел на Суджеддина. - Парень он душевный, думаю, вскоре вы и сами в этом убедитесь.

Не особенно внимательно прислушивавшийся к разговору, Суджеддин тем не менее благодарно кивнул приятелю. Между тем Алла явно была рада заполучить себе в спутники этакого красавца.

- Можете на меня положиться, Анатолий Сергеевич, - промолвила она. - К счастью, в купе я одна, напарница приболела и не вышла на смену. Доставлю его до любой из станций бакинского направления. И волосу не дам с головы его упасть. Уж тут будьте уверены - меня вы, слава Богу, знаете. Словом, всё ясно. А теперь давайте-ка я вас выведу. Поезду скоро трогаться, а мне ещё пассажиров рассадить надо.

Вслед за тем она вышла вместе с машинистом из купе и заперла дверь ключом, оставив Суджеддина в одиночестве. Ещё раз тихонько о чём-то переговорив на перроне, Анатолий и Алла, наконец, расстались.

По отправлении поезда Алла Тимофеевна, прежде поочередно обойдя все купе в вагоне, вернулась затем к себе. Подперев подбородок рукой, Суджеддин в глубокой задумчивости сидел на

спальной полке. Алла стала просматривать изъятые у пассажиров билеты. Оба хранили молчание. Нарушила его проводница:

- Анатолий - парень надёжный и лихой. Очень мы с ним друг друга уважаем. А откуда его знаешь ты?

- Одно время работали вместе, тогда-то и подружились, - ответил Суджеддин.

Алла покачала головой и, словно вспомнив что-то забавное, усмехнулась.

- Ах, Анатолий, Анатолий! Не мужик - огонь, из любой переделки выберется. И друзей своих любит необычайно. Мы с ним в одну школу ходили. Училась с нами и двоюродная его сестра - Наталья… Наталья Соколова. Двумя классами помладше. Потом пути наши разошлись. Она стала учительницей и после института была направлена в Азербайджан. Обосновалась в какой-то глухомани. На первых порах очень тосковала, но потом пообвыклась. Крепко полюбились ей тамошние люди. Анатолий много мне о ней рассказывал. По слухам, недавно замуж вышла, за какого-то азербайджанца, работника райвоенкомата, что ли...

- Вполне возможно, - проронил Суджеддин, не став, однако, распространяться на счёт Натальи, с которой хорошо был знаком.

В дверь постучали. Алла вскочила с места и, не желая быть застигнутой наедине с посторонним, выпорхнула в коридор. Увидев там контролёра в сопровождении милицейского наряда, она немед-

ленно заперла за собой дверь и лишь после этого подошла к группе мужчин. Среднего роста, в форме путейца, контролёр с начальственным видом задал Алле несколько вопросов и, заглянув для проформы в пару купе, прошёл в следующий вагон. У Аллы отлегло от сердца, ведь если б у неё нашли Суджеддина, это, несомненно, привело бы к расспросам, а в последующем, возможно, и к нагоняю от руководства. Воротившись к Суджеддину, она улыбнулась и кокетливо спросила:

- Небось соскучился?

- Да нет.

- И верно, со мной-то - и заскучать?! - Последнюю фразу произнесла она вызывающе нескромным тоном. Затем достала из дамской сумочки зеркальце и стала прихорашиваться. Проведя гребнем по растрепавшимся волосам, Алла вновь обратилась к Суджеддину: - Что ж ты такой угрюмый, и слова не вымолвишь. Всё хмуришься, как будто схоронил кого. Знаешь, каков весельчак наш Анатолий?! Вот с кем в дороге не соскучишься. Шельмец, столько анекдотов знает, так остёр на язык!.. Всякий раз говорю ему: из тебя клоун бы первостатейный вышел. И характер у него покладистый - такие долго не старятся...

- Согласен, но только нрав у каждого - свой. Я вот от рождения молчун. И измениться не способен. А быть таким, как Анатолий, дано не каждому. Ведь он не только балагур, но ещё и смельчак, и добрый товарищ. Конечно, это очень хорошо -

быть весельчаком. Печали, говорят, приумножат печаль, а радости - радость. Однако как первая, так и вторая есть свойства душевного нашего естества. Правда, это не всеми осознаётся. Мне, однако, кажется, что человек вы - тонкий, а значит, наверняка меня поняли. Ваше желание очевидно - создать между нами атмосферу доверительности и теплоты. И за это я очень вам благодарен. Ведь, строго говоря, это обязанность мужчин - развлекать женщин. К сожалению, известно вам это или нет, но сейчас переживаю я не лучшие дни, а потому для меня весьма затруднительно вести себя непринуждённо. Мне и самому из-за этого досадно.

Алла на минутку задумалась, после чего полюбопытствовала:

- Извини, если вопрос мой покажется тебе нескромным: ты женат?

- Нет, холост пока что, - сухо ответил Суджеддин.

Алла вздохнула.

- Говорят, холостячество - благо. Но это глупости, только в браке человек делается цельным. - У Аллы словно бы открылась старая рана. - Мне вот по семейной части не повезло. Первый же блин комом вышел. Один шустрый армянин из Ставрополя, Арменак, воспользовавшись моей неопытностью, соблазнил меня. Поддавшись на его сладкие речи, без согласия родителей, я вышла за него, но вскоре горько о том пожалела. Оказалось, что женился он на мне исключительно из-за богатства

и положения моего отца, долгое время работавшего на руководящей должности. После выхода на пенсию отец, известный своей неподкупной честностью, был поставлен во главе большой торговой базы. Получив к ней доступ, как зять директора, мой муж и затеял проворачивать разные тёмные делишки. Как только отец умер, у нас с супругом сейчас же начались скандалы. Он житья мне не давал. В конце концов я на всё плюнула и с ним развелась. Хорошо ещё, что детей мы не завели. Нынче же я сама себе хозяйка, живу как хочу. Встретится подходящий человек - выйду за него, а нет - так нет. Ко мне тут сватается парочка орлов, да пуганая ворона, говорят, и кусточка убоится. Я не очень хорошо их знаю, а потому и с согласием не тороплюсь. Хотя одиночество, надо признаться, далеко не сахар. И всё же, я полагаю, оно много лучше дурного замужества. Скажу тебе ещё: доняла меня работа проводницы. Постоянно в дороге… новые люди… Не по мне такая жизнь! Но выбора у меня нет. Вот и убиваю, как могу, время, бегу от моих печалей. Только не подумай невесть что - я не вертихвостка какая-нибудь! Тем не менее не скрою: с первого же взгляда меня странным образом к тебе потянуло. Понравился ты мне. Полагаю, и Анатолий почувствовал это. Он такой хитрюга, сразу всё подмечает!..

Движением головы Алла откинула за спину светлые свои волосы и улыбнулась. Губы Суджеддина также дрогнули в улыбке. Наконец уяснил он

сокровенные чаяния Аллы, и от этого на сердце у него несколько потеплело. Ласково посмотрел он в голубые глаза проводницы, оглядел свежее её лицо...

- Никогда не смог бы я благодарность сделать смыслом моей жизни, даже ради столь достойной, бескорыстной женщины, как вы, - сказал он. - Поверьте, я говорю вам чистую правду. Мне вообще хочется быть с вами совершенно искренним. Трудно вообразить себе мужчину, который бы, встретив подобную вам привлекательную женщину, не проникся бы к ней трепетным чувством, назвать все оттенки которого я едва ли способен. Впрочем, думаю, вы и без того хорошо меня поняли. Особые ли там земля и вода, но в моём краю люди совсем другие, нежели здесь. Взять хоть меня. Я воспитан в убеждении, что человеку должно избегать дурных поступков и всегда иметь основания гордиться собой и своими делами. Вот, скажем, Анатолий доверил меня вам, но равным же образом он доверил вас - мне. А значит, если сейчас, уступив минутной слабости, я обману его доверие, то после мне презирать себя за это всю мою жизнь. Ведь будет куда лучше, если о полутора сутках, проведённых мною в обществе великолепной, одарившей меня своим вниманием женщины, стану вспоминать я с сознанием того, что не позволил себе ни одного нескромного взгляда в сторону этого, столь близкого моему другу, человека. Негоже разуму быть рабом у страсти. Говорить об этом не очень-то легко, но как, ска-

жите, донести мне до вас, что с первой же минуты моего нахождения здесь беспрестанно звенят у меня в ушах винтовочные выстрелы, ощущаю я запах пороха и вижу кровавые сцены, в которых мелькают тела убитых мною людей?! Как признаться, что неотступно преследует меня милиция, что веду я бесконечный бой с призраками прошлого и что наступившая весна будет исполнена для меня не цветов, а крови?! Наконец, нужно ли вам знать, что поезд, в котором мы с вами едем, каждую секунду приближает меня к неотвратимой страшной развязке?!. Ах, красавица, для меня единственная сейчас отрада - слышать аромат вашего дыхания!

Поезд замедлили ход.

- Дербент! Дербент! - дружно грянуло снаружи.

Алла в очередной раз вышла из купе, вновь заперев за собой дверь. Вагон покинула большая группа пассажиров с чемоданами, вошло же в него человека два-три. Алла рассадила новоприбывших по их местам, забрав у всех проездные билеты. Через несколько минут после того, как поезд продолжил путь, она вернулась к Суджеддину.

- Извини за то, что пришлось прервать твой рассказ, - посетовала она. - Ничего не поделаешь - работа! Как выйдешь в рейс - никакого покоя. Только о том и мечтаешь, чтобы хорошенько выспаться. Ну, говори, говори, я слушаю тебя.

- Да, собственно, и прибавить мне вроде нечего, - заметил Суджеддин.

Алла Тимофеевна сощурилась, сделав удивлённую мину.

- Кровавая сцена… винтовка… запах пороха… Если честно, из услышанного я ровно ничегошеньки не поняла. Уж коли начал рассказ, так, будь добр, его закончи. Ты не на шутку меня растревожил. Ну, выкладывай всё как на духу.

- Ехать мне всего лишь несколько часов, история же моя потянет не на один день. К тому же, бывают вещи, о которых следует помалкивать. И потом - не умея развлечь спутницу, я вовсе не хотел бы ещё и вогнать её в печаль.

Вид, поведение и манера изъясняться Суджеддина были столь непривычны для многоопытной железнодорожницы, что, поражённая, она вдруг точно онемела. Между длинных её ресниц заблестели слезинки, и Суджеддин не мог взять в толк, то ли оплакивает Алла неудавшуюся свою жизнь, то ли - участь приглянувшегося ей юноши, отправляющегося на заведомую погибель.

Когда вдали показалась вершина Хыдырзинде - священной горы местных мусульман, Суджеддин, прервав беседу, встал.

- Алла Тимофеевна, мне сходить на следующем полустанке. Жителей там совсем чуть-чуть, да и те мало внимания обращают на чужаков…

Знакомые не более полутора суток, простились они как родные. В купе вагонной проводницы Суджеддин оставлял частичку своего сердца, с

собою унося душевное тепло успевшей привязаться к нему женщины. Друг другу махали они до той поры, пока окончательно не разлучила их даль...

* * *

Суджеддин заранее обдумал, как скрытно достичь ему Галачи. Выйдя к смотрящему на море склону Хыдырзинде, он замешался здесь в толпу паломников, вместе с которыми взошёл на вершину горы. Отсюда превосходно обозревались обширные степи, простирающиеся от железнодорожного полотна до самого взморья, разреженная россыпь забранных садами деревень, пестрящие белыми, красными и голубыми цветами луга, обильные заросли камышей - зимние укрытия перелётных птиц, а также непроходимые топи. Дивной картиной этой, казалось, восхищённо любовались самые недвижные скалы, усеивающие вершину горы и дарящие паломникам благодатную тень...

Между тем прибывшие сюда люди - жители окрестных сёл, а равно ходоки из других областей, с истовостью возносили молитвы Аллаху и резали приведённых с собой жертвенных животных, поднося парное мясо к святому алтарю. Суджеддину случилось познакомиться тут с почтенного вида старцем - уроженцем Мугани Мираслан-агой, и с ним разговориться. Старик сообщил, что приехал сюда на старом грузовике хозуправления, которым

заведовал его сын.

- Внук мой было слёг от неизлечимой хвори, - сказал богомолец. - И тогда принёс я жертву Хыдырзинденскому пиру. Хвала Аллаху, Он принял моё подношение, и мальчик выздоровел. И вот теперь пришёл я отблагодарить Всевышнего за Его милость…

По завершении сезона паломничества Суджеддин, напросившийся в спутники к Мираслан-аге, продолжил свой путь в его полуторке. Старику парень понравился, и на подъезде к родному селу он предложил Суджеддину у него погостить. При других обстоятельствах юноша с удовольствием принял бы приглашение, но деревня Мираслан-аги располагалась вблизи от забранной колючей проволокой советско-иранской границы, и Суджеддин имел основания полагать, что вся округа здесь наводнена бдительными военными, встреча с которыми была для него крайне опасна. В силу этих соображений, прежде душевно старика поблагодарив, юноша попросил высадить его на перекрестке, достаточно далеко отстоящем от селения Мираслан-аги. Чуть не насильно тот сунул в руки парню свёрток с частью жертвенного мяса, к которому придал ещё и большой запас юхи*.

- Так у нас принято. Не возьмёшь - обижусь, и в сердце у меня червоточина останется, - настоял Мираслан-ага.

Теперь уж Суджеддин вынужден был уступить и

* Хлеб из тонко раскатанного теста.

принять мясо и хлеб. Он ещё раз поблагодарил старика, после чего недавние спутники распростились как отец и сын.

* * *

Была середина мая. Речная вода замутилась, зелёные луга лежали расцвеченные миллионами пёстрых блёсток. В эту пору кочевщики-терекеме* в преддверии летней жары уводили скот из низины к дальним горным отрогам. Маршрут кочевья, своим началом имевший средоточие приараксинских сёл, проходил всего в трёх-четырёх верстах от Галачи.

Разведя в укромном месте костерок, Суджеддин готовил шашлык из пожалованного ему куска жертвенного мяса. Несолёная полупрожаренная баранина не пришлась юноше по вкусу. Солнце ещё не скрылось. Суджеддин прилёг у костра, положив голову на согнутую в локте руку, и мгновенно заснул. Выспавшись, он встал, утолил жажду из протекавшего поблизости ручья, после чего обрызнул ключевой водой лицо. Вслед за тем быстрой походкой парень двинулся по кочевой тропе.

Путь этот был сплошь запружен медленно бредущими караванами верблюдов, тащивших на себе войлоки, килимы, ковры и спальную утварь, а также овечьими и буйволовыми стадами. Это делало пешеходное движение здесь крайне затруднительным. Дорогой караваны перемешивались и, при

* Тюркское племя скотоводов-кочевников.

черепашьей их скорости, казалось, чуть не век должны были идти к цели своего следования. Пастушьи овчарки, с высунутыми по жаре языками, беспрестанно вступали друг с другом в схватки, взметая на воздух клочья вырванной шерсти. Царящий вокруг беспорядок позволил Суджеддину неприметно влиться в живой поток. Да и в ком мог возбудить он подозрения?! Каждый принимал его за собрата-терекеме из соседнего кочевья. Юношей никто особо не интересовался: все были слишком заняты. Чтобы поберечь силы, во время ночных переходов Суджеддин украдкой забирался на спину какому-нибудь из вьючных животных. Иногда вдоль дороги можно было видеть милиционеров-конников с винтовками за плечами и с пистолетами в висячих кобурах. Кочевой скот нередко вытаптывал посевы на примыкавших к тропе полях, и конный патруль призван был не допустить стычек между терекеме и охраняющими свои посевы земледельцами. Раз двое милиционеров, принявших Суджеддина за кочевщика, почтительно с ним поздоровались. Тот же, спокойно ответив на их приветствие, сейчас же пустил коня рысью, как будто спеша в голову каравана. "Вот и ещё одной опасности избег!" - подумал он.

Уже смеркалось, когда кочевье подступило к просёлку, тянущемуся вдоль посевных угодий Галачи. Проскользнув сквозь очередной затор на дороге, Суджеддин спешился и, будто бы желая напиться из ручья, спустился в заросший кустами

овраг, находившийся слева от тропы. Сызмала знакомые места теперь казались ему чужими. Горы, утёсы - всё вроде было прежним, всё пребывало на привычных своих местах, не было на этой земле только дорогих сердцу юноши Джахангира и Зохры, а ещё - Багира-киши. Суджеддин оглядывал родные пейзажи и всё глубже погружался в печаль. Наконец, решив не тратить времени даром, он отправился по крутым склонам взгорья к месту, где некогда припрятал трёхлинейку его отец.

Ни один из голышей, под которыми она лежала, не был потревожен. Суджеддин разобрал каменную насыпь и извлёк винтовку из тайника. "Век хранится - однажды пригодится", - вспомнил Суджеддин присказку своего отца. Юноша внимательно осмотрел приклад, затвор и дуло - всё выглядело исправным, разве что на спусковом крючке и вокруг мушки появилось немного ржавчины. Зарядив винтовку, Суджеддин сунул горсть патронов себе в карман. Вслед за тем он навестил туннель, через который проходил старый арык. Вспомнив свой поединок с рысью, юноша почувствовал, как на голове у него зашевелились волосы. Далее память отнесла его к счастливым мгновениям, пережитым им здесь вместе с бывшей его возлюбленной. И тут сердце юноши вдруг преисполнилось ненависти и гнева. Вскинув винтовку на плечо, Суджеддин в задумчивости заковылял к деревне.

С одного из холмов он окинул взором Галачу. Деревня спала. Лишь в двух-трёх домах слабо

светились окна. "Всё тихо, меня никто не заметит", - подумал парень и, передёрнув затвор винтовки, спустился в близоколичный буерак. Уловившая внезапный металлический лязг, чья-то чуткая собака тотчас зашлась в лае. Чтобы долее не привлекать её внимания, Суджеддин быстро покинул овраг и, держась обсаженной деревьями обочины улицы, прокрался к своему дому. Перепрыгнув через плетень на задворке, он опасливо вступил во двор. Против ожидания юноши, его не встретил голос Гарабаша. "Наверное, издох бедняга, иначе бы давно уж залился на всю округу, - огорчённо заключил Суджеддин. - Жаль, славный был пёс!.."

Дверь в дом была заперта изнутри. Суджеддин подошёл к одному из окон и тихо позвал:

- Новресте! Новресте!

Бдительные соседские гуси тотчас отреагировали на этот оклик, обеспокоенно загалдев.

Новресте едва-едва стала забирать дрёма, а потому она сейчас же расслышала шум за окном. Встревоженная, она вскочила с постели и, выбежав на веранду с зажжённой керосиновой лампой в руке, застала там брата. Дружно всхлипнув, они обнялись и с поспешностью удалились в самую дальнюю из комнат. Новресте всё не могла поверить, что этот, неожиданно вынырнувший из мрака человек - её Суджеддин. Тот же, как умел, пытался её успокоить.

Долго проговорили брат с сестрой. Новресте совсем спала с тела, став похожа на щепку. Повреждённым глазом она почти не видела. Девушка тщи-

лась взять в толк, как могло случиться, что брат её вдруг оказался дома, подле неё…

- Есть ли вести от Таджеддина? - как бы между делом спросил Суджеддин.

Помявшись, Новресте склонила голову набок.

- Не знаю. Честно говоря, я уже несколько лет как у них не бываю, а потому и ответить тебе мне нечего. В позапрошлом году от кого-то я слыхала, будто стал он нефтяником и направлен был на работу в море. Дескать, случился сильный шторм, и вместе с плавбазой потонули все, кто на ней находился, в том числе и Таджеддин. Тел их, как говорят, так и не нашли. Отца нет, брата - тоже, ничто теперь не мешает мамочке с дочкой услаждаться обществом их обожаемого Бахаддина! Много ли кому дела до без вести пропавшего!

Страшная эта новость потрясла юношу. После продолжительного молчания он вновь обратился к сестре:

- Новресте, скажи честно - то, что ты написала мне о Минае с Бахаддином, всё это правда?

- Зачем ты спрашиваешь? Разве ж я когда-нибудь тебя обманывала? Да о них вся деревня судачит. Бахаддин торчит там дни напролёт, а кое-кто из наших соседей и родственников даже утверждает, что, бывает, и ночует у своей суженой. До годовщины дядюшки Багира совсем уж немного осталось, так что через месяц-другой, глядишь, и свадьбу сыграют. - Устремив взор к Суджеддину,

она попыталась утешить его: - Да ну их, брат! Стоит ли переживать из-за какой-то дряни?! У нас и без того горестей хватает.

- А как учительница Наталья? - поинтересовался Суджеддин.

- Даром что чужая кровь, - отозвалась Новресте, - она изрядно мне помогла. Вышла в позапрошлом году замуж за нашего парня. Работает он, как бишь то, в военкомате, что ли, ну, словом в учреждении, что воинским призывом ведает. Сказывают, живут хорошо. Она и теперь меня не забывает. Подарок иной раз пришлёт. Спасибо ей, другие из тех, о ком отец наш некогда также пёкся, вниманием своим не шибко меня баловали. - И Новресте умолкла.

В комнате, освещённой керосиновой лампой с надтреснувшим стеклянным колпаком, повисло гнетущее молчание. Суджеддин смотрел в окно. У низко опустившей голову Новресте текли по блёклым щекам слёзы.

- Не плачь, - промолвил Суджеддин. - Ведь я вернулся и, слава Аллаху, жив-здоров. Вот помру, тогда и рыдать будет впору.

Слова брата заставили Новресте взять себя в руки и унять слёзы. Глядя в бледное лицо сестры, Суджеддин произнёс:

- Послушай меня. Я воротился и хочу, чтобы между нами и сыном Бесштанника Гасыма, Спесивцем Сафтаром, установился мир. Следует забыть старые обиды. Да и, как ни крути, в деревне он главный. Мне нужно встретиться с ним и побеседовать

с глазу на глаз. Если договоримся - я останусь здесь, и уж худо-бедно, но жизнь свою мы обустроим. Если ж нет - я пойму, что Сафтар не желает мира, то оставаться здесь будет нам не с руки. Так что соберём мы с тобой наши пожитки да и укатим куда подальше. Поэтому, пока не встречусь я с сыном Бесштанника, никто не должен знать, что я в деревне. Тебе ясно?

- Ясно, брат, - ответила Новресте. - Я всё поняла, ты прав. Последнее время он вконец обнаглел, напрочь совесть потерял. Как орденом его наградили - самого Бога ни во что ставит. Всех поучает, всем затыкает рты. Чем дальше от него мы станем держаться, тем для нас же будет лучше. Всё голова целее. Как там ни ряди, а с Сафтаром нам не совладать.

- Вот потому-то и надлежит тебе день-деньской находиться вблизи правления. Выясни, куда ходит Сафтар, с кем бывает. Знай я наверное, когда подастся он за пределы деревни, уж я бы постарался увидеться с ним без свидетелей. - И Суджеддин опрокинул себе на голову медный ковш с водой.

…Трое суток провёл юноша в бездействии. Наконец он был оповещён о том, что ранним утром следующего дня, то есть в пятницу, Сафтару предстоит поездка в райцентр. В полночь, сразу же по получении данного известия, Суджеддин покинул деревню и устроился в засаде, в качестве каковой заведомо присмотрел для себя устрашающего вида ущелье верстах в четырех-пяти от Галачи. Верх ущелья укрывал густой лес, а дно - было сплошь

забрано кустами ежевики.

Потемну, кроме разве что ночного небосвода, здесь решительно ничего нельзя было углядеть. Суджеддин прятался за белой скалой, что стояла у края тянувшейся вдоль всего каньона узкой тропы. Стало светать, однако до появления солнца было ещё далеко. Неожиданно слух юноши уловил перестук копыт, а чуть спустя - напев герайлы*. Бормоча что-то нечленораздельное, сжав в ладони витую, с белой костяной рукояткой плеть, Сафтар покачивался в такт поступи медленно бредущего своего иноходца. Заняв удобную позицию, Суджеддин изготовился к броску, и, когда сын Бесштанника Гасыма с ним поравнялся, спрыгнул на круп Сафтарова коня. От ужаса глаза у председателя полезли из орбит, он зарычал как раненый зверь, изо всех сил пытаясь высвободиться из объятий невидимого врага. Однако Суджеддин держал его мёртвой хваткой. Испуганное животное уже было понесло, но, сумевший выхватить уздечку из рук Сафтара, Суджеддин резким натяжением её осадил коня, левой ладонью зажав председателю рот. Сафтар походил на зайца, угодившего в когти орлу. Безуспешно пытался он оглянуться, чтобы узнать, кто на него напал. Между тем Суджеддин направил коня в глубь леса; и вскоре уже все трое отдалились от тропы на расстояние выстрела. В лесной чаще, посреди острых валунов, юноша остановил лошадь и, одновременно с Сафтаром, соскользнул на землю. Увидев, наконец, своего неп-

* Народная поэтико-музыкальная форма.

риятеля, сын Бесштанника жалобно залепетал:

- Суджеддин? Очень хорошо, что ты вернулся! А я было на другого подумал. - Показывая, будто он чрезвычайно рад Суджеддину, Сафтар даже обнаружил намерение обнять его.

- Не болтай глупости! - отрезал юноша. - Какой я тебе Суджеддин? Тот Суджеддин, которого ты имеешь в виду, - в Сибири! Моё же имя - Азраил! Слышишь: Азраил! Верно, с перепугу у тебя в голове помутилось, и ты впал в бред! Оттого-то и мнюсь я тебе Суджеддином. - И он зашёлся в безумном хохоте.

Упоминание об Азраиле повергло Сафтара в замешательство, ему и впрямь стало казаться, будто перед ним никакой не Суджеддин, а самый что ни на есть подлинный Ангел смерти. У Сафтара отнялся язык, он не умел вымолвить ни слова. Задрожав как в лихорадке, он внезапно потерял сознание.

Суджеддин не спеша привязал коня к ближайшему дереву, после чего бечевой перетянул Сафтару руки и ноги. Отложив в сторону трёхлинейку, юноша достал из кармана платок, которым промокнул обильный пот у себя на лице. Придя через несколько минут в себя, Сафтар широко раскрыл глаза. Исполненным мольбой взглядом вперился он в суровое лицо Суджеддина. Председатель раскрыл было рот, намереваясь что-то сказать, но Суджеддин резко его осёк:

- Ты уже сделал всё, что мог, и выговорил мне всё, что имел! Слово теперь - за мной! Итак, Спе-

сивец Сафтар, сын Бесштанника Гасыма, - с расстановкой произнёс юноша, - скажи-ка сперва - хорошо ли ты меня разглядел?!

- Х-хорошо. Ты - Суджеддин, сын Джахангира, - заикаясь, пробормотал Сафтар.

Юноша с гадливостью глянул на побурелое лицо председателя.

- Ошибаешься, сын Бесштанника Гасыма! Ранее я уже называл себя: имя моё - Азраил… Аз-ра-ил! Просто явился я к тебе в облике Суджеддина. Ведь это по твоей милости был сослан в Сибирь Джахангир, а следом за ним и сын его, Суджеддин! Так что незачем придуриваться - как бы мог Суджеддин здесь оказаться?! Заблуждаешься ты, сын Бесштанника Гасыма, - я Азраил, Азраил! И послал меня сам Аллах, чтобы дознался я у одной из Его тварей, почто мучает она себе подобных. Аллахом провозглашено, что создал Он человеков исключительно для добрых дел. Однако некоторые из чад Всевышнего сбиваются с предуказанного им пути, отринув Его заповеди. И вот теперь, в канун Страшного суда, я спрашиваю тебя: в чём состояла провинность Джахангира?! Как дерзнул покуситься ты на Ганиру, дочь Гаджи Садыга, заставив беспомощных стариков обливаться по ней слезами?! И как не убоялся ты проклятий бессловесного животного, избитого тобой на мельнице и доведённого до смерти?! Ах, Спе-си-вец Саф-тар, сын Бес-штанника Га-сы-ма! И за эти-то заслуги наградили тебя орденом?! Так вот же, посланник Аллаха, я пришёл сюда, чтобы воздать тебе за твои деяния. Разумеется, и ты - творение Господа, но только - сбившееся с праведной стези, возгордившееся и през-

ревшее Создателя! Сын Бесштанника Гасыма, ты - не человек, ты - мерзость, от которой людям один лишь урон! И прибыл я сюда, чтобы мерзость эту истребить! Так-то, сын Бес-штан-ника Га-сы-ма! Но погибнешь ты не от этого ружья, я задушу тебя собственными руками. Ибо сердце моё не успокоится, пока не прикоснусь я к холодному твоему трупу. Я мог бы уничтожить тебя и в деревне, но в этом случае ты был бы предан погребению. Между тем священной нашей матери-земле противно принимать в своё лоно гнусных подонков вроде тебя. А посему быть похороненным в ней - благодетельнице людской, для тебя незаслуженная честь! И, дабы не были осквернены твоим нечестивым прахом святые её недра, я принуждён казнить тебя здесь, на этом самом месте! - Суджеддин ударил ногой в землю. - Тело твоё достанется насекомым, стервятникам и хищным зверям, сын Бес-штанника Га-сы-ма! Я знаю - тебя повсюду возносят до небес, а поскольку ты всего лишь обыкновенный тупой корыстолюбец, то непомерные восхваления уверили тебя в том, что ты и впрямь величайший из великих и мудрейший из мудрых, что ты кладезь познаний и личность воистину выдающаяся! Ха-ха-ха! - Дробясь о скалы, едкий смех Суджеддина разнёсся по лесу.

Сын Бесштанника Гасыма, Спесивец Сафтар, точно лишился языка и был совершенно потерян. Теперь уж он и сам толком не знал, кто доподлинно перед ним - Суджеддин или же и вправду Азраил. Причём в большей степени он склонен был полагать, что видит именно Азраила. Тщетно силился сказать он хоть слово в собственное оправдание,

испросив пощады у принявшего обличие Суджеддина "Ангела смерти". Постепенно Сафтар осознал неотвратимость ожидающего его возмездия, страх перед которым в конечном счёте и свершил над ним смертный приговор. Внезапно полные покорности и раскаяния глаза председателя застыли в неподвижности, уставившиеся в одну точку. Сердце, истерзанное прегрешениями своего обладателя, судорожно дёрнулось и остановилось навеки. Теперь неколебимый, посверкивал орден на Сафтаровой, бездыханной, груди. Казалось, символ могущества председателя, наградной этот знак смерть постигла даже раньше, чем его владельца…

Отвязав коня, Суджеддин перебросил повод ему за гриву и отпустил животное на волю. Тотчас почуявший свободу, иноходец бодро вскинул голову и умчал вдаль...

В лесу Суджеддин оставался до наступления темноты. Улегшись под отцветшим недавно кизилом, он устроил себе изголовье из палой листвы и довольно долго провёл в дрёме. Поздней ночью скрытно воротился он в деревню. Новрсте ждала брата на веранде. Появление Суджеддина встретила она с нескрываемой радостью и, когда прошли они в дом, спросила:

- Тебе удалось встретиться с Сафтаром?

- Да, - усталым тоном ответил Суджеддин.

- И что он сказал?

- Мы славно поговорили и отлично друг друга поняли. - Видя, однако, что Новрсте не удовлетворена столь скудным сообщением, юноша, предвосхитив очередной её вопрос, прибавил: - Это дело устроилось. Отныне Спесивец Сафтар, сын Бес-

штанника Гасыма, более не станет нам досаждать. Взаимной нашей враждебности и неприязни теперь положен конец. Постели мне, я устал и хочу спать. Завтра нужно будет ещё кое-кого навестить. Уходить мне на рассвете…

Суджеддин не хотел ранить душу Новресте рассказом о своей встрече с Сафтаром. Тайну эту он полагал унести с собою в могилу.

* * *

Как ни был юноша утомлён, уснуть он так и не смог. До утра воображал он себе предстоящее свидание с Минаей и злобной её матерью Гызъетер. По временам его брали сомнения: а нужно ли вообще убивать их обеих? Однако вслед за тем Суджеддину сейчас же представлялись воркующие Бахаддин и Миная, и жажда мщения с новой силой охватывала его. На рассвете он встал с постели, умылся и наспех перекусил ломтем хлеба. Потом заглянул к сестре и долго продержал Новресте в своих объятиях, целуя ей щёки и глаза. Девушку растрогало неожиданное поведение брата. Уходя, он сказал:

- Кто знает, что ждёт нас, сестра! Может статься, более мы не свидимся.

Не поняв значения этих слов, Новресте тем не менее была ими ошеломлена. Она снова заплакала. Суджеддин принуждён был к ней вернуться - прижав голову сестры к своей, он вдруг почувствовал у себя в горле ком. Напоследок поцеловав сестру в лоб, Суджеддин, уже безоглядно, поспешил прочь.

Сельское стадо не успело ещё уйти на пастбище.

Суджеддин обогнул усадьбу Багира и с задворка проник в небольшой соседский сад. Этой ночью Бахаддин оставался на подворье у своей невесты. Ещё издали заприметив фигуру Суджеддина, он затрепетал и резво нырнул в травяной стог, что находился в углу сада. Между тем, передёрнув затвор винтовки, ни на мгновение не отводя пальца от курка, Суджеддин ступал по двору усадьбы. Неподалёку, с медной ёмкостью между колен, сидела на корточках Гызъетер - тихо напевая, она доила корову. На шум шагов она обернулась и, увидев Суджеддина, воскликнула:

- Суджеддин?! Дорогой мой, как хорошо, что ты к нам пожаловал…

Выстрел не дал ей закончить фразу - Гызъетер ничком повалилась на землю. Вспугнутая корова убежала на другой конец двора. Пуля, пущенная женщине в спину, прошла тело навылет, пробив медный подойник. Алая кровь, смешавшаяся с белым коровьим молоком, потекла в лунку на середине двора. Вновь передёрнув затвор, Суджеддин глянул в сторону окна Минаиной спальни. В ночной рубашке, с растрёпанными волосами, девушка вдруг выбежала во двор, надеясь найти здесь Бахаддина и призвать его на помощь. Но того нигде не было. "Наверное, чтоб руки у лиходея отсохли, расправился он и с Бахаддином", - пронеслось у неё в голове. Заметив движение Суджеддина, который, с винтовкой наперевес, устремился в её сторону, Миная со всех ног припустилась прочь.

- Не беги! Не беги! Стой, тебе всё равно не спастись! - кричал преследующий её Суджеддин, сверкая пылающими гневом глазами.

Внезапно Миная обернулась к нему и, простерев вперёд руки, покаянно опустилась на колени. Она явно желала что-то сказать, возможно повиниться и попросить о пощаде, готовая теперь ползать в ногах у паренька, которого некогда заверяла в своей любви. Однако Суджеддин сразу пресёк её намерение:

- У тебя более нет права обращаться ко мне, Миная. Не желаю вновь слышать обманные твои речи...

Против девушки стоял не прежний влюблённый юнец, когда-то страстно её ласкавший, но непреклонный, алчущий крови судия. И, поняв бесполезность любых её оправданий, Миная плотно затворила рот.

Между тем Суджеддин продолжал говорить, обращаясь к бывшей своей невесте как к совершенно незнакомой, внушающей одну лишь гадливость, женщине.

- Знай же, не убить тебя пришёл я, а спасти, - сказал он, смерив её тяжёлым мутным взглядом. И прибавил: - Хорошенько припомни, что говорила ты мне при нашем прощании. Разумеется, мне наперёд известно, что, видя в руках у меня смертоносное оружие и уяснив, что именно тебя ждёт, ты, как всегда, примешься лицемерить и изливать ложь. Но только не забудь - тягостный, вымерзлый путь моей любви принёс мне пробуждение. Ныне оторопь пробирает меня при виде пропасти, лежащей между словами твоими и чувствами. Ничто иное как непотребство твоё сделало меня каменносердым, жаждущим крови чудовищем. И в эти минуты, когда глядим мы с тобой друг другу в глаза, себя я

ненавижу даже больше, чем тебя. Ибо нет в мире ничего отвратительней, чем пролитие человеческой крови. Так что теперь уж я более не Суджеддин, которого ты знала, а мерзейший из убийц. "Из отцовского дома у меня есть отныне только две дороги - или в свадебном наряде к порогу твоего дома, или же в саване - на погост. Третьей мне не дано". Слова эти услышал я не из чьих-нибудь, а из твоих уст, Миная! И ради этой вот лжи вверг я себя в волчью пасть сибирской стужи! Стезя добродетели оказалась для тебя слишком трудной, ты заплутала на ней, опрометчиво решив в свадебном наряде войти в дом моего врага. И здесь я для того, чтобы не допустить окончательного твоего падения и помочь исполнить тебе хотя бы вторую часть данного мне обета - в саване отправиться на погост. Не случилось так, пусть будет этак. - И Суджеддин сделал несколько шагов вперёд. - Я отдал тебе всю мою любовь, обратившись в покорного её раба, ты же, святую, её растоптала. И потому с сегодняшнего дня для меня неизбывной мукой станет даже не столько то, что я лишил тебя жизни, сколько воспоминание о погибшей моей любви, пламя которой и по сию пору ещё тлеет в моей душе. От муки этой едва ли излечусь я и в мире теней, куда предстоит мне отправиться сразу вслед за тобой. И не думай, что если не соединились мы на земле, сбудется это на том свете: ты не достойна любви ни в одном из миров!

В воображении Минаи чредой прошли все когда-либо совершённые ею прегрешения. Отповедь бывшего возлюбленного обдала её стужей, подобной той, что приносят с собой в Галачу

горные ветры. Не сводившая с Суджеддина затравленного взгляда, девушка было приоткрыла губы, желая что-то сказать, но как раз тут лязгнул винтовочный затвор… Прогремевший выстрел стал ответом на так и не произнесённые её слова.

* * *

Прогрохотавшие поутру выстрелы разбудили всю Галачу. Однако выйти к вооружённому, с налитыми кровью глазами человеку никто из сельчан не отважился. Нервно озираясь по сторонам, Суджеддин методично отходил к околице, намереваясь убраться из деревни.

- Любовь… я убил любовь! - в исступлении повторял он, грозя незримым врагам занесённой над головой винтовкой. В предупреждение горячечного удара он омыл себе лицо несколькими горстями воды из проточной канавы. Вслед за тем он ногтями изодрал свою грудь.

К нему подступили несколько человек с палками в руках, и, дабы не быть вынужденным применить против них оружие, он острастил нападавших двумя выстрелами в воздух. После этого к Суджеддину более никто уже не приближался.

От деревни до тропы, по которой терекеме гнали скот на летовья, было не больше двух-трёх вёрст, и лишь только милиционеры-конники, наблюдавшие за порядком прохождения кочевья, услышали дальние выстрелы, они тотчас поскакали вниз, к лежащей под взгорьем Галаче.

Сельчане выстроились против Суджеддина стеной, вследствие чего спешившиеся поодаль милиционеры приняли решение подобраться к нему сзади. Родственники убитых полны были желания отомстить за своих близких. Суджеддина обложили со всех сторон. Спасаясь, он, петлял между невысокими валунами, отступая к лесу...

Вскоре из райцентра прислали в Галачу ещё семерых, до зубов вооружённых, милиционеров. На лес обрушен был град пуль, однако - без какого-либо зримого результата. Беглеца стерегли целых два дня, перекрыв все выходы из леса: Суджеддин как в воду канул. Лишь убедившись в полной недейственности всех предпринятых для его поимки мер, милиционеры сняли, наконец, осаду и убрались восвояси. А несколько позднее Суджеддин объявлен был во всесоюзный розыск.

* * *

Со времени описанной выше драмы минуло несколько месяцев. Найден Суджеддин не был. По мнению некоторых, леса он так и не покинул. Однако насчёт дальнейшей судьбы юноши не высказывалось никаких догадок.

…Косогор, очертанием походивший на лошадиную спину, издали напоминал исполинский могильный курган. Солнечный склон "кургана" сплошь укрывал кустарник, теневой - забран был низкорослым, но чрезвычайно плотным лесом. Венчал косогор отвесный утёс, на котором свили себе гнездо орлы. Как раз вблизи его потерян был след Суджеддина, отчего в сознании сельчан место это навеки сделалось овеянным трагической тайной. Каждый четверг приходила сюда Новрсте: го-

рестно плача, подолгу смотрела она с вершины "кургана" на поросший лесом склон, где бесследно сгинул её брат.

Едва ли где-то ещё на земле имеются столь же необъятная могила и столь же впечатляющее надгробие. Возможно, именно потому, что обычное захоронение было бы слишком тесным для человека с его невероятной судьбой, Провидение уготовило Суджеддину такую грандиозную посмертную обитель… Самый величественный в мире мавзолей!..

Гигантский нерукотворный обелиск открытой стороной обращён был на восток - к деревенскому кладбищу, где под каменной плитой лежал прах убиенной Минаи. Проникнутый неизъяснимой печалью, Утёс Суджеддина, словно безмолвный неусыпный страж, охранял покой безвременно опочившей девушки, оказавшейся неверной в любви и так и не познавшей женского счастья.

…Минуло много вёсен и зим, и вот в один из осенних вечеров до слуха Новресте донёсся родной, многие годы не слышанный ею голос - голос отца. "Быть того не может!" - не поверила она собственным ушам, но тем не менее, затеплив лампу, выглянула из окна на двор. Там мелькала некая тень. Кто-то, до крайности сутулый, медленно расхаживал по усадьбе. При лунном свете незнакомец оглянул изветшалый забор и место Гарабаша, после чего приотворил дверь сарая. Вслед за тем подступил к шелковице с обломленной ветвью и внимательно осмотрел покосившиеся подпорки и прогнившие балки веранды, а также стены хлева. В полной растерянности Новресте продолжала наблюдать за "призраком", думая про себя: "Фигурой и

движениями очень напоминает отца. О Аллах, может, это отец и есть?! Грежу ли я или уж безумные видения у меня начались?!" По телу девушки пробежал холодок. Наконец "призрак" заметил Новресте, освещённую слабым огоньком лампы, и тихо обмолвился:

- Новресте, дочка, это ты? Не спишь ещё?

От радости у девушки закружилась голова. То было поистине невероятнейшее из чудес. Отец и дочка крепко обнялись. И так, не размыкая объятий, прошли в дом. Казалось, самые покосившиеся стены дома возликовали при виде хозяина.

Годы заключения внешне не очень изменили Джахангира. И хотя время всё же оставило на его облике свой след, во взгляде старика сохранилась прежняя бодрость. Не зря за Джахангиром издавна закрепилась слава мужичины двужильного. До сего дня ни разу он не болел и знать не знал никаких лекарств. Вот и сибирские тяготы не слишком на нём отразились. Лишь разлука с близкими да тоска по родине чуть поотняли у старика сил.

Джахангир стал допытываться у дочки о том, что происходило дома в его отсутствие. Услышав о судьбе Суджеддина и о горькой участи Багирова семейства, старик помрачнел.

- Ничего не поделаешь, - как бы себе в утешение сказал он и посмотрел на Новресте. - Множество бед и лишений пало на мою голову, дочка. Но будь проклят тот, кто возропщет на Аллаха! Сколько раз умирал я, но с неизменностью вновь возвращался к жизни. Однажды заключённые совершили безрассудство - схватили и разоружили надзирателей, взяв их в заложники. В дело вмешались армейцы,

которые, после долгих переговоров с мятежниками, открыли по ним шквальный огонь. Я хоть и не примкнул к бунтовщикам, но находился в одном с ними бараке, а потому, как и другие осуждённые, от пуль укрыться не мог. Много в тот день полегло народа. Был у меня в лагере задушевный друг - таджик Джалаладдин Мухаммед. Человек верный. Не знаю, что с ним сталось после. Очнулся я в госпитале, с тяжёлым ранением. С Божьей помощью врачи поставили меня на ноги, на что поначалу я и надеяться не смел. А потом в Москве началась свара между высшими начальниками, руководство в государстве сменилось, и нам, наконец, повезло - издали новый закон, по которому большинство политзаключенных выпустили на свободу, и меня в том числе. Был у нас совестливый такой полковник. Выдавая мне документы, он сказал: "Товарищ Джахангир, арестован ты безвинно, ну какой из тебя "политический", а тем паче "враг народа"?!" Я тогда по-русски ответил ему: "Спасибо". - Джахангир замолчал. Не отводя глаз от Новресте, он как будто силился припомнить что-то ещё. - Всё это, дочка, Божье наказание. И Им же, Незримым, был упасён я от гибели. Вне воли Его что могли бы сделать со мной Его рабы?! А потому, как бы трудно мне ни приходилось, ни на миг не терял я моей веры во Всевышнего. Будь иначе, сумел бы разве Джахангир благополучно воротиться аж с другого конца света?!.

Поутру весть о возвращении Упрямца мгновенно облетела деревню. Узнав, что он реабилитирован, с поздравлениями устремились к нему как близкие, так и мало знакомые старику люди. Хождение это продолжалось несколько дней кряду. Вся

Галача полагала себя виновной перед Джахангиром. Те, кто вчера ещё готовы были забыть самое его имя и распространяли о нём порочные слухи, теперь наперебой Упрямца превозносили. Галачинцы наотрыв залучали старика к себе в гости, умерщвляя у ног его жертвенных барашков…

* * *

Упрямец - он упрямец и есть! Не прошло и месяца с его возвращения домой, как Джахангир вновь заговорил о восстановлении арыка Делме, к каковой работе вскорости и приступил. Самым трудной её частью была расчистка туннеля в подножии холма. Однако здесь почти всё уже успел сделать Суджеддин. Несколько месяцев денно и нощно трудился Джахангир киркой, мотыгой и заступом. Ему активно помогали новый галачинский председатель, а также молодежь из рода Забыхлы.

И вот, наконец, случилось всё по слову Джахангирову. Давний обет исполнен был совершенно. По древнему арыку вновь потекла вода. Брошенные людьми иссохшие вековые деревья разом вдруг ожили, зазеленели и стали плодоносить...

Так трудами старого Джахангира возвращён был людям драгоценнейший клад, веками пребывавший втуне в недрах изжаждавшегося, запустелого Джаянского дола...

Подписано в печать: 20.12.2006
Формат 84x108 1/16.
Объем: 29 п.л.
Заказ № 800
Тираж: 500

Издательство ***"Нурлан".***
Директор: ***проф. Н.Мамедли***
Тел: 497-16-32, 850-311-41-89
E-mail: nurlan1959@yahoo.com
Адрес: Баку, Ичеришехер,
3-й Магомаевский переулок 8/4